

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

СТРОЙ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА

В.И. СЕРГЕЕВ

МОРФОЛОГИЯ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА **словоизменение, формоизменение** **и формообразование**

Чебоксары
2017

УДК 811.512.111
ББК 81.2=635.1-2
С 32

*Печатается по решению Ученого совета
Чувашского государственного института гуманитарных наук*

Научный редактор
А.П. Долгова

Рецензенты:

А.М. Иванова, доктор филологических наук,
зав. кафедрой чувашской филологии и культуры
Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова

Л.П. Сергеев, доктор филологических наук,
профессор кафедры чувашского языка и литературы
Чувашского государственного педагогического
университета им. И.Я. Яковлева

Сергеев, В.И.

С 32 **Морфология чувашского языка : словоизменение, формоизменение и формообразование** : монография / В.И. Сергеев; науч. ред. А.П. Долгова. — Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитарн. наук, 2017. — 400 с. — (Строй чувашского языка).
ISBN 978-5-87677-229-9

Монография подготовлена в рамках проекта создания цикла исследований строя чувашского языка и посвящена системе словоизменения, формоизменения и формообразования современного чувашского языка. Основное внимание уделяется выявлению и описанию системы грамматических (морфологических) категориальных и некатегориальных форм практически всех частей речи. Ряд идей, рассматривающихся и обосновывающихся в данном труде, выводит на решение проблем общетюркологического и общелингвистического характера. Книга адресована специалистам-филологам, преподавателям вузов и учителям общеобразовательных школ, студентам.

УДК 811.512.111
ББК 81.2=635.1-2

ISBN 978-5-87677-229-9

© Сергеев В.И., 2017
© Чувашский государственный
институт гуманитарных наук, 2017

ПРЕДИСЛОВИЕ

В последнюю треть XX и начале XXI в. тюркологи (в том числе и чувашеведы) термин «словоизменение» «подменяли» сочетанием «морфологическая структура слова». Понимая, что обе эти темы важные и нужные, тем не менее тюркологи не считали их проблемными. Проблема морфологической структуры слова занимает одно из центральных мест в общей и частной грамматической теории, но подробно не изучена, обычно данные темы рассматриваются в соответствующих разделах морфемики и морфологии.

Вопрос о морфологическом строении слова в тюркских языках был поставлен В.В. Радловым в начале XX в. [200]. Со дня выхода его книги прошло полвека, и только в 1964 г. появились специальные исследования. Среди них диссертации С.У. Усманова «Морфологические особенности слова в современном узбекском языке» [174] и А.И. Искакова «Морфологическая структура слова и именные части речи в современном казахском языке» [87]. Морфологическое строение слова стало объектом анализа в статьях Н.А. Баскакова [31], А.М. Щербака [192], Э.В. Севорьяна [147]. Эти авторы старались ответить на следующие вопросы: 1) что входит в морфологическое строение слова; 2) соотношение структурных частей слова; 3) морфологическая структура слова и его морфемный состав; 4) морфологическое строение слова и части речи; 5) морфосемантическое строение слова и последовательность морфем; 6) связь фонетического строения слова с его морфологическим строением (вопросы фонеморфологии); 7) парадигматический облик слова и его синтагматическая позиция; 8) морфологическое строение слова в статике и динамике, т.е. в языке и речи; 9) морфологическое строение слова в синхроническом и диахроническом плане [147, с. 133].

Обратим внимание на первый вопрос: что входит в морфологическое строение слова или грамматический строй языка? По сей день он ждет конкретного ответа. А.М. Щербак через двадцать лет вернулся к этой проблеме, желая рассмотреть её под другим углом зрения, поставил конкретную задачу:

«Последовательность морфем в словоформе как предмет специального лингвистического исследования», но и здесь нет конкретного ответа, хотя автор понимает, что в агглютинативных языках «элементарная единица плана выражения более или менее строго соотносена с элементарной единицей плана содержания» [192, с. 39].

Последовательность аффиксальных морфем (морфотактика) в тюркологии (тем более в чувашеведении) основательно не изучена. Возьмем, например, аффиксы категории выделения *-и*, *-скер*.

Особый интерес вызывает формант *-и* как показатель выделения, который отличается своей универсальностью. В других тюркских языках такой категории нет. Для прилагательных это словоизменительный категориальный аффикс выделительности: *аслă* «старший» — *асли* «тот, кто старший»; *хитре* «красивый» — *хитри* «то, что красиво». После словоизменительного аффикса *-и* могут быть аффиксы всех падежей и множественного числа *-сем* (эти формы сами склоняются) + аффикс категории усиления *-ах* (*-ех*, *-х*) + формант прошедшего времени *-чĕ*: *хитр-и-сем-ех-чĕ* «то, что было на самом деле красиво».

Аффикс *-и* может присоединиться к показателю компаратива на *-рах* (*-рех*): *ăслăрах(х)-и* «тот, кто поумнее», и процесс агглютинации повторяется, как и в первом случае.

Примеры многоступенчатой агглютинации: *ăсл-и-сем-ех-чĕ* «те же, кто был умным», *ăслăрахскерсемехчĕ* «те, кто был умнее». Этот процесс многоступенчатой агглютинации может повториться с существительными, в которых *-и* присоединяется к алломорфу местного падежа *-т*, *-р*, *-ч*: *ялта* «в деревне» — *ял-т-и* «тот, кто в деревне», *шывра* «в воде» — *шыв-р-и* «тот, кто в воде», «водяной», *килĕнче* «дома» — *килĕн-ч-и* «тот, кто дома» + аффиксы всех падежей + аффикс категории усиления *-ах* (*-ех*) + аффикс прошедшего времени *-чĕ* (например, *килĕнчипехчĕ* «с тем же, кто был дома»).

Многоступенчатой агглютинации подвергаются:

а) числительные: *аллă-р-и* «тот, кому пятьдесят (лет)», *вăтăр-т-и* «тот, кому тридцать (лет)», *аллă-р-и-сем-ех-чĕ* «те, кому действительно было пятьдесят (лет)»;

б) местоимения: *манăнн-и* «то, что принадлежит мне», *санăнн-и* «то, что принадлежит тебе»; *ни-р-ĕн(н)-и-сем-ех-чĕ* «те, что действительно было нашим»;

в) причастия прошедшего времени: *вула-н-и* «то, что прочитано», *вула-н-и-сем-ех-чѣ* «те, что действительно нами было прочитано»;

г) причастия будущего времени: *пул-асс-и* «то, что будет», *пурѣн-асс-и-сем-ех-чѣ*, *пурѣн-ас-скер-сем-ех-чѣ* «те, кому действительно было жить да жить»;

д) инфинитивы: *вула-ма-лл-и*, *вула-ма-лл-и-сем-ех-чѣ* «то, что действительно нужно было читать», *кай-ма-лл-и* «то, что предстоит пройти, проехать»;

е) некоторые послелогии: *пекк-и*, *евѣрл-и* «тот, кто подобен; то, что подобно», (*сан*) *пекк-и-сем-ех-чѣ*, (*сан*) *евѣрл-и-сем-ех-чѣ* «те, кто действительно подобен (тебе)».

Во всех этих примерах речь идет о последовательности морфем в словоформах, т.е. о том, что является предметом специального лингвистического исследования (как об этом пишет А.М. Щербак). В более широком плане этот вопрос рассматривается как позиционная характеристика морфем в грамматике порядков, которой посвящена статья И.И. Ревзина и Г.Д. Юлдашевой [137].

По мнению В.Б. Касевича, «грамматика порядков представляет словоформу как упорядоченный набор морфем, где корню обычно приписывают так называемый нулевой порядок (т.е. корень, позиция корня выступают точкой отсчёта), а всем остальным — те позиционные ранги, или порядки, которые определяются степенью их линейной удаленности от корня. Существенно, что порядок морфемы — это номер той её позиции, которую морфема занимает в словоформе максимально возможного состава. Все остальные позиции именуется “квазипорядками”, поэтому собственный порядок морфемы определяется как “максимальный квазипорядок”» [91, с. 157].

Автор приводит такой пример: в азербайджанском языке в словах *балан* «твой ребёнок», *балалар* «дети», *балаја* «ребенку» аффиксы (квазиаффиксы) *-н*, *-лар*, *-ја* занимают одну и ту же позицию — сразу после корня. Однако это их квазипорядок. Порядок *-н* должен оцениваться как +2, *-лар* — как +1, а *-ја* — как +3, поскольку при одновременном наличии всех трёх они располагаются именно в такой последовательности: *балаларына* «твоим детям» (где *-ын* вариант *-н*). Чувашский аналог: *ач-у-се-н-е* «твоим детям» и *ача-се-н-е* «детям», где мы наблюдаем

«подпорядок» расположения морфем. Ср.: азерб. *бала-лар-ын-а* «твоим детям», чув. *ач-у-се-н-е* «твоим детям». В данном случае «суперпорядок» для двух языковых данных нарушается.

Критикуя И.И. Ревзина и Г.Д. Юлдашеву, посвятивших свою статью грамматике порядков, В.Б. Касевич пишет: «Особые грани при использовании грамматики порядков приобретает проблема нулевых показателей. Например, для узбекской словоформы *ёз* «пиши» устанавливают структуру $\dot{e}z + \emptyset_1 + \emptyset_2 + \emptyset_3 + \emptyset_4 + \emptyset_{5.12} + \emptyset_{6.5a} + \emptyset_7$, где нули имеют следующие значения: \emptyset_1 — неинтенсивность (немногочисленность), \emptyset_2 — невозвратность, \emptyset_3 — неказутивность, несовместимость, неактивность, \emptyset_4 — неотрицательность, $\emptyset_{5.12}$ — повелительность, $\emptyset_{6.5a}$ — 2-е л. ед. ч., \emptyset_7 — невопросительность. <...> В узбекской словоформе *ёз* «пиши» только один нуль, указующий на императив 2-го л. ед. ч.» [91, с. 158—159].

Эта же тема затронута в учебном пособии Л.П. Сергеева «Чăваш аффиксологийĕ» (Чувашская аффиксология) [153, с. 61—111].

В названных работах речь идет о словоизменении и формоизменении, иными словами — о словоизменительных и формоизменительных морфемах в тюркских языках. Но никто из авторов не дает определения терминам «словоизменение» и «словоизменительная морфема». Нет внятного толкования этих понятий и в словарях лингвистических терминов. По непонятным причинам «словоизменение» приравнивается к «формообразованию» [142, с. 303].

Определение термина «словоизменительная морфема» мы находим в работе Л.С. Бархударова «Очерки по морфологии современного английского языка»: «Словоизменительными (inflectional) называются морфемы, используемые как средство построения из слов речевых произведений, т.е. являющиеся показателями грамматических отношений между словами» [27, с. 27].

Во «Введении» книги «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: морфология» написано: «Аффиксальные морфемы по функции и назначению делятся на словообразовательные, формообразующие и словоизменительные. Аффиксы словоизменения и формообразования в сочетании с основой образуют словоформу, которая входит в парадигматический ряд...» [164, с. 5].

Вышеназванные понятия «позиционная характеристика морфем», «последовательность морфем», «морфологическая структура», «строение слова» можно объединить в рубрики «Морфемотактика (морфемотагмемика)» или «Лексемотактика (лексемотагмемика)», входящие в более широкий раздел под названием «Лингвотактика (лингвотагмемика)».

Предметом исследования в данной работе является морфологический строй, морфологическая структура и морфологическая система чувашского языка. Морфологический строй — способ выражения грамматических отношений между морфемами как синтетическая характеристика языка. Морфологическая структура (лат. *structura* «строение, взаиморасположение») — строение морфологических единиц, совокупность связей между элементами системы. Морфологическая система (греч. *systema* «целое, составленное из частей») — совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных морфем языка; объединение некоторого разнообразия морфем как бы в единое и чётко расчленённое целое, элементы (морфемы) которого по отношению к целому и другим частям занимают соответствующие им места.

Раздел I
ТЕОРИИ И ТЕРМИНОЛОГИЯ
МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ЯЗЫКА

Введение в теорию агглютинации и лингвотактику

Термин «агглютинация» в словарях лингвистических терминов толкуется однобоко, с учетом грамматики индоевропейских языков, и противопоставляется «фузии»: агглютинация — образование форм слов посредством механического (машинального, непроизвольного, бессознательного, сознательно нерегулируемого) присоединения к неизменяемым основам или корням стандартных аффиксов [165, с. 21]. Агглютинация не есть хаотичное присоединение аффиксов: не только в словоизменении, но и в формоизменении и формообразовании аффиксы вписываются в рамки теории агглютинации и функционируют, основываясь на законах грамматики порядков. Нельзя не согласиться и с положением, что «каждый аффикс при этом выражает только одно грамматическое значение», но раньше твердили, что аффиксы категории принадлежности выражают значение и лица, и числа.

До сих пор агглютинация как грамматическое явление не рассматривалась с точки зрения теории, а на самом деле это действительно теория для агглютинативных (тюркских, финно-угорских, монгольских, японского и других) языков.

Что же значит «теория агглютинации»? Теория — это система основных идей в той или иной отрасли знания. Агглютинация — образование грамматических форм путем последовательного присоединения к корню или основе слова грамматически однозначных аффиксов, при котором в большинстве случаев границы морфов остаются отчётливыми.

Агглютинативная теория (не надо путать с теорией агглютинации) — гипотеза о происхождении флективных форм в индоевропейских языках [100, с. 16—17] — порождает закон грамматики порядков (т.е. позиционную характеристику морфем словоизменения) или закон последовательности морфем в словоформах; разработка грамматики порядков в тюркских (вообще в агглютинативных языках) находится пока на зачаточном уровне.

В труде «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: морфология» кратко сказано: «Соединение аффиксов с основой в тюркских языках происходит путем агглютинации. Сущность этого способа связи морфем заключается в относительно полном соответствии числа морфем числу граммем, вследствие этого оформление слова происходит посредством последовательного наращивания аффиксов (цепочка аффиксов). Порядок следования аффиксов детерминирован их значением: аффиксы общего значения обычно предшествуют аффиксам более узкого значения... место каждого аффикса определяется его рангом: аффиксы подчинены ранговой иерархии» [164, с. 6]. Что означают термины «аффиксы общего значения» и «аффиксы более узкого значения»? Объяснение отсутствует.

В тюркских языках происходит совмещение двух или трёх аффиксов одного и того же ранга, главным образом падежных, что ведет к двойному или тройному склонению.

При описании закона грамматики порядков чувашского языка, т.е. теории агглютинации, языковеды обходят стороной вопрос о категории выделения на *-и*, *-скер*, которая, как выясняется, является основой теории агглютинации в чувашском языке. Тюркологи, по незнанию материала чувашского языка, умалчивают о существовании такой категории в чувашском языке. Словоизменительная и формоизменительная морфология чувашского языка при описании морфологического строя языка не может обойтись без всеобъемлющей теории категории выделения на *-и*, *-скер*, которая пронизывает все знаменательные части речи, а также послелогии.

Из тюркологов к разработке теории агглютинации был близок А.М. Щербак. Он частично прав в том отношении, что структура слова в тюркских языках прозрачна. Слова, имеющие подвижную морфологическую структуру, состоят из двух элементов: корня (основы) и аффикса или совокупности аффиксов.

Автор подчеркивает, что «аффикс моносемантичен, т.е. передаёт одно значение, вследствие чего количество грамматических показателей соответствует количеству грамматических значений» [190, с. 21], но на странице 24 указывает, что в глагольной словоформе *jaz-dip-a-ma-dï-m* «я не мог заставить писать» *-m* — аффиксальная морфема лица и числа. Получается, аффикс *-m* не моносемантичен, а бисемантичен. Но это

не только мнение А.М. Щербака, составители словарей лингвистических терминов также утверждают: агглютинация — механическое присоединение однозначных стандартных аффиксов к неизменяемым основам или корням [19, с. 31; 165, с. 12]. Естественно, сочетание «механическое (автоматическое) присоединение» тоже не конкретизирует понятие агглютинации.

Выражения «неизменяемая основа» или «корень» также не соответствуют истине. В чувашском языке некоторые словоформы глагола *пиç* «вариться» образуются от фонетического варианта *пёç*, а глагола *вил* — от *вёл*; здесь наблюдается внутренняя флексия (флексия основы): *пиç*: *пиçнĕ* «сварилось» — *пёçерчĕ* «сварил», ср.: *вил* «умереть» — *вёлерчĕ* «убил», *кур* «видеть» — *кăртарт* (от *кур-тар-т*) «показывать»; от слова *çук* «нет» получается *сухал* «исчезнуть».

По мнению А.М. Щербака, «принципиальное значение имеет вопрос о возможности совмещения в одном парадигматическом ряду двух или трёх падежных аффиксов» (речь идет о двойном или тройном склонении). Приводя пример (др.-тюрк. *сэниң атиң* «твоя лошадь»), автор утверждает, что *-ниң* как показатель родительного падежа утратил собственное (падежное) значение [190, с. 25], что в корне неверно.

В чувашском языкознании при склонении форм множественного числа на *-сем* в притяжательном (*ача-сен*), дательном (*ача-сен-е*), местном (*ача-сен-че*), исходном (*ача-сен-чен*) падежах в аффиксе *-сен* чувашеведы видят древний вариант морфемы *-сем* в форме *-сен*, на самом же деле здесь присутствуют показатель множественного числа *-се-* и аффикс притяжательного падежа *-н*.

Перейдем к лингвотактике (лат. *lingua* «язык» + тактика). «Тактика» преподносится словарями как военный термин наравне со «стратегией» (греч. *taktika* «искусство построения войск» < *tassō* «строю войска»): 1) составная часть военного искусства, включающая теорию и практику подготовки и ведения боя; 2) приемы и способы достижения какой-либо цели, линия поведения кого-либо [158, с. 629].

Как лингвистический термин «тактика» (англ. *tactics*) фигурирует лишь в «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой: «1. Значащее расположение элементов высказывания, определяемое как совокупность тагмем. 2. Раздел грамматики,

занимающийся описанием сочетаемости грамматических единиц языка». В первом значении дано словосочетание «совокупность тагмем»; тагмема, по О.С. Ахмановой, — «мельчайшая (минимальная) единица грамматического членения речи на уровне предложения; единица морфосинтаксической организации речи»; а тагмемика — «раздел грамматики, занимающийся описанием тагмем данного языка» [19, с. 467]. Автор удовлетворился кратким определением термина «тагмемика», между тем его следует понимать шире. Тагмемика (греч. *tágma* «ряд, порядок, строй») — концепция грамматического описания единиц языка, предложенная в 1950—1960 гг. К.Л. Пайком и его учениками (главным образом в США). Одни и те же единицы языка, по мнению Пайка, должны рассматриваться во множественной перспективе — одновременно в разных аспектах («перспективах»), как заполняющие определенную позицию («прорезь») в тексте и поведении человека вообще; как член какого-либо класса, как функционирующие в определенной роли в предложении или в тексте, как связанные с другими элементами текста [199, с. 158]. Единицы языка: 1) речевые (звук, фонема, слог, фонетическое слово, речевой такт, фраза); 2) морфологические (морфема, слово); 3) синтаксические (словосочетание, предложение). Одни и те же языковые единицы могут изучаться в различных разделах лингвистики. Слово в лексикологии изучается с точки зрения семантики, т.е. плана содержания языковой единицы, происхождения, сферы применения, коннотативной окраски системных отношений (синонимии, антонимии, омонимии, паронимии); в морфемике слово исследуется с точки зрения его морфемного состава; в фонетике — с точки зрения звукового состава; в синтаксисе — выполняемой синтаксической функцией.

Единица языка — отдельная, относительно самостоятельная единица в числе языковых единиц (фонетических, лексических, морфологических, синтаксических), но и единица речи, т.е. единица языка в его применении (в высказывании, реплике, диалоге, речевом акте как фигуре речи), а также единица текста, т.е. речевого произношения (ключевое слово, текстовый фрагмент, композиционная часть, категории текстового времени и пространства). Набор этих «перспектив» для каждой единицы называется тагмемой. Единицы языка рассматриваются в одном ряду с единицами поведения — бихевиорами

(англ. behavior «поведение»). В основу бихевиоризма положен принцип поведения человека как совокупности реакций организма на стимул внешней среды. В теории бихевиоризма язык трактуется как вербальная (и эмоциональная) реакция субъекта на высказывание другого субъекта. В теории бихевиоризма (и в бихевиоризме в целом) введено терминологическое противопоставление эмических (ср.: фонемика) и этических (ср.: фонетика) единиц. Фонемика — подраздел фонологии, объектом исследования которого является теория фонем и их описание; фонетика — раздел языкознания, изучающий звуковой строй языка (звуки речи, правила их сочетаемости в слове и потоке речи, звуковые законы, позиционные и исторические чередования, а также ударение и интонация). Фонология, или фонематология, — раздел языкознания, изучающий звуковую систему языка с функциональной точки зрения.

В тагемике отсутствует последовательный формальный аппарат, позволяющий предсказывать возможность или невозможность наличия конкретных новых единиц языка [100, с. 502].

Исходя из вышесказанного термин «лингвотактика» должен быть интерпретирован шире и глубже того, что сказано О.С. Ахмановой. Описать лингвотактику нужно в следующих разделах: 1) а) звуко- или фонотактика, б) морфо- или морфемотактика, 2) словотактика, 3) семотактика, 4) лексемотактика, 5) дериватотактика, 6) синтагмотактика, 7) фраземотактика, 8) паремиотактика, 9) афоризмотактика.

Сложность феномена лингвотактики заключается в систематизации, классификации языковых единиц, предполагающая иерархию категорий (таксонов) от низшей к высшей (от фонемы до текста), от вида к роду или от рода к виду (гипонимические отношения), т.е. таксономию (классификацию и систематизацию сложноорганизованных единиц лингвистики, имеющих обычно иерархическое строение). Лингвотактика (также лингвотагмемика) характеризуется многоаспектностью подходов к изучению ее сущности, механизмов формирования языковых единиц и их функций. Лингвотактика зиждется на лингвотагмемике (также на лингвосинтагматике) — одном из способов всестороннего, разноаспектного описания языковых единиц от низшей до высшей. Лингвотактика как раздел лингвистики изучает формальные и содержательные отношения между знаками, элементами языка.

Цель лингвотактики — изучение элементов высказывания и выявление расположения единиц в линейной последовательности: слова в пределах фразы или речевого такта, морфемы в составе слова и словоформ, звуки (фонемы), взятые изолированно или в пределах морфем, слов, и их содержательный анализ.

Морфотактика, морфемотактика. Последовательность морфем в словоформе и грамматике порядков

На возможность различных (иногда прямо противоположных) интерпретаций одной и той же совокупности языковых (в частности, морфологических, а именно словоизменительных) явлений давно обратили внимание лингвисты. С ситуацией неединственности (множественности) истолкований одних и тех же фактов словоизменения, формоизменения и формообразования естественным образом связана проблема оценки альтернативных (фр. *alternative* < *alter* «один из двух») описаний — необходимость выбора между взаимоисключающими возможностями, которая, по признанию ряда исследователей, является одним из центральных вопросов современной лингвистической науки [18, с. 306; 44, с. 74].

Важнейшим критерием оценки морфолого-словоизменительного описания является его эмпирическая (основанная на опыте) адекватность (приравненность). Описание словоизменения, формоизменения и формообразования в морфологии считается адекватной в той мере, в какой они оказываются совместимыми с реальными фактами языка. К тому же и сама теория может оцениваться как адекватная в той мере, в какой она допускает построение адекватной чувашской грамматики (морфологии).

До сих пор в чувашеведении (да и в тюркологии, в лингвистике в целом) нет четкого толкования терминов «словоизменение», «формоизменение» и «формообразование».

Начнем объяснение этих терминов, увязывая их с агглютинацией. Агглютинация (лат. *agglutination* «приклеивание, склеивание») — способ образования новых слов и их форм посредством механического (машинального) присоединения к неизменяемым (немотивированным) основам и корням стандартных аффиксов:

1) существительные: *ача-сем* «дети», *ача-м* «мой ребёнок», *ач-у* «твой ребёнок», *ач-и* «его (её) ребёнок», с формантами всех падежей: *ача-н*, *ача-н-а*, *ача-ра*, *ача-ран*, *ача-на*, *ача-сър*, *ача-шан*; ср. дериват *ача-лăх* «детство»;

2) прилагательные: *лайӑх-рах* «лучше», *лайӑхх-и*, *лайӑхскер* «тот, хороший», *лайӑхх-ӑн* «хорошенько»;

3) числительные: *иккӗ-мӗш*, *ик-шер*, *икк-ӗн* «второй, по два, вдвоем».

В приведенных примерах к основе (корню) существительного *ача* «ребёнок, дитя», прилагательного *лайӑх* «хороший», числительного *иккӗ*, *икӗ* «два» присоединяются присущие этим частям речи стандартные аффиксы, каждый из которых выражает (по мнению некоторых тюркологов) только одно грамматическое значение. Этот вид агглютинации мы назовем словоизменением, образованием грамматических разновидностей в пределах морфологической парадигмы этих частей речи.

Посредством аффикса *-сем* (*-лар* (*-лер*)) в других тюркских языках) образуется словоизменительная морфологическая категория, указывающая на неопределенное множество (количество) предметов.

Категория единственного числа как морфологическая категория в чувашском языке отсутствует, поскольку особого словоизменительного форманта единственного числа нет, поэтому целесообразнее считать категорию единичности за понятийную категорию. Понятийная категория парности в чувашском языке передается немаркированной основой существительных так называемого нулевого единственного числа: *кӳ* *курмасть* «глаза не видят», *ура* *утмасть* «ноги не ходят», *хӑлха* *илтмест* «уши не слышат», *ал* *сӗкленмест* «руки не поднимаются». К тому же собирательность и множественность как понятийные категории в чувашском языке передаются так называемой нулевой формой единственного числа, т.е. немаркированной основой существительных: *пӗр витре сырла* «целое ведро ягод», *пӗр пӗрне кӑмпа* «полный кузов грибов», *хӑяр татрӑмӑр* «собирали огурцы», *йӗкел пухрӑмӑр* «собирали жёлуди», *сырла пухрӑмӑр* «собирали ягоды» и т.д.

Парно-повторные слова типа *хир-хир* «поля», *ял-ял* «деревни», а также слова *хурт-кӑпшанкӑ*, *шӑна-пӑван* «насекомые», имеющие собирательное значение и выражающие понятие множественности, также передаются немаркированной основой существительных, так называемой формой единственного числа.

Известно, что по морфосемантическому строению существительное (т.е. субстантив) имеет три основополагающие грамматические категории — множественного числа, принадлежности и падежа, соотносимые с понятийными категориями множест-

венности, посессивности и склонения. К тому же, как и все именные части речи, существительное имеет в других тюркских языках и категорию сказуемости, которой нет в чувашском языке.

Замечено давно, что взаиморасположение формантов выше-названных морфологических (грамматических) категорий не свободно, а подчинено строгому порядку. Этот «строгий порядок» исследуется так называемой лингвотактикой (лингвотагмемикой) или грамматикой порядков. Лингвотактика — комплексная лингвистическая дисциплина, исследующая состав и устройство разделов языкознания (а ргіоі) и, как языковая эксцентрика, изучающая значащее линейное (последовательное) расположение элементов слова (лексемы) или высказывания (речи), определяемая как совокупность тагмем (синтагм). Здесь не ставим целью исследовать и описать всю лингвотактику (лингвотагмемику), а сосредоточимся на понятии «морфотактика».

Морфотактика — изучение элементов (морфов, морфем) слов и лексем и выявление расположения морфем, морфов в линейной последовательности (а posteriori), т.е. это изучение и описание закономерностей сочетания морфем, являющихся предметом морфемики и морфологии. Противопоставляется: а) фонотактике — закономерностям сочетания фонем, являющимся предметом фонологии; б) синтагмотактике (в синтаксисе).

А.М. Щербак называет морфемотактику «последовательностью морфем в словоформе» и считает её предметом специального лингвистического исследования. Он не столь категоричен в этом вопросе, использует выражение «может быть»: «Последовательность аффиксов — явление объективное, исторически обусловленное, отражающее своеобразие процесса развития словоформы в отдельных языках или группах родственных языков»; «Последовательность аффиксальных морфем *может быть* (курсив наш. — В.С.) предметом специального лингвистического исследования...» [192, с. 39, 43].

Вопрос о последовательности морфем в языкознании поднимался не раз. Например, В.И. Цинциус, этой теме посвятившая статью под названием «Порядок и иерархия аффиксов в агглютинативных языках», считает, что изучение порядка расположения морфем важно «не только для правильного понимания структуры слова и его значения, но в особенности для этимологических изысканий, для истории языка, истории возникновения и формирования различных грамматических категорий» [180, с. 149].

Э.В. Севортян пишет: «В советской тюркологии уже были попытки установить закономерности или правила расположения морфологических показателей в грамматической части слова. Указывалось на то, что морфемы в грамматической части слова расположены в порядке возрастающей конкретности их значения, как, например, *ат-лар-ым-ның* «моих коней», где значение показателя принадлежности *-ым* будто бы более конкретно, чем значение множественности. <...> О самих значениях грамматических морфем в слове принято говорить, что они в речи моносемантичны, как того требует агглютинативный строй тюркских языков...» [147, с. 139]. Далее Э.В. Севортян указывает на нарушение последовательности морфем, например: основа + аффикс множественности (вернее, множественного числа. — *В.С.*) + аффикс принадлежности. Хотя в большинстве тюркских языков — *ат-лар-ым* «мои кони», в чувашском — *ут-ӓм-сем* «мои кони» или *лаша-м-сем* «мои лошади». По Э.В. Севортяну, «исторически размещение показателей принадлежности и множественности (множественного числа. — *В.С.*) было, по-видимому, сходно с тем, что мы видим в форме *баба-м-лар*» [147, с. 137]. Ср.: чув. *ача-м-сем*, тат. *бала-м-лар* «дети мои».

Итак, под «словоизменением» в подлинном смысле этого слова следует понимать изменение корней или основ слов по формуле (первый этап):

1) основа или корень слова + показатель множественного числа *-сем*: *сын-сем* «люди», *ача-сем* «дети»;

2) основа или корень + форманты принадлежности: *ача-м* «мой ребёнок», *ач-у* «твой ребёнок», *ач-и* «его (её) ребёнок», *ач-ӓр* «ваш ребёнок», *ял-ӓм* «моё село», *ял-у* «твое село», *ял-ӓ* «его (её) село»;

3) основа или корень слова + аффиксы падежей: *ача-н*, *ача-н-а*, *ача-ра*, *ача-ран*, *ача-сӓр*, *ача-шӓн*, *ял-ӓр*, *ял-н-а*, *ял-та*, *ял-тан*, *ял-шӓн*;

4) основа или корень слова + показатель прошедшего времени или состояния *-ччӓ*: *ача-ччӓ* «был ребёнком», *пысӓк ял-ччӓ* «было большим селом»;

5) основа или корень слова + аффикс усиления *-ах* (*-ex*, *-x*): *ача ач-ах* «ребёнок есть ребёнок»; *сын сын-ах* «человек и есть человек».

Учитывая тотальность употребления этих формантов с именами существительными, мы обязаны назвать их категориальными формами, вернее, словоизменительными категориальными формами.

Агглютинативная природа чувашского языка (да и всех тюркских языков) не останавливается на первом этапе. На втором этапе мы наблюдаем процесс словоформоизменения (кратко — формоизменения). Формоизменение — это дальнейшее изменение категориальных, иногда и некатегориальных форм (маркированных форм множественного числа, принадлежности и падежей), т.е. агглютинация по формуле:

1) формооснова множественного числа на *-сем* (*сын-сем*) + падежные аффиксы: *сын-се-н*, *сын-се-н-е*, *сын-се-н-че*, *сын-се-н-чен*, *сын-сем-пе*, *сын-сем-сёр*, *сын-сем-шён*, *ача-се-н*, *ача-се-н-е*, *ача-се-н-че*, *ача-се-н-чен*, *ача-сем-пе*, *ача-сем-сёр*, *ача-сем-шён*;

2) формооснова множественного числа на *-сем* + некоторые аффиксы принадлежности (неполная парадигма, неполное формоизменение, основанное на принципе избирательности), так называемое формообразование (образец некатегориальной формы):

а) формооснова множественного числа + аффикс 1 лица единичной принадлежности. *Серем синче канса вьртаççё халё / Хăравсăр танкистсем — туссем ман* (Я. Ухс.) «И на траве тут лежат отдыхают бесстрашные танкисты — мои друзья»; *туссем* — окказиональная форма формообразования;

б) формооснова множественного числа + аффикс 2 лица множественной принадлежности: *тăван-сем-ёр* «мои родные», но *тăван-ăр-сем* «ваши родные». *Тавах сире, уйсем-хирсемёр* (А. Алга) «Спасибо вам, мои поля, луга»;

в) формооснова множественного числа + аффикс 1 лица множественной принадлежности: *тăван-ăм-ăр-сем* «мои родные»;

г) усложненный вариант: формооснова с аффиксом 1 или 3 лица единичной принадлежности + аффикс множественного числа + аффикс 2 лица множественной принадлежности. *Куян пек чётресе чёнет сăмах: // «Ан тивёр, тусăмсемёр, эп мён тунă?»* (А. Лукин) «Дрожа, как заяц, молвит слово: “Не троньте вы меня, друзья мои, что я-то сделал?”»; *Халал сире, чăваш ывăлĕсемёр* (Ю. Семендер) «Завещаю вам, сыны чувашского народа». *Ывăл-ё-сем-ёр* образовано по непривычной для нас формуле: основа (или корень) + аффикс 3 лица + аффикс множественного числа + аффикс 2 лица множественной принадлежности;

3) формооснова множественного числа + *-ччĕ* (показатель прошедшего времени): *ача-сем-ччĕ*. *Эпир ун чух ачасемччĕ* «Мы были тогда детьми»;

4) формоснова множественного числа + аффикс усиления *-ax (-ex, -x)*. *Сысна-сем сысна-сем-ex* «Свиньи и есть свиньи».

Морфотактика (последовательность аффиксов) — явление объективное, исторически обусловленное, отражающее своеобразие определённого процесса развития словоформы чувашского языка, но есть исключения, в особенности в языке поэзии. В таблице, предложенной Э.В. Севортьяном, таких нюансов нет. Автор приводит некоторые разновидности морфологического строения слова в тюркских языках:

«Именная или номинализирующая основа:

- 1) + аффикс принадлежности (словоизменение. — *В.С.*);
- 2) + падежный аффикс;
- 3) + аффикс множественности;
- 4) + аффикс принадлежности + падежный аффикс (формоизменение. — *В.С.*);
- 5) + аффикс множественности + аффикс принадлежности;
- 6) + аффикс множественности + аффикс принадлежности + падежный аффикс» [147, с. 143].

В языке не всё основано на принципе тотальности употребления морфологических (грамматических) формантов. Часто он прибегает к принципу избирательного употребления аффиксов. В одно время эти форманты в чувашеведении получили название «формы внепадежной системы». Само словосочетание «внепадежной системы» говорит о том, что словоформы с данными формантами не могут считаться категориальными формами. Таковыми являются следующие словоформы имён существительных:

1) уподобительная форма на *-ла (-ле, -лла, -лле)*: *ачалла* «подетски», *упалла* «наподобие медведя» и т.д., но нет словоформы *курайманлӑхла, Иванла*;

2) форма обладания на *-лӑ (-лӗ)*: *кӑрӗклӗ* «в шубе», *куслӑ* (*Уй куслӑ, вӑрман хӑлхалӑ* «Поле с глазами, лес с ушами»), но нет *Петӗрлӗ, Иванлӑ*;

3) форма предельности на *-чен (-ччен)*: *ирччен* «до утра», *Петӗрччен* «до Петра»;

4) форма направительности на *-алл (-елл)*: *ялалла* «по направлению к деревне»; *хирелле* «по направлению к полю», но нет *юратӑвалла*.

5) форма достаточности на *-лӑх (-лӗх)*: *пӑртлӑх йывӑç* «древесина (с расчётом) на дом», но нет *Йӑванлӑх*;

6) разделительная форма на *-шар (-шер)*: *улмашар* «по яблоку», *кёнекешер* «по книге», *тенкёшер* «по рублю», но нет *Яккушар*;

7) форма частотности на *-серен*: *килсерен* «в каждом доме», *ялсерен* «в каждой деревне», но нет *Петёрсерен*, *юратусерен*;

8) форма выделительности на *-скер*: *ачаскер* «будучи ребёнком», *тихаскер* «всё ещё жеребёнок», но нет *савайнйскер*, *юратускер*;

9) форма образа действия на *-йн (-ён)*: *вйрманйн (курйн)* «(виднеться) лесом (как лес)», но нет *йратйн (туййн)*;

10) сравнительная форма на *-рах (-рех)*: *ачарах* «пока ещё ребёнок», *путекрех* «ягнёнок ещё», но нет *аттерех*.

Приведенные формы (заметьте: существительных) не могут считаться категориальными, поскольку не подчиняются принципу тотальности (всеобщности) употребления, для этих формантов характерен принцип избирательности. Эти формы существительных следует именовать некатегориальными, а образованные грамемы (лексемы) называть формообразовательными единицами, при которых показательна не абсолютная, а относительная частотность, отражаемая понятиями «меньше», «реже».

Таким образом, агглютинация в чувашском языке зиждется на трех измерениях, и грамматический (морфологический) строй будет описан нами с опорой на них; это:

1) словоизменение: выявляются тотальные словоизменительные морфологические категории числа, принадлежности, падежа, склонения, времени и усиления, основанные на принципе тотальности употребления формантов;

2) формоизменение: подлжит тотальному изменению не корень и не основа слова, а маркированная та или иная словоформа основы (основоформа), образующая формоизменительные категориальные и некатегориальные формы;

3) формообразование: немаркированные и маркированные основы, подчиняясь принципу избирательности употребления формантов, образуют только некатегориальные формы как в словоизменении, так и в формоизменении.

Все эти три измерения (словоизменение, формоизменение, формообразование) основаны на квантитативном методе, который позволяет описывать поведение аффиксальных морфем, частоту употребления тех или иных формантов, их распределение, сочетаемость с другими аффиксальными морфемами количественно.

Если исходить из положения, что термины «словоизменение» и «формообразование» в русском языкознании (по мнению

А.В. Бондарко) равны по значению [142, с. 303, 379], то в чувашском языкознании следует различать образование основных и вторичных категориальных форм и формообразование некатегориальных форм. Ср.: *икшер* «по две», *вишшер* «по три» и т.д. — категория разделительности числительных, а *тенкёшер* «по рублю», *улмашар* «по яблоку» — образование некатегориальной формы разделительности на *-шар (-шер)* у существительных, ибо абстрактные имена существительные типа *юрату* «любовь», *курайманлăх* «ненависть» и т.д., а также имена собственные *Петёр*, *Шупашкар* не принимают формант *-шар (-шер)*, показывая подчинение принципу избирательности в употреблении формообразующих аффиксов. В случае *кёнекешер* «по (одной) книге», *калемшер* «по ручке» мы получаем так называемые грамемы — элементарные некатегориальные грамматические единицы формообразования.

Формообразование, как и словоизменение, — это образование грамматических форм слова с помощью словоизменятельных аффиксов. В этом отношении реестровые словарные существительные *кёнеке* «книга», *ача* «ребёнок», *сын* «человек» стоят в стороне от процесса формообразования, ибо в них нет явно го эксплицитного формообразовательного или словоизменятельного форманта. В этих словах некоторые языковеды находят имплицитно «нулевые морфемы»: *сётел*- $\emptyset_1 + \emptyset_2$, где \emptyset_1 — нулевая морфема так называемого единственного числа, к тому же слово, оказывается, в основном падеже (\emptyset_2). Это явление известно давно и получило название «фокусническая лингвистика» в противовес «лингвистике божественной истины» (God-given truth). Конечно, понятие «нулевой морф» является, в определённом смысле, научной фикцией [см.: 44, с. 76—78]. «Фокусничество» нулевой морфемы заключается в том, что морфема выражается не материально, а имплицитно (логически, понятийно, т.е. «с потолка»). Мы сначала противопоставляем логически понятийные категории единичности и множественности. Множественность как понятийная категория грамматически выражается аффиксом *-сем*: *сын-сем* «люди», а у единичности нет грамматического показателя, и лингвисты вынуждены прибегнуть к «фокусничеству».

Вышеназванные три измерения пригодны для каждой знаменательной части речи в отдельности. Например, у прилагательных формы *-рах (-рех)* образуют словоизменятельную ка-

тегорию сравнения (принцип тотальности употребления), а для существительных характерна лишь некатегориальная форма сравнения, с охватом лишь 10—12 и более лексем (принцип избирательности).

Что такое слово и словоформа, лексема и граммема?

Слово, по одному из толкований (в лингвистике нет общепринятого определения), это единица наименования, характеризующаяся цельюоформленностью (фонетической и грамматической) и идиоматичностью.

В данном определении термина «слово» каждая часть вызывает сомнение; цельюоформленность, по мнению О.С. Ахмановой, — «нераздельность, неделимость, невозможность деления на части и помещения между ними других элементов (единиц) языка» [19, с. 509]. Сразу возникают вопросы. В словообразовании производные (мотивированные) слова свободно делятся на морфемы и появляется возможность деления на части; например: *этем* + *-лэх* «человечность», «человечество», где *этем* — корень слова, а *-лэх* — словообразовательный формант, а в слове *шйтаслэх* «всхожесть (семян)» между корнем *шйт* (глагол) и дериватом *-лэх* вклинивается аффикс причастия будущего времени *-ас*. Подобное встречается и в словоизменении: *вула-н* (краткая форма настоящего времени); *вула-т-ән* (полная форма) «читаю», здесь между основной слова и показателем 1 лица вклинивается вариант аффикса настоящего времени *-т-*. Нарушается в словоформах и фонетическая цельюоформленность; ср.: *кур-ай-ма-н-лэх* — диал. *кур-и-ма-н-лэх* «ненависть».

Что касается идиоматичности, то в нашем случае и она неоднозначна. Идиоматичны только производные слова, т.е. идиоматичность — свойство значения производных языковых единиц и фразеологизмов, отнюдь не немотивированных слов.

Словоформа (грамматическая форма слова) — данное слово в данной грамматической форме. Словоформа, или форма слова, — способность лексемы распадаться на основную (основу, корень) и формальные части, т.е. слово в определенной грамматической форме. Словоформой является конкретная грамматическая единица речевого ряда, в которой реализуется значение, приспособленное к требованиям контекста и ситуации. При этом словоформу называют как актуальным, так и речевым словом.

В лингвистике часто встречается отождествление термина «словоизменение» с термином «формообразование» [106, с. 424; 165, с. 682—883]. И в связи с этим фигурируют термины «словоформа», «форма слова», «грамматическая (морфологическая) форма слова», «лексема», «граммема».

Лексема в морфологии употребляется в значении «слово в совокупности всех его формальных модификаций, тождественных в семантическом плане», т.е. лексема — основная единица как лексического, так и морфологического состава языка в совокупности всех её грамматических форм.

Грамматическая (морфологическая) форма — формальная (словоизменяющая, формоизменяющая или формообразовательная) разновидность слова вместе с показателем его грамматического значения.

Граммема — элементарная грамматическая (морфологическая) частная разновидность грамматической (морфологической) категориальной или некатегориальной формы.

Итак, слово — основная единица лексико-грамматической системы языка, двусторонний языковой знак, характеризующийся планом выражения и планом содержания. Признаки слова — фонетическая и грамматическая (морфологическая) оформленность, свободная выделимость и воспроизводимость в речи, способность сочетаться с другими словами и образовывать словосочетания и предложения — одинаковые для понимания людей, говорящих на данном языке. Основная функция слова — номинативность. Различают корень слова — центральную морфему слова, обязательно присутствующую в каждом слове и заключающую в себе основной элемент лексического значения слова. Бывают свободные (*вйрман* «лес», *вйрманҗа* «лесник», *вйрманлӑх* «перелесок») и связанные (несвободные) корни, которые употребляются только в сочетании с аффиксами в составе производной основы; ср.: рус. *пт-ица*, *пт-ашка*, *пт-ич-ник*, *пт-ен-ец*, где отрезок *пт-* и есть связанный корень, в чув.: *ир-сӗр* «безобразный»; *хар-сӑр* «смелый, храбрый, буйный». Учитывая наличие деривационного аффикса *-сӑр (-сӗр)*, эти слова следует считать производными, но слова *ир*, *хар* утратили корневое значение, и их следует принять за связанные корни. В ряде тюркских языков *кор* «стыд», «позор» < араб. *кор* ~ чув. *хар*; *ир* < араб. *ар* «позор, стыд, срам» [178, I, с. 172; II, с. 310].

Раздел 2

ОСОБЕННОСТИ АГГЛЮТИНАТИВНОГО СТРОЯ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА. СЛОВОИЗМЕНТЕЛЬНЫЕ И ФОРМОИЗМЕНТЕЛЬНЫЕ КАТЕГОРИАЛЬНЫЕ ФОРМЫ

Грамматические (морфологические) категории Сквозные и стержневые категориальные формы

Начнем с объяснения терминов «категория», «грамматическая категория». Термин «категория» относится к общенаучным. В лингвистике (в морфологии) этот термин указывает на группу языковых единиц (словоформ), обладающих общим свойством, и на само это свойство в отвлеченном виде.

Понятие «морфологическая категория» относится к числу центральных понятий грамматики как одного из разделов лингвистики. Компоненты грамматической категории называются граммемами (элементарные грамматические единицы).

Главным характерным признаком, объединяющим граммемы в категорию, в настоящее время считается признак содержательный [40, с. 31—32], а опора на форму не всегда учитывается. Но иногда мы видим их совмещение: «Грамматическая категория — это класс грамматических значений, объединяющий в себе формальные единицы...» [142, с. 59].

Учение о грамматических категориях тесно связано с учением о частях речи. Скорее всего, нужно говорить о связях частей речи с морфологическими категориями. Морфологические категории не безразличны к тому, в словах каких частей речи они реализованы. Морфологические категории получают частеречную интерпретацию. Морфологические категории разных частей речи характеризуются нетождественной структурой, например, у существительных чувашского языка категория множественного числа относится как к словоизменению (*сётел-сем* «столы»), так и формоизменению (*ял-т-и-сем* «деревенские», «те, кто в деревне»), но у прилагательных имеется только формоизменительная категория множественного числа: *сарр-и-сем* «те, жёлтые»,

илем-л-и-сем «те, красивые», *пёчэк-скер-сем* «те, маленькие». И.П. Павлов допускает, что «по своим грамматическим функциям, а также по фонетической структуре *-хи* не расходится с *-и*, поэтому *вполне можно* (курсив наш. — В.С.) рассматривать их как алломорфы одного и того же выделительного суффикса» [120, с. 5—6]. Однако следует отметить, что по грамматическим функциям они расходятся, не говоря уже о фонетической структуре.

Долгое время термин «морфологическая категория» толковали однобоко: «Морфологические категории в славянских языках и в других языках... мы рассматриваем вслед за многими как системы противопоставленных друг другу рядов морфологических форм (в пределах определенной части речи) с однородным содержанием» [40, с. 10—11]. Впоследствии А.В. Бондарко внес некоторые уточнения в это определение и не настаивал категорически принять систему оппозитивных морфологических форм.

Далее кратко об используемых нами словах «сквозной» и «стержневой». «Сквозной» означает «проходящий через все знаменательные части речи (и отчасти причастен к некоторым послелогам)», например, словоизменительная и формоизменительная категория выделения, категория падежа и категория множественного числа, они и являются «стержневыми» (самыми главными, основными) категориальными формами ряда частей речи.

Словоформы являются категориальными, если формант, образующий категорию, подчиняется принципу тотальности употребления (т.е. больше половины или 75—90 %, до 99—100 % слов той или иной части речи), то перед нами категориальная форма, будь то в словоизменении или формоизменении. Некатегориальные формы подчинены принципу избирательности употребления (т.е. условно меньше половины слов той или иной части речи).

Категориальные формы выделения на *-и*, *-скер* и некатегориальная форма на *-хи* как отличительная черта морфологического строя чувашского языка

Чувашский язык — единственный из тюркских языков, в котором зафиксирована категория выделения на *-и*, *-скер*. Ни тюркологи, ни чувашеведы, кроме И.П. Павлова [123], на это не обратили серьёзного внимания, а между тем эта категория, как сквозная и стержневая, охватывающая почти все части речи

в словоизменении и формоизменении, демонстрирует особый способ выражения грамматических отношений между словами.

Категория выделения, по мнению И.П. Павлова, относится к категориальным формам, обслуживающим по несколько частей речи [123, с. 4—5]. В действительности категория выделения присуща прилагательным и причастиям, аффикс выделения может присоединяться к наречиям, но не ко всем; даже наречия времени принимают их выборочно. Ср.: *ёлёк* «раньше» — *ёлёкхи* «давний», *халь* «сейчас» — *хальхи* «современный», но *ёнте*, *улём*, *тек*, *пашар*, *кёс*, *час*, *час-часах*, *начас* не употребляются с этим аффиксом.

Категория выделения в чувашском языке образуется посредством аффиксов *-и*, *-скер*, притом они не варианты и не алломорфы, а вполне самостоятельные и не зависимые друг от друга форманты выделения.

В чувашском языкознании часто аффикс *-скер* рассматривают вместе с аффиксами *-и*, *-хи*, т.е. функции аффиксов *-и*, *-хи* отождествляются с функцией аффикса *-скер*, хотя семантически они дифференцированы. Если форма на *-и* выражает выделение предмета из общей среды, противопоставляя его по какому-то одному свойству, форма на *-скер* обозначает предмет, выделяя его из среды ему подобных по их характерному признаку без какого-либо противопоставления. Форма на *-скер* часто употребляется с добавочным оттенком значения (причины, уступки, условия и др.), форма на *-и* выступает без этих значений [123, с. 11]. По сравнению с аффиксом *-и*, аффикс *-скер* выборочно присоединяется как к маркированной, так и к немаркированной основе существительных: *ачаскер*, *ачапаскер*; *тихаскер*, *тихарахскер*, *курйкрахскер*. В этом отношении он напоминает аффикс *-хи*, который, подчиняясь принципу избирательности, примыкает к именам с временными значениями. За падежными аффиксами *-скер* следует также выборочно. Все это подтверждает то, что формы на *-хи*, *-скер* не являются показателями общей словоизменительной категории выделения имён существительных. Говорить об общей категории выделения имён существительных на *-и*, *-хи*, *-скер* будем только условно, без учёта требований, предъявляемых к категориальным формам.

С точки зрения происхождения (этимологически) форманты *-и* и *-скер* разные: *-и*, возможно, сокращённый вариант аффикса *-хи*, восходящего к общетюркскому форманту *-гы* (*-ге*, *-кы*, *-ке*). Ср.: тат. *көзге* ~ чув. *кёрхи* «осенний», тат. *кичке* ~ чув.

каҫхи «вечерний»; тат. *язгы* ~ чув. *сурхи* «весенний». Но по значению они расходятся, поскольку в тюркских языках нет категории выделения, то слова с аффиксом *-гы* (*-ге*, *-кы*, *-ке*) в татарском языке выражают значение «относящийся к тому, что обозначено производящей основой» [167, с. 360].

Аффикс *-скер*, вероятно, заимствован из марийского языка, где *ўзгер* имеет значение «вещь, предмет». В памятниках письменности чувашского языка XVIII в. аффикс функционировал как самостоятельное слово *ўскер* со значением «вещь, предмет» [75, с. 192].

Формоизменяемым аффикс выделения *-и* называется потому, что присоединяется к какой-нибудь словоизменительно маркированной основе существительных, например к падежным аффиксам:

а) к форме притяжательного падежа: *амӓш-ё-нн-и*: *куҫёсем амӓшённи нек* «глаза как у матери», *кӓмӓлӓ ашш-ё-нн-и евёр* «характер как у отца»; *сын-се-нн-и (нек)* «как у людей»; *Иванӓнн-и* «то, что принадлежит Ивану»;

б) к форме направленности: *урам-алл-и* «то, что выходит на улицу»; *пёр сул-алл-и хёрсем* «девушки-ровесницы»;

в) к форме местного падежа: *ял-т-и* «то, что в деревне», *шыв-р-и* «то, что в воде», «водяной»; *вӓрман-т-и* «то, что в лесу», «леший», *кил-ё-н-ч-и* «то, что находится дома», «домашний»;

г) к форме исходного падежа: *ёҫ-ренн-и-не ёҫ-рен маррине каламарё* «с работы или не с работы — он не сказал»;

д) к форме творительного падежа: *Мён ёҫ-п(-ин)-е пӓлместӓп. Аӓна каламарё* (Мранька) «По какому делу, не знаю. Он этого не говорил»;

е) к форме лишительного падежа: *лаша-сӓрр-и* «безлошадный», *ывӓлсӓр-хёрсёрри кулянтать* «у кого нет сына и дочери, тот горюет»;

ж) к форме причинно-целевого падежа: *шыв-шӓнн-и* «тот, кто хочет воды».

Все это сигнализирует о том, что в формоизменяемой позиции у существительных проявляется формоизменяемая категория выделения на *-и*.

Об особенностях употребления аффиксов *-и*, *-ё* в чувашском языке нет четкого толкования. Следует учесть, что в словоизменяемой морфологии аффикс *-и* считается показателем 3 лица категории принадлежности существительных и формантом категории выделения прилагательных.

Выделительный аффикс *-и* не может присоединиться к основному падежу существительного, т.е. к основе слова, в таком случае аффикс *-и* — не показатель выделительности, а формант 3 лица категории принадлежности. В примере: *Эн сирён те таса йывайссине / Пёлессё нурте. Эн — юман* (Калган). В словоформе *йывайссине* И.П. Павлов находит только аффикс выделения *-и*, что не вполне верно [118, с. 127]. В этой же работе в словоформах *арсынн-и-н-е, майр-и-нн-е, сунатт-и-н-е, (улма) йывайсс-и-н-е, сырл-и-н-е, алл-и-н-е, ур-и-н-е* автор в форманте *-и* находит показатель 3 лица категории принадлежности. Это говорит о том, что у существительных нет немаркированной словоизменительной категории выделения, хотя выделительность в значении принадлежности отчасти сохраняется.

К существительным аффикс принадлежности *-и* присоединяется после основ на гласные *а, е*, которые с присоединением аффикса *-и* выпадают, т.е. подвергаются гаплогии (греч. *haploos* «простой, одиночный» + *logos* «учение») — фонетическому сокращению основы слова, пропуску одного из двух гласных звуков, избежав явление хиатуса (зияния): *ача* — *ач-и* «его (её) ребёнок» от *ача-и*; *ёне* — *ён-и* «его, её корова» от *ёне-и*; *пёрене* — *пёрен-и* «его (её) бревно» от *пёрене-и*.

После падежных аффиксов (т.е. в формоизменении) формант *-и* считается элементом категории выделения: *сын-йинн-и* «то, что принадлежит человеку»; *ача-нн-и* «то, что принадлежит ребёнку»; *ача-р-и* «то, что находится у ребёнка»; *хула-ранн-и* «тот, кто из города»; *шйл-сйрр-и* «беззубый»; *шыв-шйинн-и* «тот, кто хочет воды».

То же в местоимениях: *ман-йинн-и* «моё; то, что принадлежит мне», *сан-йинн-и* «твое; то, что принадлежит тебе», *унйинн* «его, её», *пирённи* «наш», *сирённи* «ваш», *вёсенни* «их». Эти местоименные формы Н.А. Андреевым названы формами абстрактной принадлежности неправильно, ибо аффикс *-и* здесь показатель выделения [17, с. 147].

Что касается аффикса *-ё*, то аналогичной (с формантом *-и*) градации никто не проводил, а между тем смысловое значение аффикса *-ё* требует пересмотра. В словоизменении *-ё* действительно является аффиксом 3 лица категории принадлежности: *кил-ё, сур-ч-ё* «его (её) дом», *чун-ё* «его (её) душа».

Должен ли финальный *-ё* в формоизменении считаться показателем выделения по аналогии с аффиксом *-и*: *сунат*

«крыло» — *сунатти*, *сунач-ч-ё*, *сунатт-и(й)-ё* «его (её) крыло», *турат* «ветка» — *турачё*, *туратти*, *тураттийё* «его (её) ветка»?

Ср.: — *Килтен-и эсё?* «Ты из дома?»

— *Кил-тен-ё* (*кил-тенн-и*) *килтенех та-ха...* «Из дома-то из дома».

В последнем примере словоформы *кил-тен-ё* и *кил-тенн-и* функционально равнозначны, отсюда напрашивается вывод: формоизменяющие форманты *-и*, *-ё* выполняют и функцию выделения. Ср.: *Шурё сухал Тәхтаман / Уңайшк-и(й)-ё пулмалла* (К. Ив.) «Тахтаман седобородый должен мужем стать её»; *Кётмел сырл-и(й)-ё вучахри каваррән* (Я. Ухс.) «Брусника красная как уголь в очаге»; *Улм-и(й)-ё-сем илемлө те тутлă* (Медведев) «А яблоки прекрасны и вкусны».

Н.И. Ашмарин приводит склонение формы *усалскерё* и в примечании пишет: «От неупотребительной в именительном падеже формы **усалскерё*, т.е. *усалскер* с суффиксом притяжательным 3 лица, встречается следующие формы: Р. *усалскерийён*, ДВ. *усалскерне*, Исх. *усалскерёнчен*. Значения этих форм, очевидно, не отличаются от значения обычных форм прилагательного на *-скер*, напр., в буинск. гов. *Сав усалскерийён шухайшө сәпла-ске!* или *Сав усалскерён шухайшө сәпла-ске!* — «Такова мысль этого негодяя» [20, с. 167]. Н.И. Ашмарин ничего не говорит о значении аффикса *-ё*, следующего за аффиксом *-скер*.

Когда аффиксы *-ри*, *-ти*, *-чи* считались едиными, не делимыми на морфемы аффиксами, они квалифицировались как деривационные аффиксы — считались прилагательнообразующими (такое практиковалось в школьных учебниках долго), затем аффиксы *-ри*, *-ти*, *-чи* были признаны «подлинно синтаксическими» [11, с. 97]. При этом подчеркивалось, что отыменные формы (*вәрманти* «находящийся в лесу», *уйри* «находящийся в поле», *яләнчи* «находящийся в деревне» и т.д.), употребляясь атрибутивно, не теряют грамматических и лексических признаков имени существительного; например, могут обрастать, как любые существительные, зависимыми словами. И на этой основе предлагалось считать формы на *-ри*, *-ти*, *-чи*, а также *-хи* особыми (функциональными) формами частей речи, от которых они образуются. Таким путём эти аффиксы были исключены из числа деривационных, при этом упоминался и их универсальный характер: словообразовательные (или лексические) обычно присоединяются к ограниченному кругу слов с опреде-

ленной семантикой, а аффиксы *-ри*, *-ти*, *-чи*, подобно падежным, могут примыкать к любому имени существительному и не только к существительному [11, с. 95—98].

И.А. Андреев объявил эти аффиксы синтаксическими, но не определил их подлинный морфологический статус. Если речь идёт о морфологических явлениях, то они должны быть чётко выражены в терминах того уровня языка, к которому относятся. Объявляя их синтаксическими, мы ограничиваемся рамками синтаксиса, так и не попав в область морфологии. Например, аффиксы многих падежей тоже являются синтаксическими, но они имеют свое терминология в морфологии. Форманты *-ри*, *-ти*, *-чи* можно назвать аффиксами категории выделения, учитывая их универсальность, но эта категория относится одновременно к словоизменительной и формоизменительной морфологии, поскольку *-ри*, *-ти* следуют за основой слова, а *-чи* всегда за формой притяжательного падежа.

Вслед за И.А. Андреевым форманты *-ри*, *-ти*, *-чи*, *-хи* исследователи начали считать только синтаксическими аффиксами, не подлежащими рассмотрению в качестве аффиксов относительных прилагательных. Более того, И.П. Павлов *-ри*, *-ти*, *-чи* не считает единными неделимыми морфемами: «Прежде всего следует отметить, что суффикса *-ри* (*-ти*, *-чи*) как такового нет. Это не сложный суффикс, а отрезок словоформы, состоящий из двух чётко разложимых суффиксов: суффикса местного падежа *-ра* (*-ре*, *-та*, *-те*, *-че*) и суффикса выделения *-и*» [120, с. 5]. Возможно, *-и* действительно этимологически восходит к общетюркскому *-гы* (*-ге*) и общеалтайскому *-ки*, а *-ри* (*-ти*, *-чи*) — «совпадает с отрезком (а не суффиксом) *-дагы* (*-деге*) других тюркских языков» [120, с. 5], где *-да* (*-де*) — аффикс местного падежа. Членимость сегментов *-ти*, *-ри*, *-чи* (на *-т*, *-р*, *-ч* + *-и*) доказывается наличием других форм, где *-и* вычленяется в качестве аффикса выделения. Например, не считается единым аффиксом *-ни* в словоформах прошедшего причастия: *кайни* «отъезд», *килни* «приезд», *пёлни* «знание», *вулани* «чтение»; морфемная членимость в виде *кай-н-и*, *кил-н-и*, *пёл-н-и* считается закономерной. По этому образцу мы членим словоформы будущего причастия: *кил-есс-и*, *пёл-есс-и*, *вул-асс-и* лишь с той разницей, что перед *-и* происходит геманация звука с.

После выяснения составного характера аффиксов *-ри*, *-ти*, *-чи*, состоящих из равноправных членов, мы не можем вклю-

чить форму выделения на *-и* в морфологию словоизменения, она должна по праву принадлежать формоизменяющей морфологии.

Аффикс *-хи* образует словоформы только от существительных с временным значением и присоединяется к основе слова. С этих позиций аффиксы *-и* и *-хи* морфологически неравнозначны: *-и* — показатель только формоизменяющей, а *-хи* — словоизменяющей и отчасти формоизменяющей морфологии.

Аффиксы падежей, оканчивающиеся на гласные *а*, *е*, перед формантом выделения *-и* подвергаются гаплогии: *ял-та + -и > ял-т-и*; *хула-ра + -и > хула-р-и*; *ёс-пе + -и > мён ёс-п-и-н-е пёлмерём* «по какому делу, я не узнал». Это же явление характерно и для образования форм наличности на *-лӓ* (*-лӓ*): *ывӓллӓ-хёрл-и хумханать* «у кого есть сын и дочь, тот волнуется».

Аффикс *-хи*, по сравнению с *-и*, в существительных может присоединиться к основе слова с временным значением, но слов с таким значением мало, а это значит, что в этих случаях *-хи* выполняет лишь формообразовательную функцию. Примеры: *сулла-хи* «летний», *хӓлле-хи* «зимний», *суркунне-хи* «весенний», *ёмёр-хи* «вековой»; *кёркунне-хи* «осенний», *сур-хи* «весенний», *кёр-хи* «осенний», *ир-хи* «утренний», *кас-хи* «вечерний», *пёркун-хи* «тогдашний», *тунтикун-хи*, *ытларикун-хи*, *юнкун-хи*, *кӓснерникун-хи*, *эрнекун-хи*, *шӓматкун-хи*, *вырсарникун-хи* «воскресный»; *иртнӓ кун-хи* «вчерашний», *пёр сул-хи* «одного года», «одногодки», *килес сул-хи* «то, что в будущем году».

В формоизменяющей позиции аффикс *-хи* при существительных встречается не так часто, как аффикс *-и*: *революцион-чен-хи* «дореволюционный», *сул-серен-хи* «ежегодный».

Принцип избирательности употребления форманта *-хи* при существительных как в словоизменении, так и в формоизменении не даёт нам права причислить приведенные примеры к категориальным формам выделения, они лишь некатегориальные формы выделения.

По продуктивности употребления аффикс *-хи*, по сравнению с формантами *-и*, *-скер*, занимает главенствующее место лишь в наречиях времени:

а) в позиции словоизменения: *паян-хи* «сегодняшний», *ёнер-хи* «вчерашний», *пӓлтёр-хи* (этимологически: *бир + йыл + тыр*; ср.: тат. *былтыр*) «прошлогодний», *ыран-хи* «завтрашний», *пӓсӓр-хи*

«недавний», *ялан-хи* «всегдашний», *ёлёк-хи*, *авал-хи* «древний, вековой, старинный»: *куллен-хи* (этимологически: *кун-лен*) «ежедневный», *суллен-хи* «ежегодный»; *халь-хи* «теперешний» *кайсал-хи* «нынешний, этого года» (этимологически: *ку-сул-хи*), *чыллай-хи* «давнишний», *хайсан-хи* «какого времени»;

б) в позиции формоизменения: *мал-тан-хи* «прежний», *кай-ран-хи* «поздний», *сёр-ле-хи* «ночной», *кайтёр-ла-хи* «дневной» (этимологически: *кун* < *кун* «день» + *дўз* ~ чув. *-тёр*; *кундўз* ~ чув. *кайтёр*) «когда солнце прямо над головой, в зените» [75, с. 99–100] (возможно, слова *кайтёрла*, *сёрле* следует считать существительными, а не наречиями, как и *су* «лето» → *сулла* «лето», *хёл* «зима» → *хёлле* «сулла»), *авал-тан-хи* «древний, древнейший», а также в словоформах, основы которых — не существительные: *тахсан-(та + хайсан)-тан-хи* «бытующий исстари»; *халь(и)-ччен-хи* «прошлый», *вицмине-хи* «послезавтрашний», *таватмине-хи* «через три дня на четвёртый (день)», *пирвай-хи (юр)* «первый (снег)».

Итак, аффикс *-хи* в наречиях невозможно считать категориальной формой выделения, ибо он присоединяется лишь к наречиям времени, но не ко всем, в языке нет форм: *час-хи*, *тайтэйш-хи*, *анчах-хи*, *энтё-хи*, *кёс-хи*. Остальные разряды наречий вовсе не принимают этого аффикса. Отсюда вывод: аффикс *-хи* при наречиях (времени) относится к разряду формообразующих и образует некатегориальную форму выделения наречий времени.

Аффикс *-хи* не употребляется ни с первообразными, ни с производными именами прилагательными, здесь уместны лишь форманты *-и*, *-скер*. В словоформах *лайайххи* «тот, кто хорош», *ухмаххи* «тот, кто дураковат» нет показателя выделения *-хи*; в словах, оканчивающихся на *х*, происходит геминация конечного звука: *лайайхх-и* «тот, кто лучше», *ухмахх-и* «тот, кто туп», *тарён-рахх-и* «то, что поглубже».

Употребление аффикса *-хи* с числительными — редкое явление: *пёр-ле-хи* «общий», *пёрре-хи-н-че* «однажды»: *вйтёр-алл-а-хи (сын)* «человек в возрасте, близком к тридцати годам», *вун иккё-ччен-хи (вэйхт)* «время, близкое к двенадцати часам».

Очень редко аффикс *-хи* присоединяется к местоименным словоформам: *сав-ён-ччен-хи*, *сав-ён-тан-хи*, *сак-ён-ччен-хи (ёссем-пуссем)* «(дела) до того (начиная с того; раньше этого времени)».

И.П. Павлов в словоформе *хайхи* формант *-хи* считает реликт-аффиксом, а основу *хай* считает указательным местоимением [118, с. 191]. На наш взгляд, *хай* — не что иное, как указательная частица.

Аффикс *-хи* присоединяется к так называемым деепричастным формам на *-иччен*, на самом деле этот сложный формант содержит аффикс предельности, характерный в основном для существительных и наречий (*-ччен*: *ир-ччен* «до утра», *паян-ччен* «до сегодняшнего дня»). Присоединяясь к подобным глагольным формам, аффикс выделения *-хи* образует некатегориальную форму выделительности: *тăм ўкичченхи ирхи вăхăт* «время утра до того, как были заморозки»; *вăрманă ситичченхи сьрма* «овраг, что находится до того, как будет лес»; *эпĕ савичченхи каччă* «парень, бывший чьим-то до того, как я полюбила его»; *яла кĕричченхи калаçу*, «разговор, который был до того, как вошли в деревню».

Словоформы на *-скер* имён существительных встречаются очень редко: *ача-скер*, *тиха-скер*, *путек-скер*; *ача-рах-скер*, *тихарах-скер*, *путек-рех-скер*; *ят-лă-скер*: *Чакка ятлăскер* (Эльгер) «по имени Чакка».

Формант *-скер* В.Г. Егоровым назван частицей: «Частица *-скер* употребляется при выделении, обособлении, подчеркивании какого-либо признака в предмете. Она присоединяется... иногда и к существительным. <...> В настоящее время эта частица окончательно перешла в формообразующий аффикс» [73, с. 342]. В понимании В.Г. Егорова, «формообразующий» означает «словоизменяемый».

Для прилагательных чувашского языка категория выделения на *-и* и *-скер* является категорией последовательно коррелятивной, т.е. употребительной почти во всех случаях. Иногда мы замечаем автономность аффикса *-скер*: *Хуşi, тачкаскер, ларать сарăлса* (Эльгер) «Хозяин, толстяк, сидит развалившись». Мы не говорим: *Хуşi, тачки, ларать сарăлса*. Иногда сталкиваемся с явлением нагнетания этих двух аффиксов: *тискер* — *тискерскер* — *тискерскерри*, где *ти-* — возможно, связанный корень; *пĕчĕкскер* — *пĕчĕкскерри*; *тачкаскер* — *тачкаскерри*; ауслаутный *и* в этих примерах может быть заменен звуком (фонемой, морфемой) *ё* в значении выделения: *ухмахскерри* — *ухмахскерё*.

Аффиксы выделения *-и*, *-скер* могут быть в позиции формоизменения: *ăслă* — *ăсли* — *ăслăраххи* «тот, кто поумнее»;

ухмах — *ухмахскер* — *ухмахраххи* «тот, кто поглупее». В этих примерах нет аффикса *-хи*, конечный *х* геминирует.

Аффиксы *-и*, *-скер* принимают и интенсивные формы прилагательных: *шап-шурă* — *шап-шурри*, *шап-шурăскер*; *кăн-кăвак* — *кăн-кăвакки*, *кăн-кăвакскер*; *сип-симёс* — *сип-симёсси*, *сип-симёсскер*; *çап-çутă* — *çап-çутти*, *çап-çутăскер*; *ем-ешёл* — *ем-ешёлли*, *ем-ешёлскер*; *çатта(çап)-çарамас* — *çатта (çап)-çарамасси*, *çатта (çап) çарамасскер*; *хёп-хёрлĕ* — *хёп-хёрли*, *хёп-хёрлĕскер*; *сап-сарă* — *сап-сарри*, *сап-сарăскер*. Часто оттенки значений интенсивов с аффиксами *-и*, *-скер* весьма трудно передать по-русски, поскольку в русском языке нет категории выделения. Нет её, как мы уже отметили, и в тюркских языках. Наличие выделительного суффикса *-ik* отмечено в венгерском языке, и дано следующее объяснение: «К формам сравнительной степени прилагательных... с суффиксом *-bb* (*-ebb/-abb*) может присоединяться так называемый выделительный суффикс *-ik*, придающий форме сравнительной степени значение “более... из двух”, например, а *fehrebbik* “более белый из двух”. После форм с суффиксом *-ik* не может стоять показатель множественного числа, но может следовать притяжательный признак, притяжательное окончание» [98, с. 850].

По сравнению с венгерской выделительной формой, чувашская форма выделительности прилагательных на *-и*, *-скер* может принимать аффикс множественного числа и склоняться:

Осн.	<i>ăслисем</i>	<i>ăслăскерсем</i>
Прит.	<i>ăслисен</i>	<i>ăслăскерсен</i>
Дат.	<i>ăслисене</i>	<i>ăслăскерсене</i>
Мест.	<i>ăслисенче</i>	<i>ăслăскерсенче</i>
Исх.	<i>ăслисенчен</i>	<i>ăслăскерсенчен</i>
Твор.	<i>ăслисемпе</i>	<i>ăслăскерсемпе</i>
Лиш.	<i>ăслисемсĕр</i>	<i>ăслăскерсемсĕр</i>
Прич.	<i>ăслисемийĕн</i>	<i>ăслăскерсемийĕн</i>

Наличие категории выделения, по словам И.П. Павлова, отмечено в удмуртском языке, возможно, она возникла под непосредственным влиянием чувашского языка [123, с. 3]. Но фонетический облик выделительного суффикса *-яз* (*-ез*, *-ыз*) в удмуртском отличается от чувашского *-и* (*-хи*).

И.П. Павлов, ссылаясь на Г.Й. Рамстедта, допускает, что алломорфы *-и* (*-хи*) восходят к общеалтайскому суффиксу *-ki*:

авал + *-ки* ~ *авал-хи*, *ка́сал* + *-ки* ~ *ка́сал-хи*, т.е. *к* перешел в *х*, а затем звук *х* выпал вовсе [123, с. 6—7]. Назвать аффикс (по И.П. Павлову — суффикс) *-ки* общеалтайским вряд ли уместно, ибо в тюркских языках, кроме чувашского, этот формант в значении выделительности встречается редко.

В монгольских языках суффикс *-ki* (*-ke*) употребляется не только с формами местного и родительного падежей имен существительных, но и с формами прилагательных, наречий и др.: ср.: монг. *olan* «много» — *olanki* «те, кто (что) в большинстве» [123, с. 7].

Особый интерес представляет суффикс *-хи* в бурятском языке; от именных основ *тугаар* «давно» — *тугаар-хи* «давнишний» (ср. чув. *авал-хи*). Местоимения образуются в бурятском языке путем суффикса *-хи*: *энде-хи* «здесьшний» (ср.: чув. *кун-т-и* «здесьшний»; *ва́л кунти* «он здесьшний»; возможен и такой вариант: *ва́л кун-т-и-скер* «он здесьшний»; *тэндэ-хи* «тамошний» (ср.: чув. *лер-и* «тамошний», *лерелли* «то, что находится там, дальше», *леререхри* «тот, кто ещё подальше», «находящийся подальше» (примеры из бурятского языка см.: [37, с. 22—23]).

Суффикс *-хи* в бурятском языке считается одним из самых продуктивных в образовании имён прилагательных от именных основ и наречий. При помощи суффикса *-хи* образуются прилагательные от формы дательного-местного падежа: *арада-хи* «задний» (ср. чув. *хы́сал-т-и*); *булан-да-хи* (ср. чув. *кётес-р-и*) «угловой»). Прилагательные на *-хи* в бурятском языке образуются также от наречий времени и места: *тугаар-хи* «недавний» (ср. чув. *авал-хи*); *гурдур-хи* (ср. чув. *мал-т-и*) «находящийся впереди», *углоогуур-хи* (ср. чув. *ир-хи*) «утренний» [53, с. 115]. Эти примеры напоминают то время, когда в чувашском языкознании *-ри*, *-ти*, *-чи*, *-хи* принимались за деривационные (прилагательнообразующие) форманты.

При самостоятельном употреблении количественные числительные чувашского языка изредка принимают аффикс выделения *-и*: *ви́сç-и-н-е хитре сы́ртэм* «цифру “три” я написал чётко». В числительных выделительный аффикс *-и* следует за формантом местного падежа: *-т*, *-р*, *-ч*: *ва́тйр-т-и* «тридцатилетний», *хе́рех-р-и* «сорокалетний», *утма́л-се-н-ч-и* «лет шестидесяти». Как и существительные *ял-т-и*, *шив-р-и*, *ял-ё-н-ч-и*, эти словоформы числительных склоняются, в том числе принимая аффикс множественного числа *-сем*:

Осн.	<i>аллă-р-и</i>	<i>çитмĕл-т-и</i>
Прит.	<i>аллă-р-и-н</i>	<i>çитмĕл-т-и-н</i>
Дат.	<i>аллă-р-и-н-е</i>	<i>çитмĕл-т-и-н-е</i>
Мест.	<i>аллă-р-и-н-че</i>	<i>çитмĕл-т-и-н-че</i>
Исх.	<i>аллă-р-и-н-чен</i>	<i>çитмĕл-т-и-н-чен</i>
Твор.	<i>аллă-р-и-не</i>	<i>çитмĕл-т-и-не</i>
Лиш.	<i>аллă-р-и-сĕр</i>	<i>çитмĕл-т-и-сĕр</i>
Прич.	<i>аллă-р-и-шĕн</i>	<i>çитмĕл-т-и-шĕн</i>

Формант выделения *-скер* также выступает за аффиксом местного падежа и подвергается полному склонению:

Осн.	<i>иккĕ-ре-скер</i>	<i>тăххăр-та-скер</i>
Прит.	<i>иккĕ-ре-скер-ĕн</i>	<i>тăххăр-та-скер-ĕн</i>
Дат.	<i>иккĕ-ре-скер-(н)е</i>	<i>тăххăр-та-скер-н-е</i>
Мест.	<i>иккĕ-ре-скер-те</i>	<i>тăххăр-та-скер-те</i>
Исх.	<i>иккĕ-ре-скер-тен</i>	<i>тăххăр-та-скер-тен</i>
Твор.	<i>иккĕ-ре-скер-не</i>	<i>тăххăр-та-скер-не</i>
Лиш.	<i>иккĕ-ре-скер-сĕр</i>	<i>тăххăр-та-скер-сĕр</i>
Прич.	<i>иккĕ-ре-скер-шĕн</i>	<i>тăххăр-та-скер-шĕн</i>

Осн.	<i>çитмĕл-се-н-ч-и</i>	<i>аллă-се-н-ч-и-скер</i>
Прит.	<i>çитмĕл-се-н-ч-и-н</i>	<i>аллă-се-н-ч-и-скер-ĕн</i>
Дат.	<i>çитмĕл-се-н-ч-и-н-е</i>	<i>аллă-се-н-ч-и-скер-н-е</i>
Мест.	<i>çитмĕл-се-н-ч-и-н-че</i>	<i>аллă-се-н-ч-и-скер-те</i>
Исх.	<i>çитмĕл-се-н-ч-и-н-чен</i>	<i>аллă-се-н-ч-и-скер-тен</i>
Твор.	<i>çитмĕл-се-н-ч-и-не</i>	<i>аллă-се-н-ч-и-скер-не</i>
Лиш.	<i>çитмĕл-се-н-ч-и-сĕр</i>	<i>аллă-се-н-ч-и-скер-сĕр</i>
Прич.	<i>çитмĕл-се-н-ч-и-шĕн</i>	<i>аллă-се-н-ч-и-скер-шĕн</i>

Возможно образование выделительной формы от порядковых числительных: *виççĕ-мĕш-ĕн-че-скер* (*виççĕ-мĕш курс-ра-скер*), *иккĕ-мĕш-ĕн-ч-и* (*иккĕ-мĕш клас-ри*). Примечательно, что числительное *пĕр* «один» может быть в форме выделения на *-и*, *-скер*: *пĕр-и* «кто-то», *пĕр-пĕри* «кто-нибудь», *пĕри марин пĕри* «кто-нибудь», *пĕри-пĕри* «некоторые, один из них», *пĕри-пĕр* «кто-нибудь, некоторый», *пĕр-скер*: «кто-то, какой-то». По мнению Н.А. Андреева, эти словоформы выступают в значении неопределенных местоимений [16, с. 140].

В «Материалах...» Н.И. Ашмарин пишет: «В чувашском языке... взаимность действия (*Gegenseitigkeit*) выражается удвоением числительного один — «*пĕр*», причем вторая часть удвоения

наращивается местоименными суффиксами», образуя следующие формы:

	Для 1 лица:	Для 2 лица:
И.	нет	нет
Р.	<i>пёр-пёрёмёрён</i> «мы друг друга», «мы один другого»	<i>пёр-пёрёрён, пёр-пёрёвён</i> «вы друг друга»
ДВ.	<i>пёр-пёрёмёре</i>	<i>пёр-пёрёре, пёр-пёрне</i>
М.	<i>пёр-пёрёмёрте</i>	<i>пёр-пёрёрте, пёр-пёренте</i>
Исх.	<i>пёр-пёрёмёртен, пёр-пёрёртен</i>	<i>пёр-пёртен, пёр-пёрёнтен</i>
Т.	<i>пёр-пёрёмёрпе</i>	<i>пёр-пёрёрпе</i>

Для 3 лица:

И.	нет
Р.	<i>пёр-пёрийён, пёр-пёринён, пёр-пёрин</i> , курм. (курмышский говор. — В.С.) <i>пёр-пёрийан</i> «они друг друга»
ДВ.	<i>пёр-пёрне (пёр-пёрине. — В.С.)</i>
М.	<i>пёр-пёринче</i>
Исх.	<i>пёр-пёринчен</i>
Т.	<i>пёр-пёринпе</i> , курм. также <i>пёр-пёринпа</i> и пр.»

Далее следует примечание: «Нужно заметить, что форма для 3 лица часто употребляется безразлично и для других лиц, напр. буин. (буинский говор. — В.С.)... *Пёр-пёринпе тўрё тǎрǎр (аван тǎрǎр)* “Живите друг с другом мирно (хорошо)”» [20, с. 211—212].

Итак, в словоформах *пёр-пёринчен, пёрё-пёринчен, пёр-пёринне* инлаутный *-и* Н.И. Ашмарин считает аффиксом 3 лица притяжательности, а не формантом выделения. Н.И. Ашмарин для всех трех лиц исключил формы именительного падежа, что кажется неверным: для 1 лица в именительном падеже множественного числа должно быть *пёр-пёрёмёр*, для 2 лица множественного числа — *пёр-пёрёр*, для 3 лица единственного числа — *пёр-пёри*.

Числительное *пёр* в форме выделения сочетается с вопросительным местоимением *хǎш(ё)*: *хǎшё-пёри* «иной, некоторый»; *хǎшё-пёри* имеет самостоятельное употребление, а *хǎш-пёр* выступает как определение. *Семйисем хǎшин-пёрин ытла та пысǎк* «Семьи у некоторых очень большие».

Вызывает особый интерес словоформа *хǎшё-пёри*, на наш взгляд, оба компонента композиты *хǎш(-ё)-пёр(-и)* оформлены

аффиксами выделения *-ё* и *-и*: первый компонент — вопросительное местоимение *хайё*, второй — числительное *пёр* в форме выделения с аффиксом *-и*. Словоформа *хайё(ё)-пёр(и)* имеет полное притяжательное склонение: *хайён-пёрин*, *хайне-пёрне*, *хайё-пёринче*, *хайё-пёринчен*, *хайё-пёринпе*, *хайё-пёринсёр*, *хайё-пёриниён*. Принимая аффикс множественного числа *-сем*, эта словоформа опять подвергается полному склонению: *хайё-пёрисем*, *хайё-пёрисен*, *хайё-пёрисене*, *хайё-пёрисенче*, *хайё-пёрисенчен*, *хайё-пёрисемпе*, *хайё-пёрисемсёр*, *хайё-пёрисемиён*. В формах некоторых падежей *хайё* допускает двухвариантность: *хайёнпе* ~ *хайинпе*, *хайёнсёр* ~ *хайинсёр*, *хайёниён* ~ *хайиниён*.

Многие местоимения употребляются в форме выделения: *сакскер* «вот этот самый, он самый», *мёнлескер* «какой», *нимскер* «ничто», *темскерле* «какой-то», *пуринте* «всем, у всех» (от *пурте* «все») и т.д. Усеченная форма *мё* (< *мён*) + *-скер* — *мёскер* «что такое, что за» относится к словоизменению, отсюда словоформы *мё-скер-ле?* «какой? что за?», *мё-скер-иён?* «почему, зачем, отчего?»

Личные местоимения чувашского языка в форме притяжательного падежа (т.е. в формоизменении) могут принимать аффикс выделения *-и*, как бы образуя «формы притяжательных местоимений», которых в собственном смысле слова нет в тюркских языках, но словоформы сохранились [20, с. 147]. Опираясь на эти словоформы, мы можем говорить о формоизменительной категории выделения личных местоимений.

1 л. значения единичности: *манни*, *манённи* «мой; то, что принадлежит мне» ~ тат. *минеке* «мой».

2 л. значения единичности: *санни*, *санённи* «твой» ~ тат. *синеке*.

3 л. значения единичности: *унни*, *унённи* «его (её)» ~ тат. *аныкы*.

1 л. значения множественности: *пирённи* «наш, свой» ~ тат. *безнеке*.

2 л. значения множественности: *сирённи* «ваш» ~ тат. *сезенке* «ваш».

3 л. значения множественности: *вёсенни* «их» ~ тат. *аларныкы* «их».

Как видим, чувашскому аффиксу выделения *-и* в татарском соответствует *-ке* (*-кы*), но в татарском языкознании этот формант не носит название «выделительного аффикса», скорее всего, татарский аффикс соответствует чувашскому форманту *-хи*: *яз-гы* ~ чув. *сур-хи* «весенний», *көз-ге* ~ *кёр-хи* «осенний»; *кич-ке* ~ чув. *каç-хи* «вечерний».

В татарском языке аффикс *-гы* (*-кы, -ге, -ке*) выражает значения: относящийся к тому, что обозначено производящей основой (*тән-ге* ~ чув. *сёрлехи* «ночной»); относительный признак с точки зрения места и времени (*кичә-ге* ~ чув. *ёнерхи* «вчерашний», *былтыргы* ~ чув. *пёлтёрхи* «прошлогодний», *көндөзге* ~ чув. *кәнтәйрахи* «дневной»); *-га* (*-гә, -ка, -кә*) как словообразовательный аффикс наречий: *мәңгегә* «навечно» [167, с. 360].

В чувашском языке лично-возвратные местоимения принимают выделительный аффикс после формы притяжательного падежа (формоизменения): *хам-йәнн-и* «то, что принадлежит мне самому» и т.д.

Словоформы *пирённи, пирённисем, хамйәнни, хамйәннисем*, субстантивирюясь, выражают значения «наш», «наши», «свой», «свои» (т.е. родной или связанный близкими отношениями, совместной деятельностью, политическими взглядами; свой человек, свои люди).

Формоизменительная категория выделения на *-и* личных, лично-возвратных местоимений проявляется после форм местного падежа: *ман-р-и* «находящийся у меня»; *сан-р-и* «находящийся у тебя», *ун-р-и* «находящийся у него (у неё)». В этих примерах склоняемыми основами являются формы притяжательного падежа: *ман, сан, ун*; но в 1 лице лично-возвратных местоимений склоняемой является словарная основа 1 лица: *хам* — *хам-р-и*, а во 2 и 3 лице склоняемой становится опять форма притяжательного падежа: *хәв-ән-т-и, хай-ён-ч-и*. Во множественном числе склоняемые основы предстают двояко: *пир-т-и, пир-ён-т-и; сир-т-и, сир-ён-т-и; вё-се-н-ч-и*, ср.:

<i>хам-әр-т-и</i>	<i>хамәр-т-и-сем</i>
<i>хәвәр-т-и</i>	<i>хәвәр-т-и-сем</i>
<i>хай-ён-ч-и</i>	<i>хай-се-н-ч-и-сем</i>

Н.И. Ашмарин, касаясь форм *манйәннё, манйәнё, маннё, манё* (тат. *минекә* «мой»), а также *хайённё, хаййәнё* «его (ее) собственный», включая сюда же формы существительных типа *сыннәнё*, в примечании пишет: «Здесь считаю нужным заметить, что родительный падеж... также может принимать суффикс притяж. 3-го лица для образования самостоятельно употребляемых прилагательных» [20, с. 191—192].

Ясно одно: Н.И. Ашмарин аффикс *-ё* в подобных формах считает суффиксом 3 лица, но непонятно, почему он формы *манйәнё, хаййёнё* (а также *сыннәнё*) считает прилагательными.

То, что Н.И. Ашмарин, Т.М. Матвеев формант *-и* при прилагательных считают за аффикс притяжательности 3 лица [20, с. 172; 104, с. 39—40], является заблуждением, в формах *вӱл-и*, *ӱсл-и* нет «притяжательного суффикса 3-го лица», есть аффикс выделения *-и*.

Н.И. Ашмарин, приводя склонение местоимения *мӱнле* «как» в форме выделения *мӱнли*, не определяет статус ауслуточного *-и*, видимо, придерживается мнения, что это вторая форма прилагательного на *-и*¹. Приведем образец склонения словоформ *мӱнли* и *мӱнлескер* (по Н.И. Ашмарину) [20, с. 203]:

И.	<i>мӱнли was für ein</i>	<i>мӱнлескер</i>
Р.	<i>мӱнлинӱн, мӱнлин</i>	<i>мӱнлескерӱн</i>
ДВ.	<i>мӱнлине (мӱллине)</i>	<i>мӱнлескере, мӱнлескерне</i>
М.	<i>мӱнлинче (мӱллинче)</i>	<i>мӱнлескертe</i>
Исх.	<i>мӱнлинчен (мӱллинчен)</i>	<i>мӱнлескертен</i>
Т.	<i>мӱнлипе (мӱллипа)</i>	<i>мӱнлескерпе</i>

Формоизменяющаяся категория выделения на *-и*, *-скер* глагольных (категориальных причастных и деепричастных) форм

Формоизменение причастий на *-нӱ (-нӱ)*, *-кан (-кен)*, *-ан (-ен)*

Причастие на *-нӱ (-нӱ)* в субстантивной форме (по И.А. Андрееву) выступает с аффиксами *-и*, *-скер* и обозначает: а) имя действия: *Капла калани хӱрсе кайнӱ каччӱшӱн вут ҫине шыв сапнӱ пекех пулчӱ* (Арт.) «Эти слова для разгорячившегося парня как ушат холодной воды»; б) имя деятеля: *Ҫырни-пӱрни пусма вӱҫ-нех килет теҫҫӱ*² (Посл.) «Суженый придёт прямо к крыльцу»; *Ӹнер ҫеҫ сысна ашне тутанса пӱхнӱскерсем, ун шӱршине манман ӱнтӱ* (Кибек) «Только вчера полакомившиеся свиной, конечно, они (волки) не забыли её запаха».

Причастие на *-нӱ (-нӱ)* + *-и* в роли дополнения: *Курманнин курас килет, курнин тарас килет* (Посл.) «Кто не испытал, тому хочется испытать, кто испытал, тому хочется избежать»;

¹ В «Заметках по грамматике чувашского языка» Н.И. Ашмарин в словоформах *ачараххи*, *курӱкраххи* элемент *-и* считает аффиксом выделения [25, с. 16].

² Некоторые примеры заимствованы из книги И.А. Андреева «Причастие в чувашском языке» [8].

Патшана, ситсен, вёсем
Мён курни-илтни синчен
Пёлтерес хйра-хйра (Бараев)

«Явившись к царю, со страхом рассказали об увиденном».

Причастие на *-нй (-нё)* + *-скер*: *Кузнецов генерал, тёлёнсе кайнйскер, маларах иртсе тйчё* (Алга) «Генерал Кузнецов, удивленный, прошел несколько вперед»;

Акй тухать кйсачё / Ййт сймёнчен тунйскер (Свад. песня)
«Вот выносят валенки, валянные из собачьей шерсти».

Причастие на *-нй (-нё)* + *-и* в роли обстоятельства причины: *Савйннипе Сетнерён / Чёри кйрт-кйрт сикет-ске* (К. Ив.) «От радости сердце у Сетнера встрепенулось».

Причастие на *-нй (-нё)* + *-и* в роли сказуемого придаточного предложения:

Сулелле нйрйм та — тёлёнтём
Каййк хурсем кйртине кайнинчен,
Шухйшласа нйрйм та — тёлёнтём
Самрйк ёмёр иртсе кайнинчен (Фольк.)

«Взглянув на небо, я удивился: как вереницей улетают дикие гуси. Задумавшись, я удивился: как быстро проходит молодость».

В некоторых случаях сказуемое условного придаточного предложения может быть выражено причастием на *-нй (-нё)* в отрицательной форме:

Урамйрсем турё те, суляр хура:
Эпир сурёменне кам сурё? (Фольк.)

«Ваши улицы прямые, дороги чёрные, кому же ходить, как не нам?»;

Ёскёрсем те хйватлй, куркйр пысйк,
Эпир юрламанне та кам юрлё?

«Пиршества ваши замечательные, ковши большие: кому же пить, как не нам?».

Словоформы *сурёменне, юрламанне* — усеченные формы от *сурёмнинне, юрламаннинне*; ср.: *Эпир йёменнинне те кам йёрес?* [А, V, с. 134] «Кому же плакать, как не нам?».

Причастия на *-кан (-кен)*, *-акан (-екен)*, употребляясь без определяемого имени, субстантивируются как лексически (обозначает действующее лицо), так и синтаксически. Показателями лексической субстантивации являются:

а) показатели категории принадлежности: *вулакан-йм: хи-сеплё вулаканйм* «дорогой мой читатель», *вулакан-у* «твой

читатель», т.е. «читатель твоих произведений», *вулаканё* «его (её) читатель», *вулаканаймър* «наш читатель», *вулаканяр* «ваш читатель».

В ЧРС в реестр словарной статьи выведено субстантивированное имя *вулакан* «читатель», наряду с *вулавсй* «чтец», «читатель»: *журнал вулаканёсем* «читатели журнала»; ср.: *вулаканнисем*; *вулакансен* (*вулавсйсен*) *конференцийё* «конференция читателей»;

б) показатель множественного числа *-сем*: *вулакансем* «читатели»; *вулакансен конференцийё* «читательская конференция»;

в) комбинация аффиксов принадлежности и аффикса множественного числа *-сем*: *вулаканаймсем* «мои читатели», *вулаканаймърсем* «наши читатели», *вулаканусем* «твои читатели», *вулаканярсем* «ваши читатели», *вулаканёсем* «его (её) читатели», *вулаканёсем* «их читатели».

В атрибутивном употреблении причастие на *-кан* (*-кен*), подобно имени прилагательному, может присоединять аффикс категории сравнения *-тарак* (*-терех*): *тйрйшакантарах студент* «более старательный студент», *пёлекентерех ача* «ребёнок, который больше знает».

И.А. Андреев, наряду с аффиксами выделения *-и*, *-скер*, включил в этот ряд аффикс *-ё* и указал, что причастие на *-акан* (*-екен*) с указанным аффиксом *-ё* приобретает выделительное значение, ср.: *кймйла каяканни* ~ *кймйла каяканё* «тот, кто нравится», *халйха пйтратаканни* ~ *халйха пйтратаканё* «возмутитель спокойствия людей», *ёс шыраса каяканни*, *каяканскер*, *каяканё* «тот, кто идет на поиски работы». Он прямо не говорит, что *-ё* есть аффикс 3 лица категории принадлежности, но утверждает, что причастия на *-акан* (*-екен*) с аффиксами *-и*, *-ё* склоняются «по типу склонения существительных с аффиксами принадлежности» [8, с. 130]. Более конкретно об этом сказано далее: «Субстантивированное причастие на *-акан* (*-екен*) может принимать и аффиксы принадлежности: *сйлакан* “спаситель”, *сйлаканайм* “мой спаситель”, *сйлакану* “твой спаситель”, *сйлаканё* “его (её) спаситель”, *сйлаканаймър* “наш спаситель”, *сйлаканяр* “ваш спаситель”, *сйлаканё* “их спаситель”» [8, с. 131].

И.А. Андреев писал о придании выделительного значения только аффиксом *-ё*, хотя на самом деле все аффиксы принадлежности содержат тайное (скрытое) выделительное значение (см. об этом на с. 53 настоящей монографии).

Будучи знатоком фольклорных произведений, он привёл несколько примеров причастия на *-кан (-кен)* с аффиксом *-ё* в выделительном значении. Приведём пример из фольклора:

<i>Ах, а́ста-ши куккужё,</i>	«Ах, где же кукушка,
<i>Хитре авъатаканё?</i>	Красиво кукующая?
<i>Върманта-ске куккужё,</i>	В лесу же кукушка,
<i>Хитре авъатаканё.</i>	Красиво кукующая.
<i>Ах, а́ста-ши пир(ё)н таван,</i>	Ах, где же наша родня,
<i>Пире ханалаканё?</i>	Нас угощающая?
<i>Ак сак ялта, сак килте</i>	В этой деревне, в этой избе
<i>Пире ханалаканё.</i>	Нас угощающая».

Автор пишет о лексической субстантивации (полном переходе в разряд существительных) причастия на *-акан (-екен)* и с долей вероятности к таким словам относит: *ыйткалакан* «нищий», *аййпакан* «обвинитель», *аййпланакан* «обвиняемый», *пайлакан* «делитель», *пайланакан* «делимое», *каскалакан* «плотник», но усомнился и написал, что говорить «о полной субстантивации таких слов весьма затруднительно», ибо «при этих словах невозможны определения», но в то же время писал и о возможности иметь определения: *ватй ыйткалакан, сётёк-сурёк ыйткалакан* «оборванный нищий» [8, с. 131]. Между тем в ЧРС субстантивированное имя *каскалакан* «плотник, столяр, деревообделочник» представлено с определениями *катка-пичке каскалакан* «бондарь», *сетел-пукан каскалакан* «мебельщик», вопреки мнению И.А. Андреева, который считал, что нельзя сказать *ватй каскалакан* «старый плотник, столяр», *а́ста каскалакан* «искусный, опытный столяр, плотник» (перевод наш. — В.С.).

Говоря о причастиях на *-акан (-екен)* с аффиксами *-и, -ё* в роли подлежащего, И.А. Андреев приводит такой пример: *Лаши лайах, суни лайах, лараканё суж* [А, VIII, с. 39]. При этом считает *-ё* в слове *лараканё* аффиксом принадлежности 3 лица [8, с. 139], а в формоизменяющей морфологии, на наш взгляд, они представляют аффикс выделения: *ял-т-и, шыв-р-и, вицсё-р-и, кас-н-и, пул-асс-и; ур-акан-ё, иккё-мёш-ё*.

Причастия на *-акан (-екен)* с аффиксами *-и, -скер, -ё* выступают в роли сказуемого. И.А. Андреев примеров причастий на *-акан (-екен)* с аффиксом *-ё* приводит мало. *Энё сурекенни те лаша кўлекенни сес* (Талвир) «А я только боронующий и запрягающий лошадей»; *Ёс шырама каяканскер вёл* «Он тот,

кто идёт искать работу». Возможны такие варианты: *Энё ыйту параканё (параканни), эсё хуравлаканё (хуравлаканни)* «Я тот, кто задает вопросы, а ты — отвечающий».

Используются эти причастия и в качестве обращения:

Кайвик кайвакарчын, чакыр куç,

Кураканни, тулай сапйрсам.

Пирён тайвансем ай аякра,

Кураканни, салам ярйрсам (Фольк.).

«Сизая голубушка, светлые глаза, посыпьте ей пшеницы, кто увидит. Наши родные от нас далеко, передайте привет, кто увидит». В этой же функции могут выступать формы: *кураканнисем, кураканё, кураканёсем.*

Есть особенности употребления причастия на *-екен* от глагола *те* «говорить, сказать; полагать, думать»: *Вилес текен вилеймен, каяс текен каййман* (Посл.). «Думавшему умереть не пришлось умереть, думавшей выйти (замуж) не пришлось выйти (замуж)»; *Вилес текенни вилеймен, качча каяс текенни каййман* «Думавшему умереть не пришлось умереть, думавшей замуж пойти не пришлось пойти»; *Вилес текеннийё вилеймен, качча каяс текеннийё каййман* — перевод аналогичен.

Такая трансформация не всегда адекватна: *Иллек М. Виçпурт Шаймршй текен (теекен) ялта суралнй* «Н. Ильбеков родился в деревне, называемой Трёхизб-Шемурша». В данном примере причастие *текен (теекен)* невозможно заменить словоформами *текенни, теекенни, текенё, текенскер.*

Причастие на *-ан (-ен)* в основном не принимает аффиксов *-и, -ё, -скер.* Исключение составляют индивидуально-авторские слова (окказионализмы).

Хура куçлай Петёре,

Сумёнче тапкаланса,

Алхасса выртанскере,

Супйрлать вай юрласа

(П. Хузангай).

«Черноглазого [сына] Петра,

Того, кто лежит рядом, брыкаясь,

Дурачась,

Обнимает она, песню напевая»

Причастие на *-ан (-ен)* иногда принимает аффикс множественного числа *-сем*:

Лава каянсем (ср.: каякансем), Чакка та пёрле,

Пулнй таврайма тайват кун синче (Эльгер)

«Крестьяне, выезжающие в извоз, среди них и Чакка, обещали вернуться через четыре дня».

И.А. Андреев словоформу *кураймансем* включил в разряд причастий на *-ан (-ен)* [8, с. 153], на самом деле членимость этой формы такова: *кур-ай-ма-н-сем*: *кур-* — основа слова, *-ай* — аффикс возможности совершения действия (т.е. оптатив, желательное наклонение), *-ма* — аффикс отрицательной формы (отрицательного аспекта), *-н* — показатель прошедшего причастия, *-сем* — формоизменяющийся аффикс множественного числа; форма *курайман* противостоит форме *курайнă(скер-сем)*. Ср.: *Ал тивенни аллă сул выртать теççĕ* (Посл.) «То, чего не касаются руки, лежит нетронутым пятьдесят лет, говорят» — отрицательная словоформа *тивенни* противостоит утвердительной форме *тивни*.

В данном плане нет чёткого объяснения и у В.Г. Егорова: «Отрицательная форма прошедшего причастия (!) образуется... от стяженной формы причастия на *-ан (-ен)*, принимая примену отрицания *-м* между основой глагола и аффиксом *-ан (-ен)*: *сырман* “не писавший”, *симен* “не евский”» [70, с. 222], т.е. автор не хочет эти словоформы противопоставить утвердительной форме причастия прошедшего времени: *сырнă* — *сырман*, *синĕ* — *симен*. В этом отношении прав был И.П. Павлов, считавший *-ма* аффиксом отрицательного аспекта, а *-н* — стяженной формой (контракцией) аффикса причастия прошедшего времени на *-нă* [118, с. 275].

В.Г. Егоров приводит аналогичный пример: *Ĕнтĕ пире кураймансем пирĕн сине куç хыврĕç* (Трубина) «Теперь ненавидящие нас будут наблюдать за нами». Не демонстрируя морфемную членимость словоформы *кураймансем*, автор представил объяснение: «Правильные же отрицательные формы прошедшего времени (вернее, причастия прошедшего времени. — В.С.), образованные от утвердительной формы на *-нă*, сохранились только в бранных выражениях: *аса çапманă* (возможен вариант *аса çапман (çап-ма-н. — В.С.)* “не пораженный(-ая) громом”; *мур хирменĕ* (вариант: *мур хирмен. — В.С.)* “не погубленный(-ая) мором”» [70, с. 222]; ср.: *аса çапасиĕ*, где *çап-ас-иĕ* в форме причастия будущего времени.

И.А. Андреев с сомнением пишет о «формах на *-ман (-мен)*» (которых в языке нет): *тунă ёç* «выполненная работа» — *туман ёç* «невыполненная работа»; *Пĕлмен ёçе ан тытăн* «Не принимайся за дело, которого не знаешь». Здесь *пĕлмен* (по И.А. Андрееву) является отрицательной формой причастия на *-акан*

(-екен). *Ку таранччен пёлмен япалана пёлтём* «Узнал то, чего не знал до сих пор», здесь *пёлмен* является отрицанием к причастию на *-нă (-нё)* [8, с. 154], а в словоформе *кураймансем (кур-ай-м-ан-сем)* автор обнаруживает причастие на *-ан* [8, с. 153].

Формоизменение причастия на *-ас (-ес, -с)*

До сих пор нет чёткости определения статуса аффикса *-и* при причастиях на *-ас (-ес)*: в словоформе *кур-асс-и* чувашеведы в финальном *-и* склонны видеть аффикс принадлежности 3 лица, поскольку она стоит в ряду форм *кур-асс-йм, кур-асс-у* с аффиксами принадлежности *-йм* и *-у*; а И.А. Андреев *-сси* считает субстантивной формой причастия на *-ас (-ес)*: *каясси, пырасси*. Эти формы могут выступать:

а) в роли подлежащего: *Уй-хире удобренисем турттарасси тесителёксёр пулса пырать* «Слабо ведётся вывоз удобрений на поля». В этом примере И.А. Андреев словоформу *турттарасси* считает субстантивной формой причастия будущего времени на *-и*. Но в примере *Пырасси пырай та-ха...* «Пойти-то пойду...» употребление «субстантивной формы» на *-сси* (такой формы нет! — В.С.) почему-то считает употреблением в функции инфинитива [8, с. 163, сноска]. Причем до этого [8, с. 158] сделана ссылка на труд Н.И. Ашмарина, в котором указано, что причастие будущего времени когда-то в чувашском языке имело форму на *-сă (-сё)* [25, с. 68];

б) в роли дополнения: — *Юрать, Сёма, — тем каласкернех (кала-с-скер-н-е-х. — В.С.) нўлчĕ йна Кузьма Мироныч (Арт.)* — «Хорошо, Сёма, — перебил его на полуслове (букв.: намеревающегося сказать) Кузьма Мироныч»; *Сичĕ суллаха срокчен тулттарассишĕн кĕрешĕ вайлансах пырать* «Усиливается борьба за досрочное выполнение семилетки»; *Ял куласси сес юлчĕ, яла култтарас мар* «Осталось стать посмешищем на селе, не будем же смешить народ»;

в) именное значение также имеет, по мнению некоторых чувашеведов, сказуемое, выраженное причастием на *-ас (-ес)* в субстантивной форме на *-и*:

Пирĕн пурнăсра мĕскер кăна пулса иртмест-тĕр! Вăл хир урлă каçасси мар (Хуз.) «Чего только не бывает в нашей жизни! Это — не поле перейти»; ср.: *Ĕмĕр ĕмĕрлесси — уй урлă каçасси мар* (Посл.) «Век прожить — не поле перейти»;

г) причастие на *-ас (-ес)* в роли сказуемого придаточного подлежащего:

*Сынсем ешл хурън ай касаççе,
Эпир касассисем те ай ўсеççе.
Сынсем сарй хёрне вяляççе,
Эпир вяляссисем те ай ўсеççе* (Фольк.)

«Люди рубят молодую берёзу, а те, что нам рубить, ещё только растут. Люди играют с красной девицей, а те, с кем нам играть, ещё только растут»; *Кайсал тырй пулмасси ун чухнех сисёнч* (Х. Уяр) «Тогда ещё чувствовалось, что не будет нынче урожая»;

д) в роли сказуемого придаточного дополнительного:

*Аслисемпе эп калаçайттайм,
Чёлхем сыланассинчен хайратайп* (Фольк.)

«Поговорил бы я со старшими, да боюсь, что язык будет заплетаться».

Формоизменение причастия на *-малла (-мелле)*

Форма так называемого причастия долженствования¹, образуемая при помощи аффикса *-и*, может обозначать имя действующего лица: *Тармаллисем тарса пётрёç пулмалла* (Агаков) «Те, кому надо было сбежать, видимо, разбежались».

В словоформе *пурън-малл-и-скер* наблюдается нагнетание двух аффиксов выделения *-и + -скер*: *Вай пурпёрех тайван килёнчен каймалли сын, хай сурчепе пурънмаллискер* (Ильбек) «Он тот, кому всё равно нужно уйти из родного дома, кто должен жить своим домом».

Эти формы функционируют:

а) в роли подлежащего: *Таврара куçа илёртмелли чайнах та нимех те çук ёнтё* (Х. Уяр) «Вокруг действительно нет ничего такого, что могло бы прельстить взор»;

б) в роли дополнения: *Çул çине тухсан кётмеллинчен тарай-таракан япала урэх çук* «Когда находишься в пути, нет ничего хуже, чем ждать»;

в) в роли сказуемого придаточного предложения: *Ёçре çирёп дисциплина пулмалли пуриниён те палла* «Всем известно, что на работе должна быть крепкая дисциплина».

Чувашские языковеды не пишут о том, что *-и* является показателем выделительности в словоформах *ятламалли*, *вуламалли* и т.д. Только И.А. Андреев в словоформах *ўкмеллескер*, *ятламалли* в аффиксах *-и*, *-скер* видел особые морфологические показатели [8, с. 207], но не назвал их аффиксами выделения.

¹ О нашем мнении о «причастии долженствования» см. на с. 315—316, «о долженствовательном наклонении» — на с. 290—292 данной книги.

О так называемом причастии возможности на *-и*

В чувашском языкознании в словоформах *кури-курми*, *пици-пицими*, *кушпа вицейми*, *сисёнмицрех*, *курса тӑранайми*, *ытараймискер*, *юрлайи те юрлайми* не вычленяют аффикс выделения *-и*, возводимого к тюркским *-гы (-ге)*, *-ку (-ке)* (~ чув. *-хи*). По В.Г. Егорову, происхождение этого аффикса неясно [70, с. 230]. Н.И. Ашмарин писал, что причастие возможности на *-и*, несомненно, имеет родство с тюркским будущим причастием, оканчивающимся на *-ку (-гу)* [20, с. 311]. Возникает вопрос: не родствен ли аффикс *-ку (-гу)* общетюркскому *-гы (-ге, -кы, -ке)*? Ср.: тат. *мен + -ге* «верховой», *менге ат* «верховая лошадь»; тат. *юрга* ~ чув. *сӑрха* «иноходь»; туркм. *йорга* «рысь (аллюр)», хак. *чорга*, алт. *дьорго* «иноходь, иноходец» [75, с. 208; 178, II, с. 99]. Практически все языковеды утверждают, что причастие возможности на *-и* употребляется только (или в большинстве случаев) в парной форме — утвердительно-отрицательной (*кури-курми* «плохо видящий, подслеповатый») и указывает на недостаточное, неполноценное проявление выражаемого им качества [70, с. 230; 118, с. 283; 154, с. 394].

Формант *-и* присутствует в таких словоформах, как *киличчен* «до того, как прийти». Является ли *-иччен* единым аффиксом? В.Г. Егоров *-иччен* делит на аффикс причастия возможности *-и* и послелог *-ччен* «до» [70, с. 487]. Такое разложение аффикса И.П. Павлов сначала считал правильным [116, с. 259], а затем отказался от этой мысли: «Хальхи вӑхӑтра *-иччен* аффикс сав морфемӑсенчен тӑрать теме йывӑр» (Сложно утверждать в настоящее время, что аффикс *-иччен* состоит из этих морфем) [118, с. 294]. Л.П. Сергеев соглашается с мнением И.П. Павлова о неразложимости композитного аффикса *-иччен* [154, с. 399]. Мы поддерживаем точку зрения В.Г. Егорова о разложимости этого аффикса на *-и* и *-ччен* (формант категории предельности; ср.: *увӑччен* «до праздников», *апатчен* «до обеда», *паянччен* «до сегодняшнего дня», *ыранччен* «до завтра» и т.д., где *-ччен* — аффикс предельности).

Хотя И.П. Павлов считает аффикс *-иччен* неразложимым, тем не менее пишет: «С деепричастием на *-иччен* может употребляться сочетание аффикса отрицания с аффиксом невозможности. Так бывает тогда, когда деепричастие имеет значение степени и меры: *ут-ай-м-и-ччен*, *ут-и-м-и-ччен* (диал.) “до того, что не

мог ходить»; *си-ей-м-и-ччен* «до того, что не мог есть» [118, с. 259]. Интересно здесь то, что в примерах автор разделяет *-иччен* на две части: *-и* + *-ччен*. Основным значением деепричастия на *-иччен* И.П. Павлов считает «предел времени в будущем» [116, с. 260], но не учитывает, что в зависимости от контекста оно может выражать предел времени в прошлом: *апатчен ёслемелле* «надо работать до обеда», *каниччен ёслемелле* «до отдыха нужно работать» (в будущем); ср.: *апатчен ёслерёмёр* «работали до обеда», *каниччен ёслерёмёр* «работали до отдыха» (в прошлом).

А не является ли аффикс *-и* в словоформах *кайиччен* «до ухода», *киличчен* «до прихода» формантом выделения? Ведь значения предельности во времени, меры и степени развития глагольного действия сигнализируют косвенно о значении выделения. Но чувашские языковеды не указывают на значение выделительности *-и* в составе *-иччен*. Л.П. Сергеев словоформы *сити*, *ути*, *кайи*, *пёли*, *сити-ситми*, *пёли-пёлми*, *ути-утми* включает в ряд словоформ с выделительными аффиксами, не останавливаясь на значении аффикса *-и*; ср.: *килти*, *хулари*, *юлташайнни*, *хёрли*, *лутри*, *вицсёри* и т.д. [154, с. 28—29].

Мы же полагаем, что *-и* в словоформе *кури* «могущий видеть», *курми* «не могущий видеть» имплицитно выражает значение выделительности: *Кури куса курми туса ан суре* «Не притворяйся невидящим, когда видишь». Ср.: *Пули-пулми хёрсемшён / Пар ут кўлсе ан тухёр* (Фольк.) «Не выезжайте на паре запряженных лошадей ради девушек недостойных»; выделение: выезжать не ради случайных, а ради хороших, достойных девушек; *пули-пулми тавар* — выделение: не особого качества, а какой попался, возможно, плохой товар.

Формы выделения на *-и*, *-хи*, *-скер* наречий

Наречия с временным значением в словоизменении принимают в основном аффикс выделения *-хи*: *авалхи* «прежний, древний», *ёлёкхи* «старинный», *паянхи* «сегодняшний», *сулленхи* «ежегодный», *ёнерхи* «вчерашний», *ыранхи* «завтрашний», *яланхи* «постоянный, повседневный», *сёрлехи* «ночной», *пёркунхи* «недавнишний», *пацёрхи* «недавнишний», *хальхи* «нынешний», *кёсёрхи (кас)* «в этот, настоящий вечер».

Нужно отметить, что не все наречия времени употребляются с аффиксом выделения *-хи*: *тек* «постоянно», *сёркё* (диал.)

«минувшей ночью», *час* «скоро», *ўлём* «в будущем», *вара* «потом», *тйтйш* «постоянно, все время», *анчах* «только что», *кёс* «скоро» остаются вне системы выделения. Это говорит о том, что аффикс *-хи* в наречиях с временным значением выполняет роль формообразования, значит, наречия не имеют категории выделения, а имеющиеся немногочисленные примеры представляют некатегориальную форму выделения.

С аффиксом выделения *-и* выступают некоторые наречия образа действия: *ахальи* «простой, обыкновенный», *аранни* «тот, кто слаб».

Аффиксы выделения *-и*, *-хи* могут присоединяться и к маркированным основам: *хуллентереххи* «тот, кто помедленнее», *ерипентереххи*, *ерипентерехскер* «тот, медлительный», *малти* «тот, передний».

Принимая аффиксы выделения *-и*, *-хи*, *-скер*, наречия времени склоняются:

Осн.	<i>ёнерхи</i>	<i>пёлтёрхи</i>	<i>хальхи</i>
Прит.	<i>ёнерхин</i>	<i>пёлтёрхин</i>	<i>хальхин</i>
Дат.	<i>ёнерхине</i>	<i>пёлтёрхине</i>	<i>хальхине</i>
Мест.	<i>ёнерхинче</i>	<i>пёлтёрхинче</i>	<i>хальхинче</i>
Исх.	<i>ёнерхинчен</i>	<i>пёлтёрхинчен</i>	<i>хальхинчен</i>
Твор.	<i>ёнерхипе</i>	<i>пёлтёрхипе</i>	<i>хальхипе</i>
Лиш.	<i>ёнерхисёр</i>	<i>пёлтёрхисёр</i>	<i>хальхисёр</i>
Прич.	<i>ёнерхишён</i>	<i>пёлтёрхишён</i>	<i>хальхишён</i>

Выделительные формы наречий времени принимают аффикс множественного числа *-сем* и склоняются:

Осн.	<i>пёлтёрхисем</i>	<i>пащърхисем</i>	<i>ёнерхисем</i>
Прит.	<i>пёлтёрхисен</i>	<i>пащърхисен</i>	<i>ёнерхисен</i>
Дат.	<i>пёлтёрхисене</i>	<i>пащърхисене</i>	<i>ёнерхисене</i>
Мест.	<i>пёлтёрхисенче</i>	<i>пащърхисенче</i>	<i>ёнерхисенче</i>
Исх.	<i>пёлтёрхисенчен</i>	<i>пащърхисенчен</i>	<i>ёнерхисенчен</i>
Твор.	<i>пёлтёрхисемпе</i>	<i>пащърхисемпе</i>	<i>ёнерхисемпе</i>
Лиш.	<i>пёлтёрхисемсёр</i>	<i>пащърхисемсёр</i>	<i>ёнерхисемсёр</i>
Прич.	<i>пёлтёрхисемийён</i>	<i>пащърхисемийён</i>	<i>ёнерхисемийён</i>

Склоняются также формы сравнения в форме выделения: *авалтараххи*, *анчахраххи*, *хальтерехскер*, *самайраххи*. Поскольку не все наречия (даже наречия времени) принимают аффиксы выделения *-и*, *-хи*, *-скер*, то такое склонение следует считать формообразовательным склонением.

Формы выделения на *-и, -скер* послелогов

В составе некоторых послелогов содержится элемент *-и*: *валли* «для», *сити* «до», *тери* «до», *пирки* «из-за», но трудно безоговорочно утверждать, что этот элемент — показатель выделения: *-и* в послелого *валли* считается аффиксом принадлежности (ср.: *валё* «доля») [75, с. 46]. М.Р. Федотов корнем слова считает **вал* [178, I, с. 98], а в слове *пирки* (*пирке*) он находит корень *пир*, но не уточняет сути аффикса *-и*: *пир-ки* или *пирк-и* [178, I, с. 433—434].

Часть послелогов открыто принимает аффиксы выделения *-и, -скер*: *евёрр-и, евёрскер* «подобно, наподобие»; *евёрлэ + -и, -скер > евёрли, евёрлэскер* «то, что похоже»; *пекки, пекскер* «то, что подобно»; *хирёсси, хирёсскер* «то, что напротив», *юнашарри, юнашарскер*; *ялла юнашарри* «то, что рядом с деревней»; *Пире хирёссисем камсем?* «Кто находящиеся напротив?». Эти послелогоги склоняются; принимая аффикс множественного числа *-сем*, образуют вторичное склонение. Неполно склоняемыми считаются: *тавра* (*Тавра савра́нса сурерёмёр. — Таври таврах ёнтё...* «Мы кружили вокруг. — Вокруг-то вокруг...»), *та́рэх* (*урама та́рэххи* «то, что вдоль улицы»), *урла́*: (*сула урли* «то, что поперек дороги»), *уй урли* «тот, кто живёт через поле»).

Выделительное формобразование частиц *мар, сук, пур* посредством аффиксов *-и, -скер*

Отрицательные частицы *мар, сук* и утвердительная частица *пур*, находясь непосредственно после форм существительных, прилагательных, числительных, местоимений и глагольных форм, могут принимать аффиксы *-и, -скер*:

а) после существительных: *Килте марри килте марах-ха вёл* «Он точно не дома»; *Ялта суккине пёлтёмёр* «Узнали, что его нет в деревне»; *Укци пуррине шарламарё* «О наличии денег умолчал»; *Килте хёрарём сукскер...* «Так как в доме нет женщины...»;

б) после прилагательных: *Лайэх марри лайэх марах ёнтё* «Что нехорошо, то действительно нехорошо»; *Сыва́ марскер хушайран усёркелет* «Покашливает, поскольку нездоров»; *Хайюлла́раххи пурри камйла сёклет* «Душа радуется оттого, что есть люди посмелее»;

в) после числительных: *Иккён марри куэ умёнчех* «Всем видно, что не вдвоём»; *Вицсёмёш те пурри пурне те лаплантарчё* «Всех успокоило то, что и третий есть»; *Вицсёйё сукки тепёр*

кун тин палърчѣ «То, что троих нет, выяснилось на следующий день»;

г) после местоимений: *Манӳн пурри паллӳ* «Известно, что у меня есть»; *Вѣсен укса суккишѣн кам айӳплӳ* «Кто виноват в том, что у них нет денег»; *Пѣччен марри халѣ паллӳ ѣнтѣ* «Сейчас стало ясно, что не одинок».

Выделительное формообразование подражательных слов (мимем, имитативов)

Возьмем мимемы: 1) *лӳр-лар* — подражание урчанию дерущихся шенят и *лӳри-лари* — подражание оранью ребят [А, VIII, с. 122]; 2) *чӳр-чар* — подражание щебетанью птиц, звону струек молока при доении коровы, подражание треску разрываемой бумаги и *чӳри-чари* — подражание визгам, крикам неодинаковой силы; 3) *шӳр-шар* — подражание резкому звуку разрываемой ткани и *шӳри-шари* — подражание ржанию [ЧРС, с. 612], подражание крикам (плачу, шуму) множества лиц [А, XVII, с. 333].

Как видно из примеров, мимемы *лӳр-лар* и *лӳри-лари*, *чӳр-чар* и *чӳри-чари*, *шӳр-шар* и *шӳри-шари* отличаются не только по значению подражания, но и наличием постпозитивного *-и*, значение которого никем не определено, условно назовем его элементом выделения мимем.

Особый интерес вызывают примеры И.П. Павлова [118, с. 313—314]: *Пѣри, майорѣ... нитѣ вӳрт-вартскер нулмалла* «Один из них, майор... видать, очень шустрый», где мимема *вӳрт-вартскер* представлен в форме выделения на *-скер*; *Вѣскѣнрехскер, йӳлттӳм-ялттӳмрахскер...* «Чуть хвастоват, к тому же проныра...», где словоформа имеет следующую схему: основа слова — мимема *йӳлттӳм-ялттӳм* + *-рах* (форма сравнения) + *-скер* (форма выделения).

Достойны внимания и такие примеры, как *хурсен кикакѣ* (*кикак* — подражание крику гусей журавлей), *уксах шим-шипѣ* (*шип-шипѣ*) (*шим-шип*, *шип-шип* — подражание писку цыплят, гусят), в которых элемент *-ѣ* не что иное, как элемент выделения, который одновременно выражает и значение аффикса 3 лица. Ср.: *хам-хам* — *хам-хамӳм*, *хам-хаму*, *хам-хамѣ* (в значении «моя, твоя, его (её) собака»), *хам-хамсем* «собаки» (множественное число); *кикак* — *кикакӳм*, *кикаку*, *кикакѣ* (в значении «мой, твой, его (её) гусь»), *кикаксем* «гуси».

По И.П. Павлову, эти мимемы употреблены в значении имен существительных по аналогии со словами *куккук* «кукушка», *чакак* «сорока» [118, с. 314].

* * *

Категория выделения в чувашском языке является уникальной грамматической стержневой и сквозной морфологической словоизменительной, формоизменительной категорией, следы ее проходят не только через знаменательные части речи, частично охвачены ею и подвергнуты формообразованию выделения также и послелого, некоторые частицы и мимемы.

Заветной мечтой морфолога И.П. Павлова было описать эту «уникальную категорию» чувашского языка, увязав с отдельными частями речи, и выявить специфику категории в каждом отдельном случае. Однако И.П. Павлов не смог реализовать эту задачу. Он также оставил без полного ответа поставленные им самим вопросы: какие основания имеются для отнесения форм на *-и* (*-хи*) и на *-скер* в отдельную грамматическую категорию; каким частям речи присуща категория выделения и др. [123, с. 4, 10].

Отвечая на первый вопрос, он указал на «общие признаки», объединяющие формы на *-и* (*-хи*), *-скер* в одну категорию, и считал, что «суффиксы (термин И.П. Павлова. — *В.С.*) присоединяются обычно к одним и тем же основам слов и словоформам» [123, с. 10], допустив ошибку насчет аффикса *-хи*, который стоит особняком: нельзя сказать *кёр-и* (только *кёр-хи*), *сур-и* (только *сурхи* и т.д.). В то же время он указал, что категориальные выделения на *-и*, *-скер* отличаются друг от друга семантически: «если формы на *-и* выражают выделение предмета (добавим: лица. — *В.С.*) из общей среды, противопоставляя его по какому-то одному свойству, то формы на *-скер* обозначают предмет (и лицо. — *В.С.*), выделяя его из среды ему подобных по их характерному признаку, без какого-либо противопоставления». В позиционном отношении аффикс *-хи*, принятый И.П. Павловым за алломорф выделительного форманта *-и*, резко противостоит аффиксам *-и*, *-скер*, что дает право рассмотреть его только как формообразовательный аффикс. Прав он в том, что «формы на *-и* употребляются в речи намного продуктивнее, чем формы на *-скер*» [123, с. 11], добавим: и на *-хи*.

В учении И.П. Павлова не совсем верно высказывание «выделительные суффиксы могут употребляться со всеми словами нескольких частей речи» [123, с. 12]: аффикс *-хи* не участвует в выделении прилагательных, числительных, местоимений в качестве категориальной формы.

Категорию выделения мы можем назвать стержневой (главной) потому, что с этой категорией связаны такие важные морфологические категории, как категория множественного числа в формоизменении: *ял-т-и-сем* «деревенские», *сарр-и-сем* «жёлтые», *алл-р-и-сем* «те, кому пятьдесят (лет)»; *курн-скер-сем*, «те, кто видел», *курасс-и-сем* «то, что предстоит увидеть», *вула-малл-и-сем* «то, что предстоит прочитать», *ман пекк-и-сем* «то, что наподобие меня».

Аффиксы выделения также тесно связаны с падежными аффиксами, выделительные формы являются образцом полного склонения слов тех частей речи, в которых выделение проявляется как категориальная форма. А у послелогов, частиц и мимем мы находим формообразовательное (некатегориальное) склонение.

Выделение проявляется и в аффиксах принадлежности, об этом мало кто писал. Говоря *кёнеке-м* «моя книга», я выражаю одновременно предмет обладания и лицо обладателя, выделяя свою книгу среди других книг; *кёнек-у* «твоя книга» — подчеркнуто выделяю книгу своего собеседника; *кёнеки* «его (её) книга» — выделяю книгу 3 лица.

Исследователи чувашского языка нередко путают аффикс 3 лица *-и* с аффиксом выделения *-и*. При этом следует придерживаться правила: *-и* после основ существительных — аффикс принадлежности 3 лица, в формоизменении *шыв-р-и* формант *-и* — показатель выделения; в прилагательных (*хёрл-и*, *хёрл-х-и*) в значении категории выделения; в числительных (в формоизменении: *хёр-р-и-и* > *хёр-р-и*) формант *-и* — выделительный аффикс; в причастиях прошедшего (*вула-н-и*), будущего (*пул-асс-и*) времени *-и* — аффикс категориального выделения; а в послелогах (при словоизменении: *пекк-и*, *евёрр-и*) формант *-и* — показатель некатегориального выделения, то же и в частицах: *марр-и*, *сукк-и*, *пурр-и*.

Итак, основной категорией, «цементирующей» вокруг себя морфологические категории падежа, множественного числа, в чувашском языке является категория выделения, которой

нет в других тюркских языках, и «некатегориальные формы выделения» с точки зрения чувашского языка, проявляются в некоторых родственных языках [167, с. 360] посредством словообразовательного аффикса *-гы* (*-ге*, *-ку*, *-ке*): ср.: тат. яз. + *-гы* ~ чув. *сур-хи* «весенний» *көз* + *-ге* ~ чув. *кёр-хи* «осенний».

Сквозная стержневая категориальная форма множественного числа на *-сем*

Единичность и множественность — понятийные категории. Категории единственного числа нет, поскольку нет языкового морфологического выражения, мы не принимаем статус «нулевой морфемы». Множественное число — морфологическая категория, указывающая на множество предметов, лиц, явлений и состояний посредством аффикса *-сем* в чувашском языке (ср. с тюрк. *-лар* (*-лер*) и другими фонетическими вариантами).

Форма множественного числа существительных

Среди существительных аффикс *-сем* принимают все конкретные названия предметов (в том числе и заимствования): *уйсем*, *хирсем* «поля», *вйрмансем* «леса», *ялсем* «села», *хуласем* «города». Л.П. Сергеев допускает [154, с. 277—278], что не принимают аффикса множественного числа *-сем*:

а) абстрактные имена на *-лӑх* (*-лӗх*): *хаваслӑх* «радость», *хитрелӗх* «красота», *асамлӑх* «волшебство», «магия», *вӗскӗнлӗх* «хвастовство», *сивӗчлӗх* «бойкость», *сивлӑх* «здоровье». Но иногда в диалектах и разговорной речи это допустимо: *Сивлӑхсем епле?* «Как здоровье?»;

б) географические названия, имена и фамилии людей, названия планет. Но в фольклоре это правило нарушается: *Уйӑхӗсем пулмин те, ӗӗлтӑр нумай* «Хотя Луны не видно, звёзд много», где *уйӑх* — корневая основа, *-ӗ* — показатель 3 лица некатегориальной формы принадлежности, *-сем* — аффикс множественного числа;

в) неисчисляемые существительные: *тусан* «пыль», *сӗт* «молоко», *уйран* «айран», *турӑх* «простокваша», *сӑра* «пиво», *ӗӗнӑх* «мука», *ӗӗм* «шерсть».

По первому пункту Л.П. Сергеев отчасти прав, но, по данным Н.И. Ашмарина [21, I, с. 66—85] и нашим наблюдениям, в фольклорных и литературных произведениях, а также в разговорной речи это нарушается: *Яккусем* «Яков и его семья»;

Куркари с̄арисене с̄етел с̄инчи витрене яраççĕ «Пиво, которое в ковшах, выливают в ведро» [21, I, с. 66, 73];

Шывсем с̄инче, с̄ĕр с̄инче

Хуça пулса в̄ал т̄арать (К. Ив.)

«На морях (букв.: на водах) и на суше

Он является владыкой»;

С̄еткенлĕ пулч̄ар улмисем,

Пĕр хуртс̄ар, тап-таса,

Ивановсем те С̄еспĕлсем

Тутанч̄ар мухтаса (Н. Сандров)

«Пусть будут сочными яблоки,

Без червей, чисты.

Пусть пробуют их, хваля,

Ивановы и Сеспели» (т.е. такие люди, как Иванов и Сеспель. — В.С.);

Вара сан хыççан кур̄анаççĕ

Кавказан п̄арл̄а т̄авĕсем,

Севан к̄улли, Карели каçĕ,

Рязань, Воронеж, Пенз̄асем (Н. Сандров)

«И за тобой виднеются

Кавказа ледяные горы.

И озеро Севан, карельские ночи,

Рязань, Воронеж, Пензы» (т.е. подобные Пензе города. — В.С.);

Сывл̄ахсем мĕнле, Иван Петрович? (Игнатъев) «Как здорово, Иван Петрович?» (здоровье — в форме множественного числа. — В.С.);

В̄ар̄ам с̄уçсем чирк̄усенче

Уна пекех с̄ух̄араççĕ (Шелеби)

«Длинноволосые в церквях

Медвежьим голосом орут».

Эти примеры говорят о том, что показатель множественного числа *-сем* обладает тотальностью употребления и по праву носит название форманта словоизменительной категории множественного числа. Данное явление отчасти распространяется на формоизменение; ср. модели:

а) основа слова + падежные аффиксы + аффикс выделения *-и* или *-скер* + *-сем*: *ял-т-и-сем* «деревенские; те, кто находится в деревне»; *хула-ри-сем* «те, кто в городе; городские»; *хуça-с̄арр-и-сем* «бесхозные; не имеющие хозяина»; *шывш̄айнн-и-сем*

«те, кто хочет воды». Такая модель не характерна для дательного и творительного падежей;

б) основа слова + аффиксы принадлежности + *-сем*: *ача-м-сем* «мои дети», *ач-у-сем* «твои дети», *ач-и-сем* «его (ее) дети»; *ачамърсем* «наши дети», *ачърсем* «ваши дети», *ачисем* «их дети». Имена существительные с аффиксами принадлежности склоняются и во множественном числе:

Осн.	<i>хёрёмсем</i>	<i>ыва́лмърсем</i>	<i>ыва́лърсем</i>
Прит.	<i>хёрёмсен(ён)</i>	<i>ыва́лмърсен(ён)</i>	<i>ыва́лърсен(ён)</i>
Дат.	<i>хёрёмсене</i>	<i>ыва́лмърсене</i>	<i>ыва́лърсене</i>
Мест.	<i>хёрёмсенче</i>	<i>ыва́лмърсенче</i>	<i>ыва́лърсенче</i>
Исх.	<i>хёрёмсенчен</i>	<i>ыва́лмърсенчен</i>	<i>ыва́лърсенчен</i>
Твор.	<i>хёрёмсемпе</i>	<i>ыва́лмърсемпе</i>	<i>ыва́лърсемпе</i>
Лиш.	<i>хёрёмсемсёр</i>	<i>ыва́лмърсемсёр</i>	<i>ыва́лърсемсёр</i>
Прич.	<i>хёрёмсемшиён</i>	<i>ыва́лмърсемшиён</i>	<i>ыва́лърсемшиён</i>

В примерах *ёне-м-сем*, *ён-ў-сем*, *ён-и-сем*, как утверждают чувашеведы, предмет обладания стоит во множественном числе, а обладатель в единственном; а в примерах *ача-м-ър-сем*, *ач-ър-сем* — предмет обладания и обладатель стоят во множественном числе. Таким образом, в формах принадлежности 1 и 2 лица показатель множественного числа *-ър* выражает лицо и число обладателя, а в 3 лице *-сем* (показатель числа предмета обладания);

в) основа слова + аффикс обладания *-лă (-лӗ)* + *-скер*: *ятлăскер* (существительное *ят* «имя» + *-лă* + *-скер*, далее + *-сем* + падежные аффиксы: *Ялтах*, *инсе мар* — *Чакка ятлăскер* (Эльгер). «В деревне же, недалеко, по имени Чакка»). Существительные в форме обладания на *-лă (-лӗ)* могут принимать аффиксы *-и*, *-скер* и склоняться, склоняются они и в форме множественного числа с аффиксом *-сем*: *шинеллӗскер*, *пальтолли*, *шиӗлекеллӗскерсем*, *моторлисем*.

Форма множественного числа прилагательных

В качестве прилагательных мы признаем только качественные.

Принимают формант *-сем* субстантивированные (самостоятельные) прилагательные в предметном и личном значениях: *ватӑсем* «старики», *яшсем* «молодые, молодёжь», *ыра́сем* «добрые духи», *ухмахсем* «глупцы».

Аффиксы *-и*, *-скер* при прилагательных являются средством предметного наименования, т.е. служат номинативной цели,

в таком положении они способны принимать аффиксы множественного числа и выступать в значении лиц (*а́слисем* «умники; те, кто умён»; *шуррисем* «белогвардейцы; те, что белые»; *хёрлисем* «красногвардейцы; те, что красные») и в предметном значении (*Вярманта тёрлэ чечек пур: саррисем, шуррисем, кавваккисем, хёрлисем* «В лесу есть разные цветы: жёлтые, белые, голубые, красные»). Эти формы могут быть усложнены аффиксом сравнения *-рах (-рех)*: *а́сла́раххисем* «те, кто умнее»; *чипертерехскерсем* «те, кто пригожее», *хитре-рехскерсем* «те, кто красивее» (в значении лиц); *тачкарах-скерсем* «те, кто толще» (в предметном значении и в значении лиц).

Н.А. Андреев в словоформах *асли* «старший», *ке́сёни* «младший», *аслисем* «старшие» усматривает субстантивные прилагательные, но аффикс *-и* считает аффиксом принадлежности [15, с. 105], не учитывая, что в прилагательных этот формант является аффиксом выделения.

В чувашеведении не отмечается наличие множественного числа у прилагательных из-за того, что не принимается в расчёт процесс (явление) формоизменения. В прилагательных после аффиксов выделения *-и*, *-скер* всегда может стоять аффикс множественного числа *-сем*. Это говорит о том, что в словоизменении прилагательных нет категории множественного числа, а в формоизменении этот материал достаточно фактичен.

Словоформы по модели «основа слова (прилагательное) + *-и* (или *-скер*)», а также их формы множественного числа склоняются:

Осн.	<i>а́сли</i>	<i>а́слисем</i>	<i>ыра́скерсем</i>
Прит.	<i>а́слин</i>	<i>а́слисен</i>	<i>ыра́скерсен</i>
Дат.	<i>а́слине</i>	<i>а́слисене</i>	<i>ыра́скерсене</i>
Мест.	<i>а́слинче</i>	<i>а́слисенче</i>	<i>ыра́скерсенче</i>
Исх.	<i>а́слинчен</i>	<i>а́слисенчен</i>	<i>ыра́скерсенчен</i>
Твор.	<i>а́слипе</i>	<i>а́слисемпе</i>	<i>ыра́скерсемпе</i>
Лиш.	<i>а́слисёр</i>	<i>а́слисемсёр</i>	<i>ыра́скерсемсёр</i>
Прич.	<i>а́слишён</i>	<i>а́слисемшён</i>	<i>ыра́скерсемшён</i>

Таким образом, в формоизменяющей морфологии у прилагательных проявляется как категория множественного числа, так и категория падежа, о которых до сих пор не говорилось.

Форма множественного числа числительных

Числительные могут принимать формант множественного числа как в словоизменении, так и в формоизменении. В словоизменении отвлеченные количественные, т.е. субстантивные, числительные во множественном числе употребляются для указания приблизительности времени: *вунна́сем тёлне кил* «приходи к часам десяти»; приблизительного возраста: *утма́л-сем енне кайна́ арсын* «мужчина лет шестидесяти»; приблизительности счёта денег: *пёр вунá пинсем пулмалла* «может быть около десяти тысяч рублей»; оценки: *«иккёсем» ан ил* «не получай “двоек”».

В формоизменении аффикс *-сем* при субстантивных числительных следует за сочетанием аффикса местного падежа *-т*, *-р*, *-ч* и аффикса выделения *-и*: *ва́тáртисем* «те, кому тридцать», *алла́рисем* «пятидесятилетние», *ситме́лсенчисем* «те, кому около семидесяти» (и все они склоняются), а также за числительными в форме категории порядковости *-мёш*: *пёрмёшсем* «первоклассники, первокурсники», *пёрремёшсем* «передовики». Все эти формы: *пёрмёшсем*, *иккёмёшсем*, *виççёмёшсем* и т.д. — склоняются.

Личные формы числительных *иксёр*, *иккёшёр*, *иксёмёр* попадают под разряд формообразовательных, но они имеют полную падежную парадигму с показателем множественности *-ёр* (*-ёр*): *иксёмёрён*, *иксёрён*, *иккёшёрён* и т.д.

В формообразовании числительных известны словоформы с аффиксами выделения *-и*, *-хи*: *пёр-и* «один из них» и *пирвайхи* «первый», которые также обладают полной парадигмой склонения, образуя своего рода падежное формоизменение в пределах формообразовательных типов. Считается, что *пирвайхи* произошло от русского *впервой* в значении «в первый раз» [178, I, с. 434], но корень *пир* все же, на наш взгляд, восходит к тюркскому *пир* «один».

Осн.	<i>пёри</i>	<i>пирвайхи</i> (<i>первайхи</i> , <i>первейхи</i>)
Прит.	<i>пёрин</i>	<i>пирвайхин</i>
Дат.	<i>пёрине</i>	<i>пирвайхине</i>
Мест.	<i>пёринче</i>	<i>пирвайхинче</i>
Исх.	<i>пёринчен</i>	<i>пирвайхинчен</i>
Твор.	<i>пёринне</i>	<i>пирвайхинне</i> или <i>пирвайхинне</i>
Лиш.	<i>пёринсёр</i>	<i>пирвайхисёр</i>
Прич.	<i>пёриниён</i>	<i>пирвайхишён</i>

Осн.	<i>пёрисем</i>	<i>пирвайхисем</i>
Прит.	<i>пёрисен</i>	<i>пирвайхисен</i>
Дат.	<i>пёрисене</i>	<i>пирвайхисене</i>
Мест.	<i>пёрисенче</i>	<i>пирвайхисенче</i>
Исх.	<i>пёрисенчен</i>	<i>пирвайхисенчен</i>
Твор.	<i>пёрисемпе</i>	<i>пирвайхисемпе</i>
Лиш.	<i>пёрисемсёр</i>	<i>пирвайхисемсёр</i>
Прич.	<i>пёрисемиён</i>	<i>пирвайхисемиён</i>

Форма множественного числа местоимений

В словоизменении форма множественного числа личных местоимений 1 и 2 лица образуется с помощью аффикса коллективной множественности *-р*: *эпё-р* «мы», *эсё-р* «вы», а возвратных местоимений — с помощью аффикса *-яр*: *хам-яр* «мы сами», *хавър* «вы сами». Формы множественного числа личных и лично-возвратных местоимений *въл* и *хй* образуются с помощью аффикса коллективизированной множественности *-сем* [17, с. 125]. Указательные и вопросительные местоимения множественное число образуют с помощью аффикса *-сем*.

В формоизменении: субстантивированные формы *пирённисем* «наши», *сирённисем* «ваши», *вёсеннисем* «их» имеют полное склонение, то же самое можно сказать о словоформах *хамърәннисем* «свой; наши», *хавърәннисем* «свой; ваши», *хйисеннисем* «свой; их».

Притяжательные местоимения в форме выделения на *-и*: *маннни*, *саннни*, *уннни*, *пирённи*, *сирённи*, *вёсенни*; *хамнни*, *хавнни*, *хйиённи*, *хамърәнни*, *хавърәнни*, *хйисенни*, оформляясь с аффиксом *-сем*, склоняются.

Форма множественного числа глаголов

Тему множественного числа с аффиксом *-сем* в категориальных глагольных формах причастий (*вулани-сем* «то, что прочитано», *вулассисем* «то, что предстоит прочитать» и т.д.) мы освещаем в частях, посвящённых категории выделения этих форм (с. 316—321).

В спряжении личных форм глагола выразителем множественного числа является формант *-яр* (*-ёр*) в настоящем, будущем, прошедшем времени: *вултпяр*, *вулпяр*, *вуларпяр*; в повелительном наклонении *-ар* (*-ер*): *вул(а)-ар*, *пёл-ер*; в сослагательном наклонении *-яр* (*-ёр*): *сырйтпяр*, *илёттёмёр*.

Сквозные нестержневые категориальные формы

Формы на *-чѣ (-ччѣ)*

В словоизменении:

а) существительных: *студентчѣ* (*Эпѣ ун чухне студентчѣ* «Я в то время был студентом»); *Петѣрчѣ* (*Юрлаканѣ — Петѣрчѣ, ташлаканѣ — Яккуччѣ* «Петр был певцом, а Яков — танцором»); *Шупашкарчѣ* (*Юратнӓ хулам Шупашкарчѣ* «Моим любимым городом были Чебоксары»);

б) прилагательных: *хитречѣ* «был красивым», *сӱллѣчѣ* «был высоким», *яштакачѣ* «был стройным»;

в) числительных: *виççѣчѣ* «было три», *вуннӓчѣ* «было десять»;

г) местоимений: *эпѣчѣ* «был я», *эсѣчѣ* «был ты», *вӓлчѣ* «был он»;

д) наречий: *ѣнерчѣ* «было вчера», *авалчѣ* «было давно».

В формоизменении:

а) существительных — после всех падежных аффиксов, после формы множественного числа на *-сем*, после всех аффиксов категории принадлежности: *ачасӓрчѣ* «был без ребёнка», *ачашӓнчѣ* «хотел(а) ребёнка», *ачапаччѣ* «был(а) с ребёнком», *ачасемчѣ* «были детьми», *ачиччѣ* «был его (её) ребёнком»;

б) прилагательных — после категории сравнения на *-рах (-рех)*, *-тарых (-терех)*: *аслӓрахчѣ* «был немного старше»; после категории выделения: *ӓсличчѣ* (*чи ӓсличчѣ* «был самым умным»);

в) числительных — после падежных аффиксов: *виççѣ-ре-ччѣ* «был трёх лет»; после аффикса категории порядковых числительных: *пӓрремӓшчѣ* «был первым»; после категории разделительных числительных: *пилӓкшерчѣ*, *пилӓкшерчѣ* «было по пяти»; после аффикса категории образа действия на *-ӓн (-ӓн, -н)*: *Эпир виççѣнчѣ* «Нас было трое»;

г) местоимений: *эпирчѣ*, *хамӓрчѣ* «мы сами были»; *Ку кӓнке манӓнчѣ* «Эта книга была моей»; *санашкалчѣ* «был похожим на тебя», *манашкалскерчѣ* «был подобным мне»; *Укçа-тенкӓ хампахчѣ* «Деньги были при мне»; *çаксемчѣ* «были эти», *çакнашкалтарыхчѣ* «был подобен этому»;

д) наречий: *тӱпемиехчѣ* «было (наполнено) доверху», *ӓлӓкхиччѣ*, *ӓлӓкхиехчѣ*: *Сурчѣ ӓлӓкхиехчѣ* «Дом был старинным», *ѣнерхиехчѣ* «был вчерашним».

Формы усиления на *-ax* (*-ex*, *-x*)

В словоизменении:

а) существительных: *Ача ачах* «Ребёнок есть ребёнок»; *Сын сынах* «Человек есть человек»;

б) прилагательных: *Хитре хитрех ёнтё* «Красивый; на самом деле красивый»;

в) числительных: *Вицсё вицсех* «Тройка и есть тройка»;

г) местоимений: *вåлах* «действительно он», *эсех* «на самом деле ты»;

д) глаголов: *утах* «шагай же», *чупах* «беги же», *вулах* «читай же»;

е) наречий: *ёнерех* «вчера же», *ыранах* «завтра же», *сасар-та́ках* «вдруг». Некоторые языковеды аффикс *-ax* (*-ex*, *-x*) включают в состав основы наречий: *ву́сех*, *пачах*, *пу́сёпех*, *часах*, *ка́ла́хах*, *таках*, *юриех* [118, с. 297; 154, с. 402], что весьма сомнительно.

В формоизменении:

а) существительных — после всех падежных аффиксов, после аффикса *-сем*, после всех формантов категории принадлежности: *ачасåрах* «без ребёнка же», *ачанах* «с ребёнком же», *ачанах* «у ребёнка же», *ачарах* «ребёнок ещё», *кўришёмех*, *пускилсемех*;

б) прилагательных — после аффиксов выделения: *хёрлиех*, *симёскерех*, *хыткантараххиех*; после аффикса категории сравнения на *-рах* (*-рех*, *-тарах*, *-терех*): *начартарахах* «действительно слабее», *аванрахах* «в действительности лучше»; после аффиксов выделения: *пысåккиех*, *пысåкскерех* «тот же, кто высок»; после аффикса категории образа действия на *-ån* (*-ён*, *-н*): *пёчккёнех* «мало-помалу, помалу, понемногу», *пысåккåнах* «крупно, помногу»;

в) местоимений — после падежных аффиксов: *манах* «мне же», *санах* «тебе же», *манрах*, *манранах*, *манпах*, *мансåрах*, *маний-нах*; после аффиксов множественного числа на *-р*, *-år*, *-сем*: *эпёрах*, *эсёрах*, *вёсемех*, *хамåрах*, *хåвåрах*, *хайсемех*; после аффикса категории уподобления на *-шкал* (*-шкел*): *манашкалах*, *санашкалах*, *унашкалах*, *сакнашкалах*; после аффикса выделения: *пирённиех* «на самом деле наш», *санниех*, *вёсенниех*, *хамårån-ниех*; после аффикса сравнения: *хамårашкал-тарахах*, *сир-нешкелтерехех*;

г) категориальных форм причастий и деепричастий (глаголов): *кўрентерекенех* (*сук*) «обигающих (нет)»; *Кайна́ кайнах*

«Раз уж пошли (поехали)»; *Џитнё сёре ситесех* «Нужно дойти (доехать) до места»; *Ырми-канмиех ан ёсле* «Не работай без отдыха»; *Эсё итлеменсиех, пёлменсиех пул* «Ты притворись неслышащим, незнающим».

Падежные формы

При словоизменении и в особенности при формоизменении падежные аффиксы при полном склонении словоформ могут быть сквозными (проходящими через несколько частей речи):

а) склонение (в словоизменении) существительных, субстантивных числительных, местоимений:

Осн.	<i>этем</i>	<i>вуннӓ</i>	<i>сав</i>	<i>хам</i>
Прит.	<i>этемён</i>	<i>вуннӓн (сурри пиллӓк)</i>	<i>савӓн</i>	<i>хамӓн</i>
Дат.	<i>этеме</i>	<i>вунна (сит)</i>	<i>савна</i>	<i>хамна</i>
Мест.	<i>этеме</i>	<i>вуннӓра</i>	<i>савӓнта</i>	<i>хамра</i>
Исх.	<i>этемен</i>	<i>вуннӓран</i>	<i>савӓнтан</i>	<i>хамран</i>
Твор.	<i>этеме</i>	<i>вуннӓпа</i>	<i>савӓнна</i>	<i>хампа</i>
Лиш.	<i>этемсёр</i>	<i>вуннӓсӓр</i>	<i>савӓнсӓр</i>	<i>хамсӓр</i>
Прич.	<i>этемиён</i>	<i>вуннӓиӓн</i>	<i>савӓиӓн</i>	<i>хамиӓн</i>

В склонении слова *ир* «утро» форма местного падежа отсутствует.

б) склонение (в формоизменении) выделительных форм на *-и*, *-скер* имён существительных, прилагательных, числительных, местоимений, причастий, а также формы множественного числа на *-сем*:

Осн.	<i>ялти</i>	<i>пысӓкки</i>	<i>иккӓри</i>	<i>пирӓнни</i>	<i>вулаканни</i>
Прит.	<i>ялтин</i>	<i>пысӓккин</i>	<i>иккӓрин</i>	<i>пирӓннин</i>	<i>вулаканнин</i>
Дат.	<i>ялтине</i>	<i>пысӓккине</i>	<i>иккӓрине</i>	<i>пирӓнни</i>	<i>вулаканнине</i>
Мест.	<i>ялтинче</i>	<i>пысӓккинче</i>	<i>иккӓринче</i>	<i>пирӓннинче</i>	<i>вулаканнинче</i>
Исх.	<i>ялтинчен</i>	<i>пысӓккинчен</i>	<i>иккӓринчен</i>	<i>пирӓннинчен</i>	<i>вулаканнинчен</i>
Твор.	<i>ялтипе</i>	<i>пысӓккипе</i>	<i>иккӓрипе</i>	<i>пирӓннипе</i>	<i>вулаканнипе</i>
Лиш.	<i>ялисёр</i>	<i>пысӓккисёр</i>	<i>иккӓрисёр</i>	<i>пирӓннисёр</i>	<i>вулаканнисёр</i>
Прич.	<i>ялтииён</i>	<i>пысӓккииён</i>	<i>иккӓрииён</i>	<i>пирӓннииён</i>	<i>вулаканнииён</i>

Основы некоторых прилагательных при словоизменении могут принять выборочно только аффиксы дательного, местного, исходного, творительного, причинно-целевого падежей.

Как ни странно, категориальная форма образа действия на *-ӓн (-ӓн)* прилагательных (*вӓйлӓн*), числительных (*иккӓн*) и некатегориальные формы существительных (*вӓрманӓн курӓн*) не принимают аффиксов падежей; известны лишь формы исходного падежа на *-тан (-тен)*: *иккӓnten, виӓӓӓnten пӓри* «один из нас двоих, троих»; *Кучикле иккӓnten кая вялямаӓӓӓ* «В игру “кучик” играют не меньше, чем двое» [А, III, с. 96].

в) формоизменительное формообразование — послелого (выборочно) *пек (пекки, пекскер), евӓр (евӓрри, евӓрскер)*, *юнашар* в форме выделения на *-и, -скер*: *ман пекки, сан пеккин, ун пеккине, пенал пеккинче, вӓсен пеккинчен, сан пеккине, лешӓн пеккисӓр, вӓсен пеккишӓн, манна юнашарри, юнашаррин, юнашаррине*;

г) частицы *мар, ӓук, пур*, находясь непосредственно после существительного или прилагательного, иногда принимают формы сравнения, выделения (*лайӓх марскер, лайӓх мартараххи; килте ӓукки, ялта ӓукскер, ӓӓӓ пурри* и т.п.) и склоняются.

Частицы *пур, ӓук* иногда называются предикативными словами, что не вполне соответствует истине, ибо термин «предикативный» означает «сказуемый», т.е. сказуемое употребление слова [19, с. 346, 416]. В чувашском языке слова *пур, ӓук* выражают не только сказуемость, т.е. предикативность; ими выражаются и определения [19, с. 291]. Возьмём пословицу: *Пур ӓын пуриӓн кулянат, ӓук ӓын ӓукиӓн кулянат* «Имущий человек горюет из-за изобилия, неимущий горюет из-за скудости». По-другому: *ӓук ӓын ӓукиӓн кулянат, пур ӓын пуриӓн кулянат* «Бедняк (букв.: бедный человек) озабочен бедностью, состоятельный (букв.: имущий человек) — богатством». В этих предложениях *пур, ӓук* являются не частицами, они выполняют функцию определения, занимая место прилагательного. Как и прилагательные, они принимают аффикс сравнения: *пуртараххисем* [А, IX, с. 298] «более зажиточные», *ӓукраххисем* «те, кто победнее», *пуртарах ӓын, ӓуктарах ӓын*. Принимая аффиксы выделения *-и, -скер*, они частично субстантивируются: *ӓукки ӓукпа ӓитермест, пурри вӓсене сухана кӓлес ӓук-ха тесе ӓитермест* [А, XII, с. 206] «Бедняк не кормит [лошадей], потому что нечем, а богач не кормит с отговоркой, что их не впрягают в пахоту»; ср.: *ӓукки-пурри* [А, XII, с. 206] «богатые и бедные».

В словоизменительной морфологии чувашского языка категория выделения проявляется только у прилагательных: *асли* «старший», *лайӑххи*, *лайӑхскер* «хороший», и основана она на принципе тотальности употребления форм выделительности.

Субкатегориальные падежные аффиксы следуют за категориальной формой выделения. Слова в категориальной форме выделения, принимая категориальную форму множественности *-сем*, склоняются, аффиксы падежей следуют за аффиксом *-сем*, выстраивая формы по модели: основа имени прилагательного + аффиксы выделения *-и*, *-скер* + *-сем* + все падежные аффиксы. Это образец формоизменения, к которому относятся и словоформы: *хитре-рехх-и-сем-не*, *хитре-рехх-и-се-н-че*, *хитре-рехх-и-сем-шён* и т.п.

В формоизменительной морфологии чувашского языка основной категорией, «цементирующей» вокруг себя другие категориальные формы, является категория выделения, ибо категория падежа и множественное число зависимы от неё. Падежные аффиксы могут предшествовать показателям выделения *-и*, *-хи*, *-скер* (*ял-та-скер*, *ял-т-и*) или следовать непосредственно за аффиксами выделения (*илемлӗ-скер-ён*, *вӑрӑмм-и-н*); категориальная форма множественного числа на *-сем* не может быть впереди выделительных форм, её место только в постпозиции — за показателями выделения.

Категории выделения в других тюркских языках нет. Монгольские формы выделения на *-ки* (*-ке*) не так продуктивны, как чувашские, то же самое следует сказать о форме выделения в удмуртском языке. Насчет венгерской формы выделения на *-ik* предстоит выяснить.

Свое развитие категория выделения, по мнению И.П. Павлова, получила еще в то время, когда чувашаи находились на своей прародине, в соседстве с монголами [123, с. 3]. Но автор не вполне уверен в этом: «И надо полагать, что она (категория выделения. — В.С.) появилась в языке относительно недавно». И далее: «В современном чувашском языке суффикс *-и* употребляется намного продуктивнее, чем общеалтайский *-ки*» [123, с. 7].

Выше мы писали о том, что И.П. Павлов оставил без ответа ряд поставленных им же вопросов [123, с. 4]. Ответ на вопрос о том, какие основания имеются для отнесения форм на *-и* (*-хи*),

-скер в отдельную грамматическую категорию, по нашему мнению, таков: по принципу тотальности употребления аффиксы *-и*, *-скер* в прилагательных (в словоизменении и формоизменении) являются фиксаторами категории выделения, а аффикс *-хи* с прилагательными вовсе не употребляется; в словоформе *лайӕх-рахх-и* нет аффикса *-хи*, здесь явление геминации звука *х* в аффиксе *-рах*. А на вопрос, каким частям речи присуща категория выделения, ответ будет следующим: прилагательным — как в словоизменении, так и в формоизменении; другим частям речи: существительным, местоимениям, числительным и глагольным категориальным формам причастий и деепричастий — присуща формоизменяющаяся категория выделения. На вопрос о месте категории выделения среди других грамматических категорий, ответим так: центральное место, так как в формоизменяющейся морфологии «всё крутится вокруг этой категории».

Для существительных основными считаются категории падежа, множественности и принадлежности. Особый интерес представляет категория принадлежности, присущая только существительным, поэтому даже не возникает вопрос о том, каким частям речи присуща категория принадлежности. С аффиксами принадлежности тесно связаны аффиксы падежей и показатель множественного числа *-сем*, но, в отличие от категории выделения, категория принадлежности не является сквозной, ей не присуща распространенность среди других частей речи, имеются только некатегориальные формы лица числительных: *иксѣмѣр*, *иксѣр*, *иккѣшѣ* и др., также *пурсӕмӕр*, *пурсӕмӕр та*, *пурсӕр*, *пурѣшѣ* от местоимения *пур*, *пурте*.

Форма множественного числа на *-сем* является сквозной (проходящей почти через все части речи), но не стержневой и охватывает несколько частей речи, в основном в связи с категорией выделения. То же следует сказать об аффиксах падежей, хотя склоняемыми являются основы существительных, субстантивных числительных и местоимений.

Сквозными, но не главными, а побочными категориальными формами являются категория времени на *-чѣ* (*-ччѣ*) и категория усиления на *-ах* (*-ех*, *-х*), которые обычно выступают в финале словоформ.

У предмета или лица могут быть связи с прошедшим временем, оформляющимся с помощью аффикса *-чѣ* (*-ччѣ*), и усилен-

нием, показателем которого выступает формант *-ax* (*-ex*, *-x*), но не всегда (например, связь предмета или лица с временем не является постоянной, обязательной, необходимой). Ими пользуются по мере необходимости, в соответствии с контекстом, связанным с реалиями жизни.

На вопрос И.П. Павлова о том, почему личные формы имен числительных или местоимений в грамматиках не рассматривают как отдельную грамматическую категорию [124, с. 5], мы отчасти дали ответ. Уточним: если исходить из положения, что категория распространяется на все множество элементов части речи (подчиняется принципу тотальности употребления), то, что числительные только от двух до семи принимают аффикс 2 лица множественного числа *-ǎp* (*-ǣp*), местоимения *нур*, *нурте* не могут образовать категорию лица, а также принцип избирательности употребления аффикса лица *-ǎp* (*-ǣp*) вынуждают нас признать формы *иксѣмѣр*, *иксѣр*, *иккѣшѣ* (и подобные формы числительных до семи) и *нурсǎмǎр*, *нурсǎр*, *нурѣ* (*нурѣшѣ*) некатегориальными формами лица при формообразовании.

Раздел 3

ГРАММАТИКА ПОРЯДКОВ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА

Общие замечания

Последовательность аффиксов в чувашских (шире — тюркских) словоформах — явление объективное, исторически обусловленное, отражает своеобразие процесса развития словоформ, именно поэтому она может быть объектом специального лингвистического исследования, объектом грамматики порядков. Морфемный анализ, направленный на установление последовательности морфем, на описание их позиционных характеристик, как нельзя лучше подходит для исследования агглютинирующих языков, в число которых входит и чувашский язык.

Метод описания морфемной структуры в виде упорядоченной «цепочки» элементов известен под разными названиями: дистрибутивный анализ, метод грамматики порядков, методика порядкового членения, анализ ранговой структуры морфем. Здесь мы сталкиваемся с порядковым членением морфем, который целесообразно применять, как пишет А.М. Щербак, «когда принцип построения словоформ является линейным, когда каждая элементарная единица плана выражения более или менее строго соотнесена с элементарной единицей плана содержания, т.е. когда исследуются агглютинативные языки» [192, с. 39—43].

Грамматика порядков рассматривает сложный языковой знак как упорядоченную цепочку простых знаков (элементов), позиция этих элементов имеет большое значение для определения его семантики, при этом последовательность элементов считается стабильной (в нашем случае мы наблюдаем относительно строгий порядок следования морфем). Рассмотрение позиционных характеристик аффиксальных морфем чувашского языка даёт возможность разделить такие явления, как словоизменение, формообразование, словоформоизменение (кратко: формоизменение), категориальная и некатегориальная форма.

Категориальные и некатегориальные формы

Исследования по морфологии чувашского языка (тюркских языков) проводились в большинстве случаев в традиционном плане. Многие даже сейчас свои грамматические учения создают подобно образцам грамматик индоевропейских языков, сохранив всю терминологию и описывая при этом материал тюркских языков. Их логика такова: если в индоевропейских языках существует категория единственного числа существительных, то она должна быть и в тюркских языках; глагол в русском языке немислим вне залога, значит, в тюркских языках происходит то же самое; в русском языке четко противопоставлены видо-вые формы глагола, поэтому в тюркских языках категория вида обязательна; категория дефинитивности не может отсутствовать в морфологической системе тюркских языков, ибо она известна в индоевропейских языках; в русском языке есть переходность и непереходность глаголов, такое свойство глагола должно быть характерно для тюркских языков; если прилагательным в русском языке присущи степени сравнения, то и в тюркских языках они не могут остаться вне этой категории; в русском языке есть разряд относительных прилагательных, значит, он необходим и в тюркских.

При такой методике исследования на первое место выходит терминология иносистемных языков, а не сам языковой материал. На наш взгляд, исследователь, исходя из содержания общей структуры тюркских (агглютинативных) языков, должен излагать материал сообразно наличию его в том или ином языке. Естественно, в различных языках могут и должны быть какие-то универсальные категории, и поэтому в этих случаях целесообразно отчасти сохранить единство онтологии общих универсалий и соответствующую общую терминологию. Но это вовсе не значит, что в исследуемом языке мы должны обнаружить только универсальные категории, присущие индоевропейским языкам [133, с. 181].

Приведем несколько цитат из трудов авторитетных языковедов. «Видеть в известном языке без всяких дальнейших околичностей категории другого языка не научно; наука не должна навязывать объекту чуждые ему категории и должна отыскивать в нем только то, что в нем живет, обуславливая его строй и состав» [38, с. 4]; «...сами категории могут значительно разниться от языка к языку, если подходить к каждому из них

как к совершенно автономному явлению, а не рассматривать его сквозь призму других языков» [188, с. 78]; «Не надо думать, что части речи одинаковы по количеству и качеству во всех языках мира» [46, с. 9].

Даже признавая справедливость этих слов, исследователи иногда не могут освободиться из плена «традиционности» и подойти к исследованию материала описываемого языка творчески.

Первоочередной задачей при исследовании морфологических вопросов конкретного языка следует считать выявление в данном языке системы грамматических категорий — основного костяка его морфологического строя. Мы считаем, что морфологические категории, присущие частям речи, их функции и структура должны быть центральным объектом грамматического исследования. При этом уместно вспомнить слова Л.В. Щербы: «...грамматика в сущности сводится к описанию существующих в языке категорий...» [188, с. 79—80].

Основным элементом грамматического строя является грамматическая категория, представляющая собой единство формы и содержания, при исследовании морфологии на первое место должен быть выдвинут вопрос о морфологических категориях. В существующих ныне научных грамматиках тюркских языков (в том числе и чувашского) категориальные формы упоминаются, но нет научной формулировки морфологической категории или категориальной формы. В рекомендациях IV Всесоюзной тюркологической конференции особо отмечено: «Для всех разделов тюркского языкознания насущной задачей является дальнейшее продвижение в теоретических исследованиях. Острые разногласия среди специалистов, показывающие все еще неудовлетворительное состояние решения теоретических аспектов, вызывают такие вопросы, как словообразование и формообразование, части речи и служебные слова, особенности грамматических категорий тюркского языкового строя» [96, с. 92]. Неудовлетворительное состояние решения теоретических вопросов, касающихся морфологических категорий, подчеркнуто в статье «Тюркское языкознание в СССР за семьдесят лет»: «...анализ и истолкование основных морфологических категорий далеко ещё не являются совершенными. Необходима в ближайшее же время организация специальных дискуссий как по общей структуре морфологии тюркских языков... так и по отдельным морфологическим категориям» [173, с. 10].

Неизученность словоизменительных категорий привела к тому, что исследователи перестали видеть их мотивирующую роль при определении классифицирующих лексико-грамматических категорий, т.е. категория частей речи оказалась в отрыве от словоизменительных или частнограмматических. Поэтому различительным признаком для частей речи рекомендовано считать признак синтаксический, а не морфологический. Между тем частнограмматические категориальные и некатегориальные формы являются составными и неотъемлемыми компонентами классифицирующих категорий. Только исследуя эти вопросы с точки зрения двуединства, можно достичь заметных результатов в морфологии.

Таким образом, вопрос о словоизменительных и формоизменительных категориальных и формообразующих некатегориальных формах в тюркских языках (в том числе и в чувашском) является актуальным.

Система языка не является жесткой, в ней содержится множество переходных явлений, занимающих промежуточное положение между различными категориями. Ввиду гибкости языковой системы иногда возникают трудности разграничения грамматических явлений. Казалось бы, между морфологией и синтаксисом как разделами языка существует довольно четкая разница. Ведь морфологией называется раздел грамматики, изучающий слова со стороны их внутренней словоизменительной, формоизменительной и формообразовательной структуры, т.е. морфемного состава, в плане образования словоформ, а также грамматические категории, которые в этих формах выявляются. А синтаксис — это раздел грамматики, изучающий способы соединения слов в словосочетаниях, высказываниях, фраз в предложениях. Таким образом, морфология — это учение о морфосочетании (учение о внутренней валентности словоизменительных морфем), а синтаксис — учение о словосочетании (о внешней валентности слов и словоформ). Разница между ними достаточно отчетливая. Тем не менее некоторые исследователи видят своеобразную зависимость морфологии от синтаксиса. Более того, Ф. де Соссюр в категоричной форме утверждает: «С лингвистической точки зрения у морфологии нет своего реального и самостоятельного объекта изучения; она не может составить отличной от синтаксиса дисциплины» [163, с. 130]. А мнение И.А. Бодуэна де Куртенэ является прямым противо-

поставлением предыдущему: «...морфология в узком значении слова и синтаксис составляют морфологию в самом широком понимании. Эти противоречия являются объективной причиной возникновения различных теорий, отражающих разные стороны одного и того же явления. В языке, как в природе, нет четких разграничительных рубежей. Тем не менее, сета на жесткость таких разграничений, не следует отказываться от известных понятий (как морфология и синтаксис). Нужно всемерно учитывать диалектический характер грамматических явлений и категорий, выявляемых в каждой части грамматики раздельно» [38, с. 25].

Диалектический подход к фактам морфологии заключается в учете взаимосвязей и взаимопереходов в пределах грамматических категорий и появления промежуточных явлений. Промежуточные явления иногда не укладываются в симметричную, искусственно навязанную схему. Например, нижеприведенное утверждение является как бы аксиомой для морфологии всех тюркских языков: «Всякая словоизменительная форма в тюркских языках является универсальной в пределах данной части речи» [144, с. 310]. Иначе говоря, словоизменительные аффиксы образуют категориальные формы слов, как правило, от всех или большинства слов, принадлежащих одной части речи. В течение длительного времени данное положение считалось единственно верным и не подлежащим пересмотру. На самом деле в чувашском языке (шире: в тюркских языках) есть словоизменительные аффиксы, для которых не показательна частая (регулярная) повторяемость или тотальность использования, они подвержены принципу избирательности употребления. Например, аффикс *-рах (-рех)* при существительных: *ачарах* «ещё ребёнок», *тихарах* «ещё жеребёнок», *курйкрах: тырйсем курйкрах* «хлеба ещё неспелые», *путекрех* «ещё ягнёнок». Этими примерами функция аффикса *-рах (-рех)* при существительных замыкается, но при некоторых существительных (около 20 слов) может выполнять роль формоизменительного аффикса: *вйрманаарах кёр* «заходи чуть глубже в лес», *умарах тйр* «встань чуть спереди», при этом он примыкает не к основе существительного, а к форме дательного падежа на *-а (-е)*. Если аффиксы чувашского языка рассматривать только с точки зрения словообразования и словоизменения, то *-рах (-рех)* не может быть принят за деривационный элемент, а признать его категориаль-

ным реляционным формантом — значит считать его неуниверсальным. Это говорит о том, что мы должны придумать новый термин. Если форму существительных на *-рах (-pex)* считать категориальной, то следует причислить её к числу непоследовательно коррелятивных. Но это противоречило бы утверждению: «Категория распространяется на все слова той части речи, которой она свойственна, то есть является тотальной, универсальной» [63, с. 25].

Все доводы говорят о том, что форма на *-рах (-pex)* у существительных является некатегориальной формой сравнения, выражающей своим значением неполноту оценки качества предмета: *ачарах* «ещё ребёнок», т.е. пока не взрослый.

Об удивительной подвижности грамматического строя тюркских языков пишет В.М. Насилов, по мнению которого одна и та же грамматическая категория способна нести различные синтаксические функции, а словообразующие аффиксы приобретают факультативное значение. Автор их назвал аффиксами включения. На этой основе он приходит к такому выводу: «Традиционными системами аффиксов (системами словообразовательных и словоизменятельных аффиксов) не исчерпывается грамматический строй тюркских языков» [110, с. 87].

Нежесткость языковой системы приводит к проблеме выбора варианта описания при неединственности морфологических решений. Бывают случаи, когда серьёзно доказать неприемлемость одной трактовки или превосходство другой невозможно. Возникает ситуация альтернативного описания того или иного морфологического явления. Вот эту альтернативу мы можем выразить следующими словами: выбирая одно из равных возможных описаний, лингвист должен стремиться — имея в виду единую картину не только исследуемого языка, но и языка как такового — обнажить интуитивную подоплеку своего выбора, указать в явном виде его важнейшие следствия, короче говоря, предъявить свой выбор на суд интуиции читателя в максимально удобной форме.

Выйти на суд читателя со своими формулировками «в максимально удобной форме» можно лишь тогда, когда ты хорошо знаешь исследуемый материал и тебе известны точки зрения коллег по тому или иному вопросу. При этом материал описываемого языка не должен рассматриваться «сквозь призму» других неродственных и даже родственных языков.

Если бы мы встали на путь «втискивания» материала чувашского языка в рамки индоевропейских языков, то нам следовало бы беспрекословно принять следующие утверждения:

1. Категория выделяется при наличии как минимум двух обязательно противопоставленных форм, рядов форм; иначе говоря, морфологическая категория основана на оппозиции, противопоставлении. Если положить данный признак в основу чувашских категориальных форм, то, признавая категориальную форму выделения *-и*, *-скер* у прилагательных, мы обязаны искать противопоставленную форму (возможно, с нулевой формой), т.е. признать в чувашском языке наличие категории невыделения. Но о ней никто из исследователей чувашского языка не говорит. Нет такого термина и в специальной статье И.П. Павлова [123]. Как правильно отметили В.Г. Гузев и Д.М. Насилов, основная форма в тюркских языках (в том числе и в чувашском. — В.С.) никак не может быть включена (и никем не включается!) в парадигму категории принадлежности [63, с. 26].

2. Категория всегда связана только с одной частью речи. Факты чувашского языка свидетельствуют об обратном: например, категории множественного числа и падежа характерны не только для существительных, но и для числительных и местоимений, а если учесть формоизменение, то эти категориальные формы проявляются у прилагательных и у глаголов — причастий настоящего, будущего и прошедшего времени.

При определении категориальных форм мы должны исходить из утверждения, что категория распространяется на все множество элементов той части речи, которой она свойственна, то есть является тотальной, универсальной. Под словоизменительной категориальной формой слова следует понимать совокупность форм (парадигму) или одну отдельную форму с автономной семантикой, соблюдающую принцип тотальности употребления в пределах одной или нескольких частей речи. А некатегориальной формой следует считать форму с автономной семантикой, характеризующуюся принципом избирательности употребления в пределах одной или нескольких частей речи и служащей в большинстве случаев для синтаксической связи слов.

Последовательное выделение категориальных и некатегориальных форм в пределах одной части речи как раз служит мор-

фологической характеристикой, присущей только ей. Система категориальных форм является при этом «паспортом» этой части речи, а система некатегориальных форм — «удостоверением личности» конкретной части речи. Это будет чисто морфологический подход к выявлению частей речи с опорой на семантический признак. При такой трактовке вопроса формы словоизменения должны стать надежным критерием определения частей речи, т.е. морфологических классов слов.

Принципы тотальности и избирательности употребления формантов выступают сигналами и путеводной звездой нашего исследования, основанного на количественном методе. С его помощью устанавливается прежде всего частотность форм, которая является определителем категориальных и некатегориальных форм. При исследовании категориальных форм во многих случаях показательна не абсолютная, стопроцентная частотность: термин «тотальность употребления» не означает обязательное употребление формы со всеми словами конкретной части речи. Здесь уместно оперировать относительными понятиями «больше», «меньше». «Больше» означает, что больше половины или не менее 75—95 % слов той или иной части речи принимают ту или иную форму; «меньше» — меньше половины, в некоторых случаях менее 25 % или даже 1—5 % слов, т.е. проявляют избирательность.

Как видим, количественный признак тотальности употребления говорит о том, что при исследовании фактов языка невозможно придерживаться системы полного охвата практически всех слов данной части речи.

В основе исследований категориальных и некатегориальных форм (какими бы ни были методы анализа: дистрибутивный, трансформационный, компонентный, контекстуальный или количественный) лежит семиотический принцип соотношенности формы и содержания. План выражения (форма) грамматических категорий — внешние выразители категориальных и некатегориальных форм. В своих исследованиях мы придерживаемся прежде всего формальной стороны словоформ, как говорил Л.В. Щерба, «должны быть какие-либо внешние выразители этих категорий. Если их нет, то нет в данной языковой системе и самих категорий» [188, с. 79]. Это не значит, что отрицаем двустороннюю сущность грамматических категорий. На наш взгляд, план выражения является суще-

ственным при определении категории, но ведущим и определяющим в этом единстве двух планов (выражения и содержания) является категориальное содержание, лежащее в основе той или иной категории, говоря словами Л.В. Шербы, «существование всякой грамматической категории обуславливается тесной, неразрывной связью её смысла и всех формальных признаков» [188, с. 80].

Как и в любом другом случае, мы можем затронуть вопрос об асимметричном дуализме лингвистического знака, т.е. морфемы: «Знак и значение не покрывают друг друга полностью... один и тот же знак имеет несколько функций, одно и то же значение выражается несколькими знаками» [90, с. 85].

Тезис об асимметричности связи между означающим и означаемым указывает на то, что не существует регулярных соответствий между этими сторонами знака. Одна и та же морфема может быть бифункциональной — соответствовать разным означаемым, например, аффикс *-лӑх (-лӑх)* — не только высокопродуктивный деривационный аффикс существительных, но и показатель формы достаточности или предзнаменения: *кӑпелӑх ситӑ* «ситец, достаточный для шитья рубашки», *пӑртлӑх пӑрене* «брёвна, рассчитанные на один дом»; одно и то же означаемое может выражаться разными означающими, например, показателем множественности личных местоимений 1 и 2 лица является аффикс *-р*, лично-возвратных *-ӑр*, а 3 лица множественного числа — аффикс *-сем*: *эпӑ-р*, *эсӑ-р*, *вӑ-сем*, *хам-ӑр*, *хӑв-ӑр*, *хӑй-сем*; значение уподобительности существительных передается аффиксом *-ла (-ле)*: *упалла* «как медведь», а местоимений — *-шкал (-шкел)*: *манашкал*, *хамашкал* «как я», «наподобие меня».

Традиционная морфология в план выражения включает как уровень слов, так и уровень морфем: план выражения слова — его морфемное строение. Из этого можно заключить, что уровень слова в морфологии — это уровень конкретных словоформ. В русистике отмечают наличие лишь уровня словоформ: основа (корень слова) + служебный элемент.

Поскольку чувашский язык относится к агглютинативным языкам, то здесь выделяем ещё и уровень основоформ, например, форма притяжательного падежа на *-ӑн (-ӑн)* является склоняемой основой многих местоимений. Основоформой категории уподобительности местоимений во всех случаях является

форма дательного падежа на *-a (-e)*: *сан-а-шкал* «подобно тебе». Это говорит о том, что механизм технического преобразования морфологического фрагмента чувашского языка распадается на подсистемы: словоизменения, формоизменения и формообразования.

Словоизменение, формоизменение и формообразование

В 1960 г. в Ленинграде была проведена специальная конференция, на которой с основным докладом «О границах слова» выступил В.М. Жирмунский [77]. Заслуга В.М. Жирмунского в том, что он охарактеризовал формообразование как самостоятельное морфологическое явление, занимающее в структуре слова место между словообразованием и словоизменением и присущее не только русскому и другим флективным языкам, но и языкам иных морфологических типов. Задача состояла в том, чтобы выявить специфику формообразования, отличную от специфики словоизменения не только в каждой семье родственных языков, но и в каждом отдельном языке. К сожалению, в тюркологии эта задача до настоящего времени не получила однозначного решения. На наш взгляд, это произошло из-за непризнания наличия в тюркских языках (и не только!) некатегориальных форм наряду с категориальными формами словоизменения и формоизменения, которые подчинены принципу тотальности употребления форм. Некатегориальные формы подчинены принципу избирательности употребления форм, что и является формообразованием (т.е. некатегориальным формообразованием).

Например, А.Н. Кононов в своих фундаментальных грамматиках турецкого и узбекского языков описание глагола представил в двух разделах: «Формообразование глагола» и «Словообразование глагола». В первый из них включены следующие подразделы: 1) залогии глагола; 2) виды; 3) наклонения и времена глагола; 4) лицо и число глагола; 5) модальные формы глагола; 6) причастия; 7) деепричастия. Таким образом, в разделе «Формообразование глагола» помещены и личные (спрягаемые) и неличные (неспрягаемые) формы глагола. Однако термин «словоизменение» в грамматиках А.Н. Кононова отсутствует. Это случилось потому, что автор в понятие формообразования включил и словоизменение [92; 93].

А в более поздних научных грамматиках тюркских языков, в частности караимского [109], гагаузского [128] и карачаево-балкарского [54], описание именных частей речи и глагола включает в себя словообразование и словоизменение.

Особое понимание явлений словоизменения содержится в монографии В.Г. Гузева «Очерки по теории тюркского словоизменения: имя»: «Формообразование — основная разновидность словоизменения, куда входят грамматические формы и категории с их категориальными значениями» [62, с. 137].

В кратком очерке [129] и статье Л.А. Покровской [130] выделены три группы аффиксов по их грамматическим функциям: словообразовательные, формообразовательные, словоизменительные. Если в грамматиках А.Н. Кононова нет раздела «Формообразование имен», то в кратком очерке грамматики Л.А. Покровской такой раздел есть. По признанию самого автора, «деление аффиксов на формообразовательные и словоизменительные в этом очерке было во многом ещё эмпирическим» [130, с. 13]. Вслед за Н.А. Лыковой, опубликовавшей статью «О границах между словоизменением, формообразованием в русском языке» [103], Л.А. Покровская (отмечавшая, что ею «вопрос о формообразовании в гагаузском языке и относящихся к нему аффиксах был окончательно решен» [130, с. 13]), на самом деле ещё глубже увязла в вопросе о формообразовании, так и не нашла «собственный внешний критерий разграничения аффиксов формообразования и словоизменения», ибо признала за словоизменением только многочленные морфологические категории, а одночленную категорию множественности на *-лар* (*-лер*) относила к формообразовательным.

К формообразовательным аффиксам Л.А. Покровская относит аффиксы, образующие: уменьшительно-ласкательные формы имен существительных, прилагательных и наречий; формы, выражающие ослабление и усиление признака, качества прилагательных и наречий; аффиксы, образующие порядковые и разделительные числительные. В сфере глагола к формообразованию следует отнести, по мнению Л.А. Покровской, все неличные формы глагола (инфинитив, причастие, деепричастие, образуемые также единичными аффиксами) [130, с. 14—15].

Что касается материала чувашского языка, то аффиксы порядковых числительных на *-мёш* (*пёрмёш* «первый» и т.д.),

разделительных *-шар (-шер)* (*икшер* «по два», *вишшер* «по три» и т.д.) не могут быть отнесены к формообразовательным, ибо они, подчиняясь принципу тотальности употребления, относятся к словоизменительным и образуют категории порядковости и разделительности числительных.

В тюркологии до сих пор причастия и деепричастия не признаются как категориальные глагольные словоформы. Наличие различных форм причастий и деепричастий обуславливает существование словоизменительных морфологических категорий словоизменительного типа. Причастия настоящего, прошедшего, будущего времени и другие являются показателями многочленной морфологической категории. И.П. Павлов в свое время писал: «...деепричастие является в известной степени *узловой категорией* (курсив наш. — В.С.)» [116, с. 240], к тому же многочленной.

Вопрос о чёткости определения терминов «словоизменение» и «формообразование» описан Л.А. Покровской в статье, упоминавшейся выше [130]. На него нет чёткого ответа не только в чувашском языкознании и тюркологии, но и в языкознании в целом. Доказать это нетрудно. Обратимся к словарям лингвистического толка. Например, в энциклопедии «Русский язык» словарная статья «Словоизменение» как таковая отсутствует, а имеется только отсылка к словарным статьям «Формообразование» и «Форма слова» [142, с. 303]. Словарные статьи на эти термины оформлены известным грамматистом-языковедом А.В. Бондарко. Оказывается, формообразование — образование форм слов, а «форма слова — морфологическая разновидность слова (а также всех слов, которые выступают в данной разновидности), характеризующаяся определенным комплексом грамматических значений, выраженных теми или иными формальными показателями при словоизменении» [142, с. 378]. Итак, А.В. Бондарко допускает, что термины «словоизменение» и «формообразование» равнозначны. По О.С. Ахмановой, формообразование — образование форм слова, выражающих несинтаксические категории: формообразование глагольно-видовое, форма несовершенного вида, степени сравнения у прилагательных [19, с. 502]. Э.Р. Тенишев со ссылкой на Е.С. Кубрякову высказал интересную мысль о том, что «в процессе словоизменения форма и лексическое значение исходной основы сохраняются... при формообразовании меняются и форма, и значение основы, но

только в грамматическом плане: возникающая новая основа выражает не лексическое, а грамматическое значение» [164, с. 5]. Мысль эта плодотворная, но требует дальнейшей трактовки.

Аффиксы словоизменения в сочетании с основой образуют словоформу, которая входит в парадигматический ряд. Аффиксы формообразования в сочетании с основой образуют словоформу, которая не входит в парадигму. Это говорит о том, что между словоизменением и формообразованием существует большая разница.

Между тем следует обратить внимание на термины «основа слова» (основа корневая), «основа производная» (маркированная) и «основа непроизводная» (немаркированная).

Основа непроизводная (простая, нечленимая, немаркированная) — та основа, в составе которой не выделяются живые [19, с. 296] словоизменительные аффиксы (суффиксы), состоит только из корня, с которым связывается лексическое, реальное, вещественное значение. Производная грамматическая основа (не путать с производным словом) образована посредством, например, аффикса *-и* — по мнению некоторых чувашеведов аффикса субстантивации, а на самом деле аффикса выделения: *хёрли* «тот, красный», «красноармеец», аналогично *шурри* «белогвардеец», «тот, белый» — включает в свой состав корень и аффиксы и, как правило, является членимой, т.е. мотивированной.

В чувашском языке в составе грамматически мотивированной производной основы существительных могут быть аффиксы: множественного числа *-сем*, принадлежности *-йм* (*-ём, -м*), *-у* (*-ў*), *-ё* (*-и*), *-ър* (*-ёр*) и т.д. Поскольку чувашский язык относится к агглютинативным языкам, то вышеназванные аффиксы (не только они) могут выступать как компоненты вторичных грамматических основ; ср. *куç-у-сем*, *ача-м-сем*, *ача-м-ър-сем*, *ач-и-сем*, *ач-у-на*, *ач-у-сър* и т.д.

Итак, словоизменение — это морфологическое грамматическое изменение непроизводной основы, т.е. основы с одним морфологическим показателем, эта основа называется первичной морфологической основой (*хёр-ў* «твоя дочь»). Первичная морфологическая основа *хёр-ў* «дочь», по законам агглютинации, может дальше изменяться: *хёр-ў-сем* «дочери твои», образуя вторичную, грамматическую производную основу (ср.: основа производная вторичная [19, с. 296]).

Таким образом, если следовать учению О.С. Ахмановой, мы вправе говорить не только о словоизменении в чувашском языке (т.е. об изменении непроизводной основы с одним аффиксом: *сынсем* «люди»), но и о словоформоизменении, т.е. об изменении первичной, вторичной, третичной морфологических основ.

То, что писал В.Д. Старичёнок в «Большом лингвистическом словаре» («словоизменение — изменение формы слова; образование грамматических разновидностей слова в пределах его морфологической парадигмы» [165, с. 576—577]), не вполне соответствует истине, ибо чётко не выражена мысль, что имеется в виду под «формой слова»: морфологически маркированная или немаркированная основа, первичная, вторичная, третичная морфологическая основа?

Морфологическая парадигма отражает реализацию грамматических (морфологических) категорий, т.е. структура парадигмы определяется характером грамматических (в нашем случае — морфологических) категорий и их взаимосвязями внутри частей речи. Парадигма — совокупность всех форм языковой единицы (слова), противопоставленных по определенным грамматическим значениям.

Например, посредством личных аффиксов принадлежности образуется грамматическая категория принадлежности и формируется морфологическая парадигма принадлежности:

единичность предмета обладания и обладателя	множественность предмета обладания и обладателей
1 л. <i>-ӓм (-ӓм, -м): ачам, кил-ӓм, чун-ӓм</i>	<i>-ӓм-ӓр (-ӓм-ӓр), -м-ӓр(-м-ӓр): ача-м-ӓр-сем</i>
2 л. <i>-у (-у): ач-у, кил-у</i>	<i>-ӓр (-ӓр): ач-ӓр-сем, кил-ӓр-сем</i>
3 л. <i>-ӓ (-и): ач-и, кил-ӓ</i>	

В чувашеведении специальных исследований, посвящённых проблеме категориальных и некатегориальных форм частей речи, нет. Не разрабатывались вопросы границ между морфологическим и лексико-семантическим словообразованием, между словоизменением и формоизменением, между словообразованием и формообразованием. В тюркологии имеются отдельные работы, касающиеся вопросов словообразования и словоизменения. Среди них статья Н.А. Баскакова, который считает, что одним из основных критериев определения границ между словообра-

зованием и словоизменением является критерий, выявляющий, с одной стороны, отношения лексико-семантические (все смысловые модификации реального и функционального значения слова), а с другой — отношения чисто синтаксические (отношения членов предложения между собой) [35, с. 5]. Н.А. Баскаков, сам того не замечая, из морфологии переходит в синтаксис, и система словоизменения превращается в выражение синтаксических отношений слов между собой (через члены предложения и словосочетания). Между тем словоизменение — это прежде всего описание механизма агглютинации слова, а не членов предложения и словосочетаний. По Н.А. Баскакову, словоизменение реализуется в следующих парадигмах: «1) отношения согласования всех членов предложения и словосочетания между собой выражаются категорией числа с парадигмами для всех частей речи, в том числе для субстантивных и атрибутивно-адъективных форм глагола; 2) отношения определения и определяемого в составе предложения и словосочетания выражаются категорией принадлежности и числа, с парадигмами также для всех знаменательных частей речи и в том числе для соответствующих функциональных форм глагола; 3) отношения субъекта и предиката (подлежащего и сказуемого) в составе предложения выражаются категорией лица (спряжение) с соответствующими парадигмами для финитных форм глагола» [35, с. 7—8] и т.д.

При такой постановке вопроса приходится искать границы морфологии и синтаксиса. Между тем морфосинтаксис интересует многих тюркологов, пытающихся описать морфологию через синтаксис, а не в терминах морфологии. Впрочем, это не их вина. Как известно, Ф.Ф. Фортунатов и его школа относили к словоизменению только синтаксически обусловленные формы слова, например, у существительных — склонение по падежам, у прилагательных — формы рода, у глаголов — лицо, время, наклонение [179, с. 155—156]. А.И. Батманова справедливо можно считать учеником фортунатовской школы в тюркологии: к словоизменительным категориям он отнёс только категории числа, принадлежности, склонения и спряжения, а все остальные аффиксальные словоформы считал словообразовательными [36, с. 71]. Позже эта точка зрения была развита Н.А. Баскаковым на примерах каракалпакского языка [28].

Важным и бесспорно прогрессивным явился широкий взгляд на формообразование в концепции Л.В. Щербы [188, с. 53—54]. В.В. Виноградов, как и Л.В. Щерба, используя понятие «формообразование», не противопоставлял его «словоизменению», а включил традиционные формы словоизменения в более широкое понятие формообразования. Концепция формообразования, выдвинутая Л.В. Щербой и В.В. Виноградовым, способствовала не только появлению термина «формообразование», но и обоснованию понятия системы форм одного и того же слова. Однако эта концепция заключала в себе противоречия: с одной стороны, понятие «формообразование» охватывало широкий круг образований, выходящих далеко за пределы собственно словоизменения, а с другой — сохранялся принцип ограничения формообразования сферой форм одного слова, что по существу предполагало тождество формообразования и словоизменения [47, с. 173—180]. Таким образом, неясность в соотношении понятий «словоизменение» и «формообразование» не устранялась.

Неопределённость трактовки терминов «формообразование» и «формоизменение» наблюдается и в тюркологии.

В нашем понимании словоизменение включает в себя все категориальные формы; оно противопоставляется формообразованию, к которому относятся некатегориальные формы любого морфологического класса слов. Категориальные формы определяются тотальностью употребления, а некатегориальные — избирательностью. При этом формообразование и словообразование оказываются не взаимоисключающими, а частично накладывающимися друг на друга понятиями в том плане, что они оба подчиняются принципу избирательности употребления аффиксов: в одном случае аффиксов словообразования, а в другом — аффиксов формообразования.

Словообразование и формообразование различаются функциями: создание либо новых слов, либо новых форм. Это может осуществляться одними и теми же средствами, что свидетельствует о полифункциональности языковых средств. Например, всем известно, что аффикс *-лӓх* (*-лӓх*) является высокопродуктивным словообразовательным аффиксом, в то же время посредством этого аффикса образуется форма достаточности, которая может указать ещё и на назначение или предел во времени: *сехетлӓх* «достаточный на час», *эрнелӓх* «достаточный на неделю», *пӓртлӓх* «предназначенный для дома», но нельзя говорить *мучилӓх*, *пиччелӓх*

в значении достаточности (или же назначения либо предела во времени). Лексические единицы, образованные посредством аффикса *-лӑх (-лӗх)*, обладают всеми категориальными признаками существительного: *куӑлӑх — куӑлӑхсем; куӑлӑхӑм, куӑлӑху, куӑлӑхӗ, куӑлӑхӑмӑр, куӑлӑхӑр; куӑлӑхӑн, куӑлӑха, куӑлӑхра, куӑлӑхран, куӑлӑхпа, куӑлӑхсӑр, куӑлӑхшӑн*. Слова с формообразовательным аффиксом *-лӑх (-лӗх)* таким качествами не обладают совсем или обладают частично; ср.: *силослӑх — силослӑхсем (?)*; *силослӑхӑм (?)*; *силослӑхӑн (?)*, но есть *силослӑхӗ* «то, что предназначено на силос».

Таким образом, словообразовательные и формообразовательные аффиксы могут материально совпадать, т.е. один и тот же аффикс может выступать в двух функциях — в функции словообразования и формообразования. Но при словообразовании образуется новое слово, оно является основным средством обогащения словарного состава языка. А при формообразовании словарная единица не образуется, при этом основа слова сохраняет свои категориальные, смысловые признаки и валентностные свойства, присущие части речи, к которой принадлежит основа.

Как словообразовательные, так и формообразующие аффиксы в чувашском языке имеют ограниченное употребление. Это говорит о том, что возможности образования слова как словарной единицы и образования формы слова как грамматической единицы ограничены определённой сферой значений основ, служащих базой для их образования.

Между формообразованием одной части речи и словоизменением (категориальной формой) другой посредством одного и того же средства функциональные различия также не стираются. Например, при именах прилагательных аффикс *-рах (-рех)* является аффиксом категории сравнения, т.е. происходит тотальное словоизменение (*хитре — хитререх* «красивый — краше», *лайӑх — лайӑхрах* «хорошо — лучше», *пысӑк — пысӑкрах* «большой — больше», *сӗллӗ — сӗллӗрех* «высокий — выше», *лутра — лутрарах* «низкий — ниже», *пӗчӗк — пӗчӗкрех* «маленький — меньше» и т.д.). При именах существительных же аффикс *-рах (-рех)* редкость: *ача — ачарах* «ребёнок ещё»; *тиха — тихарах* «жеребёнок ещё» и несколько подобных примеров, не превышающих численностью двух десятков слов, т.е. перед нами чистое формообразование или некатегориальная форма сравнения.

Таким образом, формообразование условно можно назвать «некатегориальным словоизменением».

Формообразование имеет отношение также к формоизменению, ибо в линейной последовательности аффиксальных морфем аффиксы формообразования могут стоять за формами словоизменения.

Словоизменение и словоформоизменение (в дальнейшем — формоизменение), а также их парадигмы непосредственно связаны с категориальными формами. Например, некоторые имена существительные могут быть в форме частотности: *килсерен* «в каждом доме», *ялсерен* «в каждой деревне», *хуласерен* «в каждом городе»; в форме компаративности: *ача-рах*, *тиха-рах*, *курйк-рах*, *путек-рах*... Таких словоформ немного. Эти словоформы не образуют парадигму, и их невозможно назвать категориальной формой существительных. Речь идет о некатегориальных формах и грамматической двойственности. Если учесть положение о том, что грамматическая (морфологическая) категория распространяется на всё множество элементов рассматриваемой части речи (мы будем говорить о принципе тотальности той или иной морфологической формы). Аффикс *-рах (-рах)*, употребляясь только с десятью существительными, подчиняется принципу избирательности и не может считаться категориальной формой, а это значит, что формы типа *ачарах* «ребёнок ещё», *курйкрах* «незрелый» (*тырйсем курйкрах* «хлеба незрелые», т.е. только в восковой спелости, зрелости) образуют некатегориальную форму сравнения существительных. Этот процесс мы будем именовать в дальнейшем формообразованием.

В разряд формообразования мы включаем все формы, в своё время названные «внепадежными формами» («падеж системине кёмен кўлепесем е формйсем»):

а) форму обладания или наличности на *-лй (-лй, -ллй, -ллй)*: *пиншаклй, шйлепкеллй, сумкаллй, велосипедлй*. Эти словоформы не следует путать с именами прилагательными типа: *илемлй* «красивый», *йслй* «умный» и т.д. Формы обладания на *-лй (-лй)* (типа *утлй* «имеющий коня, конный», *пйшаллй (сын)* «(человек) с ружьём» и т.д.) не могут считаться прилагательными, ибо они не принимают аффикс категории компаративности *-рах (-рах)*, который признаётся главной категориальной формой прилагательных;

б) предельную форму на *-чен (-ччен)*;

в) уподобительную форму на *-ла (-ле, -лла, -лле)*;

г) форму предназначения или достаточности на *-лйх (-лйх)*: *пўртлйх йывйс* «лес, рассчитанный на строительство дома»;

д) форму разделительности на *-шар (-шер)*;

е) форму выделительности на *-скер, -хи*;

ж) форму частотности на *-серен* и др.

Существует мнение, что грамматическая (морфологическая) категория всегда связана с одной и только одной частью речи. Это слишком категоричное высказывание, так как, например, категории множественного числа и падежа свойственны как существительным, так и местоимениям. В чувашском языке категория лица и категория выделения обслуживают несколько частей речи. В таких случаях, когда между грамматическими категориями разных частей речи устанавливается отношение детерминации или отношение интердепенденции (взаимозависимости), они составляют особый сложный механизм, в котором категории, присущие только одной части речи, выступают как составляющие элементы других частей речи, и эти категории объединяются в одну суперкатеорию. Такие суперкатегории обслуживают несколько частей речи.

Словоизменительные аффиксы и формообразовательные элементы (форманты) являются морфологическими признаками частей речи — они составляют бинарную систему, с одной стороны, словоизменительных морфем (парадигму) и образуют грамматическую категорию, а с другой стороны, формообразование также напоминает словоизменение, но оно остается вне грамматической категориальности.

Философские, логические, логико-грамматические, понятийные и языковые категории

Категория (в философии) — основное понятие, отражающее наиболее общие и существенные свойства, стороны, отношения явлений действительности и познания, т.е. категория — научное понятие, выражающее наиболее общие свойства и связи явлений действительности. Как научное понятие термин «категория» широко употребляется во всех разделах науки. В философии, например, различаются категории количества, качества, времени, пространства и т.д. Количественная категория — это категория, характеризующая предметы и явления внешнего мира со стороны величины, объема, числа. В философии время — объективная форма существования бесконечно развивающейся материи. Пространство — объективная реальность, форма суще-

ствования материи, характеризующаяся протяженностью и объёмом. Вне времени и пространства движение материи невозможно. Философские термины категорий времени и количества употребляются и в языкознании; например, число — грамматическая категория, выражающая количественные характеристики предметов мысли, т.е. грамматическое число и имена числительные соотносимы с философской категорией количества.

Поскольку язык есть общественное явление, его сущность раскрывается, как правило, через отношение к обществу. Это отношение состоит в том, что язык представляет собой продукт общественных отношений, а также служит для удовлетворения потребностей общества. Все это говорит о существовании философских (логических, понятийных) проблем языкознания. Эти проблемы касаются природы и сущности языка (в первую очередь, его социальной природы), отношения языка и мышления, языка и общества, системы и структуры в языке, его знакового характера, языкового значения, происхождения, эволюции и истории языка, идиоэтнического и универсального в языке, возникновения и развития философии языка [100, с. 545].

Язык при длительном социальном использовании вырабатывает свои структуры, и они устанавливаются в зависимости от действующих законов мышления. Человек строит свою речь сообразно нормам его сознания и при этом прибегает к использованию грамматических форм с соответствующим значением. Эти формы, употребляясь длительно, вырабатывают свои закономерности в морфологических и синтаксических сочетаниях. Логические (понятийные) категории мышления находят формальное лингвистическое (языковое) выражение, и при этом создаются особые грамматические категории. Логические категории лежат в основе грамматических, и наоборот. Логические и грамматические категории вырабатывают в языке логико-грамматическое значение, используют разные грамматические формы для выражения вкладываемого в них содержания логических категорий. Например, множественность (множество) как логическая категория может передаваться различными грамматическими средствами (а иногда передаётся логическими и фонетическими средствами). В чувашском языке множество (логическая категория) передается: 1) аффиксом *-сем* (показателем морфологической категории множественного числа): *сынсем* «люди», *ёнесем* «коровы», *сётелсем* «столы», *пукансем* «стулья»; 2) син-

таксически (сочетанием слов): *нумай сын* «много людей», *темице ёне* «несколько коров», *сирём сётел* «двадцать столов» (при этом существительные в чувашском языке остаются в так называемой форме единственного числа, а в русском — множественного); 3) лексически: *кётү* «стадо», *ушкӑн* «группа», *эртел* «артель»; 4) фонетически: *Уçланкӑра сырла-а-а!*.. «В поляне ягод!..»; 5) редупликацией: *ял-ял витёр тухрӑмӑр* «проехали много деревень».

Субъект (логическая категория) тоже может передаваться различными грамматическими категориями: 1) может быть выражен подлежащим (как отдельный член предложения), 2) личными формами принадлежности, когда одновременно выражаются и предмет обладания, и лицо обладания: *кёнеке-м* «моя книга», *кёнек-ү* «твоя книга», *кёнек-и* «его (её) книга»; 3) личными окончаниями глаголов: *вула-т-ӑп* «читаю», *вула-т-ӑн* «читаешь», когда субъект выражается личными формами спряжения.

Принадлежность, в свою очередь являясь логической категорией, в языке находит выражение: 1) лексическое: *атте* «мой отец»; *анне* «моя мать» (мама); 2) морфологическое: *пичче-м* «мой брат», *аппа-м* «моя сестра»; 3) синтаксическое: *ман сурт* «мой дом»; *сан пурт (сёне)* «твой дом (новый)»; 4) морфологосинтаксическое: *хамӑн хёрём* «моя дочь».

По мнению лингвистов, расхождения между грамматикой и логикой состоят в том, что грамматические и логические категории очень редко покрывают друг друга; почти никогда число первых и вторых не совпадает и т.п. Однако, каковы бы ни были различия в умственных навыках различных народов, существование некоторых основных черт нельзя отрицать. Есть общечеловеческая логика, и главные логические категории мы находим у всех мыслящих людей: они, естественно, лежат в основе грамматических категорий.

Важно иметь в виду, что многие логические категории не выступают в языке вне их грамматического использования. Грамматические категории могут, соответствуя содержанию логических, получать самостоятельную грамматическую форму.

И.И. Мещанинов понятийные категории называет особой разновидностью логико-грамматических категорий. По мнению автора, «эта разновидность логико-грамматических категорий выступает со специальным назначением: передавать логическую категорию грамматической формой, устанавливающей её содер-

жание. Здесь же грамматическая форма оказывается носителем содержания ею же выделяемой логической категории» [107, с. 12].

Таким образом, в языкознании выработался термин «понятийная категория». Она, как разновидность логико-грамматических категорий, выражается не только грамматическими формами, как предполагал И.И. Мещанинов, но и различными языковыми (лексическими, фонетическими) средствами. Например, интенсив в чувашском языке выражается редупликацией (*хёрлĕ-хёрлĕ* «красный-красный»), частичной редупликацией (*хунхура* «черным-черно»), синтаксически (*нитĕ пысăк* «очень большой»), *чи сÿллĕ* «самый высокий»), фонетически (*сÿ-ÿ-ÿллĕ* «очень высокий»), *на-а-ачар* «очень худой»).

«Понятийные категории (в языкознании) — смысловые компоненты общего характера, свойственные не отдельным словам и системам их форм, а обширным классам слов, выражаемые в естественном языке разнообразными средствами (разрядка наша. — В.С.). В отличие от скрытых грамматических категорий понятийные рассматриваются безотносительно к тому или иному конкретному способу выражения (прямого или косвенному, явному или неявному, лексическому, морфологическому или синтаксическому)» [107, с. 385].

Существует мнение, что средствами выражения понятийных категорий «выступают грамемы грамматических категорий, словообразовательные и лексические подклассы знаменательных слов, служебные слова, синтаксические конструкции и суперсегментные единицы языка (просодический контур и порядок слов)» [107, с. 38]. Отметим, что среди средств выражения понятийных категорий указывается просодический контур, иначе просодика (ударение, припев) — система фонетических средств (высотных, силовых, временных), реализующихся в речи на всех уровнях речевых сегментов (слог, слово, словосочетание, синтагма, фраза, сверхфразовое единство, текст) и играющих смыслообразующую роль.

Впервые просодика как способ выражения множественности (как понятийная категория) нами была упомянута в кандидатской диссертации «Способы выражения множественности в чувашском языке» [148, с. 21], в которой рассматриваются четыре способа выражения множественности: морфологический (аффиксальный), синтаксический, лексический и фонетический (интонационный), в последнем случае говорящий не прибегает

к открытому тексту (или к формальному выражению), чтобы выразить множество или собирательность, а выражает количество интонацией. Например, в зависимости от интонации слово *ача* «ребёнок» в связном предложении *Ача урамра вылять* «Ребёнок играет на улице», может означать сугубо единичность, т.е. одного ребёнка, но это же слово может передать значение множества детей, если мы произносим *ача-а-а*, делая на нём большое силовое, динамическое ударение, а само слово в целом произносим с восходящей интонацией: *Ача-а-а урамра вылять!* «Дете-е-ей (неопределённое множество) на улице играет!». Эта тема подробно рассмотрена в статье «Интонация как способ выражения грамматических значений в чувашском языке» [149]. Но в ней интонация (просодика) не названа граммемой и не упомянут термин «понятийная категория». Иногда лингвисты скрытые категории отождествляют с понятийными. В нашей работе вместо двухчленного термина будет фигурировать трёхчленный — «скрытые морфологические категории». Например, единичность и множество — понятийные категории, в чувашском языке они могут быть выражены:

	Единичность	Множество
Лексически	<i>сын</i> «человек»	<i>кётү</i> «стадо»
Синтаксически	<i>пёр сын</i> «один человек»	<i>сёр сын</i> «сто человек»
Морфологически (аффиксально)	?	<i>сынсем</i> «люди»
Фонетически	<i>сын</i>	<i>сы-ын</i> (урамра) «наро-оду (на улице)»

Поскольку для выражения множественности есть специальный морфологический показатель — аффикс *-сем*, то морфологическая категория множественного числа является явной, конкретной. В то же время для выражения единичности нет специального форманта (аффикса). Это говорит о том, что в чувашском языке нет морфологической категории единственного числа. Единственное число является «скрытой категорией», а точнее — понятийной или логико-грамматической, но только не морфологической. Категории, такие как изъявительное наклонение, положительный аспект, не имеющие специальных морфологических категориальных форм, не могут считаться явными морфологическими. То же нужно сказать о категориях

основного падежа, основного залога глагола, основной (положительной) формы прилагательных. Эти логические категории подняты в ранг морфологических необоснованно, на самом деле они являются скрытыми, т.е. логическими, тем не менее бытуют в исследованиях как грамматические (морфологические) категории.

К числу логико-грамматических категорий в чувашском языке можно отнести и категорию дефинитивности (или определённости — неопределённости). Категория дефинитивности — одна из категорий семантики высказывания; её функция — «актуализация и детерминизация имени, демонстрация его единственности в описываемой ситуации (определённость) либо выражение его отношения к классу подобных ему феноменов (неопределённость)» [100, с. 349].

У категории дефинитивности в чувашском языке нет определённого формального категоризирующего форманта, поэтому она не может считаться чисто морфологической. Считается, что значение определённости — неопределённости придаётся имени существительному перечисленными ниже грамматическими способами и средствами.

1. Аффиксальный способ

а) аффиксы принадлежности конкретизируют предмет, выделяя его среди однородных: *тусӑм* «мой друг», *тусу* «твой друг», *тусӗ* «его друг». Нужно иметь в виду, что категории принадлежности и дефинитивности в чувашском языке (а равно и в тюркских языках) относятся к разным сферам: принадлежность, выраженная аффиксами лица, — морфологическая (грамматическая); дефинитивность — логико-грамматическая;

б) аффикс выделительности *-и*: *Хирти сарӑ чечеке / Ӑшӑ кушна кам пӑхмӗ* (К. Ив.). «Кто приветливо не взглянет / На цветок родных полей?» (перевод П. Хузангая);

в) аффикс множественного числа *-сем*: *сысем* «люди», с одной стороны — определённый: люди, а не животные и не предметы; с другой стороны — неопределённость (какие люди — чуваша, русские, американцы или французы, молодые или старые, какой профессии — это неизвестно);

г) аффикс притяжательного падежа *-ӑн (-ӗн)*: *шкул сурчӗ* «здание школы» — *шкулӑн сурчӗ* «здание (данной) школы». По мнению отдельных языковедов, в первом случае более выраже-

на неопределённость, а во втором случае — определённость [9, с. 78—79].

2. Синтаксический способ

а) сочетание существительного с количественным числительным *пёр* «один» (*пёр сын* «некий человек», «один человек»); с одной стороны, здесь *пёр* обозначает определённое количество (один), но, с другой стороны, ясно выражена качественная неопределённость (какой человек — молодой или старый, мужчина или женщина, врач или учитель — на эти вопросы у чувашеведов ответа нет);

б) местоимение *темёлле* (*темле*) в сочетании с существительными выражает неопределённость: *темёлле кёнеке* «какая-то книга».

3. Лексический способ

а) существительные в словарной или реестровой форме: *ача* «дитя», «ребёнок»; известно, что *ача* «дитя или ребёнок» — живое существо человеческого рода; неизвестно — мужского или женского пола, какой национальности, возраст и т.д.

б) местоимения *такам* «кто-то», *темён* «что-то» указывают на неопределённость качества и количества.

По мнению некоторых исследователей, категория дефинитивности обнаруживается не только у имён существительных, но и у глагольных форм, в частности у причастий прошедшего и будущего времени. Что касается чувашского языка, неопределённость действия выражена более всего в причастиях прошедшего времени на *-нӑ* (*-нӗ*): *кайнӑ*, *килӗ*, *вуланӑ*, где результативность действия сопровождается значением неочевидности, заглазости, поэтому в тюркологии эту форму иногда называют повествовательно-неопределённым временем или прошедшим неочевидным временем.

Как мы уже отметили, в лингвистике в данный момент нет чёткого разграничения понятийных (логико-грамматических, или логических) категорий от языковых. Возьмём категорию одушевлённости и неодушевлённости и обратимся к лингвистическим энциклопедическим словарям.

В.В. Лопатин в словарной статье, посвященной указанной теме, пишет: «Одушевлённость — неодушевлённость — грамматическая категория имён существительных, прилагательных, отчасти числительных и местоимений» [142, с. 174—175]. По мнению автора, эта категория имеет морфологическое выражение

в единственном числе только у существительных мужского рода 1 склонения, а во множественном числе — у существительных всех родов и типов склонения (кроме несклоняемых). Но он не проводит чёткого разграничения морфологического и лексического способов выражения данной категории.

В.А. Виноградов категорию одушевлённости — неодушевлённости считает чисто понятийной, отражающей разделение человеком окружающего мира на живое и неживое. По его мнению, эта категория получает в языке двоякое выражение — лексическое и грамматическое; в семантическом аспекте — номинативная категория существительного, для прочих частей речи имеет статус синтаксико-семантической категории. Степень выраженности данной категории по языкам различна. Может иметь косвенное и нерегулярное выражение, что позволяет автору причислить данную категорию к понятийной [100, с. 342].

Категория одушевлённости — неодушевлённости и в чувашском языке является чисто логической, она находит выражение лишь косвенно (предметы распадаются на одушевленные и неодушевленные в нашем сознании, никаких грамматических средств выражения нет). Отчасти категория одушевлённости — неодушевлённости в чувашском языке получает лексическое выражение: одушевлённость и неодушевлённость выражены в местоимениях *кам?* *мён?* В чувашском языке имена существительные различаются по названиям предметов активных и неактивных (пассивных). К активным относятся только названия людей (имена собственные и нарицательные), отвечающие на вопрос *кам?* (кто?). Остальные названия, включая названия одушевленных предметов (животных, птиц, рыб, насекомых), относятся к неактивным, или пассивным [14, с. 6], и отвечают на вопрос *мён?* (что?).

В контексте языкознания 30—40-х гг. XX в. теория понятийных категорий создается как своеобразная антитеза логицизму и психологизму грамматических концепций.

Как отмечают лингвисты, термин «понятийная категория» встречается у Л. Ельмслева и О. Есперсена раньше, чем в работах И.И. Мещанинова, но в их толковании данный термин отождествляется с логическими категориями, в свою очередь понимаемыми неоднозначно. По мнению И.И. Мещанинова, «понятийная категория» является компонентом иерархической системы содержательных операциональных единиц. В эту систему

входят такие термины, как «грамматическое понятие» и «грамматическая категория». Указывается, что только в соотношении с этими двумя компонентами модели описания уточняется содержание термина «понятийная категория языка». «Всякое понятие, существующее в сознании человека, — указал И.И. Мещанинов, — может быть передано средствами языка. Оно может быть выражено описательно, передано семантикой отдельного слова, может в своей языковой передаче образовать в нём определённую систему». Здесь же имеется уточнение: «...не всякое передаваемое языком понятие является “понятийной категорией”» [107, с. 15]. Ими становятся такие понятия, которые выступают в языковом строе и получают в нём определенное построение. Понятийные категории находят свое выражение, по И.И. Мещанинову, в определённой лексической, морфологической или синтаксической системе. Следовательно, понятийные категории он рассматривал как категории языковые. Выявляясь в семантической стороне лексики, синтаксическом строе и морфологическом оформлении слова, по мнению автора, понятийные категории остаются тем самым в числе языковых категорий.

К понятийным категориям в разных языках, согласно точке зрения И.И. Мещанинова, относятся непредметность и предметность, субъект, атрибутивность, модальность, а также количество и качество. Некоторые из перечисленных категорий, относящиеся к философским и логическим категориям, находят языковое выражение и становятся логико-грамматическими или понятийными (языковыми).

Среди понятийных категорий И.И. Мещанинов выделяет фактически лишь три разряда. Они могут выступать в лексике, синтаксисе и морфологии, где становятся грамматическими понятиями. Как видим, И.И. Мещанинов в 40-х гг. XX в. в качестве средств выражения логических категорий не называет супraseгментные средства (просодический контур, интонация). В области изучения синтаксиса находятся и формы слов с их отношениями и связями.

Как известно, классы и формы слов были в первую очередь объектом морфологии, а затем синтаксиса.

Итак, принимая во внимание то, что морфологии присущи морфологические категории, а синтаксису — синтаксические, и учитывая взаимозависимость синтаксиса и морфологии, мы можем вслед за В.Г. Адмони сформулировать обобщенное опре-

деление термина: «грамматическая категория — это всякое системное, более или менее фронтально проведенное объединение некоторого множества грамматических явлений, обладающих каким-либо общим, формально выраженным семантическим или функциональным признаком» [1, с. 66].

Наша работа посвящена словоизменению, формоизменению, формообразованию и реальным морфологическим категориям, поэтому определение понятия «синтаксическая категория» остается вне нашего поля зрения. Укажем лишь, что многие морфологические категории обладают определенной синтаксической направленностью, но мы не утверждаем, что морфология всегда во всем объеме служит синтаксису.

Словоизменительные и формоизменительные морфологические категории

Лингвисты в своих исследованиях, посвященных сугубо морфологическим категориям, употребляют обобщенный родовый термин «грамматическая категория». Нет особых причин игнорировать данный термин, но для точной интерпретации морфологических явлений все же более удачным и точным следует считать конкретизированный термин «морфологическая категория».

Определение этого термина в течение XX в. не оставалось неизменным. Можно выделить три периода: 1) первая половина XX в. вплоть до 60-х гг.; 2) 60-е гг.; 3) 80-е гг. В основе данной периодизации лежит положение «морфологическая категория основана на оппозиции, противопоставлении» [40, с. 15]. До появления статьи Д.А. Штелинга «О неоднородности грамматических категорий» [185], в которой автором предложено следующее суждение: «Собственно грамматическую категорию можно определить как отношение, выраженное в грамматическом строе языка через противопоставление двух (и не более) взаимоисключающих друг друга по значению рядов (или группы) форм: это единство взаимоисключающих противоположностей» [185, с. 56], понятие противоположности в определении категориальных форм вовсе не включалось, или, в крайнем случае, понятие оппозиции не занимало главенствующего положения. Ср.: «Формальная категория слов есть ряд форм, объединенный со стороны значения и имеющий, хотя бы в части составляющих его форм, собственную звуковую характеристику» [127, с. 27];

«Грамматические категории — это объединения, группы, совокупности однородных грамматических явлений и прежде всего совокупности однородных грамматических слов при различии их форм [139, с. 245]; «Реально существующее в языке единство грамматического значения и средств его формально-грамматического выражения есть один из важнейших объектов грамматического изучения. Это единство и называется грамматической категорией» [51, с. 120]. Б.Н. Головин оставался всю жизнь верным данному определению, хотя впоследствии он несколько видоизменил его: «Грамматическая категория — это реально существующее в языке единство некоторого грамматического значения и формальных средств выражения [52, с. 180].

Штелинговское определение грамматической категории подвергалось критике лишь односторонне: исследователи не приняли утверждение о выражении грамматической категорией отношений двух (и только двух!) рядов форм. Но принцип противоположения (противопоставления, т.е. оппозиции) был принят за основу в определении грамматической категории. В.М. Никитевич, например, свое определение начинает именно этим словом: «Противоположение рядов форм со значениями, представляющими собой какое-то расчленение общего и объединяющего значения, и есть та более высокая ступень языковой организации, которой характеризуется грамматическая категория» [112, с. 11].

Противоположение стало признаваться качественным моментом в организации грамматической структуры. Оно якобы отражает закон познания вообще, сущность которого заключается в раздвоении единого на взаимоисключающие противоположности и взаимоотношения между ними. По мнению Д.А. Штелинга и поддерживающих его теорию, в грамматической категории отражается основной закон человеческого мышления — закон единства противоположностей. На наш взгляд, искусственно выведенный А.Д. Штелингом «закон противопоставления двух (и не более) форм» не что иное, как теория обязательного структурного параллелизма или языковой симметрии.

Уместно привести остроумное высказывание В. Хааса: «По-видимому, достаточно какой-либо путанице обладать высокой степенью изощренности, чтобы она утвердилась на многие годы» [197, с. 37].

В действительности оппозиционная теория грамматической категории со страниц русских грамматик успела перескочить во все грамматики национальных языков. Этой теорией «заразилась» и тюркология: «Категория морфологическая — совокупность аффиксальных морфем, реализующих конкретные формы слова, отражающих противопоставляющиеся друг другу лексические или грамматические отношения, объединённые единым, более абстрактным значением, присущим слову, функционирующему в составе словосочетания или предложения» [33, с. 12—24].

В чувашском языкознании вплоть до 90-х гг. XX в. новые исследования по морфологии не появлялись, но «оппозитивная теория» категории уже успела занять место в программе преподавания современного чувашского языка Чувашского государственного университета: «Грамматические категории — система противопоставленных друг другу грамматических величин (рядов морфологических форм) с однородным содержанием», указаны и типы оппозиции: бинарные и небинарные, привативные и эквивалентные [134, с. 11].

Кстати, привативные и эквивалентные оппозиции чувашскими лингвистами не освещались. В 60-х и 70-х гг. прошлого столетия в русистике существовало непоколебимое утверждение «морфологическая категория основана на оппозиции, противопоставлении», приведенное нами выше. Но теоретик морфологических категорий А.В. Бондарко постоянно подчеркивал, что эта черта характерна лишь для языков флективно-синтетического типа. Ср.: 1) «морфологические категории в славянских языках и в других языках представляемого им типа мы рассматриваем вслед за многими исследователями как системы противопоставленных друг другу рядов морфологических форм (в пределах определенной части речи) с однородным содержанием» [40, с. 10]; 2) «единственным требованием к плану выражения морфологических категорий (в языках флективно-синтетического типа) является наличие противопоставленных друг другу рядов морфологических форм» [40, с. 32].

Это «строжайшее требование» к морфологическим категориям в начале 80-х гг. прошлого века подвергается пересмотру в трудах самого же А.В. Бондарко. Он пишет: «Обычно основным признаком структуры грамматических категорий... признается оппозиция. Не отрицая значимости грамматических оппозиций,

мы стремимся показать, что содержательная структура грамматических категорий может включать не только оппозиции, но и неоппозитивные различия» [43, с. 29]. Оппозиция трактуется автором как один из возможных способов объединения компонентов грамматической категории, другим способом (средством), по мнению А.В. Бондарко, является отношение неоппозитивного различия. В качестве примеров грамматических категорий, в структуре которых заключено отношение неоппозитивного различия, служат многочленные категории падежа, наклонения, залога. Разграничение отношений оппозиции и неоппозитивного различия в структуре грамматических категорий в славянских языках дало возможность А.В. Бондарко сформулировать закон о необязательности оппозиции в грамматических категориях в языках некоторых структурных типов, в т.ч. агглютинативного типа [43, с. 34].

В конце 70-х — начале 80-х гг. в тюркологии появилась мысль о том, что тезис об обязательной противопоставленности членов грамматической категории не должен абсолютизироваться [63, с. 34].

Опровергая тезис об обязательности оппозиции в структуре грамматической категории, В.Г. Гузев сформулировал следующее определение: «Под грамматической категорией следует понимать структурную единицу более высокого, чем форма, порядка — такую, которая может представлять собой как совокупность форм, объединяемых одним общим или разными, но однородными служебными грамматическими значениями, так и одну отдельную форму с автономной семантикой» [59, с. 8]. Важным в этом определении является признание отдельной формы с автономной семантикой в качестве грамматической категории.

В совместно написанной статье В.Г. Гузев и Д.М. Насилов вскользь высказали мысль о том, что категории не являются обязательными для тюркских языков [63, с. 33]. Мысль эта может быть и плодотворной, но она не была развита авторами. В нашем понимании здесь речь должна идти о некатегориальных формах. Теория оппозиции, привнесённая из фонологии, при рассмотрении грамматики тюркских языков себя не оправдывает. К тому же члены фонологических оппозиций ни в одном языке любого типа не составляют категории. Признак оппозиции также не во всех случаях может быть положен в основу

понятия синтаксической категории. Так, по данным А.В. Бондарко, такие величины, как простое предложение, подлежащее, предикативность, не характеризуются оппозитивными признаками [40, с. 15].

Если тезис о том, что категория выделяется при наличии как минимум двух обязательно противопоставленных рядов форм или классов слов, не оправдывает себя на почве тюркских языков, то мы должны искать то исходное положение, которое характеризовало бы морфологическую категорию наиболее верно. На наш взгляд, такой характеристикой может служить принцип тотальности употребления: «категория распространяется на всё множество элементов той части речи, которой она свойственна, т.е. является тотальной, универсальной» [63, с. 25].

Двусторонняя сущность морфологических категорий

Говоря о двусторонней сущности морфологических (шире — грамматических) категорий, мы должны ответить на вопрос, какая из сторон — содержательная или формальная — является основной или определяющей для категории.

Существуют две противоположные точки зрения на морфологические категории по их отношению к планам содержания и выражения.

Л.В. Щерба высказал следующую мысль: «Само собой разумеется, что должны быть какие-либо внешние выразители этих категорий. Если их нет, то нет в данной языковой системе и самих категорий. Или если они есть благодаря подлинно существующим семантическим ассоциациям, то они являются лишь потенциальными, но не активными» [188, с. 79].

Казалось бы, автор целиком и полностью стоит на позиции определения категории с формальной стороны. Но в другой своей работе автор высказывал совершенно противоположное мнение: «Существование всякой грамматической категории обуславливается тесной, неразрывной связью её смысла и всех её формальных признаков. Не видя смысла, нельзя ещё устанавливать формальных признаков, так как неизвестно, значат ли что-либо, а следовательно, существуют ли они как таковые и существует ли сама категория» [187, с. 65].

Таким образом, Л.В. Щерба убедительно доказывает, что двусторонняя содержательно-формальная (или формально-со-

держательная) концепция морфологической категории является единственно верной. Но нельзя пройти мимо такого выражения: «если нет внешних (формальных) выразителей, то нет в языковой системе и самих категорий» — при определении морфологической категории важным оказывается указание на форму выражения категориального содержания. При этом мы можем сослаться на А.А. Шахматова, который соотносит категорию с морфологическим формальным выражением: «Грамматические категории познаются в русском языке при помощи тех морфологических особенностей, в которых они обнаруживаются. Эти морфологические особенности могут быть положены в основание при определении грамматических категорий» [183, с. 434].

Однако А.А. Шахматов также не был последователен в этом вопросе, в той же работе он решительно высказывается за семантическое обоснование грамматической категории, которую он определяет как «представление об отношении (к другим представлениям), сопутствующее основному значению, вызываемому словом» [183, с. 420]. Как справедливо подчеркивает А.В. Бондарко, в этом рассуждении по существу представлена семантическая концепция грамматической категории, близкая к теории понятийных категорий [40, с. 27].

А.А. Шахматова, развивавшего теорию грамматических категорий на основе понятийных, можно назвать основоположником теории о явных и скрытых категориях, хотя сам автор этими терминами не пользовался. Как известно, термин «скрытые грамматические категории» был введен в грамматическую теорию Б.Л. Уорфом [203, с. 88].

Двусторонняя формально-содержательная концепция морфологической категории представляется нам более убедительной. Если морфологию называем системой форм словоизменения и формоизменения, то при определении морфологических категорий должны исходить прежде всего из формы с учетом содержания. Включение в определение морфологической категории указания на формы выражения категориального содержания очень необходимо. Данное определение даёт возможность отличить морфологические категории, т.е. явные категории от скрытых. Морфологические категории выявляются прежде всего морфологическими средствами.

Явные (морфологические) и скрытые (логические) категории

Явные морфологические категории имеют (и должны иметь!) внешние выразители этих категорий. Если мы говорим о категории множественного числа в чувашском языке, то прежде всего имеем в виду множество словоформ, образованных с помощью аффикса *-сем*: *ачасем* «дети», *сынсем* «люди», *юмансем* «дубы», *шывсем* «воды» (различные) и т.д. Итак, множество словоформ, отличающихся друг от друга основами, но имеющих одну и ту же словоизменительную морфему *-сем*, мы называем категориальной формой множественного числа существительных.

По отношению к единственному числу существительных мы не можем говорить, что оно представлено множеством словоформ, имеющих одну и ту же словоизменительную морфему, поскольку внешнего выразителя морфологической категории единственного числа существительных в чувашском языке нет.

Таким образом, мы не можем выявить морфологически категориальную форму единственного числа существительных в чувашском языке. Не поможет, на наш взгляд, и введение термина «нулевая морфема». Мы имеем дело с оригинальным примером скрытой морфологической категории единственного числа. Перед нами пример не открытой морфологической категории, а образец понятийной (логической) категории. Понятийная категория единичности, как и категория множественности, находит различные способы выражения в чувашском языке. Множественность как понятийная категория может быть выражена: синтаксически (путем словосочетаний): *пин кёнеке* «тысячи книг» (букв.: тысяча книга), *нумай сын* «много людей» (букв.: много человек) и т.д.; фонетически (ритмико-интонационный способ): *Кайна-а-а!* «Грибо-о-ов!» (т.е. уйма грибов); лексически: *халăх* «народ», *кётӳ* «стадо».

Прежде чем заниматься исследованием морфологических категорий, языковед должен чётко представить границы грамматических и понятийных категорий.

Если единичность — понятийная категория (морфологической категории единственного числа в подлинном смысле этого слова в чувашском языке нет), а множественность — понятий-

ная категория, множественное число — морфологическая категория, то онтологически они являются несовместимыми. Ставшая банальной теория оппозиций, или противопоставлений, заставляла языковедов считать категориальные формы единственного и множественного числа существительных взаимоисключающими, т.е. грамматическими категориями обязательно надо было считать множество категориальных форм, ибо вне такого отношения они якобы существовать не могут. Фактически в противопоставлении *сётел* «стол» — *сётелсем* «столы» морфологический (аффиксальный) способ выражения множественности *-сем* взаимодействует в чувашском языке с неграмматическим, чисто логико-лексическим способом указания на единичность или множественность предмета. Заметьте: форма так называемого единственного числа в чувашском языке, как во всех тюркских (возможно, и в алтайских) языках, способна выражать и выражает во многих случаях неопределенное множество предметов. Это говорит о том, что скрытые морфологические категории отличаются от явных тем, что выявляются не чисто морфологическими средствами. Это — один из видов скрытых морфологических категорий. Бывают, по мнению исследователей, другие виды, которые для своего выражения используют функциональные особенности других категориальных форм, т.е., не имея своего означаемого, за счет означаемых других категорий. В.Г. Адмони называет их комплексно выраженными (или комплексными) морфологическими категориями [1, с. 71]. К числу таковых в чувашском языке можно отнести категорию дефинитивности (определённости — неопределённости), изъявительное наклонение. Эти категории не построены на оппозиции маркированная — немаркированная форма. Здесь совершенно иной тип отношений, ибо в этих случаях речь идет не о функциональных нулях (или о нулевой морфеме).

Проблема морфемного статуса нулевой морфемы вызвала разные толкования. Понятие невыраженного, но имплицитного члена той или иной категории вводило в заблуждение не одно поколение лингвистов. Но, как отмечает И.П. Иванова, «введение нулевой морфемы как равноправной морфологической единицы не только вступает в конфликт с общепринятыми определениями морфемы, но и нарушает принципы типологического анализа» [86, с. 167]. Если же морфему принимать как единицу, имеющую не только содержание, но и звуковую

форму, как единицу линейно выделяемую, то включение нулевой морфемы в общий морфемный ряд представляется невозможным. Понятие «единственное число» мы выделяем не парадигматически, а логически, подразумевая под этим понятием единичность.

Если признать наличие нуля во всех случаях постоянного отсутствия морфологического показателя той или иной грамматической категории, можно договориться до множественности нулей. При такой трактовке слово *сётел* «стол» в чувашском не должно считаться одноморфемным. В крайнем случае, по данным нынешней морфологии, оно должно быть двуморфемным или трёхморфемным: *сётел* + \emptyset (показатель единственного числа) + \emptyset (показ. основного падежа).

В свою очередь глагольная лексема *вула* «читай» или «читать», по данным современной «нулеологии», должна состоять более чем из шести нулей: $-\emptyset$ (показ. осн. залога); $-\emptyset$ (показ. повел. накл.); $-\emptyset$ (показ. ед. ч.); $-\emptyset$ (показ. актива); $-\emptyset$ (показ. 2 л. ед. ч.); $-\emptyset$ (показ. положит., утверд. аспекта); а в словоформе *вуматӑп* «читаю» мы обязаны указать наличие нулевого показателя изъявительного наклонения, естественно, нулевую морфему (или просто «нуль») нельзя считать эксплицитным морфологическим показателем, поэтому многие лингвисты, объявляя «нуль» имплицитным морфологическим показателем, создают только видимость нуля. Ведь всем известно, цифровой знак \emptyset «нуль» обозначает отсутствие величины [113, с. 369]¹, в нашем понимании — отсутствие морфемы. Нуль (лат. nullus — никакой) — число, от прибавления (или вычитания) которого к любому числу последнее не меняется: $a + 0 = 0$ (нуль), произведение любого числа на нуль дает нуль: $a \times 0$ (нуль) = $0 \times a = 0$, деление на нуль невозможно [160, с. 904]. Видимо, настала пора более трезво посмотреть на факты языка: морфологическое явление, чтобы стать явлением категориальным, обязательно должно иметь внешний выразитель, т.е. формальный показатель, причем он должен обладать принципом тотальности употребления, иначе говоря, распространяться на всё множество (или на большинство) элементов той части речи, к которой принадле-

¹ Ноль, нуль — «в математике: действительное число, от прибавления которого никакое число не меняется» [114, с. 412]. Добавление нулей в математике всё же значимо: 10 (десять), 100 (сто), 1000 (тысяча) 1000000 (миллион). Но в лингвистике такое добавление нулей даёт нуль.

жит. Всё это ещё раз убеждает нас в том, что под морфологической категорией или категориальной формой следует понимать как совокупность форм, так и одну отдельную форму с автономной семантикой, соблюдающие принцип тотальности употребления в пределах одной или нескольких частей речи. Исходя из данного определения морфологические категории следует считать одно-, двух-, трёхчленными или более. Некоторые категориальные формы, присущие одним частям речи, могут распространяться на другие. Если они на почве других частей речи подчиняются принципу тотальности употребления, категориальная форма терминологически и фактически сохраняется.

Если же та или иная категориальная форма на почве другой части речи перестаёт быть тотальной и подчиняется принципу избирательности употребления, то такая форма должна называться некатегориальной. Следовательно, некатегориальной формой следует считать как совокупность форм, так и одну отдельную форму с автономной семантикой, характеризующиеся принципом избирательности в пределах одной или нескольких частей речи и служащие в большинстве случаев для синтаксической связи слов. Например, отмечаем наличие категории компаративности (или сравнения) имён прилагательных, ибо все качественные имена прилагательные принимают формант *-рах* (*-рех*, *-тарых*, *-терех*). В то же время у имён существительных категории компаративности нет, для них существенна лишь некатегориальная форма компаративности, ибо число существительных, которые можно использовать с аффиксом *-рах* (*-рех*), не превышает двух десятков: *ача* «дитя, ребёнок» — *ачарах* «всё ещё ребёнок»; *тиха* «жеребёнок» — *тихарах* «жеребёнок ещё»; *курйк* «трава» — *курйкрах* (*тырйсем курйкрах* «хлеба ещё незрелые»); *хёлерех кёрсен* «ближе к зиме»; *саварах тухсан* «ближе к лету». Таким образом, именам прилагательным присуща категория компаративности, поскольку аффикс *-рах* (*-рех*) распространяется на все качественные прилагательные чувашского языка, а имена существительные имеют лишь некатегориальную форму компаративности, поскольку форма на *-рах* (*-рех*) распространяется лишь на 0,1 % существительных чувашского языка. Такое высказывание еще не стало лингвистической аксиомой. По словам В.Г. Гака, словоизменительные категории «характеризуются

тем, что слово может изменяться по субкатегориям. Таких грамматических категорий большинство. Среди них различаются: чисто грамматические категории, которые распространяются на все слова данной части речи (по нашей терминологии — категориальные формы. — *В.С.*); лексико-грамматические категории, которые распространяются лишь на часть слов данного класса (в нашем понимании — некатегориальные формы. — *В.С.*)» [50, с. 34].

Х.Г. Нигматов вслед за А.В. Бондарко грамматические категории классифицирует по особенностям образования. В тюркских языках, по мнению Х.Г. Нигматова, все грамматические категории, кроме категории залога и степени признака, являются последовательно коррелятивными, т.е. все формы определенной категории свободно организуются от всех лексических основ, с которыми могут вступать в синтагматическую связь показатели форм этой категории. Что касается категории залога, то она является непоследовательно коррелятивной, так как все формы залога не могут образоваться от всех глаголов; на образование возвратного, страдательного и взаимного залогов накладываются значительные лексические ограничения, широко отмеченные в тюркологии [111, с. 4].

Как было уже подчеркнуто, словоформы могут считаться категориальными формами лишь при последовательно коррелятивной градации, а непоследовательная коррелятивность дает повод говорить о некатегориальной словоформе, т.е. о формообразовании или о словообразовании, когда при помощи словообразовательного аффикса основа слова приобретает качественно новое значение, а при формообразовании новые лексические единицы не образуются.

Словоизменение и словоизменительная категориальная форма в грамматике порядков

Позиционные характеристики (последовательность морфем как в словоизменении, так и в формоизменении и формообразовании) рассматриваются в грамматике порядков, т.е. грамматика порядков представляет словоформу как упорядоченный набор морфем. Существенно, что порядок морфем (последовательность морфем в словоформе) должен быть предметом специального лингвистического исследования.

Словоизменение в чувашском языке (как во всех других тюркских языках) строится по схеме: основа слова + словоизменительный аффикс (показатель категориальной формы). Это определение дает нам право говорить о словоизменительной категории, а часть морфологии, занимающая изучением словоизменения, по праву должна носить название «словоизменительная морфология» или «морфология словоизменения».

В чувашском языке словоизменительные категории имеют не все части речи, а лишь некоторые. Среди них:

имя существительное

основа слова { + аффикс *-сем* — категория множественного числа
 + аффиксы падежей — категория падежа
 + аффиксы лица — категория принадлежности
 + аффикс *-чĕ* (*-чĕ*) — категория прошедшего времени
 + аффикс *-ах* (*-ех*, *-х*) — категория усиления;

имя прилагательное

основа слова { + аффикс *-рах* (*-рех*) — категория компаративности
 + аффиксы *-и*, *-скер* — категория выделительности
 + аффикс *-ĕн* (*-ĕн*) — категория образа (способа) действия
 + аффикс *-чĕ* (*-чĕ*) — категория прошедшего времени
 + аффикс *-ах* (*-ех*, *-х*) — категория усиления;

имя числительное

основа слова { + аффикс *-мĕш* — категория порядковости
 + аффикс *-шар* (*-шер*) — категория разделительности
 + аффикс *-ĕн* (*-ĕн*) — категория образа действия
 + аффикс *-чĕ* (*-чĕ*) — категория прошедшего времени
 + аффикс *-ах* (*-ех*, *-х*) — категория усиления;

глагол

основа слова { + аффикс *-кала* (*-келе*) — категория многократного действия (многократности)
 + аффикс *-ас* (*-ес*) — причастная категория будущего времени
 + аффикс *-кан* (*-кен*, *-акан*, *-екен*) — причастная категория настоящего времени
 + аффикс *-нĕ* (*-нĕ*, *-н*) — причастная категория прошедшего времени
 + аффиксы *-а* (*-е*), *-са* (*-се*), *-сан* (*-сен*) — категориальные формы деепричастий.

Формоизменение и формоизменительная категориальная форма в грамматике порядков

Чувашскому языку (как и всем тюркским языкам) присуща агглютинативная морфология — выражение грамматических категориальных и некатегориальных форм путем соположения морфем. Процесс последовательного наращивания аффиксов к основе слова (агглютинация) является закономерностью в тюркских языках. Аффикс при этом чаще всего является показателем какой-нибудь одной категории или формы и не может выражать несколько грамматических значений, как в русском языке. Например, в русском *товарищ-ам* компонент *-ам* определяет сразу число и падеж, а чувашское *юлташ-се-н-е* «товарищам» члениится на основу *юлташ*, аффикс множественного числа *-се* (алломорф аффикса *-сем*), показатель генитива *-н*, аффикс дательного падежа *-е*.

Примеры подобного типа говорят о том, что в чувашском языке, как во всех тюркских языках, имеется не только словоизменение (изменение немаркированной основы), но и формоизменение (изменение маркированной основы). Многие категориальные формы способны присоединять другие аффиксы. Например, форма множественного числа *-сем* изменяется по падежам, а формы падежей способны принимать аффиксы прошедшего времени *-ичĕ* и усиления *-ах* (*-ех*, *-х*). Формоизменение — способность морфологически маркированной основы присоединить к себе другие аффиксы категориальных и некатегориальных форм. Для формоизменения важна схема: основа слова + аффикс, указывающий на категорию максимально широкого объема, далее — аффиксы категории узкого объема (по Н.К. Дмитриеву) [65, с. 45]. Существует и такое мнение: «Чем меньше абстрагирована категория, которую представляет данный аффикс, тем ближе к лексической основе расположен её показатель» [55, с. 90].

Введение в грамматическое учение термина «формоизменение» представляется значимым, поскольку это поможет выявить в языке новые категориальные формы, которые до сих пор не были предметом описательной морфологии. Например, в чувашском языкознании до сих пор не отмечено наличие у прилагательных категории множественного числа. Верно, что в словоизменительной морфологии такая категория для имён

прилагательных нехарактерна, но в формоизменительной морфологии это явление вполне закономерное; выделительные категориальные формы на *-и*, *-скер* способны принимать аффикс *-сем*, тем самым образуя формоизменительную категорию множественного числа прилагательных. Если исходить из несостоятельной оппозитивной теории грамматических категорий, то формы *лайӕххи*, *лайӕхскер* «тот, кто хорош» должны считаться формами единственного числа. Но таковыми мало кто их считает, хотя возможность введения «мифического» нулевого морфа не исключена:

лайӕхх-и + \emptyset — *лайӕхх-и-сем*

лайӕх-скер + \emptyset — *лайӕх-скер-сем*

Термин «формоизменение» ввел в тюркологию В.Г. Гузев, по мнению которого он свойствен только многочленным категориям, конституируемым личными формами. С этих позиций, указывает автор, склонение или залого — «типичные словоизменительные категории, к которым приложимо только понятие “формообразование” и которые не имеют формоизменительного механизма. В то время как глагольная категория времени или именная категория принадлежности — такие словоизменительные категории, в устройстве которых наряду с формообразованием необходимо усматривать механизм формоизменения» [59, с. 9].

На наш взгляд, формоизменение свойственно не только многочленным, но и одночленным категориям. Например, форма прошедшего времени *-чӕ* (*-чӕ*) является не только словоизменительной категорией, она может быть показателем формоизменительной морфологии. Например, *студент-чӕ* «был студентом», *студент-сем-чӕ* «были студентами»; *хитре-чӕ*, *хитре-скер-чӕ* «был красивым», *виӕсӕ-чӕ* «было в количестве трёх», *виӕсӕ-мӕш-чӕ* «был третьим» и т.д.

Формоизменение служит для распознавания двусторонне связанных аффиксальных морфем, показателей категориальных и некатегориальных форм. Словоизменительные морфемы являются односторонне связанными; примыкая к немаркированной основе слова, они свободно проявляют свою категориальную и некатегориальную сущность, т.е. становятся открытыми выразителями грамматического значения. Но есть морфемы, которые самостоятельно себя не проявляют, «ключом» их распознавания в этом случае служит не только основа слова, но и последующие грамматические показатели. К таковым можно отнести аффиксы с временным значением, которые грамматически значимыми

становятся лишь в сочетании с аффиксами лиц: *кур-т-ӓм* «я видел» (или, по утверждению М.Р. Федотова, *кур-тӓ-м*), где форманты прошедшего категорического времени *-т-* (или *-тӓ-*) вовсе не употребительны в самостоятельном использовании: мы не говорим: *кур-т* (или: *кур-тӓ*). В этом случае временной показатель *-т-* (*-тӓ-*) проявляет свое значение лишь в двусторонней связи: *кур-т-ӓм* (или *кур-тӓ-м*), *кур-т-ӓн* (или *кур-тӓ-н*) «ты видел», *кур-ч-ӓ* «он видел». Это говорит о том, что категория лица в глаголах является только формоизменяющей категорией.

Двусторонне связанными аффиксальными морфемами в чувашском языке также являются: а) форманты отрицательной категории *-мас* (*-мес*), *-ма* (*-ме*), *-м*: *кур-мас-т-ӓп* (или *кур-мас-тӓ-п*) «я не вижу», *кур-ма-р-ӓм* (или *кур-ма-рӓ-м*) «я не видел», *кур-м-ӓ* «он не увидит»; б) форма оптатива *-ай* (*-ей*): *кур-ай-ас-чӓ* (орф. *кураясчӓ*) «хотелось бы увидеть», *кур-ай-ма-рӓ-м* «не пришлось увидеть». В последовательной цепи морфем *кур-ай-ма-рӓ-н* ни одна из них самостоятельно не способна выразить значение, присутствующее им: мы не говорим *курай* (хотя, как отмечает Н.И. Ашмарин, такая форма была употребительна раньше в значении повелительного наклонения: *шыв айне чӓмай* «нырни в воду» [25, с. 54]; нет в языке самостоятельной формы *кур-ай-ма-* в отрицательной форме, неупотребительна форма *кур-ай-ма-р(ӓ)-* со значением прошедшего времени. Главными проявителями их категориальных значений являются показатели лица.

Этот вопрос в чувашском языкознании (шире: в тюркологии) не изучен. Вопрос о формоизменении в тюркских языках должен быть поставлен и решён научными методами. Прежде всего, нужно выявить перечень категориальных форм, которые, прибавляясь к маркированной основе, способны вызвать формоизменение (точнее, словоформоизменение). Известно, например, что показатель прошедшего времени *-чӓ* (*-ччӓ*) ни при каких условиях не может служить базой для формоизменения. Но этот формант сам свободно может быть компонентом формоизменяющей категории: *ача-па-ччӓ*, *хитре-скер-ччӓ*, *пилӓк-ре-ччӓ*, *вӓл-ччӓ*.

Ср.: *ача-сем-ччӓ*

форма категории выделительности + *-сем* + *-ччӓ*: *ач-и-сем-ччӓ*
все падежные формы + *-ччӓ*: *ача-па-ччӓ*; *ача-шӓн-ччӓ*, *ача-сӓр-ччӓ* и т.д.

все формы категории принадлежности + *-ччӓ*: *ача-м-ччӓ*,
ач-у-ччӓ, *ач-и-ччӓ*, *ача-м-ӓр-ччӓ*, *ач-ӓр-ччӓ*.

Формообразование, форма слова и словоформа в грамматике порядков

В языкознании нет, наверное, более запутанного термина, чем «формообразование». Большинство лингвистов оно признается как словоизменение: формообразование — образование форм одного и того же слова (например, форм наклонения, времени, лица, числа и рода глагола) [142, с. 379]. А.В. Бондарко, изучая историю разработки понятия «формообразование», приходит к выводу: «В результате сосуществования расширительной и ограничительной тенденций в проблематике формообразования-словоизменения сложилась весьма неопределенная ситуация». Автор предлагает считать формообразованием не только образование форм одного и того же слова, но и образование форм разных слов, т.е. формообразование есть образование любых форм в рамках данной части речи [40, с. 114—115].

Те, кто придерживается морфосинтаксического подхода к морфологическим явлениям, предлагают считать формообразование образованием форм слов, выражающих несинтаксические категории.

В тюркологии подобную точку зрения на формообразование поддержал Ф.Г. Исхаков: «При помощи этих (формообразовательных. — *В.И.*) аффиксов образуются различные грамматические формы слова, не связанные с его синтаксическим употреблением» [89, с. 107]. По мнению автора, формообразовательные аффиксы бывают двух типов. Одни из этих аффиксов, затрагивая основных лексических значений слов, добавляют к семантике лексем некоторые особые значения. К ним Ф.Г. Исхаков относит аффиксы существительных в ласкательно-уменьшительной форме, интенсивной, недостаточной и превосходной степени прилагательных, аффиксы порядковых и собирательных числительных, залогов, некоторых видов форм глаголов. Другие формообразовательные аффиксы, по его мнению, совершенно не изменяя лексического значения слова, добавляют к нему лишь особые грамматические значения. К ним он относит аффикс множественного числа существительных, аффикс отрицательной формы глагола, аффиксы, образующие формы времен и наклонений глаголов, формы причастий и деепричастий.

При помощи словоизменятельных аффиксов, как писал Ф.Г. Исхаков, «образуются также различные грамматические

формы слова, но связанные только с синтаксическим его употреблением» [89, с. 107]. К ним автор относит падежные аффиксы и аффиксы принадлежности имен существительных, личные аффиксы глаголов и т.п.

Почти аналогичная точка зрения была высказана в свое время И.П. Павловым, который, в отличие от Ф.Г. Исакова, аффиксы времён и наклонений считает словоизменительными аффиксами [118, с. 8].

О сложностях, возникающих при таком распределении форм, в довольно четкой форме изложено в рецензии И.А. Андреева на книгу И.П. Павлова. Рецензент считает включение причастных, деепричастных и инфинитивных аффиксов в число формообразующих морфем неправомерным, ибо назначение выше-названных аффиксов прежде всего синтаксическое: они указывают на синтаксическую связь глагольного корня с другими словами [10, с. 194].

В.Г. Гузев советует различать две разновидности словоизменения: формообразование и формоизменение. Формообразование признается автором основной разновидностью словоизменения, охватывающей «не только категории с личными формами, но и все остальные категории». С этих позиций склонение и залого признаны автором типичными словоизменительными категориями, к которым приложимо только понятие «формообразование» и которые не имеют формоизменительного механизма. Глагольная категория времени или именная категория принадлежности являются словоизменительными категориями, «в устройстве которых наряду с формообразованием необходимо усматривать и механизм формоизменения» [59, с. 8—9]. На наш взгляд, такое разделение словоизменения для понимания сущности грамматических явлений ничего нового не дает.

Здесь будет уместно привести слова В.М. Жирмунского: «...с точки зрения академической грамматики, существуют три группы морфем: флексии, формообразующие суффиксы и словообразующие суффиксы. Но нас интересует не название, а принципиальный вопрос: где же проходит в языке граница между словоизменением и словообразованием, тождественно ли понятие формообразования с понятием словоизменения... Вопрос этот остается открытым. Можно думать, что под “формообразованием” понимается категория, переходная между сло-

воизменением и словообразованием, очертания которой представляют существенные различия в языках разного типа» [77, с. 16—17].

Огромная заслуга В.М. Жирмунского, как считает Л.А. Покровская, состоит в том, что он «верно охарактеризовал сущность формообразования как самостоятельного морфологического явления, занимающего в структуре слова своё место между словообразованием и словоизменением и присущего не только русскому и другим флективным языкам, но и языкам других морфологических типов. Задача состояла в том, чтобы выявить специфику формообразования в каждой семье родственных языков, отличную от специфики словоизменения» [130, с. 12].

Критикуя А.Н. Кононова, В.Г. Гузева и авторов грамматик караимского, гагаузского, карачаево-балкарского языков, Л.А. Покровская признаётся: «В конце 60-х годов мной в морфологии гагаузского языка были выделены три группы аффиксов по их грамматическим функциям: 1) словообразовательные, 2) формообразовательные, 3) словоизменяющие... Однако деление аффиксов на формообразовательные и словоизменяющие в этом очерке было во многом ещё эмпирическим... При подготовке к переизданию... вопрос о формообразовании в гагаузском языке и относящихся к нему аффиксах был мной окончательно решен. Решению вопроса отчасти помогло исследование формообразования в русском языке» [130, с. 13]. Далее, опираясь на работу Н.А. Лыковой, которая без каких-либо доказательств и теоретических оснований в зону формообразования «загоняет», помимо форм инфинитива, форму степеней сравнения прилагательных и наречий, формы прошедшего времени, глагольных наклонений, залогов и видов, субъективной оценки имен существительных и прилагательных [103, с. 51], Л.А. Покровская устанавливает «собственный внешний критерий разграничения аффиксов формообразования и словоизменения» для тюркских языков. Не вдаваясь в подробности, скажем, что ей удалось в очередной раз внести путаницу в так называемый «процесс формообразования», ибо она решила, что к формообразовательным аффиксам следует отнести аффикс множественности *-lar* (со всеми фонетическими вариантами), аффиксы, образующие уменьшительно-ласкательные формы имён существительных, прилагательных и наречий, форманты, выражающие ослабление и усиление признака, качества

прилагательных и наречий, аффиксы, образующие порядковые и разделительные числительные. В сфере глагола к формообразованию, по её мнению, «следует отнести все неличные формы глагола (инфинитив, причастие, деепричастие), образуемые также единичными аффиксами, не противопоставленными друг другу как члены определенных парадигм» [130, с. 15]. Автор считает определяющими признаками формообразования единичность и непротивопоставленность в парадигме, на самом деле здесь намешаны разноуровневые явления.

Наша интерпретация термина «формообразование» связана с делением грамматических форм на категориальные и некатегориальные. В связи с этим морфология как раздел науки состоит из трёх частей: словоизменения — учения о категориальных формах немаркированной основы или лексического слова; формоизменения — учения о возможностях агглютинации словоформ (маркированных основ), включая категориальные и некатегориальные формы; формообразования — учения о некатегориальных формах, образование которых основано на принципе избирательности.

В данной работе мы также придерживаемся мысли, что ядром морфологической категории являются словоизменительные и формоизменительные форманты, т.е. словоизменение и формоизменение — центр морфологии, а формообразование составляет её периферию, и поэтому форманты, характеризующие его, носят название некатегориальных.

Итак, словоизменение — это категориальное изменение немаркированной основы слова со следующим непосредственно за ней показателем той или иной категории, подчиняющейся принципу тотальности употребления (больше 50 %, возможно и до 100 % основ той или другой части речи): *нўрт-сем* «дома», *лаша-сем* «лошади»; *сўрт-йм* «дом мой», *чун-у* «душа твоя», т.е. почти со всеми существительными. Формоизменение (словоформоизменение) — категориальное изменение маркированной основы (т.е. словоформы) со следующим за ней показателем той или иной категории (или категорий), подчиняющейся (или подчиняющихся) принципу тотальности употребления: *ача-сем* + *-не* «с детьми» (ср.: *ача-на* «с ребёнком» — словоизменение, а *ача-сем-шён* «за детей» — формоизменение; *сўрт-у* «дом твой» — словоизменение; *сўрт-у-сем* «твой дома» — формоизменение). Формообразование — некатегориальное словоформоизменение

маркированной или немаркированной основы со следующими за ней показателями той или иной некатегориальной формы (или форм), подчиняющейся (или подчиняющихся) принципу избирательности употребления: *улма-шар* «по яблоку», *тенкёшер* «по рублю», *ача-рах* «всё ещё ребёнок», «ещё ребёнок», *вйрман-а-рах (кёрсен)* «при углублении в лес», *уя(уй-а)-рах тухсан* «как только вышли в поле» (перевод приблизительный). Эти примеры показывают, что под влиянием формообразовательного аффикса *-рах (-рех)* формант дательного падежа в свою очередь превращается как бы в формообразовательный элемент, т.к. он под влиянием аффикса *-рах (-рех)* подчиняется при этом принципу избирательности употребления (мы же не говорим: *сын-а-рах, этем-е-рех*).

Об основообразовании

Словоизменение, формоизменение и формообразование составляют общую формальную структуру чувашского языка — один из основных его уровней, его строевой каркас — морфологию. В 80-е годы XX века в тюркологии вошёл термин «основообразование». Это новый термин, по значению он не совпадает (как полагают некоторые лингвисты) с термином «словообразование».

Существует мнение, что деривационный аффикс в тюркских языках, в том числе и в чувашском, создаёт новую лексическую единицу с новым содержанием, а реляционный (словоизменительный) — выражает отношение между готовыми лексическими и морфологическими единицами. Выработаны достаточно чёткие критерии, по которым словообразовательные формы отличают от словоизменительных: деривационный аффикс, как бы он ни был продуктивен, образует новое слово не от любого слова той или иной части речи, т.е. словообразовательные форманты имеют в тюркских языках ограниченное употребление. Иначе говоря, аффиксальное словообразование подчиняется принципу избирательности употребления. Словоизменительные аффиксы образуют грамматическую форму слова от всех или почти от всех слов одной части речи и подчиняются принципу тотальности употребления. Большинство словоизменительных (категориальных) формантов служит синтаксической связи слов в высказыва-

нии (в словосочетаниях и предложениях), а деривационные аффиксы в синтаксической функции не выступают. Формообразующим аффиксам тоже присущ принцип избирательности употребления, но, в отличие от деривационных, они выступают в большинстве случаев в синтаксической функции.

В тюркологии существует мнение, что «в глагольной словоформе можно выделить комплекс основообразующих категорий, которые входят в состав словоформы, но сами её не образуют», а «залоговые показатели — это элементы лексического основообразования, противопоставленные блоку категорий (наклонение, время), образующих грамматическую основу словоформы» [58, с. 11]. В действительности, с точки зрения морфологической техники, основообразование (рассмотренное Э.А. Груниной на примере так называемых залоговых форм тюркских языков) стоит ближе к словообразованию: 1) подобно словообразовательным категориям, залог необязателен в структуре словоформы; 2) залогообразование обнаруживает не альтернативный, а деривационный тип отношений, выявляющий отношение производности; 3) объединение залоговых форм напоминает скорее словообразовательное гнездо, нежели словоизменительную парадигму; 4) залоговые формы не связаны оппозитивными отношениями; 5) лексикографическая практика интуитивно квалифицирует залоговые формы того или иного глагола как словообразование.

В лингвистике отмечают двояко выраженную (собственно залоговую и словообразовательную) природу залогообразующих форм [164, с. 270]. При этом возникает дилемма: как интерпретировать залоговые значения, меняющие семантическую валентность лексемы — как словообразование или как грамматическую (морфологическую) категорию? По мнению Э.А. Груниной, «есть основания рассматривать ПЗ (понудительный залог. — *В.С.*), а также ВЗ (взаимный залог. — *В.С.*) как грамматические категории номинативно-расширяющего типа, входящие в сферу основообразования (грамматического расширения основы) и не относящиеся к словоизменению» [58, с. 11—12]. Отсюда автор делает обобщающий вывод: «Тюркские залоговые — разнородные категории... которые объединяет статус их существования как категорий... относящихся к категориям основообразования, т.е. к особому типу морфологических катего-

рий, не принадлежащих ни к словообразованию, ни к словоизменению» [58, с. 11—13].

Заявление Э.А. Груниной о том, «что морфологическая по своей технике категория залога в тюркских языках входит в сферу основообразования (промежуточный тип между категориями словообразования и словоизменения)», заслуживает внимания. Но в чувашском языке встречаются случаи двойного употребления залоговых форм, например аффиксов так называемого понудительного залога: *кёрле-ттер-тер* «заставить звучать, шуметь, грохотать», *вёрен-т-тер* «заставить учить», в которых результатом «основообразования» следует считать лишь формы *кёрлеттер* «шуметь, тарыхтеть, грохотать» и *вёрент* «учить, обучать», но не *кёрлеттертер*, *вёренттер*, *вёренттерттер*. На наш взгляд, в словах *кёрлеттер*, *вёрент* аффиксы *-тер*, *-т* являются словообразующими (так называемые залоговые формы лексикализованы полностью и перешли в разряд лексических единиц), следующие за ними аффиксы — не что иное, как аффиксы понудительной формы. Более подробно эти вопросы рассмотрены в разделе о глаголе (с. 275—280).

Раздел 4

МОРФОЛОГИЯ, ОСНОВАННАЯ НА СЛОВОИЗМЕНЕНИИ, ФОРМОИЗМЕНЕНИИ И ФОРМООБРАЗОВАНИИ

Уровни морфологии. Части речи, имеющие категориальные и некатегориальные формы

Морфологией обычно называется раздел грамматики, изучающий словоизменение, прежде всего в плане образования форм слов, их системы и грамматические категории, которые в этих формах выявляются. Основным предметом морфологии до сих пор считали систему морфологических противопоставлений, свойственных данному языку, или систему его грамматических категорий и способов их выражения, и это считалось достаточным критерием для определения предмета морфологии. Морфология чувашского языка, на наш взгляд, должна исследовать не только вопросы словоизменения, но и формоизменения, а также формообразования.

Морфология словоизменения — раздел морфологии, изучающий образование грамматических форм слов с особым вниманием к грамматическим категориям и занимающийся вопросами словоизменения производной основы (или корня) слова, т.е. исследованием изменения немаркированной, первичной основы.

Морфология формоизменения (или словоформоизменения) — раздел морфологии, занимающийся исследованием категориальных словоформ с особым вниманием к грамматическим средствам, создающим как бы удвоение, утроение и т.д. форм слов. При этом исследователь прежде всего должен обратить внимание не столько на изменение основы слова, сколько на изменение словоформы, т.е. вторичной производной формоосновы, исследуя дальнейшее изменение маркированной основы.

Морфология формообразования — раздел морфологии, изучающий некатегориальные формы маркированных и немаркированных основ.

В морфологию традиционно также включают учение о грамматических классах слов (о частях речи). Выражение «часть речи»

следует принять как условный, но прочно устоявшийся термин, давно утерявший мотивационную связь с обозначаемым явлением. Он возник в древнегреческой грамматике в то время, когда еще не была установлена строгая дифференциация слова как единицы лексики и слова как элемента предложения. В результате совокупного применения трех критериев классовой идентификации слов: семантического, формального и функционального — все слова любого языка распределялись по рубрикам знаменательных и служебных частей речи. Функциональный критерий распределения слов по частям речи предполагает раскрытие их синтаксических свойств в предложении и мало связан с морфологией, поэтому при определении составов частей речи может быть легко устранен.

В чувашском языке морфологические классы слов могут быть классифицированы на основании семантического (обобщенное значение предмета, качества, количества, состояния или действия) и морфологического признака. Согласно морфологическому признаку различаются: 1) части речи, имеющие морфологические категории и обладающие способностью к формоизменению: имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение, глагол; 2) части речи, не имеющие морфологических категорий, лишь отчасти обладающие формообразованием: частица, послелог, имя действия, наречие и подражательное слово; 3) части речи, не имеющие морфологических категорий и не обладающие слабо развитым формообразованием: союз, междометие.

С этой точки зрения в морфологии в число частей речи союз и междометие включаться не могут. С другой стороны, если определять части речи, основываясь на частнограмматических категориях, можно констатировать, что причастие и деепричастие в чувашском языке являются категориальными, а не отдельными формами глагола.

Слова группируются в грамматические классы в зависимости от их общих лексических и грамматических значений, грамматических категорий, совокупность которых определяет положение этой группы слов в общем грамматическом строе языка. Прав был Л.В. Щерба, говоря: «Однако в вопросе “о частях речи” исследователю вовсе не приходится классифицировать слова по каким-либо ученым и очень умным, но предвзятым принципам, а он должен разыскивать, какая классификация

особенно настойчиво навязывается самой языковой системой...» [188, с. 78].

Категорию частей речи относят к общим лексико-грамматическим категориям и называют словоклассифицирующей. Словоклассифицирующие и словоизменяющие грамматические категории являются ступенями в языковой системе, фиксирующими и раскрывающими существенные стороны морфологии любого языка. Исследование этих категорий составляет задачу «внутренней» морфологии, по сравнению с «внешней», так называемой аналитической морфологией, где грамматическое значение выражается сочетанием слов. Ср.: рус. *прочту, буду читать* и чув. *вулѧп* «буду читать», *вуланѧ пулѧп*.

Наиболее ярким опознавательным знаком части речи выступает значение слова. Л.В. Щерба по этому поводу заметил: «...если мы знаем, что *какаду* — название птицы, мы не ищем формальных признаков для того, чтобы узнать в этом слове существительное». И ещё: «Впрочем, едва ли потому мы считаем *стол, медведь* существительными, что они склоняются: скорее, мы их потому склоняем, что они существительные» [188, с. 79, 80—81].

Л.С. Бархударов считает, что при отнесении слова к той или иной части речи ведущим должен быть не семантический (смысловой), а формально-грамматический критерий. «Иначе говоря, — пишет автор, — мы не потому относим слова к существительным, что они обозначают предметы, а, наоборот, считаем, что они обозначают предметы лишь потому, что определяем их как существительные по целому ряду грамматических признаков» [28, с. 53].

Настала необходимость примирить эти две противоположные точки зрения, ведь определения частей речи в школьных учебниках до сих пор грешат однобокостью: имя существительное — часть речи, обозначающая предмет или предметность; глагол — часть речи, объединяющая слова, которые обозначают действие или состояние. При этом почему-то предметность, действие и состояние во всеуслышание объявляются отвлеченными грамматическими значениями, а на самом деле они являются лексическими (или даже понятийными).

Определения имени существительного и глагола должны выглядеть так: имя существительное — это часть речи, обозначающая предмет и выражающая лексическое значение предметно-

сти в частных грамматических категориях числа, принадлежности, падежа и т.д.; или: имя существительное — знаменательная часть речи, включающая слова, которые имеют значение предметности и обладают в силу этого грамматическими категориями числа, принадлежности и падежа; глагол — это часть речи, которая обозначает процесс и выражает это значение в категориях лица, числа, наклонения, времени и т.д.

В силу названных причин мы проводим классификацию слов как лексико-грамматических единиц. Морфологический подход к классификации частей речи предполагает установление их через частнограмматические категории. При этом семантический принцип сохраняется.

К примеру, слово *çану* в творительном падеже:

Хапха тӑрри шартлатать И трещат, трещат ворота
Саламатна çанупа (К. Ив.) Под ударами плетей.

На русский язык *çану* может быть переведено как «хлестание», «битье». Казалось бы, *çап* (глагол) + -у дает возможность отнести слово к именам существительным; ср.: *сыру* (*сыр-* + -у) «письмо», *пуху* (*пух-* + -у) «собрание», *нӗлӳ* (*нӗл-* + -ӳ) «знание» и т.д. К тому же значение отвлеченной предметности налицо. Но слова *сыру*, *пуху* и *нӗлӳ* могут изменяться по лицам, числам, падежам и, соответственно, иметь категории числа, лица, падежа, а слово *çану* стоит вне этих категорий. Только по той причине, что стоит в творительном падеже, нельзя причислить его к словам, изменяющимся по падежам, поскольку на самом деле оно не склоняется. Таким образом, *çану* выделяется в особый класс имён действия (*ёс ячӗ*) — слов, не обладающих грамматическими категориями, в силу чего им присуще лишь частичное формообразование.

Морфологические признаки частей речи являются опознавательными знаками. При этом необходимо знание не только словоизменительной, но и формоизменительной и формообразовательной морфологии.

Некоторые исследователи считают причастия и деепричастия отдельными частями речи. Инфинитив в чувашском языке является неличной категориальной формой глагола, поскольку аффиксу *-ма* (*-ме*) присуща тотальность употребления, он не может быть причислен к формообразующим, таким образом, инфинитивный аффикс *-ма* (*-ме*) также следует рассматривать в качестве показателя, образующего категориальную форму словоизменения.

Существует мнение, что система словообразования в тюркских языках не является единой и общей. Она имеет две основные подсистемы: а) собственно дериватологию — подсистему лексико-семантического словообразования, когда аффиксы изменяют реальное значение слова; б) подсистему морфологического словообразования, когда изменяется реальное значение производной основы и морфологически это выражается через категориальные формы, которые не присущи производящей основе. При морфологической деривации появляется новый элемент морфологической действительности — новая единица части речи, чаще другой, чем исходная единица. Получается, что аффиксы морфологического словообразования преобразуют слова одной части речи в другую тотально. К такому выводу приходит Н.А. Баскаков, предлагающий исследовать тюркский глагол с позиций семантических и функциональных категорий [33, с. 48]. Вряд ли можно согласиться с его утверждением, что «именно словообразование определяет признаки и критерии частей речи, словоизменение их не определяет» [33, с. 4]. Но как определить, к какой части речи относятся те или иные производные слова, если у них нет деривационных признаков?

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

А. Словоизменение существительных

Категория числа

«Категория числа в языке — это чисто грамматическая категория, основанная на общих свойствах грамматической абстракции, обладающая всеми необходимыми чертами грамматического яруса структуры языка, обязательно выраженная каким-либо грамматическим способом и имеющая грамматическую форму», — писал А.А. Реформатский в статье «Число и грамматика» [138, с. 400].

Во многих языках, по мнению лингвистов, категория числа выражается противопоставлением двух членов — единственного и множественного числа. То же самое отмечается в чувашском языкознании. Подчеркивается также, что значение числа существительного обращено к внеязыковой действительности. Отражая непосредственно внеязыковую действительность, число выступает как номинативный элемент значения имени существительного.

Казалось бы, в языке нет проще категории числа существительных, в которой бинарное противопоставление рядов словоформ как будто налицо. В то же время именно при описании категории числа существительных мнение ученых расходится: она выдвигает перед исследователями противоречивый материал, который толкуется по-разному. Разногласия вызваны непониманием её как чисто грамматического явления и числа (количества) как философской (логической) мыслительной категории. Языковая категория числа является средством выражения мыслительной (понятийной) категории количества, которая в разных языках выражается разными средствами: лексическими, грамматическими, синтаксическими. Непонимание этого разнообразия средств выражения квантитативности выдвигает порой перед исследователями непреодолимые препятствия.

Говоря о грамматической (морфологической) категории числа, чувашские лингвисты не сомневаются в том, что в чувашском языке есть единственное и множественное число: множественное число выражается аффиксом *-сем*, т.е. оно маркировано, а единственное число является немаркированной основой существительного: *сётел* «стол» — *сётелсем* «столы», *ача* «ребёнок» — *ачасем* «ребята» и т.д. В этом случае можно говорить, что аффикс *-сем*, присоединяясь к именам существительным, образует категориальную форму множественного числа: *хёрсем* «девушки», *сынсем* «люди», *кёнекесем* «книги», а существительные *хёр* «девушка, девочка», *сын* «человек», *кёнеке* «книга» считаются именами в единственном числе, которое не выражено никаким грамматическим способом, т.е. не имеет маркированной морфологической формы.

При таком понимании вне морфологической категории множественного числа остаются все другие средства выражения множественности. К таким способам выражения множественности (как понятийной категории) мы относим:

а) редупликацию основы: *хир-хир урлă касрăмър* «переехали (перешли) несколько полей»; *ял-ял витёр тухрăмър* «прошли (проехали) несколько деревень». При этом *хир-хир*, *ял-ял* не числятся во множественном числе, хотя выражают неопределенное понятийное множество предметов, названных в основах слов *хир* «поле» и *ял* «деревня». Если употребить слово во множественном числе — *ял-ялсем*, то это уже будет не выражение множества предмета, которое передано основой *ял* «деревня»,

поскольку *ял-ялсем* в диалектах чувашского языка понимается в значении «сельчане» или «жители, представители некоторых деревень». Ср.: *Ял-ялсем тырă вырма тухнă та ёнтё* «Жители нескольких деревень уже вышли на уборку хлеба»;

б) удлинение одного из гласных основы: *Кăмна-а-а кунта!* «Грибо-о-ов здесь!»; *Ача-а-а урамра!* «Дете-е-ей на улице!»;

в) выражение существительным собирательного множества (лексический способ): *халăх* «народ», *кётӳ* «стадо», *ушкăн* «толпа» и т.д.;

г) передачу в определённом контексте идеи неопределённой множественности через форму единственного числа: *сырла патрăмър* «собирали ягоды», *кăмна пухрăмър* «собирали грибы»;

д) синтаксический способ: *пилёк кёнеке* «пять книг», *темице ача* «несколько ребят» и т.д.

Во всех этих случаях существительные остаются в единственном числе, но выражают неопределённое множество предметов.

А может ли категориальная форма, выраженная аффиксом *-сем*, передавать значение единичности предмета? Оказывается, может. В чувашском языке существуют такие формы почтительности, как *аттесем* «отец», *аннесем* «мать». Хотя здесь наяву форма множественного числа, выражаемая реалья мыслится в единственном числе, если отец живет один: *аттесем патне кайрăм* «съездил (сходил) в дом к отцу», *аннесем патне кайрăм* «съездил (сходил) в дом к матери», *аннесем патёнке пултăм* «был в доме матери»; естественно, *аттесем*, *аннесем* передают во многих случаях значения типа «отец и его семья» или «мать и окружающие её родные люди» (необязательно семья).

Форма множественного числа существительных в чувашском языке несёт разную функциональную нагрузку. В таких примерах, как *Мускавсем*, аффикс *-сем* является полифункциональным: а) выступает как аффикс множественного числа: *Америкăра Мускавсем темице те* «В Америке есть несколько городов под названием Москва»; б) не выражает того, что обозначено основой, т.е. *Мускавсем* имеет значение нарицательного существительного «москвичи» (жители Москвы); в) выражает значение сугубо единичного предмета (лица): *Вăл Мускавсем мар-и вара?* «Разве он не москвич?» В таких случаях *-сем* выступает на месте русских словообразовательных суффиксов *-ич*, *-ец* и др., и следует полагать, что в чувашском языке он тоже имеет тен-

денцию превращения из словоизменительного аффикса в словообразовательный.

Явно выраженный деривационный характер аффикса *-sem* проявляется в словах *хёрсем* «золовка» и *ывълсем* «деверь», которые являются словарными единицами, и здесь процесс лексикализации формы множественного числа налицо. Это было подмечено в свое время Н.И. Ашмаринным, который писал: «...слова *ывълсем*, *хёрсем* в этом случае теряют смысл множественного числа и склоняются как единственное (*ывълсемён*, *ывълсене* и т.д.), причем даже могут принимать вторично знак множественного числа: *ывълсемсем* — (мои) младшие деверья, *хёрсемсем* — (мои) младшие золовки» [20, с. 152]. Это напоминает установку Ф.Ф. Фортунатова, решившего разорвать падежно-числовую парадигму существительных, объявив формы множественного числа словообразовательными, т.е. квалифицируя формы единственного и множественного числа существительных как разные слова [179, с. 162]. Исследователи не последовали примеру Ф.Ф. Фортунатова, считая такое допущение явной логической ошибкой.

Следует обратить внимание на появившееся в последнее время в тюркологии мнение, что в морфологии тюркских языков представлена только одна форма — форма с *-лар*, являющаяся самостоятельным, автономным средством указания на множественность предметов, не входящим ни в какие морфологические ряды. По мнению В.Г. Гузева и Д.М. Насилова, основная форма имени существительного без показателя *-лар* (в примере узб. *китоб* «книга») не несет информации о количестве предметов [63, с. 27]. Здесь авторы явно не учитывают уровень исследуемого материала: путают морфологическое с синтаксическим, т.е. синтетическое с аналитическим. Конструкция *бир* «один» + имя существительное (*бир китан* «одна книга»), по их мнению, является грамматическим образованием, и поэтому вопрос о том, является ли это образование аналитической формой, ещё не решён.

В работе С.Н. Иванова говорится, что «значение единичности содержится наряду с другими значениями в самой форме единственного числа и не привносится в нее посредством тех показателей единичности, с которыми она сочетается» [83, с. 34]. Значение единичности в данной конструкции лишь уточняется, или же *бир*, выступая как бы в значении неопределенного артикля индоевропейских языков, выражает неопределенную единичность.

Если признать, как предлагают В.Г. Гузев и Д.М. Насилов, что в тюркских языках указанные конструкции являются формой единственного числа, то следует признать в них наличие двойственного числа, выраженного конструкцией *ики* «два» + имя существительное, тройственного числа и т.д., что представляется абсурдом. К тому же авторы утверждают, что в тюркских языках форма множественного числа выражена аффиксом *-лар* (*-лер*), как будто нет аффикса *-сем* в чувашском языке. Известно, что Н.И. Ашмарин особенностям употребления чувашского аффикса *-сем* посвятил целых 37 страниц своего труда по синтаксису чувашского языка [21, I, с. 50—87].

Следует подчеркнуть, что аффикс множественного числа в чувашском языке относится не только к словоизменительной морфологии, но и с успехом может фигурировать в формоизменительной (словоформоизменительной) морфологии; ср.: *кёнеке-сем* «книги» и *кёнеке-м* «моя книга» — *кёнеке-м-сем* «мои книги», *кёнеке-ў* «твоя книга» — *кёнеке-ў-сем* «твои книги», *кёнеке-и* «его (её) книга» — *кёнеке-и-сем* «его (её) книги».

В нашей работе мы отдаем дань традиции, и поэтому термин «единственное число» у существительных временами употребляется, но чисто условно. С другой стороны, на наш взгляд, всё познаётся в сравнении: познать категорию множественного числа помогает термин, обозначающий мнимое единственное число. Форма единственного числа существительных воспринимается как лексическая словарная единица вокабуляра.

Категория принадлежности и формы косвенной принадлежности

Категорией принадлежности называется словоизменительная морфологическая категория, выражающая одновременно и предмет обладания, и лицо обладателя [65, с. 54]. Она существует для того, чтобы передать отношение одного предмета (лица) к другому, если есть в этом необходимость; если же такой необходимости нет, то говорящий или пишущий не обращается к данной категории. Это одна из основных категорий имён существительных, на которой строится тюркская (в том числе и чувашская) грамматика (морфология).

В современном чувашском языке словоизменительная морфологическая категория принадлежности образуется при помощи следующих аффиксов:

аффиксы единичной предметной и личной принадлежности	аффиксы множественной предметной и личной принадлежности, или множественного числа
1 л. <i>-ӓм, (-ӓм, -м)</i>	1 л. <i>-м, -ӓм, -ӓм + -ӓр (-ӓр)</i>
2 л. <i>-у (-у)</i>	2 л. <i>(?) + -ӓр (-ӓр)</i>
3 л. <i>-ӓ, -и</i>	3 л. <i>-ӓ, -и + (?)</i>

Категория прямой (конкретно-личной) принадлежности. В категории конкретно-личной принадлежности существительных, на первый взгляд, проявляется конкретная морфологическая противопоставленность аффиксальных морфем, но эта оппозиция нарушается в двух случаях: во 2 и 3 лице, обозначающих множество. Это положение заставляет нас не признавать наличия нулевого аффикса единственного числа у категории принадлежности существительных, ср.:

единственное число:

1 л. *ача-м* «дитя моё», *суртӓм* «мой дом», *кинӓм* «моя сноха»;

2 л. *ач-у* «дитя твоё», *сурту* «дом твой», *кину* «сноха твоя»;

3 л. *ач-и* «дитя его (её)», *сурчӓ* «дом его (её)», *кинӓ* «сноха его (её)»;

множественное число:

1 л. *ачамӓр* «дитя наше», *суртӓмӓр* «дом наш», *кинӓмӓр* «сноха наша»;

2 л. *ачӓр* «ваше дитя», *суртӓр* «дом ваш», *кинӓр* «ваша сноха»;

3 л. *(вӓсен) ачи* «их ребёнок», *сурчӓ* «их дом», *кинӓ* «их сноха».

Аффиксы личной принадлежности во множественном числе имеют ряд различий, на которые следует обратить внимание. Если в 1 лице наблюдаем «нагромождение» типа аффикс 1 лица *-ӓм (-ӓм, -м)* + аффикс множественности лица *-ӓр (-ӓр)*, то в 3 лице нет показателя личного множественного числа, таким образом, отдельно взятая форма 3 лица *ачи, кӓнеки, кинӓ, сурчӓ, сӓтелӓ* и т.д. может трактоваться лишь как форма личной единичности. Предметное число в категории принадлежности выражается аффиксом *-сем*.

Множественность предметного числа:

1 л. *ачамсем* «дети мои», *суртӓмсем* «дома мои»

2 л. *ачусем* «дети твои», *суртусем* «дома твои»

3 л. *ачисем* «его (её) дети», *сурчӓсем* «его (её) дома».

Множественность личного и предметного числа:

1 л. *ачамӓрсем* «наши дети», *суртамӓрсем* «наши дома»

2 л. *ачӓрсем* «ваши дети», *суртарсем* «ваши дома»

3 л. (*вӑсен*) *ачисем* «их дети», *сурчӑсем* «их дома».

В 3 лице личное множественное число аффиксально не выражается, принадлежность передаётся не морфологически, а синтаксически: *вӑсен ачисем* «их дети», *вӑсен кӑнекисем* «их книги».

В чувашеведении стало аксиомой следующее положение: как предмет обладания, так и обладатель могут стоять в единственном и множественном числе, и здесь возможны четыре варианта:

1. Предмет обладания и обладатель стоят в единственном числе: *лаша-м* «моя лошадь», *лаш-у* «твоя лошадь», *лаш-и* «его (её) лошадь», при этом ничего не говорится о показателе единственного числа и о нулевом морфе. Здесь представлены лишь аффиксы лица *-м*, *-у*, *-и*; если вклинить в вышеприведенные словоформы «нулевые морфы», то это выглядит так: *лаша* + \emptyset + *-м* + \emptyset , *лаш* + \emptyset + *-у* + \emptyset , *лаш* + \emptyset + *-и* + \emptyset . Каждый здравомыслящий человек, глядя на эти нули, скажет: «Почему вы так коверкаете наш язык?»

2. Предмет обладания стоит во множественном числе, а обладатель — в единственном: *лаша-м-сем* «мои лошади», *лаш-у-сем* «твои лошади», *лаш-и-сем* «его (её) лошади»; формантом множественного числа здесь выступает аффикс *-сем*, а показателя единственного числа нет.

3. Предмет обладания стоит в единственном числе, а обладатель — во множественном: *лаша-м-ӓр* «наша лошадь», *лаш-в-ӓр* «ваша лошадь», *лаш-и* (3 лицо и только. — В.С.).

4. Предмет обладания и обладатель стоят во множественном числе: *лаша-м-ӓр-сем* «наши лошади», *лаш-ӓр-сем* «ваши лошади», *лаш-и-сем* «их лошади».

В последнем примере совсем не ясно, почему *-и* — это обладатель во множественном числе? Ведь в пункте 1 чётко сказано, что *-и* указывает на обладателя в единственном числе [14, с. 34; 118, с. 76—77].

Из этой путаницы Л.П. Сергеев выходит, на первый взгляд, просто: «Камӓнлӓх форми чӑваш чӑлхинче тӑватӑ тӑслӑ. Ку вӓл япали те, хуҫи те е пӑччен, е нумай пулнинчен килет: 1) япали пӑрре, хуҫи те пӑрре (пӑччен)» (Форма принадлежности в чувашском языке бывает четырёх видов. Это зависит от единичности или множественности предмета или обладателя: 1) пред-

мет один и обладатель один); но тут же попадает в сети прежних положений: «...япала ячѣ те, сӑпачѣ те пѣрреллѣ хисепре» (...и имя существительное, и лицо в единственном числе), и так по всем четырём пунктам [154, с. 267]. Л.П. Сергеев спорный вопрос о единственном числе не поднимает, отмечает лишь: «Пѣрреллѣ хисепѣн ятарлӑ морфологи палли сук» [154, с. 277] (Единственное число не имеет специфических морфологических признаков). Но что имеет в виду автор, когда говорит: «Пуплевре япала ячѣн пѣрреллѣ хисеп формипе сакӑн пек чух уса кураççѣ» [154, с. 278] (В речи форму единственного числа имён существительных употребляют в следующих случаях...) Имеет в виду нулевую форму? Ведь форма, форма грамматическая (морфологическая), предполагает «разновидность слова вместе с показателем его грамматического значения». Аффиксы принадлежности *-ӓм* (*-ӓм*, *-м*), *-у* (*-ӓ*), *-ӗ* (*-и*) — форманты лица, а не единственного числа. Это наглядный пример фокуснической имплицитно-ложной эксплицитности единственного числа, с проблемой фокуснической имплицитно-ложной эксплицитности мы сталкиваемся и при рассмотрении спряжения глаголов, но об этом позже.

В чувашском языкознании наличие категории принадлежности принимается всеми. Но в недавнем времени возник ряд «недоуменных вопросов» И.П. Павлова: «1. Не является ли категория лица в чувашском языке общей категорией для нескольких частей речи? 2. Следует ли отделять категорию принадлежности в особую грамматическую единицу имен существительных, как это принято в грамматиках тюркских языков? 3. Почему личные формы имён числительных или местоимений в грамматиках не рассматривают как отдельную грамматическую категорию?» [124, с. 5].

На первые два вопроса И.П. Павлов даёт следующие ответы: в чувашском языке имеется только общая категория лица; выделение категории принадлежности имён существительных не оправдано [124, с. 13]. На третий вопрос у него ясного ответа нет.

Если исходить из положения, что категория распространяется на все множество элементов части речи, то местоимение *пур*, сочетаясь с некоторыми аффиксами лица, не может образовать категориальную форму единолично; то же самое нужно сказать о числительных от 2 до 7: *иксӗмӗр* «мы вдвоём», *иксӗр* «вы вдвоём», *иккӗшӗ* «они вдвоём»; *ултсӑмӑр* «мы шестером»,

улттăшĕ «они вшестером»; *сичсĕмĕр* «мы всемером», *сичсĕр* «вы всемером», *сиччĕшĕ* «они всемером».

Имя существительное в сочетании с аффиксами лица чётко и предельно конкретно выражает отношение между обладателем (лицом) и обладаемым (предметом); *кĕнекем* «моя книга», *кĕнекĕ* «твоя книга», *кĕнеки* «его (её) книга» и т.д., т.е. в вышеприведенных примерах принадлежность вещи выражена в аффиксах лица. В то же время отсутствуют отношения между обладателем и обладаемым в формах числительных (от 2 до 7) и в местоимении *пур*. В глаголах аффиксы лица выражают значения действия субъекта, производящего данное действие: *сыртăм* «я писал», *сыртăн* «ты писал», *сырчĕ* «он писал».

Выходит, категория принадлежности имён существительных основана на свойствах личных аффиксов, выражающих значение принадлежности, такого значения у личных аффиксов никакой другой части речи нет. Отсюда вывод: категория принадлежности включает в себя ряды морфологических форм с аффиксами лица, выражающих принадлежность предмета обладателю, и в силу этого должна считаться категориальной формой.

Для доказательства наличия в чувашском языке общей категории лица, необходимо найти абсолютную тождественность аффиксов лица всех частей речи. Но такой тождественности в материально выраженных формах существительных и глаголов нет. Ср.:

имя	глагол
<i>пуç-ăм</i> «моя голова»	<i>кай-р-ăн</i> «ты ушёл, поехал»
<i>пуç-у</i> «твоя голова»	<i>кай-р-ăм</i> «я ушёл, поехал»
<i>пуç-ĕ</i> «его голова»	<i>кай-р-ĕ</i> «он ушёл, пошёл»

Во 2 лице единственного числа (*ачу* «твой ребёнок», *куратăн* «видишь») аффиксы *-у* и *-ăн* в синхронном плане материально различаются. К тому же нельзя не обратить внимания на последовательность аффиксов лица в именах и глаголах. Если в именах аффиксы лица относятся к словоизменению (примыкают прямо к корню или основе слова), то в глаголах встречается формоизменение (все аффиксы лица следуют только за аффиксами, выражающими временное значение). Таким образом, категория принадлежности является объектом словоизменительной морфологии, а категория лица глагола — формоизменительной морфологии. Поставить знак равенства между ними

невозможно ни по линии выражаемых им значений, ни по последовательности морфем в словоформе. К тому же имеется материальное несовпадение морфем лица в именах и глаголах (даже в самих временных формах глагола: *куратӑн* «вижу», *кур-ӑ-н* «увиджу», но *кураттӑм* «видал»; *кур-тӑ-м* «видел»).

Принадлежность (притяжательность) — понятийная категория, выражается не только морфологическим способом. В чувашском языке известны три способа выражения принадлежности: а) морфологический, когда значение принадлежности выражается аффиксально; б) синтаксический, когда оно передается словосочетанием, где первым членом синтагмы выступают личные и лично-возвратные местоимения 1, 2, 3 лица: *ман(ӑн) кёнеке*, *хам(ӑн) кёнеке* «моя, своя книга», *сан(ӑн) кёнеке*, *хӑвӑн кёнеке* «твоя книга», *ун(ӑн) кёнеки*, *хӑйӑн кёнеки* «его (её), своя книга»; ср.: *Уӑн кёнеке сук* «У него нет книги»; *Уӑн хӑйӑн кёнеке пулмалла* «У него должна быть своя книга»; в) для выражения принадлежности в 3 лице употребляется морфолого-синтаксический, а не чисто синтаксический способ: *унӑн кёнеки* «его (её) книга», *хӑйӑн кёнеки* «его (её), своя книга»; *вёсен кёнеки*, *хӑйсен кёнеки* «их книга». Морфолого-синтаксический способ выражения принадлежности, таким образом, является синтезом двух первых: *ман кёнекем* «моя книга», *хамӑн кёнекем* «моя, своя книга», *сан кёнеку* «твоя книга», *хӑв кёнеку* «твоя книга, своя книга», *ун кёнеки* «его (её) книга», *пирӑн кёнекемӑр*, *хамӑр кёнекемӑр* «наша книга», *сирӑн кёнекеӑр*, *хӑвӑр кёнекеӑр* «ваша книга», *вёсен кёнеки*, *хӑйсен кёнеки* «их книга».

Принадлежность представляет собой непостоянный признак слова, т.е. слово может не выражать связь предмета с лицом, поэтому и нет надобности включить основную форму в парадигму категории принадлежности.

В чувашском языке парадигма категории принадлежности включает 5 форм, каждая из которых имеет материальный морфологический показатель, и все формы по значению противопоставлены друг другу.

Как утверждают исследователи, двучленные категории (например, категория числа) строятся на основе оппозитивного отношения между значениями граммем, тогда как многочленные категории могут быть связаны как с оппозициями, так и с неопозитивными различиями. Что касается категории принадлежности в чувашском языке, то в ней совмещаются

оппозитивные и неоппозитивные различия: 1 и 2 лицо единичности обладателя противопоставлены как по форме, так и по содержанию 1 и 2 лицу множественного числа: *хёрём* «дочь моя» — *хёрёмёр* «дочь наша»; *хёрү* «дочь твоя» — *хёрёр* «дочь ваша».

Для 3 лица такой материально выраженной оппозиции нет: *унён хёрё* «его (её) дочь», *вёсен хёрё* «их дочь». Добавление личных местоимений *унён* и *вёсен* перед притяжательными формами существительных не создает морфологической оппозиции на уровне морфологических граммем, поэтому оппозитивные отношения существуют лишь на уровне синтагм (точнее, на уровне личных местоимений: *унён* и *вёсен*).

Формы косвенной принадлежности. В тюркологии до сих пор не писали о формах косвенной принадлежности. Исследователи вслед за Н.К. Дмитриевым говорили лишь о конкретной принадлежности (башк. *ат-ым* «мой конь», предмет обладания выражен основой *ат*, имя обладателя выражено аффиксом принадлежности *-ым* «мой»), и все аффиксы лица, как в единственном числе, так и во множественном, выражают конкретную принадлежность [66, с. 23, 25—27]:

<i>ат-ым</i>	<i>лаша-м</i>	<i>ат-ыбыз</i>	<i>лаша-м-яр</i>
	<i>ут-йм</i>		
<i>ат-ын</i>	<i>лаш-у</i>	<i>ат-ыгыз</i>	<i>ут-в-яр, лаша-в-яр</i>
	<i>ут-у</i>		
<i>ат-ы</i>	<i>лаш-и</i>	<i>ат-тар-ы</i>	<i>уч-ё-сем, лаш-и-сем</i>
	<i>уч-ё</i>	<i>ут-йм-яр</i>	

В тюркологических исследованиях писали в основном о конкретной (реальной) принадлежности, а что касается абстрактной принадлежности, то приводили примеры такого типа: *Был ат минеке* «Этот конь мой» [65, с. 5]; чув. *Ку лаша маняйни* «Эта лошадь моя» [14, с. 33—34].

С.Н. Иванов отметил, что «внутри категории принадлежности существует раздвоение значений: на значения конкретно-предметной отнесённости и отвлечённо-предметной отнесённости. Значение отвлечённо-предметного отношения по самому существу своему несовместимо со значением реальной принадлежности» [83, с. 112]. На наш взгляд, отвлечённо-предметная отнесённость — это не что иное, как косвенная принадлежность. Прав был Н.К. Дмитриев, когда писал: «...большинство

тюркских грамматик не трактует категорию принадлежности именно как грамматическую категорию с определённым содержанием (sic! — В.С.) и формой. Они говорят лишь о её форме (ср. с мнением И.П. Павлова, который “погнался” за формой и потерял содержание. — В.С.), т.е. об аффиксах, которые при этом невольно смешивают с личными окончаниями русского и европейского глагола. Такое построение кажется нам беспринципным и по существу неправильным... Её форма (система определённых аффиксов) тесным образом связана с внутренним содержанием, с её спецификой и является одной из характеристик особенностей тюркской грамматики.

Термин “принадлежность”, конечно, условный. Он передаёт не только понятие собственности в её юридическом смысле, но и целый ряд логических отношений, основанных на органической связи одного предмета с другим» [66, с. 23].

В поисках «логических отношений» мы обратимся к примеру *ачам* «дитя мое», где предмет обладания выражен словом *ача*, а обладатель — аффиксом принадлежности *-м*. Аффикс принадлежности *-м* оправдывает себя лишь в том случае, если говорящий обращается к своему ребёнку или говорит о собственном ребёнке, т.е. при этом выражается конкретная (реальная) принадлежность. Но бывает так, что говорящий обращается к чужому ребёнку и даже к взрослому человеку (чужому) с укором: *Ачам-ачам, мён туса хутайн халь?* «Что же ты наделал сейчас, браток?» Или пример из «Словаря чувашского языка» Н.И. Ашмарина: *Ачам, мён пулчэ сана, ма макран?* «Детка (или дитячко моё), что случилось, почему плачешь?» Из контекста неясно: это собственный ребёнок говорящего или чужой? Но в примере *ачамайшкă* прямо указано обращение к другому, чужому ребёнку: *Иксёмёр май килтереймёпёр, ачамайшкă* «Нет, мы, брат, с тобою не сладимся (не сговоримся) [А, II, с. 165].

На месте словоформы *ачам* так называемой косвенной принадлежности свободно могут фигурировать словоформы 1 лица категории принадлежности: *ывăйлăм* (диал. *ульăм*) — обращение матери или отца к своему сыну (прямая принадлежность): *Ывăйлăм, шыв йсса кил-ха* «Сынок (букв.: сын мой), принеси-ка воды»; *ывăйлăм* — обращение к знакомому или вовсе не знакомому мальчику (косвенная принадлежность): *Мён пулчэ, ывăйлăм?* «Что случилось, сынок?»; *хёрём* — обращение матери или отца к дочери: *Хёрём, вильăхсене утй пама манмарайн-и?*

«Дочка (букв.: дочь моя), не забыла ли ты дать скотине сена?» (прямая, конкретная принадлежность); *хёрём* — обращение ко всем незнакомым (и знакомым) девушкам взрослых мужчин (и женщин) [А, XVII, с. 34]; *кинём* — обращение к снохе — жене сына (прямая, конкретная принадлежность); *Хёрёме калам — кинём, илт* «Что сказано дочери, пусть услышит сноха» (косвенная принадлежность); в загадке *Пёчёрсесё кинём пур, алайкән-тёпелён кускалать (шайяр)* «Крошка-сношка по избе снуёт» (метла) словоформа *кинём* выражает косвенную принадлежность метафорически.

Если словоформа *чёрем(с)ём* передает значение «милый (милая)», то она выражает значение косвенности (метафорически). Употребление личных местоимений в форме родительного падежа в сочетании с существительными с аффиксом принадлежности создаёт особую эмоциональную насыщенность: *Ман хуламām вйранать ирхи шусāmпа* «Город мой пробуждается с рассветом». Формы 1 и 2 (иногда и 3) лица допускают инверсию членов притяжательной конструкции: *чёремсём манән* «сердце моё». Заметьте: в слове *чёремсём* аффикс 1 лица употреблен дважды: *чёре-м(с)-ём* (ср.: *ачамāmсем* «дети мои»), тем самым повышается эмоциональность выражения.

Употребление морфолого-синтаксической формы принадлежности в чувашском языке может быть контактным и дистантным: *ман Шупашкарām* «мой Чебоксары», *ман юратнй шурй Шупашкарām* «мои любимые белые Чебоксары».

Есть некоторые особенности в употреблении аффиксов принадлежности. Например, термины родства в 3 лице принимают аффикс *-(ш)ё*: *атте* «отец» — *аишйё* «его (её) отец», *анне* «мать» — *амйшйё* «его (её) мать», *мучи* «дядя» — *мучйшйё* «его (её) дядя».

Термины кровного родства и без оформления с аффиксом лица *-м* (*-ām*, *-ём*) могут выражать значение принадлежности 1 лицу: *атте* «отец» и «мой отец»; *анне* «мать» и «моя мать»; *пичче* «брат» и «мой брат»; *анпа* «сестра» и «моя сестра» и т.д.

Следует заметить, что в ряде случаев формы принадлежности служат в качестве вокатива. В таких случаях принято считать, что только притяжательные формы с аффиксом 3 лица могут выполнить такую роль: *аишйё* — обращение жены к мужу; *амйшйё* — обращение мужа к жене, при этом выражается взаимная почтительность при обращении их друг к другу.

В чувашском языке отмечены и другие формы вокатива, причем М.Р. Федотов основными считает притяжательные аффиксы

1 лица единственного числа: *хёрём* «дочка (моя)», *ывайлам* «сын (мой)», *ачам* «дитя (моё)»; *ачамсем* «дети (мои)» [176, с. 29]. Заметим: таким образом старшие обращаются не только к своим, но и к другим детям, с которыми они почтительно разговаривают. Иногда доходит до курьёзов: младшие по возрасту начинают разговор со взрослыми с присловия *ачам*, которое в данном случае выступает как вводное слово: *Ачам, ан та кала-ха* «И не говори, ей-богу».

Почти незамеченной осталась форма 2 лица единственного числа с аффиксом *-у (-ў)*, которая в краснотайско-сундырском говоре употребляется в качестве вокатива. Приведём примеры из книги Б. Чиндыкова «Чўк уйăхĕ»: *Роза аку, мана пĕр кĕленче эрех парăр-ха, э?* «Тётя Роза (букв.: Роза — сестра твоя), дайте мне бутылку водки»; *Асу, эсĕ лавкая ан кай халь...* «Отец, ты в магазин сейчас не ходи...». Во втором предложении обращение *асу* (букв.: отец твой) равнозначно слову *атте* «отец мой», «папа». *Галя акуна тĕл пулатăн та: — Гальяку, эсир ĕне сума пĕлетĕр-и?* «Встречаю тётю Галю, спрашиваю: — Гальяку, вы умеете корову доить?». В литературном языке более применимо *Галя аппа*. — *Здоровă, Вальккă пичу, — терĕ арçын ача* «— Здравствуйте, дядя Валентин, — сказал парнишка».

Странным кажется и то, что такая форма 2 лица может употребляться и вне вокатива. Например, первый рассказ Б. Чиндыкова так и называется — «*Асу*» («Отец твой»), в литературном чувашском языке оно должно звучать как «*Атте*» («Отец мой»). В этом же рассказе мы находим следующее предложение: *Асуна апу та сывăрса кайнă ĕнтĕ* «Твой отец и твоя мать уже заснули». На самом деле в рассказе под этими формами понимается «мой отец», «моя мать». Вот такие метаморфозы, связанные с употреблением форм 2 лица единственного числа, встречаются в диалектах чувашского языка.

Следует также отметить, что форма 3 лица употребляется не только в притяжательных конструкциях типа *Кашкăр Микули* «Волков Николай», *Упрам Матрўнĕ* «Абрамова Матрёна или Матрёна Абрамовна» и т.д., но и с собственными именами, передавая при этом пренебрежительно-уничижительный оттенок значения: *Олегĕ мĕн хăтланать тата?* «А что вытворяет Олег (его, её)?»

Иногда форма 3 лица употребляется без видимой надобности: *Атăлĕ тарăн, шывĕ тăрă* (Фольк.) «Волга (его, её) широка,

вода (её) прозрачна»; *Хули аякра мар-ха вӑл* «Город-то (его, её) недалеко находится».

Наличие таких форм, как *Олегӑ, Атӑлӑ, шывӑ, хули*, говорит о том, что имеет место не прямая, конкретная принадлежность, а косвенная. Под прямой принадлежностью понимаются отношения между предметами, когда один из них имеет непосредственное отношение к другому и является его органичной частью: *сӑтел ури* «ножка стола», *этем (сын) алли* «рука человека», *хӑвел пайӑрки* «луч солнца» и т.д. Косвенная принадлежность предполагает косвенную причастность, когда один предмет не является органичной частью другого предмета или же принадлежность одного предмета другому носит условный характер. Довольно часто выражение такой принадлежности бывает связано с выделительностью: *Сынни сынах вӑл* «Человек-то он человек», *Ачи лайӑх-ха* «Парень он хороший».

В тюркологии формы косвенной принадлежности до сих пор не отмечены. Исследователи тунгусо-маньчжурских языков признают наличие категории косвенной принадлежности [39].

В чувашском языке форма косвенной принадлежности является некатегориальной, поскольку не подчиняется принципу тотальности. С формой косвенной принадлежности существительных на *-ӗ (-у)* мы сталкиваемся в словоформах *кунӗне* «весь день», *хӗлӗне* «всю зиму», *ялӗне* «всей деревней», *тӗнчите* «всем миром», которые до сих пор считались наречиями. Логично допустить, что слово *ачам* «дитя», «браток» (при обращении к чужому ребёнку) тоже относится к форме косвенной принадлежности; то же можно сказать о словоформе *ачу-пӑчу* (букв.: ребята твоя), употребляемой в ситуации, когда родители ругают своих детей.

Форма 3 лица весьма активна и при формировании изафетных терминоконструкций типа *кавакарчӑн куҫӗ* «незабудка», *упа сарри* «папоротник», *вӗлтӗрен тӑрри* «зяблик» и т.д.

В словах *улмуҫси* «яблоня», *сапуҫси* «цепь», *хутруҫси* «мотовило», *пучушиши* «лутошка» и т.п. аффикс 3 лица в современном языке входит в состав корня или основы слов, поскольку они стали словарными единицами именно в таких формах.

Как показывают примеры, форма 3 лица весьма употребительна в чувашском языке при выражении разных значений. В словах чувашского (общетюркского) происхождения очень мало существительных, не принимающих аффиксы принадлежности.

Совсем другую картину мы наблюдаем в словах, заимствованных через посредство русского, типа *кофе, кенгуру, какаду*; эти слова не принимают показателей принадлежности, скорее всего, потому, что не было надобности выражать принадлежность их кому-либо, ибо кофе чуваша не пили, кенгуру и какаду (как животное и птица) им малоизвестны.

Категория прямой (непосредственной, неотчуждаемой, органичной) принадлежности опирается на принцип тотальности (всеобщности) употребления формантов принадлежности в именах существительных 1, 2, 3 лица, в то время как те же аффиксы *-ӓм (-ӓм, -м), -у (-ӓ), -ӗ (-и), -ӓм-ӓр (-ӓм-ӓр), ӓр (-ӓр)* подчиняются принципу избирательности при косвенной (отчуждаемой, неорганичной, относительной) принадлежности. Аффиксы принадлежности 1 и 2 лица *-ӓм (-ӓм, -м), -у (-ӓ)* при косвенной принадлежности распространяются лишь на термины родства и на существительные, обозначающие лицо. Употребление аффикса 3 лица *-ӗ (-и)* более широкое по сравнению с аффиксами 1, 2 лица, а значение косвенной принадлежности присуще и существительным, обозначающим объекты живой и неживой природы. Но это не даёт права считать косвенную принадлежность категориальной формой.

Если категорией прямой принадлежности называется грамматическая категория, указывающая одновременно и на предмет обладания, и на лицо обладателя, то при косвенной принадлежности лицо обладателя завуалируется, т.е. принадлежность предмета лицу носит условный характер. Вот примеры из стихотворений:

*Чӗкес, чӗкес, чӗкесӓм,
Ларса канма пӗлмерӗн
«Ласточка, ласточка, ласточка,
Не знаешь ты покоя».*

Словоформа *чӗкесӓм* создает лишь особую эмоциональную насыщенность в форме обращения 1 лица, и аффикс *-ӓм* употреблена формально, не выражает подлинного лица обладателя, этим создается значение косвенной принадлежности.

*Кунӗ пулчӗ пите шӑрӑх,
Сивӗ шывшӑн ӑш сунать
«Выдался денёк очень знойным,
Хочется воды студёной».*

В этом примере словоформа *кунё* может предположительно иметь при себе определения: *су кунё* «летний денёк», *утá уйáхён кунё* «июльский денёк» и т.д., но об этом мы можем только догадаться; в ней не проявляется ни лицо обладателя, ни предмет обладания, значит, *кунё* представляет собой форму косвенной принадлежности.

Это говорит о том, что в самих формах с аффиксами принадлежности существует раздвоение значений: значение конкретно-предметной (прямой) отнесённости и значение отвлечённо-предметной (косвенной) принадлежности: *Салтакё вáрám та яштакаскер* «Солдат высок и строен». *Салтакё* (букв.: его (её) солдат) — неизвестно чей солдат: солдат Родины, солдат роты, солдат матери или отца; *Ачи лайáх* «Мальчик-то хорош». Словоформа *ачи* (букв.: его (её) дитя) выражает обобщенное значение, этим словом можно передать значения «мальчик», «девочка», «малыш» и даже «взрослый».

Форма косвенной принадлежности 3 лица с аффиксом *-ё* (*-и*) широко представлена в изафетных полуфразеологических конструкциях:

а) в названиях травянистых растений: *шáл курáкё* «тысячелистник»; *антáс курáкё* «девясил»; *симёк курáкё* «горюцет»; *шысá курáкё* «алоэ»; *салтак тўми* «дикая ромашка»; *мелке курáкё* «метлица»; *шáма кёпси* «дягиль»; *арáм (эрём) курáкё* «полынь»; *усал курáкё* «копытень»; *сумáр курáкё* «дикая спаржа» и т.д. (число таких названий растений достигает до 200 единиц);

б) в названиях птиц: *кантáр кайáкё* «конопьянка»; *сёр чёкесё* «стриж»; *майра кайáкё* «канарейка»; *шыв чáххи* «кулик»; *ёсле-ёсле си кайáкё*, *вут кайáкё* (названия несуществующих птиц); *вáрман кáвакалё* «дупель»; *хир чáххи* «куропатка»; *шапа хуралси* «цапля».

Таким образом, форма косвенной принадлежности совпадает с прямой принадлежностью лишь по форме выражения (т.е. формально) и различается в плане содержания, то же самое мы наблюдаем во фраземах (в фразеологических единицах, идиомах): *йытá пурнáсё* «собачья жизнь»; *кушак пурнáсё* «привольная жизнь» (букв.: кошачья жизнь); *шáпчáк ыйхи*, *мулкач ыйхи* «короткий сон»; *элек вутпусси* «сплетник»; *кёл чáххи* «домосед» т.д.

Категория падежа

Категория падежа имени существительного — одна из основных грамматических категорий: она имеет отношение и к морфологии, и к синтаксису. В связи с этим необходимо четко представить, что такое падеж в морфологии и синтаксисе, ибо в учении о языке постоянно путают эти два понятия. В этом легко убедиться, взяв определение падежа из любой грамматики: «Категория падежа — это грамматическая словоизменятельная категория, указывающая на синтаксическую функцию имени существительного и на его связи с другими словами в речи» [161, с. 126]; «Падеж — эта грамматическая категория имени, обозначающая с помощью специальных аффиксов или их сочетания с послелогом синтаксическое отношение данного существительного к другому существительному, наречию или глаголу» [55, с. 132]; «Категорией падежа называется словоизменятельная категория имени, обозначающая, что словоформа существительного выступает в качестве подчиненной при глаголе, другом имени или наречии и несет при этом отвлеченное значение отношения...» [56, с. 326]. После такого определения в «Грамматике современного русского литературного языка» (1970) делается странный, на первый взгляд, вывод о том, что «категория падежа, в отличие от всех других категорий как имени, так и глагола, выступает как категория синтаксиса, а не морфологии» [56, с. 326]. Если категория падежа — словоизменятельная категория, то каким образом она может быть только синтаксической? Если это синтаксическая категория, то почему во всех грамматиках и парадигмах склонения приводятся отдельные слова, а не словосочетания?

Определение В.В. Виноградова: «падеж — это форма имени, выражающая его отношение к другим словам речи» [46, с. 139] — правдиво только с точки зрения синтаксиса. Если же падеж — морфологическая категория, то и падежи должны выделяться формами слов. Изменение слова по падежам мы называем парадигмой склонения. Для морфологии, таким образом, особый интерес представляет прежде всего падежная форма, а только потом — содержание, ибо «в падежных формах имени существительного отражается понимание связей между предметами, явлениями, действиями и качествами в мире материальной действительности» [46, с. 139]. При этом, естественно, падежные

аффиксы выполняют синтаксическую функцию в словосочетаниях, ибо понимание связей материальной действительности осуществляется через словосочетания лучше, чем через отдельно взятую падежную форму.

Итак, падеж — это особая морфологическая форма слова, выражающая его отношение к другим словам, как к глагольным, так и именным. В этом отношении он синтаксичен. В то же время наличие парадигматических изменений склоняемого слова и противопоставленных друг другу падежных форм даёт повод говорить о падеже как о словоизменительной и формоизменительной морфологической категории.

В чувашском языке категория падежа является многочленной. На сегодняшний день в ней выделяют восемь падежей:

Осн.	<i>кам? мён?</i>	—
Прит.	<i>камӓн? мёнён?</i>	-ӓн, -ён, -н
Дат.	<i>кама? мёне?</i>	-а, -е
Мест.	<i>камра? мёнре? аста?</i>	-ра (-ре), -та (-те), -че
Исх.	<i>камран? мёнрен? астан?</i>	-ран (-ран), тан (-тен), -чен
Твор.	<i>кампа? мёнпе?</i>	-па (-пе), -пала (-пеле), -палан (-пелен)
Лиш.	<i>камсӓр? мёнсӓр?</i>	-сӓр (-сӓр)
Прич.	<i>камийӓн? мёнийён?</i>	-ийӓн (-ийён)

Данный состав падежей был установлен после дискуссии по проблемам чувашской грамматики в 1953—1954 гг., в которой вопрос о падежах был основным. Система чувашских падежей была составлена исходя из материала самого языка и подчинена 5 требованиям: 1) существительное с падежным аффиксом должно иметь предметное значение (семантический признак); 2) в предложении, помимо других функций, оно должно служить дополнением (синтаксический); 3) должно отвечать на один из парных местоименных вопросов *кам? мён?* (синтаксический); 4) аффиксы должны присоединяться ко всем существительным (морфологический); 5) должны подчиняться закону сингармонизма и правилам ударения (фонетический) [175, с. 15].

В течение 30 лет данную систему падежей в чувашском языке считали безупречной и предельно чёткой, ибо в ней ни один аффикс не повторяется в нескольких падежах. Но в 1983 г. М.Р. Федотов написал: «Вопрос о количестве падежей в чувашском языке продолжает оставаться всё ещё окончательно не

установленным...»; «Чувашские школьные и другие грамматики, включив лишительный... в категорию падежей, оставили вне ее пределов *пурлӑх падежӗ*... не устранив при этом явной бессистемности» [176, с. 26, 27].

Действительно, если придерживаться системы отношений оппозиции, то в чувашском языке должна быть форма, противостоящая форме лишительного падежа с аффиксом *-сӑр (-сӗр)*. Такая форма в чувашском языке есть — форма с аффиксом *-лӑ (-лӗ)*, которая в современном языке считается словообразовательной, но функция аффикса пока точно не определена. По мнению одних исследователей, *-лӑ (-лӗ)* в словах *сӗлӗклӗ ача* «мальчик в шапке», *галстуклӑ арсын* «мужчина в галстуке» и т.п. — словообразовательный формант, по мнению других — формообразующий аффикс.

В приведенных примерах словоформа *сӗлӗклӗ* противопоставит форме лишительного падежа *сӗлӗксӗр*, значит, *сӗлӗклӗ* и *галстуклӑ* также должны быть падежными формами. Считается, что существительные с аффиксом *-сӑр (-сӗр)* противопоставляются существительным в творительном падеже на *-на (-не)*. При этом исследователи не учитывают, что аффикс *-сӑр (-сӗр)* полифункционален, он выступает в одних случаях как падежный аффикс, в других — как словообразовательный аффикс прилагательных, а у аффикса *-на (-не)* такой функции нет. Аналогичной функцией обладает аффикс *-лӑ (-лӗ)*. Однако мы его лишили статуса наличного падежа (*пурлӑх падежӗ*). При этом, естественно, следует считаться с тем обстоятельством, что *-лӑ (-лӗ)* не употребляется с собственными именами, что и послужило препятствием для включения аффиксов *-лӑ (-лӗ)* в число падежных.

К падежным формам чувашского языка можно было бы отнести формы с аффиксом *-ла (-ле, -лла, -лле)* и назвать падеж уподобительным: *арсынла* «по-мужски», *ачалла* «по-детски», *уалла* «по-медвежьи», *кашкӑрла* «по-волчьи», *Петӗрле* «как Пётр» и т.д. Попытки ввести в падежную парадигму тюркских языков уподобительную форму на *-лайын, -лай* ~ чув. *-ла (-ле)* не получили поддержки из-за своеобразия значения и ограниченности использования этой формы. Но, по мнению А.М. Щербака, в некоторых тюркских языках этот аффикс употребляется регулярно, серьезных препятствий для отнесения образуемой им формы к падежным нет [190, I, с. 58—59].

До сих пор аффикс *-ла* (*-ле*, *-лла*, *-лле*) в чувашском языке относили к наречиеобразующим. Рассматривать их в таком качестве не позволяет то, что любой деривационный аффикс образует новое слово с новым лексическим содержанием. Формант *-ла* (*-ле*, *-лла*, *-лле*) следует считать только реляционным, поскольку он служит для связи слов, т.е. выступает в синтаксической функции. К тому же, как подобает словоизменительному форманту, посредством этого аффикса образуются формы слов нескольких частей речи: *сёнёлле* «по-новому» (*сёнё* — имя прилагательное); *виçсёлле* «тройной» (*виçсё* — имя числительное), *сирёнле* «по-вашему» (*сирён* — личное местоимение 2 лица во множественном числе, притяжательном падеже) и т.д. К тому же аффикс *-ла* (*-ле*) может употребляться с существительными в форме множественного числа: *Кавказрисемле* «на манер кавказских народов», *ваттисемле* «на манер старших», «по-стариковски» и т.д.

Таким образом, форма на *-ла* (*-ле*, *-лла*, *-лле*) распространяется на довольно большое количество имен существительных, но не является тотальной; отвечает на местоименные вопросы *камла? мёнле?*; подчиняется закону сингармонизма. Существительное с этим аффиксом не теряет предметного значения. Значит, перед нами по всем параметрам форма, отвечающая требованиям активной некатегориальной формы.

В число падежных форм мы не включили и наличную форму, поскольку она не подчиняется принципу тотальности употребления (её показатель не может присоединиться ко всем существительным). Если её включить в падежную парадигму, должна быть существенная оговорка о противоречии принципу тотальности. Лишительная форма также соответствует не всем требованиям, предъявляемым к падежным формам, ибо в одних случаях она явление деривации, а в других — реляции.

Основной (или именительный) падеж является камнем преткновения для языковедов. В лингвистике существует две противоположные точки зрения на этот падеж. С одной стороны, основной падеж выделяется во всех грамматиках тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков и противопоставляется всем другим падежам, как падеж прямой — падежам косвенным, как падеж немаркированный — маркированным, т.е. как падеж безаффиксальный — аффиксальным и т.д. Нет ни

одной грамматики, где парадигма склонения начиналась бы с родительного падежа, который следует, как обычно, за основным. С другой стороны, есть теоретики-лингвисты, выражающие сомнения относительно падежности именительного (основного) падежа. К их числу относятся Г. Шухардт [186] и Ч.Е. Базелл [26].

Г. Шухардт в статье «Об активном и пассивном характере переходного глагола», написанной в начале прошлого века (1905–1906 гг.), подчеркивает, что именительный не является падежом [186, с. 104]. В этом отношении вызывает особый интерес высказывание А.М. Щербака: «Именительный падеж (иначе: главный, основной, начальный, абсолютный, неопределённый, безаффиксный, неоформленный, Indefinitus, Nominativus) лишён специального аффикса, и следы его присутствия в прошлом не обнаруживаются ни в диалектах, ни в древних памятниках письменности» [190, с. 29].

Отсутствие нулевого члена в составе парадигмы категории принадлежности натолкнуло Ч.Е. Базелла на мысль, что и некоторые другие категории агглютинирующих языков нуждаются в новой интерпретации: «Отсюда возникает вопрос: не указывает ли так называемый нулевой суффикс именительного падежа просто на отсутствие падежа, а так называемый нулевой суффикс единственного числа просто на отсутствие числа?» [26, с. 23]. Исходя из вышесказанного В.Г. Гузев и Д.М. Насилов сделали вывод, что «основная форма, слово без материального форманта, совсем не обязательно является формой с нулевым показателем. Иными словами, она может стоять вне парадигмы, не имея отношения к данному грамматическому ряду» и настала пора реинтерпретации распространенного представления о том, что морфологическая категория «создается оппозицией соответствующих форм — по меньшей мере двух», что «на фоне значений косвенных падежей так называемый основной падеж предстаёт как форма, не сигнализирующая сама по себе об участии предмета в каких-либо отношениях», поскольку «косвенные падежи передают те или иные отношения обозначаемого словом предмета с другими предметами или действиями» [63, с. 26, 29].

Основной падеж в чувашском языке — немаркированный член оппозиции, противопоставленный маркированным, является единицей, значащей прежде всего потому, что имеются

основной и притяжательный типы склонения, установление которых основано на том, что какая-то часть слова при склонении остается постоянной, не изменяется. Основное склонение относится к словоизменительной морфологии, а притяжательное — к формоизменительной.

Для наглядности приведем парадигмы склонения:

	Основное склонение		Притяжательное склонение
Осн.	<i>кёрёк</i> «шуба»	<i>колхоз</i>	<i>колхоз</i>
Прит.	<i>кёрёк-ён</i>	<i>колхоз-ён</i>	<i>колхоз-ён</i>
Дат.	<i>кёрёк-е</i>	<i>колхоз-а</i>	<i>колхоз-ённ-е</i>
Мест.	<i>кёрёк-ре</i>	<i>колхоз-ра</i>	<i>колхоз-ён-че</i>
Исх.	<i>кёрёк-рен</i>	<i>колхоз-ран</i>	<i>колхоз-ён-чен</i>
Твор.	<i>кёрёк-не</i>	<i>колхоз-на</i>	<i>колхоз-ён-не</i>
Лиш.	<i>кёрёк-сёр</i>	<i>колхоз-сёр</i>	<i>колхоз-ён-сёр</i>
Прич.	<i>кёрёк-шён</i>	<i>колхоз-шён</i>	<i>колхоз-ён-шён</i>

Основным называется тип склонения, при котором падежные аффиксы примыкают к немаркированной форме словарного слова — к основе слова, т.е. к форме так называемого основного падежа, а при притяжательном типе склонения склоняемой является маркированная форма притяжательного падежа с аффиксом *-ён* (*-ённ*, *-н*).

Многим может показаться необудительным наличие притяжательного типа склонения существительных в чувашском языке. Сомневающийся может убедиться в этом, обратившись к склонению местоимений (слов, указывающих на предмет и фигурирующих в языке вместо имени):

Осн.	<i>ку</i> «это»	<i>хай</i> «он сам»	<i>леш</i> «тот»
Прит.	<i>ку-н(-ён)</i>	<i>хай-ён</i>	<i>леш-ён</i>
Дат.	<i>ка-н-а, ку-н-а</i>	<i>хай-н-е, хай-ённ-е</i>	<i>леш-не, леш-ённ-е</i>
Мест.	<i>ку-н-та</i>	<i>хай-ён-че</i>	<i>леш-ён-че</i>
Исх.	<i>ку-н-тан</i>	<i>хай-ён-чен</i>	<i>леш-ён-чен</i>
Твор.	<i>ку-н-на</i>	<i>хай-ён-не</i>	<i>леш-ён-не</i>
Лиш.	<i>ку-н-сёр</i>	<i>хай-ён-сёр</i>	<i>леш-ён-сёр</i>
Прич.	<i>ку-н-шён</i>	<i>хай-ён-шён</i>	<i>леш-ён-шён</i>

Таким образом, основной падеж в чувашском языке является словарно значимым. На его значениях не останавливаемся потому, что их много, к тому же достаточно подробное описание значений этого падежа уже имеется в лингвистической литературе [118, с. 93—95; 82, с. 111—112; 6, с. 37—51].

Притяжательный падеж. Аффиксами притяжательного падежа являются *-ӓн* (*-ён, -н*). Форма на *-ӓн* (*-нён*) в современном чувашском почти не употребляется.

По мнению Г.И. Рамстедта, первоначальным аффиксом тюркского генетива служил *-н*, как это имеет место в алтайских языках [135, с. 33]. Исконное окончание родительного падежа в чувашском языке сохранилось, но многие лингвисты считают, что чувашская форма генетива типа *анне-нён, лаша-ӓн, ёне-нён* и др. старше соответствующих форм *анне-н, лаша-н, ёне-н*. На наш взгляд, точка зрения Г.И. Рамстедта более приемлема, поскольку от притяжательного падежа образуются многие формы имен, как падежные, так и непадежные. Если же другие падежные формы могут строиться на притяжательном падеже, то, естественно, форма этого падежа могла присоединить к себе вторично свою собственную форму, но только видоизмененную: *ача-н + -ӓн ~ ачанӓн*, а потом опять вернулись к прежней форме *ача-н; ёне-н + -ён ~ ёненён ~ ёнен* и т.д. Но это все относится не только к словоизменительной, но и к формоизменительной морфологии, на этих вопросах мы остановимся позже.

Основное значение притяжательного падежа — выражение принадлежности одного предмета другому. Поэтому нередки случаи, когда в составе изафетной конструкции (изафет 3 типа) первый член конструкции оформляется аффиксом притяжательного падежа, а второй — аффиксом принадлежности 3 лица: *шкулӓн сурчӗ* «здание школы», *кӱришён пахчи* «соседский сад» и т.д.

А.И. Иванов выделяет следующие частные значения [82, с. 115]:

1) обладание чем-либо (название обладателя): *Пирён колхозӓн шыв арманё пур* «У нашего колхоза есть водяная мельница»;

2) логический субъект действия: *Шалтайкина ун пек чух пуху пуслӓхён ас тутарма лекет* (Арт.) «В таких случаях председателю собрания приходится напоминать Шалтайкину (о регламенте)»;

3) подобие: *Кунё султалӓкӓн туйӓнать* «День покажется годом» (ошибка: в этом контексте *султалӓкӓн* — не форма притяжательного падежа. — В.С.);

4) количество, мера: *Хӓсан тырра пӗрчён-пӗрчён лартни пур* «Когда это хлеба сажали по зернышку» (*пӗрчён* — не форма притяжательного падежа. — В.С.);

5) качество, способ: *Уксан пар* «Дать деньгами» (*уксан* — не форма притяжательного падежа. — В.С.).

По мнению автора, последние три значения относились к древнему инструментальному падежу, слившемуся с притяжательным. Такое утверждение даёт право говорить о том, что притяжательный падеж не является исключительно приемлемым.

При описании значений того или иного падежа мы ограничиваемся обычно основными значениями. Существует мнение, что перечислить все значения даже одного падежа невозможно. Значений родительного падежа, как считает А.Ф. Лосев, столько, сколько контекстов, в которых данное слово употребляется. По его мнению, всякий падеж имеет бесконечное количество значений и даже само количество падежей в окончательной форме не поддается перечислению [101, с. 63].

Дательный падеж. Для имён, оканчивающихся на согласные и гласные «у», «ў», «я», «ё», аффиксом датива считается *-а (-е)*: *юлташ-а* «товарищу», *сурта* «дому», *пўлеме* «комнате», *кўлле* «озеру», а имена, оканчивающиеся на «а», «е», как указывает Н.И. Ашмарин, принимают аффикс *-на (-не)*: *ёнене* «корове», *лашана* «лошади», *пахчана* «в сад», «саду» и т.д. Мнение Н.И. Ашмарина разделяет А.И. Иванов, а И.П. Павлов *-н* в словах *лаша-н-а*, *ёне-н-е* считает интерфонемой [25, с. 26—27; 82, с. 116; 118, с. 99].

Вопрос этот принципиальный: в словах *лашана*, *ёнене -н* можно считать интерфонемой. Однако появление *-н* в дативе этим не ограничивается; ср.: *тусна* «твоему другу» и *тусне* «его (её) другу», *юлташна* «твоему товарищу» и *юлташне* «его (её) товарищу», но в словах *тусунне*, *юлташунне -нн* является падежным аффиксом и в то же время показателем типа склонения.

А.И. Иванов, изучавший долгое время падежные формы и склонение в чувашском языке, уже на начальном этапе исследования допускал, что имеются два дательных падежа: дательный первичный, образующийся путем присоединения к начальной форме существительного аффиксов *-а (-е)*, *-на (-не)*: *колхоз-а*, *лаша-на*, и дательный вторичный, образующийся от притяжательного падежа путём прибавления аффикса *-не*: *колхозын-не*, *колхозсен-не* [79, с. 182]. Мало кто из исследователей обратил внимание на высказывание А.И. Иванова, между тем вопрос имеет принципиальный характер. В формах *юлташ-а*,

юлташ-ӓнн-е, юлташ-н-а, юлташ-у-нн-е, юлташ-н-е, юлташ-ӓнн-е кроется специфика чувашского склонения, которая должна быть раскрыта в двух разделах морфологии: словоизменении и формоизменении. Если речь идет только о словоизменении, необходимо описать случаи типа *юлташа, туса, пурте, сурта* и т.д. В разделе о формоизменении существительных будет подробно описано изменение самой формы генетива в чувашском языке. Словоизменение и формоизменение до сих пор не разграничивались, поэтому подобные вопросы рассматривались в единой цепи повествования.

Дательный падеж в чувашском, как и в других тюркских языках, выражает косвенный объект, взятый в плане приближения к нему. Приближение понимается чрезвычайно широко, от пространственного и временного вплоть до самых абстрактных его форм (уподобления и сходства, цели и причины и т.д.).

Вопросами датива являются не только *кама? мёне?*, ср.: *Шупашкара кайнӓ* «уехал в Чебоксары» (*ӓҫта? «куда?»*); *каҫа ан юл* «не задерживаться допоздна» (*хӓҫана? «до каких пор?»*); *ёҫе пула* «из-за работы» (*мёниён? «почему?»*); *Уйӓха яхӓн пурӓнчӓ вӓл килте* «Дома он жил около месяца» (*мён чухлӓ? «как долго?»*) и т.д.

Из частных значений наиболее распространёнными являются следующие: конечный пункт в пространстве: *хулана кайрӓ* «(он) поехал в город», *яла килчӓ* «(он) приехал в деревню»; предел во времени: *эрнелӓхе* «на неделю», *уйӓхлӓха* «на месяц», *султалӓйка яхӓн* «около года»; цель: *кампана кайрӓмӓр* «(мы) пошли по грибы» и т.д.

Местный падеж. Аффиксами местного падежа обычно считают следующую группу алломорфов: *-та (-те), -ра (-ре), -че, -т (ялти), -р (пёвери), -ч (килӓнчи)*. При этом мало кто задумывается над тем, что аффикс *-че (-ч)* должен быть объектом описания только формоизменительной морфологии, ибо он не может присоединиться к основе слова, а обычно располагается за аффиксом генетива *-н*; ему предшествует аффикс 3 лица категории принадлежности: *кил-ӓ-н-че* «в его (её) доме», *пурт-ӓ-н-че* «в его (её) избе» и т.д.; *пурт-ӓ-н-ч-и* «то, что находится в его (её) доме».

Аффикс локатива *-че* появляется также за генетивной формой после аффикса множественного числа *-се-н*: *хир-се-н-че*

«на полях», *ял-се-н-че* «в деревнях», *ял-се-н-ч-и* «то, что находится в деревнях».

Основы, оканчивающиеся на «р», «л», «н», принимают алломорф *-та (-те)*: *ял-та* «на селе», *арманта* «на мельнице», *хурал-та* «на дозоре», *шур-та* «на болоте»; основы на другие согласные и гласные принимают аффикс *-ра (-ре)*: *сырма-ра* «в овраге», *нёве-ре* «в пруду», *Мускав-ра* «в Москве» и т.д. В некоторых случаях после основ на «л», «н» употребительны оба варианта: *Лондонра* ~ *Лондонта* «в Лондоне», *сётелте* ~ *сётелре* «в столе», *хёвелте* ~ *хёвелре* «на солнце» или «на солнцепёке».

Следует заметить, что вариант аффикса локатива *-та (-те)* также может быть объектом рассмотрения в формоизменении, поскольку может следовать за аффиксами 2 лица категории принадлежности и аффикса генетива *-н*: *тус-у-н-та* «у твоего друга», *тус-år-та* «у вашего друга», *сурт-у-н-та* или *сурт-å-н-та* (где *у ~ å*) «в твоём доме»: *Нарспи пулмё суртåнта* (К. Ив.) «Нарспи не будет в доме твоём». Между тем алломорф в формоизменении *-ра (-ре)* может стоять только после формы 1 лица категории принадлежности: *тус-åм-ра* «у моего друга», *сурт-åм-ра* «в моём доме», *нёвёмре* «в моём теле».

Местный падеж выражает значения — местонахождения: *ялта* «в деревне», *вёрманта* «в лесу», *хирте* «на поле», *урамра* «на улице», *хулара* «в городе»; возраста: *султала́кра* «годовалый»; состояния, положения: *вырмара* «на жатве», *ыйхåра* «во сне» и т.д.

Исходный падеж. Форма исходного падежа отличается от местного наличием в аффиксе конечного *-н*: *-ран (-рен)*, *-тан (-тен)*, здесь, как и в местном падеже, алломорф *-чен* является объектом формоизменения, а вариативные формы *-ран (-рен)*, *-тан (-тен)* употребительны как в словоизменении, так и в формоизменении. Аффикс *-чен* не подчиняется закону сингармонизма, не является парным по палатальности, т.е. имеет только один вариант с переднерядной огласовкой; употребляется только в формоизменении: *сын-се-н-чен* «от людей»; *кил-ё-н-чен* «из своего дома».

Основное значение исходного падежа — выражение объектных отношений: он обозначает исходный момент, исходную точку, источник.

Частные значения: сравнение — *Лашиаран сӹлӹ*, *курайкран лутра* «Выше лошади, ниже травы» (седёлка); материал — *тимёртен тунӹ* «сделано из железа»; время — *эрнерен килет* «приедет через неделю»; посредство — *Павӹлтан парса яр* «передай через Павла»; образ действия — *алран алла пар* «передай из рук в руки» и т.д.

Аффикс исходного падежа *-чен*, показатель формоизменяющей морфологии, не следует путать с аффиксом *-чен* (*-ччен*) с временным значением, образующим форму предельности.

Творительный падеж. Вариантами аффикса творительного падежа являются *-на* (*-не*), *-пала* (*-пеле*), *-палан* (*-пелен*). Все три варианта имеют единое происхождение. Возможно, первоначально полнозначное слово *бирлан*, *билан* «вместе» превратилось в послелог, а затем грамматикализовалось и превратилось в аффикс творительного падежа.

Основная функция творительного падежа — выражение значения совместности: *ашиёне ывӹлӹ* «отец с сыном» или «отец и сын». Из других значений можно отметить указание на орудие (*сӹсӹне касать* «режет ножом»), время (*ирне ситрёмёр* «прибыли утром»), причину (*сивёне чётрет* «дрожит от холода»), место (*вӹрманна пырать* «идёт по лесу»), средство (*уксапа илӹ* «купил на деньги»).

Как остальные косвенные падежи, творительный является достоянием не только словоизменяющей (*ача-на* «с ребёнком»), но и формоизменяющей морфологии: ср. *сулла-ран-на* «с лета», *хӹлле-рен-не* «с зимы», *ача-ран-на* «с детства». Особый интерес представляют формы *ялӹне* «всей деревней» или «все жители деревни совместно», *класёне* «всем классом», в которых аффикс комитатива следует за аффиксом 3 лица, некоторые такие слова, как *ялӹне*, *класёне*, *районёне*, *республикине*, *сӹршивёне*, *тӹнчине*, переводят в разряд наречий, решив, что аффикс 3 лица в таких случаях десемантизировался. Согласиться с этим мнением трудно, ибо в современном чувашском языке аффикс творительного падежа может присоединиться не только к форме притяжательного падежа с аффиксами 2 и 3 лица: *ас-у-н-не*, *анн-ӹ-н-не*, *кин-ё-н-не*, но и к форме притяжательного падежа без аффиксов 2, 3 лица: *Петӹрӹнне Иванӹн кӹне-кисем сӹтел сӹнче* «Книги Петра и Ивана на столе». Заметим:

в этом случае невозможно говорить *Петёрённые Иванён кёне-кисем*. Это ещё раз доказывает, что словоформы типа *Петёрёне* и *Петёрённые*, вопреки мнению некоторых чувашеведов, не всегда изоморфны.

Лишительный падеж. Форма этого падежа образуется с помощью аффикса *-сър (-сёр)*, которому в других тюркских языках соответствует фигурирующий в качестве деривационного аффикса *-сыз (-сиз)*.

М.Р. Федотов, хотя не против введения абессива в категорию падежей, придерживается мнения, что чувашский *-сър (-сёр)* остаётся главным образом в сфере словообразования адъективного характера, нежели словоизменения: «Ни в чувашском, ни в других тюркских языках никакая падежная форма словообразовательной базой служить не может, тогда как чувашские имена прилагательные на *-сър (-сёр)*... теоретически и практически могут образовать новые слова... *вэйсърлан* “становиться бесильным, слабым”, *вэйсърлах*... “бессилие, слабость”» [177, с. 16].

Введение лишительного падежа в падежную систему нарушило принцип, характерный для всех падежных форм: аффикс *-сър (-сёр)* может быть деривационным и реляционным в одной синхронной плоскости. Прилагательные на *-сър (-сёр)* предлагают отличить от существительных в форме лишительного падежа по следующим признакам:

1) прилагательные на *-сър (-сёр)* противопоставляются прилагательным на *-лă (-лё)*: *вэйлă сын* — *вэйсър сын*, а существительные с аффиксом *-сър (-сёр)* противопоставляются существительным в творительном падеже на *-на (-не)*: *тракторна сухала* «пахать трактором» — *тракторсър сухалама сук* «без трактора невозможно пахать»;

2) прилагательные на *-сър (-сёр)* не образуются от имён существительных, имеющих притяжательный аффикс и аффикс множественного числа *-сем*, а падежная форма может сочетаться с именами существительными, имеющими такие аффиксы [175, с. 7—8].

В дальнейшем эти главные принципы дополнялись разного рода уточнениями: падежный аффикс *-сър (-сёр)* отличается от словообразовательного аффикса *-сър (-сёр)* тем, что существительное в падежной форме сочетается только с глаголами. Получается, что одно и то же слово в предложении типа *Вэйсър*

сил вайсър вёрет «Слабый ветер слабо дует» в первом случае — прилагательное, а во втором — существительное в лишительном падеже. Такого рода практика при определении частей речи подверглась резкой критике в ходе дискуссии в 1953—1954 гг. Например, в предложении *Лайӑх ача лайӑх вёренет* «Хороший мальчик хорошо учится» слово *лайӑх* выступает в двух синтаксических функциях: является определением и обстоятельством образа действия, но в обоих случаях оно считается прилагательным, но не наречием, даже когда оно стоит перед глаголом. Это говорит о том, что при определении статуса частей речи синтаксические функции слов не должны быть решающими, ибо существительные и прилагательные в чувашском языке обладают весьма широкими синтаксическими функциями.

Стремление видеть прилагательное в существительном в притяжательной форме с аффиксом *-сӑр (-сёр)*, выступающем в роли определения, привело к нарушению второго признака, изложенного выше: слова *амӑшӗсӗр* и *ничӗшӗсӗр (ача)*, имеющие притяжательный аффикс 3 лица, стали причислять к прилагательным [122, с. 29—30], не учитывая, что отличительным признаком прилагательных в чувашском языке является то, что они непременно должны принимать аффикс категории сравнения *-рах (-рех)*. Таким образом, слова *амӑшӗсӗр*, *ничӗшӗсӗр*, имеющие в своем составе аффикс принадлежности 3 лица, не могут быть прилагательными. Сказанное подтверждается тем, что в языке нет форм *амӑшӗсӗртерех* и *ничӗшӗсӗртерех (ача)*. Итак, тезис «употребление формы на *-сӑр (-сёр)* перед именем ни под каким видом невозможно рассматривать как падежное» нарушается.

Казалось бы, сказанное относится и к словоформам на *-лӑ (-лӗ)*. Если признали в аффиксе *-сӑр (-сёр)* двухфункциональность, то аффикс *-лӑ (-лӗ)* должен быть также двухфункциональным: деривационным, образующим имя прилагательное, и реляционным (но не падежным). По воле ученых, аффикс *-лӑ (-лӗ, -ллӑ, -ллӗ)* причислен только к деривационным, к именам прилагательным безоговорочно относят все приемные формы на *-лӑ (-лӗ)*. К тому же словоформы, содержащие аффикс 3 лица *-ӗ (-и)*, а также аффикс множественного числа *-сем*, были причислены без разбора к именам прилагательным: *тӑри юррилӗ ир*, *шӑпӑк сассилӗ каç*, *шурӑ суртсемлӗ хула* [118, с. 157]. На несостоятельность такой концепции указал в своё время И.А. Андреев [11, с. 98—101].

Как видим, все эти вопросы требуют решения. Если признать наличие лишительного падежа, несмотря на нарушение принципа тотальности, должны признать и статус наличного падежа с аффиксом *-лӓ* (*-лӛ, -ллӓ, -ллӛ*). Деривационными следует считать аффиксы *-сӓр* (*-сӛр*) и *-лӓ* (*-лӛ, -ллӓ, -ллӛ*) лишь в том случае, если словоформы с этими аффиксами принимают аффиксы категории сравнения *-рах* (*-рех*), т.е. определителем того, к какой части речи относятся слова с этими аффиксами, является именно категориальный оформитель или маркер прилагательных. Или же следует исключить аффикс *-сӓр* (*-сӛр*) из числа падежных как не соответствующий статусу падежности форм.

Из частных значений аффикса *-сӓр* (*-сӛр*) можно указать следующие: отсутствие чего-либо — *сӓнсӓр вырӓн* «безлюдное место»; обозначение предельного времени — *уясӓр килмест* «раньше праздника не придет» и т.д.

Формант *-сӓр* (*-сӛр*) является объектом исследования не только словоизменительной, но и формоизменительной морфологии. Он широко употребляется после показателя множественного числа *-сем* (*кӛнекесемсӓр* «без книг», *туссемсӓр* «без друзей»), после всех аффиксов принадлежности (*ывӓлӓмсӓр, ывӓлусӓр, ывӓлӓсӓр, ывӓлӓмсӓр, ывӓлӓрсӓр*), может следовать за аффиксом притяжательного падежа (*Петӓрӓнсӓр нуӓне урӓх ӓне таврашӓ курӓнмарӓ унта* «Кроме коровы Петра, там коров больше не было видно»).

Причинно-целевой падеж. Слова с аффиксом причинно-целевого падежа *-шӓн* (*-шӛн*) выражают следующие значения: цель и значение: *миршӓн* «за мир», *уксашӓн* «из-за денег», *юратушӓн* «за любовь»; причину или повод: *сивӓшӓн* (ср. *сивӓрен*) «из-за холода»; *ӓшӓшӓн* (*ӓшӓран*) «из-за тепла»; отношение: *сывлӓхшӓн* «за здоровье», «для здоровья» и т.д.

Вторичные категориальные формы

Категория прошедшего времени на *-чӓ* (*-ччӓ*). Категорией прошедшего времени мы называем словоформы субстантивов потому, что использование форманта *-чӓ* (*-ччӓ*) соответствует принципу тотальности употребления как в словоизменении, так и в формоизменении, но это не основная категориальная фор-

ма, а вторичная, ибо она присуща всем знаменательным и некоторым служебным частям речи.

Многим может показаться беспрецедентным утверждение, что в чувашском языке имя существительное имеет категорию времени. Скептики обязательно зададут вопрос: «А разве время — не грамматическая категория глагола?» В таких случаях уместно напомнить, что не только действия совершаются во времени, но также предметы существуют, находятся в пространстве и во времени.

При определении грамматической категории времени у существительных необходимо отталкиваться от наличия грамматического показателя *-чĕ (-чĕ)*. Возьмём для примера следующие строки из повести А. Артемьева «Салампи»:

— *Лайăх салтакчĕ-и Валерий?*

— *Паттăр салтакчĕ. Тĕлĕнмелле ырай сынчĕ. Çывăх тусăмчĕ манăн.*

«— Хорошим был солдатом Валерий?

— Бравым был солдатом. Душевный был человек. Моим близким другом был».

Словоформы *салтакчĕ* (букв.: был солдатом), (*ырай*) *сынчĕ* «(душевный) был человек», *тусăмчĕ* «другом моим был» передают значение прошедшего времени. Это понятно из контекста, ибо разговор между Леной и Алмазовым происходит после того, как Валерий Семёнов пал смертью храбрых в Маньчжурии.

Строки из произведения И. Тукташа: *Пурчĕ пирĕн отделенире сестра — Таня. Уçай кăмăллă та сĕмсе чĕреллĕ хĕрчĕ. Сăнран-пуран пăхма ун синче нимĕнле ытлашии илемлĕх те сукчĕ, кăлкан нек сарă çÿсĕ яланах арпайнса сÿретчĕ... Çавăн нек хĕрчĕ пирĕн сестра Таня.* Герой произведения вспоминает дни из фронтовой жизни, поэтому в его повествовании появляются слова с аффиксом *-чĕ (-чĕ)*: *хĕрчĕ* «девушка была», *пурчĕ* «была», *сукчĕ* «не было». Здесь нужно провести чёткую грань между морфемами *-чĕ* и *-ч* + *-ĕ*. В глагольных формах для выражения действий в прошедшем времени используется показатель *-ч* в сочетании с показателем 3 лица *-ĕ*. В существительных *хĕрчĕ*, *салтакчĕ* такой членимости нет, потому что слово с формантом *-чĕ (-чĕ)* употребляется не только в значении 3 лица, но и 1 и 2 лица соответственно: *Энĕ салтакчĕ* «Я был солдатом», *Эсĕ салтакчĕ* «Ты был солдатом». В значении множественного числа употребительны два варианта: *Эпир салтакчĕ* — *Эпир салтаксемчĕ* «Мы были

(тогда) солдатами»; *Эсир салтакчĕ* — *Эсир салтаксемчĕ* «Вы были (тогда) солдатами»; *Вĕсем салтакчĕ* — *Вĕсем салтаксемчĕ* «Они были (тогда) солдатами». Форма *салтаксемчĕ* — пример формоизменяющей категории прошедшего времени.

Эти примеры показывают, что в чувашском языке имеется специальный аффикс, показывающий предмет в прошлой временной плоскости; *хĕрчĕ*, *ачачĕ*, *салтакчĕ* — маркированные формы предметного прошедшего времени имени существительного. Если учесть, что построение многих грамматических категорий зиждется на оппозиции, то слово *салтак* в предложении *Энĕ салтак* «Я солдат» логически мыслится в настоящем времени.

Таким образом, в предложениях: *Вăл вĕрентÿçĕ* «Он учитель»; *Вăл вĕрентет* «Он учит» — выражено настоящее время. В первом случае в слове *вĕрентÿçĕ* значение настоящего времени существительного выражено имплицитно, а в глаголе *вĕрентет* «учит» — эксплицитно, путем аффикса настоящего времени *-ет*. В предложениях: *Вăл вĕрентÿçĕчĕ* «Он был учителем»; *Вăл вĕрентетчĕ* «Он учил» — значение прошедшего времени выражено эксплицитно.

В русистике призывают не путать морфологическое время с синтаксическим, считая синтаксическое время категорией уровня предложения, а морфологическое — одним из значений формы слова [56, с. 543]. Поскольку в русском нет средств для выражения предметного времени, то категория времени описывается только при изучении глагола.

В чувашском языкознании синтаксическое настоящее время в предложениях типа: *Вăл учитель* «Он учитель»; *Çанталăк уяр* «Погода ясная» — описано И.А. Андреевым [12, с. 5—6]. Анализируя парадигму предложений: *Çанталăк уяр пулчĕ*; *Çанталăк уяр пул*; *Çанталăк уяр пулсаччĕ* — автор говорит о том, что значение настоящего времени в первом предложении (*Çанталăк уяр*) выражено имплицитно, а в других случаях грамматические значения выражены эксплицитно. И.А. Андреев мог показать и характерную для чувашского языка особенность эксплицитного выражения прошедшего времени путем аффикса *-чĕ*: *Çанталăк уярчĕ* «Погода была ясной», но ограничился, к сожалению, примерами: *Çанталăк уяр пулчĕ* и *Çанталăк уяр пулсаччĕ* «Погода была ясной».

Утверждение о том, что аффикс *-чĕ* (*-чĕ*) в чувашском языкознании не был предметом внимания, не соответствовало

бы истине. Первое упоминание о нём встречается у Н.И. Ашмарина, который связывает его с тюркским глаголом *идим* [20, с. 307]. Ф.Т. Тимофеев назвал его «недостаточным глаголом» (*сителёксёр ёс-хёл*) и «глаголом без основы», ибо здесь нет самой основы слова, а есть только окончание [172, с. 78]. И.П. Павлов аффикс *-чё (-ччё)* назвал также «недостаточным глаголом», затем, не соглашаясь с тем, что В.Г. Егоров назвал *-чё (-ччё)* частицей, выражающей сказуемость, он критически подошел к термину «аффикс сказуемости». И.П. Павлов правильно отметил, что посредством аффикса *-чё (-ччё)* в большинстве случаев выражается прошедшее время, что область распространения аффикса *-чё (-ччё)* не замыкается причастиями, он широко распространен в именах [118, с. 244—245].

Таким образом, грамматическое значение прошедшего времени, выражаемое маркированной формой на *-чё (-ччё)*, наличие; немаркированная форма при этом имплицитно выражает значение настоящего времени. По степени активности *-чё (-ччё)* не может быть ни деривационным, ни формообразующим, его можно считать только словоизменительной и формоизменительной морфемой. Но это не говорит о том, что этот формант не может быть объектом описания формообразовательной морфологии. У аффикса *-чё (-ччё)* есть строго фиксированная позиция — он замыкает словоформу, примыкает не только к основе слова, но и ко всем категориальным и некатегориальным формам имени существительного: *ывайлччё* «был сыном»; *ывайламччё* «был моим сыном», *ывайлаьрччё* «был нашим сыном»; *ывайлчччё* «был твоим сыном», *ывайлаьрчччё* «был вашим сыном»; *ывайлеччё* «был его (её) сыном»; *кураькрахчё* (*Тырайсем курайкрахчё* «Хлеба чуть недозрели»), а также к падежным аффиксам:

Прит.	<i>ывайл-аьн-ччё</i>	<i>хёр-ён-ччё</i>	<i>Петёрёнччё</i>
Дат.	<i>ывайл-а-ччё</i>	<i>хёр-е-ччё</i>	<i>Петёреччё</i>
Мест.	<i>ывайл-та-ччё</i>	<i>хёр-те-ччё</i>	<i>Петёртеччё</i>
Исх.	<i>ывайл-тан-ччё</i>	<i>хёр-тен-ччё</i>	<i>Петёртенччё</i>
Твор.	<i>ывайл-па-ччё</i>	<i>хёр-пе-ччё</i>	<i>Петёрпеччё</i>
Лиш.	<i>ывайл-саьр-ччё</i>	<i>хёр-сёр-ччё</i>	<i>Петёрсёрччё</i>
Прич.	<i>ывайл-шайн-ччё</i>	<i>хёр-шён-ччё</i>	<i>Петёршёнччё</i>

Широкое употребление со всеми формами существительных, а также возможность присоединяться ко всем словам знаменательных частей речи и их формам дают гарантирован-

ную возможность объявить аффикс *-чѣ (-чѣ)* словоизменительной и формоизменительной категориальной морфемой прошедшего времени.

Рассмотрим употребление этого аффикса со словами разных частей речи:

а) прилагательные: *хитречѣ, хаярчѣ, усалчѣ, хѣрличѣ, сарричѣ, сѹлѣскерчѣ, усалтарахчѣ, шап-шурѣчѣ, кѣн-кѣвакчѣ;*

б) числительные: *виссѣчѣ, вуннѣчѣ, виссѣмѣичѣ, вуннѣмѣичѣ, висшерчѣ, вунишарчѣ, вишшерѣнчѣ, вунишарѣнчѣ;*

в) местоимения: *ѣпѣчѣ, вѣлчѣ, хѣйчѣ, пирѣнчѣ, лешсенчѣ, кунашкалчѣ, мѣнчѣ, мѣнлечѣ, манѣнчѣ;*

г) причастия: *лараканчѣ, вуланѣчѣ, вуламаллачѣ.* В причастиях будущего времени *-чѣ* не выражает значения прошедшего времени: *вуласчѣ* «надо бы читать», *каясчѣ* «надо бы ехать, идти», *пѣлесчѣ* «надо бы знать». То же наблюдается в формах глагола сослагательного наклонения: *вулѣттѣмчѣ, кѣйтѣттѣмчѣ.* В этих случаях выражаются желательно-предполагаемое действие или мечта, которые нужно осуществить. Поскольку мечта — мысленно представляемая, созданная воображением цель, которой нужно достичь в будущем, то, естественно, в таких случаях значения прошедшего времени нет. То же отмечается в восторженных восклицаниях человека, страстно желающего чего-то: *Сѣкѣрчѣ халь пѣр татѣк!* «Хлеба бы сейчас кусок!»; *Мунчачѣ халь!* «Баньку бы сейчас!»;

д) деепричастия: *кайсачѣ, кѹлсечѣ, пѣлсечѣ;*

е) наречия: *анчახчѣ, пѣйтѣхчѣ, аранчѣ, тѣрѣкчѣ, юричѣ, кѣлѣхсахчѣ;*

ж) послелогии: *пекчѣ, витѣрчѣ, таранчѣ, валличѣ;*

з) частицы: *марчѣ, сѹкчѣ, сѣсчѣ, арачѣ (сав);*

и) подражания: *шѣтѣр-шатѣрчѣ, вѣшѣл-вѣшѣлчѣ, чѣвѣл-чѣвѣлчѣ.*

Таким образом, прошедшее время имѣн существительных противопоставлено немаркированной основе, выражающей имплицитно значение морфологического настоящего времени: *ача — ачачѣ, кѣнеке — кѣнекечѣ, шѣвшѣн — шѣвшѣнчѣ* и т.д.

Вопреки мнению большинства признающих только оппозитивную теорию морфологических категорий, категория прошедшего времени на *-чѣ (-чѣ)* для всех частей речи, в которых она проявляет себя, является неоппозитивной одночленной категориальной формой. Логико-имплицитное подразумевающееся выражение настоящего времени в форме *Энѣ студент* «Я студент» оппозицию ей не составляет.

Категория усиления на *-ax* (*-ex*, *-x*). Категория усиления в чувашском языке — неоппозитивная категориальная форма, образуется противопоставлением немаркированной основы, выражающей обычное утверждение (в виде номинативной единицы или любой словоформы), маркированной основе с аффиксом *-ax* (*-ex*, *-x*), выражающей значение усиления (подчеркнутого утверждения): *Сын сынах* «Человек есть человек»; *Ёс ёсех* «Дело есть дело»; *Ача ачах* «Ребёнок есть ребёнок».

Аффикс *-ax* (*-ex*, *-x*) считается усилительной частицей, что не соответствует истине, ибо этот формант имеет сингармоничные варианты, а после основ с конечными гласными *a*, *e* — алломорф *-x*: *ача* — *ачах*, *кёпе* — *кёпех*, *суна* — *сунах*. К тому же частицы орфографически оформляются отдельно или через дефис, а аффикс *-ax* (*-ex*, *-x*) всегда пишется слитно (как аффиксы). Частицы в большинстве случаев однозначны, аффикс *-ax* (*-ex*, *-x*) многозначен. Н.И. Ашмарин указывает на наличие следующих значений словоформ с *-ax* (*-ex*, *-x*): усиление; уточнение, тождество; утверждение, выделение; ограничение; отчаяние [А, II, с. 181—184]. Во втором томе «Словаря чувашского языка» *-ax* Н.И. Ашмариным назван частицей [А, II, с. 181], а в третьем *-ex* — аффиксом [А, III, с. 39—41].

Категория усиления относится как к словоизменительной, так и формоизменительной морфологии. Примеры из словаря Н.И. Ашмарины: словоизменение — *сак чирех* «эта же болезнь»; *Нимён ёсех те сук* «Никакой особой работы нет»; *Сав сынах илсе кайрё* «Взял тот же самый человек»; *Тарсă тарсах вăл* «Слуга он и есть слуга»; формоизменение — *кунёпех* «целыми днями»; *Вăл этемренех суралнă-ши?* «Он от человека ли произошёл?»; *Урăх сырмасемех сук* «Других оврагов как таковых нет» и т.д.

Нужно отметить универсальный характер аффикса усиления: он может присоединиться почти ко всем частям речи (причем почти ко всем формам всех частей речи) — прилагательным: *Хитри хитрех-ха вăл* «Красив-то он красив»; *хитререхех* «красивее»; местоимениям: *Вăлне вăлах* «Он-то он»; *Унтанах пулмасть* «Из него не выйдет ничего»; числительным: *хёрёхех сук пулё* «сорока, наверное, нет»; *хёрёхсенчех* «точно (ему) под сорок»; наречиям: *пăсăрах* «давно уже»; *кёсех* «уже скоро»; частицам: *татах* «ещё и ещё»; *вăл марах* «точно не он»; подражательным словам: *Сумăр чаш-чашах сăвать* «Дождь идёт усиленно»; послелогам: *ун валлиех* «точно для него» и т.д.

Таким образом, категория усиления выражается эксплицитно при противопоставлении по линии «усиление — неусиление»; немаркированная основа существительного в словарной форме означает номинативное утверждение, а имя с аффиксом *-ax* (*-ex*, *-x*) — усиление утверждения, уточнения и выделения: *сын* — номинативное утверждение (без усиления); *сынах* — уточнение с оттенком усиления: *Сынах пулмалла сав* «Человеком надо быть»; *Сынах пулӑн-ши эсӗ?* «Выйдет ли из тебя человек?»; *ир* «утро» или «рано» (утверждение без усиления); *ирех* «совсем рано»; *Ирех килчӗ* «Пришёл совсем рано»; *Ир-ирех (ирех) тӑрать* «Поднимается очень рано»; *Ирӗ ирех* «Утро есть утро», «Рано, конечно».

Категории усиления присущ принцип тотальности употребления, эта категория распространяется на все слова и словоформы многих частей речи.

Аффикс *-ax* (*-ex*, *-x*) может выступать в удвоенном виде: *Чӑнахах (чӑн-ах-ах) та питӗ хӑраса ўкрӗм* (Трубина) «В самом деле я очень испугался».

Б. Формоизменение существительных

От словоизменения к формоизменению

В предыдущем разделе рассматривались простейшие случаи морфологического строения слова в связи с изучением категорий числа, падежа, принадлежности, времени, усиления существительных. На уровне словоизменения анализировались следующие разновидности словоформ.

1. Именная основа (*ача* «ребёнок», «дитя»)
 - 1) + аффикс множественного числа (*ача-сем*);
 - 2) + падежные аффиксы (*ача-н*, *ача-н-а*, *ача-ра*, *ача-ран*, *ача-на*, *ача-сӑр*, *ача-шӑн*);
 - 3) + аффиксы принадлежности (*ача-м*, *ач-у*, *ач-и*, *ач-ӑр*);
 - 4) + аффикс прошедшего времени (*ача-ччӗ*);
 - 5) + аффикс усиления (*ача-х*, *сын-ах*, *сӗтел-ех*).

В приведённых примерах *ача* является корневой основой (англ. root basis) — морфологическим корнем, т.е. основой, не поддающейся в современном состоянии языка разложению на корень и аффикс. Основа здесь ядерная часть слова, с которой связано его вещественное лексическое значение.

Чувашский язык, как и все другие тюркские языки, относится к агглютинирующим языкам, и ему присуща агглюти-

нативная морфология — морфология не только словоизменительная, но и формоизменительная. Выражение грамматических категорий в формоизменении осуществляется посредством соположения морфем, то есть теперь морфологическое строение слова необходимо изучать в ином плане, с переходом на другой, более сложный уровень.

2. Именная основа (*сын* «человек» или *ача* «ребёнок»)

1) + аффикс множественного числа + падежные аффиксы (*сын-сем-не, сын-се-н-че, сын-сем-сёр, сын-се-н, сын-се-н-е; ача-сем-не, ача-се-н-чен, ача-сем-сёр, ача-се-н, ача-се-н-е*);

2) + падежные аффиксы + падежные аффиксы (*ача-нн-е, ача-н'-не, ача-ран-па, сын-йин'-не, сын-йин'-е*);

3) + аффиксы принадлежности + падежные аффиксы (*ача-м-а, ачу-н-а, ач-и-не, сынн-и-и-не*);

4) + аффиксы принадлежности + аффикс множественного числа (*ача-м-сем, ача-м-яр-сем, ач-и-сем, сынн-и-сем*);

5) + аффикс множественного числа + аффиксы принадлежности (*ача-сем-ёр, эт(<ач)-сем-ёр; таван-сем-ёр*);

6) + аффиксы принадлежности + аффикс множественного числа + падежные аффиксы (*ача-м-сем-не, ач-у-сем-шён, ач-и-сем-сёр*);

7) + аффикс множественного числа + аффикс прошедшего времени (*ача-сем-ччё, сын-сем-ччё*);

8) + аффикс множественного числа + аффиксы падежей + аффикс прошедшего времени (*ача-сем-не-ччё, ача-сем-сёр-ччё, ача-сем-шён-ччё, сын-сем-не-ччё*);

9) + аффиксы принадлежности + аффикс множественного числа + аффикс прошедшего времени (*ача-м-яр-ччё, ач-и-сем-ччё, сынн-и-сем-ччё*);

10) + аффиксы принадлежности + аффикс множественного числа + падежные аффиксы + аффикс прошедшего времени (*ача-м-яр-сем-не-ччё, ач-у-сем-сёр-ччё, ач-и-сем-шён-ччё, сынн-и-сем-не-ччё*) и т.д.

В предпозиции аффикса *-чё* может оказаться аффикс категории усиления *-ах (-ех, -х)*: *ача-сем-ех-чё, ача-па-х-чё, сын-сем-не-х-чё*.

Аффиксальные морфемы при этом строго валентностно контекстуальны, расположены в определенной последовательности. Отклонение от нормы наблюдается лишь в отношении аффикса множественного числа *-сем* и аффиксов принадлежности (с изменением значения): *ач-яр-сем* «дети ваши»; *таван-яр-сем*

«ваши родные»; *ач-сем-ёр* «дети мои» или «дети наши»; *таван-сем-ёр* «родные наши».

Форма *ач-сем-ёр*, видимо, получилась под влиянием аналогичных форм других тюркских языков: тат. *бала-лар-ым* «дети мои». По Э.В. Севортяну, исторически размещение аффиксов принадлежности и множественного числа *-лар* (*-лер*) в тюркских языках было сходно с тем, что сейчас наблюдается в чувашском языке: *ача-м-сем* (т.е. *бала-м-лар*) — сначала шёл аффикс принадлежности, затем множественности [147, с. 137].

Таким образом, в чувашском языке последовательность аффиксальных морфем — явление исторически обусловленное, представляет собой объект специального лингвистического исследования в формоизменительной морфологии. Формоизменительной мы назвали её потому, что здесь изменяется не изначальная (немаркированная) основа, а маркированная основа (основоформа), состоящая из какого-либо аффикса после изначальной основы; например, множественного числа (*ача-сем* — *ача-се-н*, *ача-се-н-е*, *ача-се-н-че*, *ача-се-н-чен*, *ача-сем-пе*, *ача-сем-пе*, *ача-сем-сёр*, *ача-сем-шён*) или категории личной принадлежности (основа слова + *-ъм* (*-ём*, *-м*)). Словоформы типа *ачам*, *ачу*, *ачи*, названные некоторыми языковедами основой первичной (основа с одним аффиксом), становятся при этом как бы изменяемой морфологической основой, т.е. формоосновой. Формооснову могут образовать и некоторые падежные аффиксы. Это явление будет рассмотрено в следующем подразделе.

О необходимости исследования последовательности аффиксальных морфем было высказано рядом учёных. В.И. Цинциус считала, что изучение порядка расположения аффиксальных морфем важно «не только для правильного понимания структуры слова и его значения, но в особенности для этимологических изысканий, для истории языка, истории возникновения и формирования различных грамматических категорий» [180, с. 149].

Не умаляя значения изучения этого вопроса в этимологических и исторических штудиях, необходимо подчеркнуть важность выяснения задач синхронного порядка в целях установления категориальных и некатегориальных форм на основе изучения формоизменения. Принципиальное значение имеет вопрос о плеоназмах — сочетаниях в пределах одного ряда одинаковых или однозначных морфологических элементов: падежных аффиксов, аффиксов принадлежности и множественного числа.

О «двойном склонении» и категории склонения в чувашском языке

О двойном склонении в алтаистике впервые написал Н.Н. Поппе: «Двойное склонение заключается в образовании падежных форм не от основы, а какой-нибудь падежной формы. Падежная форма как бы становится склоняемой дальше основой» [131, с. 150] (по нашей терминологии — основоформой. — В.С.). О двойном склонении в монгольских языках писал Г.Д. Санжеев: «Суть двойного склонения заключается в том, что некоторые падежные формы образуются не только от основы имён, но также ещё и от других падежных форм, т.е. склоняемыми оказываются не только основы, но и некоторые падежные формы, преимущественно такие, которые в предложении могут быть определениями, т.е. родительный и совместный» [143, с. 177].

В тюркологии в основном речь идет о простом и притяжательном типах склонения.

Как бы скептически ни относились к выражению «склоняемая падежная основа», мотивируя тем, что такое определение находится в явном противоречии с общепринятым определением понятия «основа», но факт остается фактом: двойные падежные формы существуют не только в монгольских языках, но и в чувашском.

Впервые в чувашском языке такое склонение замечено А.И. Ивановым: «В современном чувашском языке склонение некоторых местоимений почти целиком построено на притяжательном падеже. Притяжательный падеж является, например, основой склонения указательных местоимений и местоимений личных 1 и 2 лица во множественном числе» [81, с. 81].

Осн.	<i>çакă</i> «этот»	<i>эпир</i> «мы»
Прит.	<i>çакă-н</i>	<i>пир-ён</i>
Дат.	<i>çак(ă)-н-а</i>	<i>пир-е</i>
Мест.	<i>çакăн-та</i>	<i>пирён-те</i>
Исх.	<i>çакăн-тан</i>	<i>пирён-тен</i>
Твор.	<i>çакăн-па</i>	<i>пирён-пе</i>
Лиш.	<i>çакăн-сăр</i>	<i>пирён-сёр</i>
Прич.	<i>çакăн-шăн</i>	<i>пирён-шён</i>

После приведения таблицы склонения этих местоимений автор указывает, что по образцу местоимения *çакă* склоняются *çавă* «тот», *лешё* «тот, кто (что) подальше», *пурё* «все», *пёри* «один из них», *тепри* «другой», склонение местоимения *кашни* также

построено на притяжательном падеже. Он подметил, что у существительных, обозначающих предметы, которые могут обладать чем-то, от притяжательного падежа образуется второй дательный падеж с аффиксом *-не*: *колхоз-а́н-не* (от формы *колхоза́н* «то, что принадлежит колхозу»). В итоге А.И. Иванов притяжательный падеж объявляет формообразовательной категорией [81, с. 82].

Правильно анализируя многие факты двойного склонения, он всё же не заметил существенных моментов при таком необычном изменении слова. К недочётам А.И. Иванова мы относим трактовку в качестве аффикса дательного падежа *-на (-не)*, вместо *-а (-е)*; при склонении местоимения *эпир* «мы» в дательном падеже автор приводит лишь форму *пир-е*, в то время как в языке существует форма *пирё́нне*: *Пирё́нне ёнер такамсем ёнене анкартине кáларса я́н* «Вчера кто-то нашу корову выпустил в огород» (заметьте: нельзя говорить *пирё́ннине ёнене*).

Недостаточно внимателен автор к существительным, обозначающим предметы, которые обладают каким-либо имуществом. Все они могут участвовать в двойном склонении по образцу вышеуказанных местоимений, и при этом приводит наличие аффикса 3 лица *-ё* (или *-и*) в основном падеже необязательно. Представляем слово *шкул* в трёх типах склонения, обозначая соответственно образцы склонений I, II, III:

	I	II	III
Осн.	<i>шкул</i>	<i>шкул-ё́</i>	<i>шкул</i>
Прит.	<i>шкул-а́н</i>	<i>шкул-ё́-н</i>	<i>шкулáн</i>
Дат.	<i>шкул-а</i>	<i>шкул-ё́-нн-е</i>	<i>шкулáнн-е</i>
Мест.	<i>шкул-та</i>	<i>шкул-ё́-н-че</i>	<i>шкулáн-че</i>
Исх.	<i>шкул-тан</i>	<i>шкул-ё́-н-чен</i>	<i>шкулáн-чен</i>
Твор.	<i>шкул-на</i>	<i>шкул-ё́-н-не</i>	<i>шкулáн-не</i>
Лиш.	<i>шкул-сáр</i>	<i>шкул-ё́-н-сёр</i>	<i>шкулáн-сёр</i>
Прич.	<i>шкул-ша́н</i>	<i>шкул-ё́-н-ше́н</i>	<i>шкулáн-ше́н</i>

Приведенные типы склонений существительных можно назвать основным (I), притяжательным (II) и смешанным (III). До сих пор в школьных и вузовских учебниках фигурировал только один тип склонения, между тем чувашскому языку присущи не только основной, но и смешанный и притяжательный типы склонения. Притяжательным мы называем тип склонения потому, что склоняемой основой является форма притяжательного падежа. Такая формулировка отличается от той, что обычно предлагают в тюр-

кологии: простое склонение (безотносительно к обладателю) и лично-притяжательное (посессивное) склонение (с указанием на обладателя) [136, с. 29—35], т.е. имеется в виду склонение существительных с аффиксами личной принадлежности.

При таком понимании типов склонения изменение по падежам существительных, имеющих показатели принадлежности 1, 2 и 3 лица, будет также «двоичным», например, склонение с аффиксом 1 лица:

	I	II
Осн.	<i>тус-ăм</i>	<i>тусăм</i>
Прит.	<i>тус-ăм-ăн</i>	<i>тусăмăн</i>
Дат.	<i>тус-ăм-а</i>	<i>тусăмăнн-е</i>
Мест.	<i>тус-ăм-ра</i>	<i>тусăмăн-че</i>
Исх.	<i>тус-ăм-ран</i>	<i>тусăмăн-чен</i>
Твор.	<i>тус-ăм-на</i>	<i>тусăмăн-не</i>
Лиш.	<i>тусăм-сăр</i>	<i>тусăмăн-сăр</i>
Прич.	<i>тус-ăм-шăн</i>	<i>тусăмăн-шăн</i>

Примеры со словоформами II типа склонения: *Тусăмăнне кёнекине тавърса памалла* «Книгу моего друга нужно вернуть»; *Кам сумкине хутăм-ха кёнекене? Петёр тусăмăнче мар-и-ха вăл?* «В чью же сумку я положил свой учебник? Неужели в сумку моего друга Петра?»; *Ман сёлёк тусăмёнчен сёнёрех* «Моя шапка новее, чем у моего друга»; *Хам кёнекене эпё тусăмăнне пёрле хутăм* «Свою книгу я положил рядом с книгой моего друга»; *Тусăмăнсёр пусне сётел синче урăх кёнеке курăнмарё* «На столе не видно других книг, кроме как книги моего друга»; *Хамăн ёнене эпё часах тупрăм, тусăмёншён икё сехет върман тăрăх сўреме лекрё* «Свою корову я нашел сразу, из-за коровы моего друга пришлось ходить по лесу два часа».

Парадигму склонения с аффиксами 2 и 3 лица сопоставим в таком же порядке:

	III	II	III	II
Осн.	<i>тусу</i>	<i>тусу</i>	<i>тусё</i>	<i>тусё</i>
Прит.	<i>тусун</i>	<i>тусун</i>	<i>тусён</i>	<i>тусён</i>
Дат.	<i>тусна</i>	<i>тусна</i>	<i>тусне</i>	<i>тусённе</i>
Мест.	<i>тусунта</i>	<i>тусунче</i>	<i>тусёнче</i>	<i>тусёнче</i>
Исх.	<i>тусунтан</i>	<i>тусунчен</i>	<i>тусёнчен</i>	<i>тусёнчен</i>
Твор.	<i>тусупа</i>	<i>тусунне</i>	<i>тусёпе</i>	<i>тусённе</i>
Лиш.	<i>тусусăр</i>	<i>тусунсёр</i>	<i>тусёсёр</i>	<i>тусёнсёр</i>
Прич.	<i>тусушăн</i>	<i>тусуншён</i>	<i>тусёшён</i>	<i>тусёншён</i>

Притяжательный и смешанный типы склонения характерны для существительных множественного числа:

	Ш	П
Осн.	<i>сынсем</i> «люди»	<i>сынсем</i> «люди»
Прит.	<i>сынсен</i>	<i>сынсен</i>
Дат.	<i>сынсене</i>	<i>сынсенне</i>
Мест.	<i>сынсенче</i>	<i>сынсенче</i>
Исх.	<i>сынсенчен</i>	<i>сынсенчен</i>
Твор.	<i>сынсемпе</i>	<i>сынсенпе</i>
Лиш.	<i>сынсемсёр</i>	<i>сынсенсёр</i>
Прич.	<i>сынсемшиён</i>	<i>сынсениён</i>

	Ш	П
Осн.	<i>кўришсем</i> «соседи»	<i>кўришсем</i> «соседи»
Прит.	<i>кўришсен</i>	<i>кўришсен</i>
Дат.	<i>кўришсене</i>	<i>кўришсенне</i>
Мест.	<i>кўришсенче</i>	<i>кўришсенче</i>
Исх.	<i>кўришсенчен</i>	<i>кўришсенчен</i>
Твор.	<i>кўришсемпе</i>	<i>кўришсенпе</i>
Лиш.	<i>кўришсемсёр</i>	<i>кўришсенсёр</i>
Прич.	<i>кўришсемшиён</i>	<i>кўришсениён</i>

Как видно из примеров в парадигме смешанного склонения (Ш), в творительном, лишительном, причинно-условном падежах склоняемой основой является форма основного падежа *сынсем*, а в других — форма притяжательного падежа *сынсен*.

Поскольку рассмотренные нами типы склонения свойственны для многих существительных и характеризуются регулярностью сопоставляемых форм с соответствующим содержанием, то это не что иное, как категориальная форма склонения существительных, и необходимо чётко разграничить термины «категория падежа» и «категория склонения». Хотя они взаимосвязаны, трактовать их под одним определением невозможно. В категории падежа противопоставлены падежи с их соответствующими маркерами, а в категории склонения следует признать оппозицию склоняемых основ (или основоформ). В склонении, названном основным, изменяемой основой является словарная (или так называемая начальная) форма, а в притяжательном склонении — маркированная основа притяжательного падежа, т.е. склоняемой основой является форма притяжательного падежа. Больше никакая падежная форма не может быть полностью

склоняемой основой, то есть основоформой. На образцы притяжательного склонения впервые обратил внимание Н.И. Ашмарин: в склонении словоформы *ывăлду* — *ывăл-у-н, ывăл-н-а, ывăл-н-та, ывăл-н-тан* — он усматривал в аффиксе *-н (-ăн)* формант притяжательного падежа. Но в формах *ывăл-н-е, ывăл-н-че, ывăл-н-чен* аффикс *-н* в инлауте принял за эвфоническую вставку [20, с. 142].

Притяжательный падеж в чувашском языке находится в особом положении, поскольку образующий его аффикс функционирует не только сам по себе, но и как один из элементов двустороннего выражения связи: он связывается сам с основой слова и связывает эту основу с другими падежными аффиксами.

Аффикс притяжательного падежа может присоединиться не только к основе слова, часто встречается в иной позиции многоступенчатой системы формоизменения. Аффикс *-ăн (-ĕн, -н)* может следовать за основой слова, а затем может присоединиться после выделительных аффиксов *-и, -скер*; например: *çак-ăн-та-лл-и-скер-ĕн* «у того, кто из здешних мест». В первом случае *-ăн* примыкает к основе местоимения *çак*, а во втором случае *-ĕн* является аффиксом притяжательного падежа формы выделения на *-скер*.

В свете вышеизложенного становится ясным, что утверждение о едином типе склонения в чувашском языке требует пересмотра. Естественно, устанавливая типы склонения, нельзя сравнивать их с теми, что имеется, например, в русском и немецком языках. Русский, немецкий и чувашский языки — языки разносистемные, поэтому для анализа фактов должны быть разные мерила языковедческого порядка.

При этом некоторые исследователи во II типе склонения склонны видеть наличие «скрытого» аффикса выделения *-и*. Мы считаем это иллюзорным впечатлением, ибо склонение той и другой формы можно представить для сравнения в таком виде:

Осн.	<i>шкул</i>	<i>шкул-ăнн-и</i>
Прит.	<i>шкул-ăн</i>	<i>шкул-ăнн-и-н</i>
Дат.	<i>шкул-ăнн-е</i>	<i>шкул-ăнн-и-не</i>
Мест.	<i>шкул-ăн-че</i>	<i>шкул-ăнн-и-н-че</i>
Исх.	<i>шкул-ăн-чен</i>	<i>шкул-ăнн-и-н-чен</i>
Твор.	<i>шкул-ăн-не</i>	<i>шкул-ăнн-и-(н)-не</i>
Лиш.	<i>шкул-ăн-сĕр</i>	<i>шкул-ăнн-и-(н)-сĕр</i>
Прич.	<i>шкул-ăн-шĕн</i>	<i>шкул-ăнн-и-(н)-шĕн</i>

Доказательством служит и склонение имён в формах 1, 2 и 3 лица категории принадлежности, в которых нет аффикса *-и*:

Осн.	<i>юлташ-у</i> «твой друг»	<i>тус-ё</i> «его (её) друг»	<i>тус-айм</i> «мой друг»
Прип.	<i>юлташ-у-н</i>	<i>тус-ё-н</i>	<i>тус-айм-айн</i>
Дат.	<i>юлташ-(у)-н-а</i>	<i>тус-(ё)-н-е</i>	<i>тус-айм-айнн-е</i>
Мест.	<i>юлташ-у-н-та</i>	<i>тус-ё-н-че</i>	<i>тус-айм-айн-че</i>
Исх.	<i>юлташ-у-н-тан</i>	<i>тус-ё-н-чен</i>	<i>тус-айм-айн-чен</i>
Твор.	<i>юлташ-у-н-пе</i>	<i>тус-ё-н-пе</i>	<i>тус-айм-айн-пе</i>

и т.д.

Сравни далее склонение форм *сынсем* (множественное число) и *сынсенни* (множественное число в форме выделения):

Осн.	<i>сынсем</i> «люди»	<i>сынсенни</i> «то, что принадлежит людям»
Прип.	<i>сын-се-н</i>	<i>сын-се-нн-и-н</i>
Дат.	<i>сын-се-н-е</i>	<i>сын-се-нн-и-н-е</i>
Мест.	<i>сын-се-н-че</i>	<i>сын-се-нн-и-н-че</i>
Исх.	<i>сын-се-н-чен</i>	<i>сын-се-нн-и-н-чен</i>
Твор.	<i>сын-се-н-пе</i>	<i>сын-се-нн-и-пе</i>

и т.д.

Потенциальные изменения словоформ падежей

Многоступенчатую систему производных форм от притяжательного падежа впервые описал и представил в виде схемы А.И. Иванов [81, с. 83]. В качестве примеров он взял указательные местоимения *сакă* «этот», *савă* «тот», *ку* «этот», в перечне примеров фигурируют и существительные (*шкул*, *колхоз*, *совхоз*, *саймах*, *ял*, *арман*) и числительные (*виççё*, *саккăр*, *тăххăр*). Следует обратить внимание на вторую ступень. В этой строке представлены все падежи и формы с *-чен* и *-ла* (*-ле*), не названные соответствующими терминами. Видимо, автор понимал, что эти формы близки к падежным, но чёткого высказывания по этому поводу у него нет.

Считая, что исходный падеж образовался от местного, автор постпозиционный *-н* в аффиксах *-ран* (*-рен*), *-тан* (*-тен*), *-чен* в одних случаях выделяет (*саймахён-че-н* «из его слова»), в других — оставляет в слитной форме (*ялён-чен* «из его деревни»).

Естественно, схема, составленная с целью описания формоизменения указательных местоимений *сакă*, *савă*, *ку* с привлечением примеров некоторых форм числительных, не всегда под-

ходит для представления «производных» форм от притяжательного падежа существительных, поэтому она должна быть модифицирована.

Схема А.И. Иванова не претендует на полноту исходных форм, ибо в одной схеме невозможно представить частные, малоупотребительные, тем более диалектные и разговорные формы. В качестве примера рассмотрим следующие строки из поэмы К. Иванова «Нарспи»:

*Лаши сикрѣ, ыткѣнчѣ,
Вѣссе кайрѣ килнелле*
«Конь отпрянул и стрелю
Полетел домой» (букв.: в сторону дома).

Морфемный состав слова *килнелле* здесь может быть представлен в виде *килѣн-елле*, *кил-н-елл-е* или *кил-н-е-лле* — в зависимости от того, в каком виде будут выделены аффиксы направительной формы, притяжательного и дательного падежей.

В схему не включены широко употребляющиеся формы прошедшего времени на *-чѣ* (*-ччѣ*): *ялѣнчеччѣ*, *ялѣнченччѣ*, *Петѣрѣнчеччѣ* и т.д., а также формы усиления на *-ах* (*-ех*, *-х*): *ялѣнчех*, *килѣнчех*, *айѣнчех*, *Петѣрѣннех*, *килнеллех*, *ялѣнчисемех*, *ялѣнченнисемех* и т.д. Мы оставили без нумерации формулы типа: *варр-и-н-е-рехх-и-сем* + все падежные аффиксы, поскольку в число таких форм можно отнести ещё лишь словоформы *тѣрринереххисем* и *хѣрринереххисем*.

Примеры изменения формоосновы притяжательного падежа из статьи А.И. Иванова [81, с. 82—83]:

- 1) *ачан-ѣн*, *лашан-ѣн*, *ѣнен-ѣн*;
- 2) *ачанн-е*, *шукулѣнн-е*, *колхозѣнн-е*, *совхозѣнн-е*;
- 3) *ялѣн-че*, *колхозѣн-че*, *хирѣн-че*, *килѣн-че*, *уйѣн-че*;
- 4) *ялѣн-чен*, *колхозѣн-чен*, *хирѣн-чен*, *килѣн-чен*, *уйѣн-чен*;
- 5) *колхозѣн-не*, *Петѣрѣн-не*, *совхозѣн-не*, *кѣршѣн-не*;
- 6) *колхозѣн-шѣн*, *Петѣрѣн-шѣн*, *совхозѣн-шѣн*, *кѣршѣн-шѣн*;
- 7) *колхозѣн-сѣр*, *Петѣрѣн-сѣр*, *совхозѣн-сѣр*, *кѣршѣн-сѣр*;
- 8) *колхозѣнн-и*, *кѣршѣнн-и*, *Петѣрѣнн-и*;
- 9) *ачанѣнн-и*, *колхозѣнн-и*;
- 10) *амѣйшѣн-е-шкел*, *ашишѣн-е-шкел*, *пиччѣшн-е-шкел*, *амѣйшн-е-шкел*;
- 11) *ялѣн-ч-и*, *килѣн-ч-и*, *колхозѣн-ч-и*, *уйѣн-ч-и*;
- 12) *хулин-ченн-и*, *класѣн-ченн-и*, *ялѣн-ченн-и*;
- 13) *кѣршѣн-не-скер*, *юлташѣн-не-скер*;
- 14) *кохозѣн-шѣнн-и*, *сынн-ѣн-шѣн-скер*, *кѣршѣн-шѣн-скер*;

15) *колхозайн-шайн-е, кўршён-шённ-е, тавансен-шённ-е (нурте нёлессё)*;

16) *ялён-ч-и-сем, килён-ч-и-сем, шкулён-ч-и-сем*;

17) *ялён-ченн-и-сем, колхозён-ченн-и-сем* и т.д.

Изменение формоосновы дательного падежа можно представить в следующих примерах: 1) *хёле-рех (кёрсен)* «при наступлении зимы»; *çáva-рах (тухсан)* «когда наступит лето»; 2) *хёле-рех-не* «ближе к зиме»; 3) *вёрмана-рах-ра* «ближе к лесу»; 4) *тулта-рахх-и* «то, что выступает наружу»; 5) *вёрмана-рах-р-и* «то, что ближе к лесу»; 6) *амайшне-шкел* «подобно матери»; 7) *амайшне-шкел-те-рех* «примерно походит на мать» и т.д.

А.И. Иванов в число производных от дательного падежа форм включил направительную форму на *-лла (-лле)*, считая, что этот аффикс присоединяется к форме дательного: *сехет-е-лле* [81, с. 86—87]. В действительности же здесь представлена формула: направительная форма *-алл (-елл)* + аффикс дательного падежа *-а (-е)*. Аффикс *-алл (-елл)* восходит к самостоятельному слову тюркского происхождения: ср. тат. *ал* «перед, сторона, направление», оно сохранилось в чувашском языке в композитах *тёпел* «передняя часть избы», *хысал* «задняя сторона», *мал* < *ум* + *ал* «передняя сторона», *шал* < *аш* + *ал* «внутренняя сторона», *сиел* < *сий* + *ел* «поверхность», которые могут вторично принимать аффикс *-алл (-елл)*: *тёп-ел-ел-е, хыс-ал-алл-а* и т.д. В силу изложенных причин считаем, что направительная форма не зависит от дательного падежа, а наоборот, аффикс дательного падежа примыкает постпозиционно к этой форме.

Изменение формоосновы местного падежа можно представить такими примерами: 1) *килте-не (нёрех)* «почти дома»; 2) *килте-ччё* «был дома», *ёсре-ччё* «был на работе»; 3) *хулар-и* «тот, кто (что) в городе», *хулара-скер* «поскольку он в городе»; 4) *ялт-и-не* «с тем, кто (что) в деревне» 5) *ялт-и-сем* «те, кто (что) в деревне», *хулара-скер-сем* «те, кто (что) в городе», 6) *вёрманта-х* «прямо в лесу», *садра-х* «прямо в саду»; 7) *хуларах-чё* «в самом деле был в городе»; 8) *варринче-рех* «ближе к середине», *хёрринче-рех* «ближе к краю»; 9) *хёрринче-рех-ре* «ближе к краю», *тёрринче-рех-ре* «ближе к верхушке»; 10) *тёрринче-рех-р-и* «то, что находится ближе к макушке»; 11) *тёрринче-рех-р-и-не* «с тем, кто (что) ближе к вер-

жушке»; 12) *варринче-рех-р-и-сем* «те, кто (что) ближе к середине»; *айшёнче-рех-р-и-сем-шён* «для тех, кто (что) находится ближе к середине»; *айшёнче-рех-р-и-сем-шён* «для тех, кто (что) находится почти внутри». Во многих случаях к этим формам можно присоединить аффиксы прошедшего времени *-чё (-ччё)*: *ялта-ччё* «был, находился в деревне», *варринчерех-чё* «был ближе к середине» и т.д.

Исходный падеж также является формоосновой, примеры: 1) *иртен-пе* «с утра», 2) *Килтенн-е килтенех пулё те-ха* «Из дома-то, наверное, из дома»; 3) *хуларанн-и* «тот, кто (что) из города», *хуларанн-и-н* «у того, кто (что) из города», *хуларанн-и-сем-шён* «для тех, кто (что) из города»; 4) *шкултан-скер* «тот, кто (что) из школы»; *шкултан-скер-ён* «у того, кто (что) из школы»; *шкултан-скер-сем* «те, кто (что) из школы», 5) *ёмёртенхи ёмёт* «извечная мечта»; 6) *хёрринчен-рех* «от того места, что ближе к краю»; 7) *тёрринчен-рех-рен* «с того места, что ближе к верхушке».

Примеры формоизменения на базе творительного падежа: 1) *Эпё лашапа-ске* «Я же с лошастью»; *Эсё лашапа-шён кам айяплэ?* «Кто же виноват в том, что ты с лошастью?»; 2) *суна-на-лл-и* «тот, кто имеет сани»; 3) *кёрёкпе-скер* «тот, кто в шубе»; 4) *сймсапа-рах* «гносава (о речи или голосе)», *вайпа-рах* «с силой»; 5) *каспа-рах-на* «ближе к вечеру»; 6) *Эсир тем сймах-на-ччё ёнтё?* (Арт.) «Вы хотите что-то сказать мне?»

Примеры формоизменения на базе лишительного падежа: 1) *Вэл кёрёксёр сурет. Кёрёксёр-н-е (кёрёксёррине) пёлетён.* «Он без шубы ходит. Знаю, что без шубы»; 2) *алёсёр-на пёрах* «как без рук»; 3) *кёнекесёрр-и* «тот, кто без книги», 4) *алёсёр-скер* «тот, кто без руки».

Примеры формоизменения на базе причинно-целевого падежа: 1) *Вёсем миршённ-е пёлетпёр* «Знаем, что они за мир»; 2) *Вёсем укёшайн* «Они хотят денег»; *Укёшайн-пе укёшайн маррине мёнле пёлмелле?* «Как узнать, хотят или не хотят денег?»; 3) *миршённи* «тот, кто за мир».

Таким образом, в чувашском языке формы всех падежей представляют собой формоосновы для дальнейших морфологических изменений. Иногда один и тот же аффикс в процессе формоизменения может присоединиться по несколько раз. В особенности это характерно для притяжательного падежа.

Чувашское формоизменение в силу своей агглютинативной природы может иметь достаточно стройную линейную протяженность, при которой позволительно соединить в единую реализацию как бы несколько словоформ. В этом смысле понятие «формоизменение» должно иметь более точные критерии, определяемые морфологическим статусом. Для формоизменения (по сути — словоформоизменения) важно, из каких морфем состоит словоформа и в какой последовательности они расположены. Из приведенных примеров видно, что падежные формоосновы, которые могут присоединить к себе аффиксы *-и*, *-скер*, как правило, могут склоняться и принимать аффикс множественного числа *-сем*. В свою очередь формооснова с аффиксом *-сем* склоняется и может вторично принимать аффиксы *-и*, *-скер*.

При дистрибутивном анализе решающим фактором описания формоизменения является выявление формулы стабильности следования морфем в словоформе. В большинстве случаев наблюдается строгий порядок следования морфем. Это и есть классическая схема агглютинативного формоизменения или закона грамматики порядков.

Механизм относительно свободного порядка следования морфем действует лишь в отдельных словоформах: если аффикс множественного числа может поменяться местами с аффиксами категории принадлежности: *тăван-сем-ĕр* «родные наши»; *ач-сем-ĕр* (диал. *эт-сем-ĕр*, *ать-сем-ĕр* «дети наши»); *тăван-ăр-сем* «ваши родные»; *ач-ăр-сем* «дети ваши», то в поэтизмах за аффиксом принадлежности 1 лица может сразу следовать аффикс 3 лица:

<i>Братать анне чĕри</i>	«Болит сердце матери
<i>Хăй ачамĕшĕн (Хуз.)</i>	«За дитя своё».

В словоформе *ачамĕшĕн* (*ача-м* + *-ĕ-шĕн*) встречается явление, не характерное для чувашского языка. Другое дело, если в словоформе однозначные аффиксы выстроены в цепочку: *ача-м-ăм(ç)-ăм*, *пепке-м-ĕм(ç)-ĕм* «дитяtko моё».

Экспонент форманта, характеризующегося различными позициями в словоформе при формоизменении и при словоизменении, репрезентирует различные морфемы. Ср.: *-и* при словоизменении — аффикс 3 лица притяжательной категории: *ач-и* «её (его) ребёнок», *лаши* «его (её) лошадь»; *-и* при формоизменении — аффикс выделения: *вăрманти* (*вăрман-т-и*) «тот, кто

в лесу», *Петёрённи* «то, что принадлежит Петру», *лашасърри* «тот, кто без лошади» и т.д.

Строгий порядок следования морфем наблюдается при формооснове имени с аффиксом множественного числа *-сем*: аффикс множественного числа *-сем* + все падежные аффиксы (+ *-ex* + *-чѣ* (*-ччѣ*)): *Вѣсем Элѣксемпеччѣ* «Они были с аликовскими»; *Ѕав сынсемехчѣ* «Были те же люди».

Формоосновы падежей, которые могут присоединить аффиксы выделения *-и*, *-скер*, склоняются вторично и принимают аффикс множественного числа *-сем*; формоосновы с аффиксом *-сем* могут демонстрировать вторичное (а также третичное) склонение. В этом и заключается формоизменение агглютинативной словоформы.

В таком же порядке можно показать структуру дистрибутивного анализа с формоосновами на *-и*, *-скер*, т.е. форм выделения: форма выделения на *-и*, *-скер*

+ аффикс множественного числа + *-ex* + *-ччѣ*: *ялтиччѣ* «тот, кто был в деревне»; *тихаскерччѣ* «лошадь, которая была более похожа на жеребѣнка»; *ял-т-и-скер-сем-ex-чѣ* «были точно сельские»;

+ аффикс любого падежа + *-ex*, *-ax* + *-ччѣ*: *килтиех* «то же, что дома»; *ачаскерех* «хотя и ребѣнок»; *суркунне-рен-ex-чѣ* «было ещё с весны»; выражение «любой падеж» говорит о том, что формоосновы на *-и*, *-скер* склоняются, демонстрируя далее вторичное и третичное склонение.

Формоосновы типа *хуларисем* «городские» (т.е. те, кто в городе) склоняются, могут принимать аффиксы усиления *-ax* (*-ex*) и *-ччѣ*.

Формоизменяемая категориальная форма выделения на *-и*

Для существительных форма выделения является непоследовательно коррелятивной (её формы образуются не от лексических основ существительных), а представлена в виде формоизменяемой категории — аффикс выделения *-и* присоединяется к форме основы после отдельных падежных аффиксов: *ачан* «ребѣнка» (притяж. п.) — *ачанн-и* «то, что принадлежит ребенку»; *ялта* «в деревне» (мест. п.) — *ялт-и* «тот, кто в деревне»; *ача-сърр-и* «тот, кто без ребѣнка»; *ача-шанн-и* «тот, кто хочет иметь ребѣнка»; *хулара* «в городе» (мест. п.) — *хулар-и* «тот, кто в городе»; *нъртрен* «из дома» (исх. п.) — *нъртрени-и* «тот, кто из дома»; *ѣсне* «по делу» (твор. п.) — *ѣспине ѣспех та-ха...* «По делу-то, конечно, по делу...».

Самой распространенной является следующая модель формы выделения: основа существительного + местный падеж + *-и*: *килте* + *-и* > *килти* «тот, кто (что) дома», «домашний»; *ялта* + *-и* > *ялти* «тот, кто (что) в деревне», «деревенский»; *сырма* + *-и* > *сырмари* «тот, кто (что) в овраге», «овражный»; *урамра* + *-и* > *урамри* «тот, кто (что) на улице», «уличный»; *килёнче* + *-и* > *килёнчи* «тот, кто (что) у него (у неё) дома» и т.д., притом каждая такая форма может быть дополнительно оформлена аффиксом выделения *-скер*: *килтискер* «находящийся дома», «тот, кто (что) находится дома», *ялтискер* «находящийся в деревне» и т.д., образуя двойное выделение.

С позиции формоизменения форма выделения с аффиксом *-и* может стать действительно категориальной, казалось бы, лишь в случае присоединения аффикса *-и* не только к словоформе местного падежа, но и ко всем падежным формам (принцип тотальности). Как показывает языковая практика, аффикс выделения *-и* ни при каких условиях не может быть при основоформе дательного падежа, поскольку аффикс дательного падежа характеризуется гласной огласовкой *-а* (*-е*) и по фонетическим законам чувашского языка два гласных звука рядом стоять не могут: *тус-а* «другу», но нет *тус-а-и* или *туса-н-и* в форме выделения. Предложенное И.П. Павловым средство аффикса направительной формы *-лла* (*-лле*) не является выходом [118, с. 128], ибо направительная форма сама носит избирательный характер, присоединяется преимущественно к именам с пространственным значением. Если формы *урамалли* «направленный в сторону улицы», *пёр сулалли* «примерно одногодки» можно считать вполне нормальными, то формы *сынналли*, *күренёвelli* алогичны, их просто не может быть в языке. Алогичными являются и формы типа *юлташ-йм-сёрр-и* «тот, кто без моего товарища», *пёлю-н-и* (от *пёлю* «знание») и т.д.

Таким образом, ни в словоизменительной, ни в формоизменительной морфологии существительных, казалось бы, нет никаких оснований выделять формы на *-и* в отдельную словоизменительную грамматическую категорию выделения. Ведь морфологическая категория, обслуживающая какую-либо часть речи, обязательно должна присутствовать при любом слове (словоформе или основоформе) или большинстве слов.

Однако для констатации категории выделения существительных всё же есть надёжное основание, ибо аффикс *-и* подчиняется принципу тотальности и тем самым образует формоизменительную ка-

тегориальную форму выделения существительных (с учётом выхода на все множество существительных через местный, а также через притяжательный, исходный, лишительный и причинный падежи).

Если бы при определении маркировки категории выделения имён существительных в чувашском языке начали искать оппозицию «выделение — невыделение», то попали бы в трудную ситуацию. Как правило, в таких случаях один из членов бинарной оппозиции (а иногда целой парадигмы) должен оставаться в нулевой форме, т.е. не должен оформляться маркером. В случае же выделения с аффиксом *-и* такое правило нарушается, поскольку «невыделение» само маркировано падежными аффиксами.

Категория выделения не является универсальной, ибо нет категории выделения форм множественного числа, принадлежности, времени. Речь может идти только о формах выделения некоторых падежных форм. Так можно говорить о форме выделения притяжательного падежа (*юлташйӑнн-и* «то, что принадлежит товарищу»), местного падежа (*юлташри* «то, что имеется у товарища»), лишительного падежа (*юлташсӑрри* «тот, у кого нет товарища»), причинно-целевого падежа (*юлташиӑнни* «тот, кто хочет иметь товарища»).

Особый интерес представляет словоформа *юлташли* «тот, кто имеет товарища», которую можно интерпретировать двояко: как формоизменение наличной формы на *-лӑ*: *юлташлӑ* и как формоизменение уподобительной формы *юлташля*.

Каждая такая выделительная форма сама служит базой для изменения слова по числам, падежам и времени: *юлташйӑннисем, юлташсӑррисем, юлташиӑннисем, юлташлисем; кӳршиӑннисем, кӳршиӑннисем, кӳршиӑннисем, кӳршиӑннисем; кӳршиӑннисем, кӳршиӑннисем, кӳршиӑннисем, кӳршиӑннисем.*

Аффикс прошедшего времени *-чӑ* (*-чӑчӑ*) в таких случаях будет замыкающим элементом в словоформах *юлташсӑрричӑчӑ, юлташсӑррисемчӑчӑ, кӳршиӑннисемчӑчӑ.*

У существительных в форме выделения на *-и* может наблюдаться своеобразная «гирлянда» аффиксов: нанизывание аффиксов словоизменения, переходящих в формоизменение. Эта цепочка аффиксов должна быть учтена при морфологическом разборе, и слова типа *кӳршиӑннисемчӑчӑ* нужно анализировать следующим образом: *кӳршиӑннисемчӑчӑ* — существительное, непроизводное слово, основа слова — *кӳршиӑ* во множественном числе, в притяжательном падеже, в форме категории выделения, выделительная форма в исходном падеже притяжательного склонения.

Если же в словоформе нет выделительной формы, то анализ будет соответственно без упоминания о ней. Рассмотрим примеры:

Шинельсене хыврѣмѣр та Петѣрѣнне ая сартѣмѣр, манѣннипе витѣнтѣмѣр (Арт.) «Мы сняли шинели и шинель Петра постелили, моей укрылись»; *Петѣрѣнне* — существительное, непроизводное слово, основа слова — *Петѣр* — имя собственное, в дательном падеже притяжательного склонения;

«*Нарспи*» *сырнѣ чухне Константин Лермонтов майлѣ сырнѣ тесех калаймѣстпѣр, кунта Константинѣн тѣп шухѣишѣ Лермонтовѣнне пѣр йѣрне куснѣ теме сѣс юратъ* (Шубос.) «Не можем сказать, что Константин написал поэму “Нарспи” по образцу и подобию лермонтовских произведений, здесь мы видим лишь совпадение главной мысли Константина с мыслью Лермонтова»; *Лермонтовѣнне* — существительное, непроизводное слово, основа слова — *Лермонтов* — имя собственное, в творительном падеже притяжательного склонения.

Анализ приведенных примеров говорит о том, что необходимо разделить вопросы двойного (притяжательного) склонения от вопросов выделительной формы.

В некоторых случаях трудно определить, чем является аффикс *-и* при именах в форме основного падежа — аффиксом 3 лица категории принадлежности или аффиксом выделения. *Кайѣкѣ кайѣках-ха вѣл, анчах та вѣсѣймест-ске-ха* «Считается-то она птицей, но летать же не может». Здесь *-ѣ* в словоформе *кайѣкѣ* не выражает значения прямой принадлежности 3 лицу, а лишь выделяет одну птицу из общей среды. Примеры подобного типа мы назвали формой косвенной принадлежности.

На наш взгляд, можно условно признать, что *-и (-ѣ)*, следующий за основой слова, есть аффикс принадлежности 3 лица, а *-и*, следующий за другими аффиксами, — аффикс выделения. При этом следует признать также, что все аффиксы принадлежности обладают и значением выделения. Когда говорящий выражает свое отношение к предмету аффиксом 1 лица *-ѣм (-ѣм, -м)*, то он выделяет этот «свой» предмет (*кѣнекем* «моя книга»); аффиксом 2 лица *-у (-ѣ)* выделяется предмет собеседника (*кѣнеку* «твоя книга»), а аффиксом 3 лица *-и (-ѣ)* — предмет лица, участвующего или не участвующего в разговоре (*кѣнеки* «его (её) книга»).

Ещё одно небольшое замечание, касающееся проблемы соотношения значений принадлежности и выделения. Мы привыкли говорить, что конструкция изафета образуется путём прибавле-

ния аффикса принадлежности 3 лица *-ĕ (-и)* ко второму компоненту словосочетаний: *күрше ачи* «соседский мальчик», *чайваш халăхĕ* «чувацкий народ», *сын кĕлетки* «тело человека» и т.д., и иногда не замечаем ту смысловую особенность, когда *-ĕ (-и)* вовсе не выражает принадлежности предмета тому, что выражено в первом компоненте: *така хуранĕ* «большой котёл» (для варки артельной пищи), букв.: баран котёл его.

В. Формообразование существительных

Формообразование на базе словообразования

Некатегориальная форма достаточности и назначения на *-лăх (-лĕх)*. Аффикс *-лăх (-лĕх)* в чувашском, как и во многих тюркских языках, является высокопродуктивным деривационным аффиксом, образующим имена с разными значениями. К формообразованию относятся словоформы на *-лăх (-лĕх)*, указывающие на назначение или предел во времени: *кĕпелĕх* «(отрез) на рубашку», *сехетлĕх* «на час».

При трактовке производных на *-лăх (-лĕх)* у лингвистов нет единого мнения. Н.А. Андреев считал, что аффикс *-лăх (-лĕх)* с некоторыми именами существительными образует имена со значениями: «предназначенный для...», «годный на...», «достаточный для...» и т.д. [14, с. 51—52]. По мнению И.П. Павлова, в таком случае образуются не имена существительные, а относительные прилагательные: *вăрлăхлăх тырă* «семенное зерно», «зерно, предназначенное на семена», *силослăх кукуруза* «кукуруза на силос» [118, с. 164].

С точки зрения И.А. Андреева, И.П. Павлов и Н.А. Андреев неправы, ибо аффикс *-лăх (-лĕх)*, когда указывает на назначение или предел во времени, употребляется в синтаксическом значении, т.е. выражает синтаксические отношения между словами, и эта форма является словоизменительной [10, с. 199; 11, с. 100—102].

На наш взгляд, И.А. Андреев прав в том, что слова с аффиксом *-лăх (-лĕх)*, указывающие на назначение предмета или предел во времени, не успели приобрести особое лексическое значение, что они сходны с падежными аффиксами имен. Но мы не согласны с отнесением аффикса *-лăх (-лĕх)* в вышеуказанном значении к словоизменительным, в нашем понимании словоизменение — это образование форм (форм лица, числа и

принадлежности) от изначальной основы, в языке оно представлено категориальными формами, характеризующимися тотальностью употребления. А что касается форм на *-лӑх (-лӗх)* в названных значениях, стройный ряд грамматических форм не наблюдается, здесь действует принцип избирательности. Поэтому слова типа *кӗпелӗх, сехетлӗх* мы относим к некатегориальным формам, т.е. к формообразованию, считаем их существительными в форме достаточности и назначения.

Такие слова, как *силослӑх, хӑпхалӑх, капанлӑх, пӑртлӗх*, нельзя считать прилагательными по той причине, что они стоят вне категории сравнения, таким образом *-лӑх (-лӗх)* не может быть словообразовательным аффиксом прилагательных.

Форма обладания на *-лӑ (-лӗ)*. До появления статьи И.А. Андреева [11] аффикс *-лӑ (-лӗ)* считали целиком и полностью деривационным [14, с. 73—78], такое мнение существует и сейчас. Но И.А. Андреев отмечает двоякую функцию аффикса *-лӑ (-лӗ)*: «лексическую (когда с его помощью образуются новые слова с качественным значением) и функцию синтаксическую (когда он указывает на синтаксическую роль имени существительного)» [11, с. 99]. Форму на *-лӑ (-лӗ)* он считает словообразовательной (деривационным аффиксом имён прилагательных) только в случае, если она может изменяться по степеням сравнения. Но с объявлением аффикса *-лӑ (-лӗ)* словоизменительным, как и в случае с аффиксом *-лӑх (-лӗх)*, мы согласиться не можем. Исходя только из синтаксической дистрибуции аффикса *-лӑ (-лӗ)* невозможно считать словоизменительным, ибо у него на это нет «полномочий». В случаях, когда словоформы с аффиксом *-лӑ (-лӗ)* не принимают аффикса категории сравнения *-рах (-рех)*, их следует считать некатегориальной формой обладания. К таковым относятся формы типа *ҫӗлӗклӗ, кӗпеллӗ, сӑмсахлӑ, пуҫлӑ, куҫлӑ, ураллӑ, кӗперлӗ* и т.д. При этом лексическое значение имени существительного не изменяется.

Имя существительное в форме обладания на *-лӑ (-лӗ)* иногда сохраняет грамматические атрибуты — аффикс множественного числа *-сем (пӗчӗк пӑртсемлӗ ялсем* «деревни с маленькими избушками») и аффикс принадлежности 3 лица *-и (куккук сӑс-силлӗ вӑрман* «лес с голосом кукушки»), в приведённых примерах слова *пӑрт-сем-лӗ, сӑс-и-лӗ* являются существительными, а не прилагательными.

Особо следует остановиться на выражении *вӑрӑм йӗпӗсемлӗ чӑлхине чиксе хучӗ*, взятом из произведения Марфы Трубиной. По мнению И.П. Павлова, словосочетание *вӑрӑм йӗпӗсемлӗ чӑлхи* является аномалией для чувашского языка по двум причинам: нарушает правила словообразования и не подчиняется правилам образования словоформ. На его взгляд, в вышеприведенном примере достаточно было бы сказать *вӑрӑм йӗплӗ чӑлхи* [121, с. 93].

Для И.П. Павлова, считающего аффикс *-лӑ (-лӗ)* только деривационным, здесь лишними являются и аффикс 3 лица, и аффикс множественного числа *-сем*. Если бы автор был внимателен к слову *йӗпӗсемлӗ*, то непременно заметил бы, что *-сем* здесь выразитель реального положения вещей, ибо вяжут не одной, а несколькими спицами, потому выражение *вӑрӑм йӗплӗ чӑлхи* исказило бы истину. Аффикс 3 лица *-ӗ* является в данном случае выразителем формы косвенной принадлежности. Под прямой принадлежностью мы понимаем отношения между предметами, когда один из них имеет непосредственное отношение к другому или является его частью (ср. чув. *ача кӗпи*, *сын кӑмӑлӗ*, *шӑл туни* и т.д.), а косвенная принадлежность предполагает отношения, при которых принадлежность предмета носит условный характер. Довольно часто выражение такой принадлежности бывает связано со значением выделительности. Таким образом, аффикс *-ӗ* в слове *йӗпӗсемлӗ* является выразителем косвенной принадлежности с одновременным проявлением выделительности. Для того чтобы понять значение аффикса *-ӗ*, нужно взять предложение полностью, где встречается словоформа *сӑмхине* с аффиксом принадлежности 3 лица *-и*. В контексте выясняется, что и *сӑмха* «клубок ниток» и *йӗпӗсем* «спицы» принадлежат одному и тому же человеку и в этих словах заложено значение непосредственной принадлежности.

Формообразование на базе словоизменения

Сравнительная некатегориальная форма на *-рах (-рех)*. Формы имён прилагательных на *-рах (-рех)* относятся к категориальному словоизменению. Но формы имён существительных с этим аффиксом причислить к таковым невозможно в силу его выборочного присоединения. Известно лишь несколько форм: *ачарах* (*Вӑл ачарах-ха халӗ* «Он еще ребёнок»); *курӑкрах* (*курӑк-*

рах тырӑ «хлеб ещё незрелый», т.е. более похож на траву); *тихарах* (*тихарах лаша* «не совсем лошадь», т.е. более похожа на жеребёнка) и некоторые другие. Н.И. Ашмарин к таким примерам относит также следующие словоформы: *џилтерех* (*Паян џанталӑк џилтерех* «Сегодня несколько ветрено»); *сӑртрах* (*Лӑс хурӑнӑн ырӑнӑ — сӑртрах ырӑн* «У развесистой берёзы место чуть возвышенное»). По его мнению, имена существительные «в прямой своей форме принимают аффикс сравнительной степени», когда в некоторых синтаксических конструкциях приобретают значение прилагательного [25, с. 16].

Аффикс *-рах* (*-рех*, *-тарах*, *-терех*) участвует также в двойном формообразовании; может присоединяться к некоторым падежным формам существительных (*вӑрманарах кӗр* «войди дальше в лес», *сӑлрех вӗс* «лететь повыше», *сӑмсанарах калас* «говорить более гнусаво»).

Форма существительных (в том числе в падежной форме) с *-рах* (*-рех*) может присоединять аффиксы *-и*, *-скер* (*курӑкраххи* «тот, что ещё зелёный»), *-чӗ* (*ачарахчӗ* «тот, кто был ещё ребёнком»).

Приведем ряд примеров, иллюстрирующих употребление аффикса тюрк. *-рак* ~ чув. *-рах* (*-рех*) при существительных в туркменском языке. Первым подобное употребление замечено А.П. Поцелуевским, о котором говорил впоследствии Е.А. Поцелуевский: *Гышрак-даха ӳгнаныпдык* «Да ведь собрались еще в конце зимы» (*гышрак* — от *гыш* «зима», *гышрак* «ближе к концу зимы»). (Почти аналогичное имеем в чувашском: *хӗлрех кӗрсен* «при наступлении зимы».) *Сона гыракарда душпӳйӗрди* «Сона купалась у самого берега» (*гыра* ~ чув. *хӗрри*; *гыракарда* ~ чув. *хӗрринчерехре*). *Четрӗкде бак* «Почти в сторонке» (*четрӗкде* — *аяккарахра*) [132, с. 230, 233; 133, с. 193].

Двойные формообразования наблюдаются и в том случае, когда аффикс *-рах* (*-рех*) присоединяется к другой форме, которая именуется многими лингвистами направительной, на *-алла* (*-алле*) (или, по мнению некоторых языковедов, *-лла* (*-лле*): *вӑрманалларах* «дальше в глубь леса», *аялалларах* «чуть дальше вниз», *сӑлеллерех* «чуть дальше вверх» (в действительности же морфемная членимость здесь такова: *аял-алл-а-рах*).

Разделительная форма на *-шар (-шер)*. В чувашском языкознании аффиксы числительных *-шар (-шер)*, *-мёш*, *-ён (-ён)* возвели в ранг реляционных, поскольку они обладают тотальностью употребления в рамках конкретной части речи, т.е. числительного [119, с. 3—4]. Раньше чувашские исследователи в формах числительных на *-шар (-шер)*, *-ён (-ён)*, *-мёш* видели лексико-грамматические разряды, и названные аффиксы считались деривационными, а формы *икшер* «по два», *улттён* «вшестером», *иккёмёш* «второй» включались в словари в качестве реестровых, т.е. принимались за лексические единицы. Если бы они были деривационными аффиксами, то характеризовались бы избирательными свойствами. По мнению И.П. Павлова, «указанные суффиксы все вместе образуют парадигму форм числительных, актуализирующих категориальное значение числа» [121, с. 87].

И.А. Андреев, считающий аффиксы *-ён (-ён)*, *-мёш*, *-шар (-шер)* синтаксическими по назначению, является мотиватором идеи о словоизменительном характере этих формантов [10, с. 194].

Допустим, аффикс *-шар (-шер)* является реляционным, образующим категориальную форму разделительных числительных. Вопрос был бы исчерпан, если бы не имелось именных форм с аффиксом *-шар (-шер)*: *султалёкшар* «по (одному) году», *сехетшер* «по (одному) часу», *минутшар* «по (одной) минуте», *метршар* «по (одному) метру», *пётшар* «по (одному) пуду», *улмашар* «по (одному) яблоку» и т.д. В этом случае формообразовательная модель соответствует структуре словосочетания: *сехетшер — пёрер сехет* «по одному часу», *уйёхшар — пёрер уйёх* «по одному месяцу», *тоннёшар — пёрер тонна* «по одной тонне», *турамшар — пёрер турам* «по одному куску» и т.д.

Н.И. Ашмарин, приводя примеры *талёкшар* «по одни сутки», *эрнешер* «по одной неделе», пишет: «Здесь существительное *талёк* «сутки» и *эрне* «неделя» употреблены в смысле счётных слов, т.е. по значению приближаются к числительным» [25, с. 16].

В число таких форм попадают существительные, которые подаются линейному счету и разделению на единицы.

Примеры подобного типа встречаются в художественной литературе и разговорной речи: *Нёхрепреп илсе кёне сивё уйран та хамёр умра куркашар* (Ильбек) «Перед нами по ковшу айрана,

взятого из погребя»; *Кашиные тенкёшер лекрё* (Агак.) «Каждому досталось по рублю»; *Пусшар шутласа ан лар* «Не считай каждую копейку».

Выделительная форма на *-скер*. Аффикс *-скер* в чувашском языкознании долгое время называли выделительным аффиксом. И.П. Павлов объединил формы *-и*, *-хи*, *-скер* в одну категорию и назвал категорией выделения, обслуживающей по несколько частей речи. При этом вопрос «Каким частям речи присуща категория выделения?» [123, с. 4] автор фактически оставил без ответа, лишь в конце статьи указал на желательность описания данной категории в связи с отдельными частями речи и выявления её специфики в каждом случае. Но, как видно из содержания статьи, И.П. Павлов аффиксы *-и*, *-хи*, *-скер* считает, с одной стороны, специальными выразителями «общего категориального значения предметности при повторной номинации» [123, с. 13], с другой стороны, отмечает, что «формы на *-и* употребляются продуктивнее, чем формы на *-скер*» [123, с. 11].

Значит, формы на *-скер* имён существительных встречаются реже. Поэтому говорить о словоизменительной категории выделения на *-скер* имён существительных нет смысла. Другое дело имена прилагательные, здесь аффиксы *-и*, *-скер* носят универсальный характер и являются категориальной формой выделения. Это верно замечено ещё В.Г. Егоровым: «...*-скер* употребляется при выделении, обособлении, подчеркивании какого-либо признака в предмете... присоединяется по преимуществу к прилагательным и причастиям, а иногда и к существительным, придавая им аппозитивный характер, т.е. характер приложения или обособленного определения» [73, с. 342].

В случаях *тихарахскер* (*тиха-рах-скер*), *ачарахскер* мы имеем двойное формообразование: аффикс *-рах* (*-рех*) образует форму сравнения имен существительных, а аффикс *-скер* — форму выделения.

Выделительная форма на *-хи*. Существует мнение, что аффиксы выделения *-и*, *-хи* являются алломорфами [123, с. 4]. Но необходимо учесть морфологические особенности этих аффиксов: если при образовании выделительных форм на *-и* в качестве исходной основы обычно употребляются маркированные,

то при образовании выделительной формы на *-хи* — как маркированные, так и немаркированные основы. Ср.: *вәрман-т-и* «тот, кто (что) в лесу»; *ял-т-и* «тот, кто (что) в деревне»; *арман-т-и* «тот, кто (что) на мельнице»; *сырма-р-и* «тот, кто (что) в овраге»; *ял-ё-н-ч-и* «тот, кто (что) в деревне»; *ир-хи* «утренний», ср. *ир-хи(н)-е-хи*; *каç-хи* «вечерний», ср. *каç-хи(н)-е-хи*; *ёмёр-хи* «вечный», *ёмёр-тен-хи* «вековой»; *малаш-н-е-хи* «предстоящий». Из приведенных примеров видно, что выделительная форма на *-хи* образуется от основы слов с временным значением, а аффикс *-и* следует за аффиксом местного падежа, основы при этом могут и не выражать временного значения.

Следует отметить, что в школьных учебниках до сих пор аффикс *-хи* относят к числу деривационных, образующих имена прилагательные. Формы на *-хи* нельзя считать прилагательными по той причине, что они не могут принимать категориальный аффикс сравнения *-рах (-рех)*.

Порой формант выделения *-хи* в словоформе встречается дважды (например: *ир-хи-н-е-хи* «утренний», ср.: *ирхи* «утренний»). Это говорит о том, что аффикс *-хи* может выступать как аффикс не только формообразования, но и формоизменения.

От существительных типа *мал* «перед» и *кай* «зад» аффиксы *-и*, *-хи* образуют выделительную форму разными способами: *мал-т-и* «передний», «первоначальный», *кай-р-и* «последний», «последующий»; *мал-тан-хи* «первый», *кай-ран-хи* «последний».

Здесь речь идет о формоизменительном формообразовании: *-и* следует за формантом местного падежа, *-хи* — исходного падежа.

Аффикс *-хи* может следовать за аффиксом предельной формы *-чен (-ччен)* в любом случае: *вәрçа́ччен* «до войны» — *вәрçа́чченхи* «дovоенный», *революци́чченхи* «дореволюционный», *Петёрчченхи* «допетровский», *Яковлевчченхи* «дояковлевский».

Не следует путать формы *умёнхи*, *умёнчченхи* «бывший раньше чего-либо, перед чем-либо» [А, III, с. 235] и *умёнчи* «тот, кто (что) перед чем-либо». В первом случае *-хи* следует за аффиксом притяжательного падежа *-ён*, во втором случае он находится за аффиксом притяжательного падежа *-ён* и аффиксом предельной формы *-ччен* и равен по смыслу словоформе *умёнчченни* «тот, кто (что) раньше кого-либо (чего-либо)», а в третьем случае морфемная членимость не совпадает с первой: *ум-ё-н-ч-и*: *ум* — основа (корень) слова, *-ё* — аффикс 3 лица категории

принадлежности, *-н* — аффикс притяжательного падежа, *-ч* — аффикс местного падежа, *-и* — аффикс выделения.

Таким образом, как по фонетической структуре, так и по валентным свойствам *-и*, *-хи* разные, хотя и выполняют общую грамматическую функцию — функцию выделения. Следует отметить, что в диалектах чувашского языка аффикс *-хи* встречается в виде *-хё* (*Ирхёнехи сывлăмпа чечек сёнелет* [А, III, с. 145] «Утренней росой цветок обновляется (освежается)»), *-ри* (*ирхинери тётре* [А, III, с. 131] «утренний туман»), *-ши* (*ёлёкши кун* «вчера; накануне» [А, IV, с. 101]).

Г. Формы, близкие к падежным

Уподобительная форма на *-ла* (*-ле*, *-лла*, *-лле*)

Уподобительная форма в чувашском языке образуется аффиксом *-ла* (*-ле*, *-лла*, *-лле*), который причисляют к деривационным — наречиеобразующим, не приняв во внимание реляционный (словоизменятельный) характер аффикса. При тщательном исследовании сущности аффикса *-ла* (*-ле*, *-лла*, *-лле*) выясняется, что он присоединяется ко многим существительным, формант этот можно также видеть при словах, относящихся к различным частям речи, что явно препятствует тому, чтобы относить его к деривационным. Как ни странно, в число наречий включались слова, в составе которых были аффиксы принадлежности и множественного числа, целые конструкции типа *Уртемейсен качакилле* «как коза Уртемеевых», *чей амйшле* «подобно наседке» превращались в наречия. Более того, в число наречий включились собственные имена и фамилии с аффиксом *-ла* (*-ле*), последние писались с заглавной буквы: *Ленилла* «как Ленин», *Валери Чкаловла* «как Валерий Чкалов», *унтер Пришибеевла* «как унтер Пришибеев» [118, с. 298].

Таким образом, слова *хуҫалла* «по-хозяйски», *лапталла*, *урйлла*, *шурйлла*, *волейболла*, *сулхйлла*, *грузинла*, *кашкърла*, *пушкъртла*, *тăваттйлла*, *пырасла*, *каясла*, *хамърла*, *хальчченле*, несмотря на принадлежность к разным частям речи, следует считать стоящими в уподобительной форме.

Значение словоформы с аффиксом *-ла* (*-ле*) можно передать посредством послелогов *пек*, *евёр* «подобно», «как», «словно»: *кашкърла* — *кашкър пек* «словно волк», *Петърле* — *Петър пек* «как Пётр». Но в случаях со словами, являющимися названиями-

ми игр (*футболла, хоккейла, волейболла*) и языка общения (*чӑвашла* «по-чувашски», *вырӑсла* «по-русски», *венгрла, узбекла*), замена аффикса *-ла (-ле)* послелогоми *пек, евӑр* невозможна.

Аффикс уподобительной формы *-ла (-ле, -лла, -лле)* соответствует общетюркскому аффиксу сравнительного падежа *-ча: вырӑсла — русча* «по-русски». Форма сравнительного падежа на *-ча*, зафиксированная в ранних памятниках тюркских языков, сохранилась в современных тюркских языках и диалектах.

Главное значение чувашской формы — уподобление: *кужжук-ла* «словно кукушка», *автанла* «подобно петуху», *кашкӑрла* «как волк». Посредством аффикса уподобительной формы можно выразить определённое временное значение: *ачалла(х)* «будучи ещё ребёнком», *хӑрле(х)* «будучи ещё девушкой», *самрӑкла(х)* «будучи ещё молодым», но при этом после *-ла (-ле)*, как правило, следует формант категории усиления на *-х*.

Среди прочих значений уподобительной формы можно указать способ (*уксӑлла ил* «купить на деньги», *сӑнӑхла улӑштар* «менять на муку»), сравнение (*поэтла этем* «поэтический человек», *арсыла хӑрарӑм* «мужеподобная женщина»), общение на каком-либо языке (*яппунла* «по-японски», *марилле* «по-марийски», *нухайла* «по-ногайски»), игру во что-либо (*футболла* «в футбол»).

Уподобительная форма на *-ла (-ле, -лла, -лле)* в общем укладывается в рамки словоизменения и отчасти формоизменения, тяготеет к категориальной форме уподобления, но в то же время её можно назвать уподобительным квазипадежом.

Форма предельности на *-чен (-ччен)*

Терминалис (или форма предельности) отвечает на вопросы *камччен? мӑнччен? Петӑрччен (камччен?) магазинта Яксу ёсленӗ* «До Петра в магазине работал Яков».

Н.И. Ашмарин, рассматривая формант *-чен* наряду с аффиксами *-шӑн (-шӑн)*, *-сӑр (-сӑр)*, предупреждал: «Эти аффиксы по значению приближаются к послелогам, и поэтому нет основания образовать из-за них падежи и увеличить число их» [25, с. 30]. Между тем *-сӑр (-сӑр)* и *-шӑн (-шӑн)* уже признаны аффиксами лишительного и причинно-целевого падежей соответственно. Вопрос о месте и функции аффикса *-чен (-ччен)* до сих пор остаётся неясным.

Если быть до конца принципиальным, то *-чен (-ччен)* не является в действительности ни послелогом, как предполагал

Н.И. Ашмарин, ни словообразовательным аффиксом, как допускает И.П. Павлов [25, с. 30; 118, с. 304]. Не является словообразовательным потому, что употребляется со многими существительными, выражая значение предела во времени и пространстве, и выполняет синтаксическую функцию. Значит, остается причислить его к словоизменительным. Попытки такого рода уже были. Й. Буденц в «Очерках по чувашскому языку» (на венгерском языке) [195] писал о наличии предельного падежа (терминалиса) на *-чен*: *пуртчен* «до дома», *витеччен* «до конюшни». Й. Бенцинг число падежей в чувашском довел до десяти и в их число включил терминалис с соответствующим вопросом: *до каких пор?* [193, с. 449]. По его мнению, аффиксом предельно-достижимого (предельного) падежа в чувашском языке является *-чен* (*-ччен*). Исследователь считает, что его можно сравнить с послелогами *чэн* (азерб.) и *чэнли* (туркм.) «до» [193, с. 468—469].

А.И. Иванов, указывая, что формы с *-чен* (*-ччен*) сохраняют предметное значение, отказался признать его падежным, обосновывая это присоединением аффикса только к части существительных [81, с. 74]. Такая мотивировка соответствует действительному положению вещей: в чувашском литературном языке *-чен* (*-ччен*) не употребляется со многими существительными. В этом легко убедиться, взяв в руки «Обратный словарь чувашского языка» [181, с. 89—90], где приведены следующие слова: *талăкчен*, *султалăкчен*, *симёкчен*, *прасникчен*, *срокчен*, *касчен*, *вăхăтчен*, *сехетчен*, *вăрахчен*, *пайтахчен*, *уйăхчен*, *пăрлăхчен*, *суллагчен*, *саманаччен*, *реформăйчен*, *вăрçăйчен*, *суйлавчен*, *раштавчен*, *уявчен*, *хёлеччен*, *сёрлеччен*, *ирхинеччен*, *кёркуннеччен*, *суркуннеччен*, *эрнеччен*, *тепреччен*, *пёрреччен*, *миçеччен*, *темиçеччен*, *ситиччен*, *лариччен*, *чылайччен*, *самайччен*, *нумайччен*, *улёмччен*, *тёттёмччен*, *таранччен*, *ыранччен*, *хăсанччен*, *тахсанччен*, *автанччен*, *савăнччен*, *яхăнччен*, *мёнччен*, *темёнччен*, *унччен*, *кунччен*, *ёнерччен*, *паянччен*, *пёрремейшчен*, *сёрччен*, *ирччен*, *халиччен*... В списке представлены не только имена существительные, но и прилагательные, местоимения, числительные, наречия, послелоги, глаголы (причастия). Это простое перечисление частей речи, к которым может присоединяться аффикс *-чен* (*-ччен*), говорит о том, что он не может быть деривационным.

Эта форма широко употребляется в произведениях художественной литературы. Примеры, взятые из повести А. Артемьева «Саламби»: *Григорий Петрович Борисов вăрçăйчен ялта чи ёсчен*

колхозник шутланатчӗ «До войны Григорий Петрович Борисов считался в деревне самым трудолюбивым колхозником»; *Водопровод сукки хуплать, кӗрччен тӑвас тенӗчӗ*.. «Всё дело в водопроводе, до осени хотели пустить в ход...»; *Паян вӗрентмесӗ, анне, сивӗ хӗрӗх градуса ситет месӗ, саванна кӑнтӑрлаччен таврӑнтӑм* «Сегодня не учимся, мама, говорят, мороз до 40 градусов, поэтому вернулся домой до полудня»; *Салампи тул сӑтӑличчен тӑрса витери кӑмакасене хутса ячӗ* «Саламби, поднявшись до рассвета, затопила печи в телятнике»; *Ленӑпа Маруҫ килеймесӗ, киноччен ӗҫ пустарас месӗ* «Лена и Маруся прийти не могут, до кино хотят управиться с делами».

Формы на *-чен (-ччен)* выражают разные значения, но основным считается обозначение предела действия во времени: *Уявччен ӗҫлерӗмӗр* «Работали до праздника». В зависимости от глагольной формы, *уявччен* в этом примере обозначает предел времени, простирающийся в прошлом. Если скажем: *Уявччен ӗҫлемелле* «Нужно работать до праздника», то время совершения действия распространяется и на плоскость будущего.

Аффикс *-чен (-ччен)* также означает предел, до которого простирается известное нам действие, т.е. время, раньше которого или до которого произошло то или иное действие. Если даже рассматривать отдельно словоформу *Иванччен* «до Ивана», то можно догадаться, когда произошло какое-то событие, действие.

Форма с аффиксом *-чен (-ччен)* в разговорной речи также может обозначать последовательность предметов, представленную во временной плоскости: *Вӑрманччен икӗ сырма урӑ каҫ-малла пулчӗ* «До леса нам пришлось перейти два оврага». Словоформа *апатчен* может быть понято двояко: «до обеда» (в прошлом) и «до обеда» (в будущем), однако выражение *апатран апатчен* «от обеда до обеда» или «от одного приема пищи до другого» выражает более определённый период времени.

Значение предела времени действия выражается также словоформами *паянччен* «до сегодняшнего дня», *ыранччен* «до завтра». Слова *ыранччен*, *тепреччен* в разговорной речи употребляются также в смысле «до встречи»: *ыранччен* «до встречи завтра», *тепреччен* «до следующей встречи».

Неопределённый промежуток времени выражается словом *ӳлӗмччен*. Если основа слова *ӳлӗм* означает «будущее», то словоформа *ӳлӗмччен* может выражать временной отрезок в прошлом: *ӳлӗмччен вӑл унта каймарӗ* «Больше он туда не ходил». Желая

выразить действие, предполагаемое в будущем, употребляют *ўлёмрен: Кам пулё-ши въл ўлёмрен?* «Кем же он станет в будущем?»

Формы *-ла (-ле)* и *-чен (-ччен)* занимают промежуточное положение между категориальными и некатегориальными формами. На наш взгляд, не будет большой ошибки, если их назовем квазикатегориальными падежными формами.

Форма регулярной частотности на *-серен*

И.П. Павлов до 1960-х гг. полагал, что формант *-серен* — послелог-аффикс. В вышедшей в 1965 г. монографии он признал *-серен* уже деривационным и причислил к аффиксам, образующим наречия [118, с. 304]. Но в этой же работе усомнился в правдивости этого утверждения, рассудив, что слова *кассерен, ирсерен* действительно можно считать наречиями, но некоторые имена существительные с аффиксом *-серен* не теряют ни лексического, ни грамматического значения существительного, поэтому их трудно считать наречиями [118, с. 325]. Для подтверждения им приводится пример:

Юписерен йёс ункӓ,

Ункисерен чён йёвен (Фольк.)

«На каждом столбе — по медному кольцу,

На каждом кольце — уздечка».

На наш взгляд, автор прав во втором случае, говоря, что формы с аффиксом *-серен* остаются в той же части речи: *килсерен* «в каждом доме» — форма частотности имени существительного. Словоформы *юписерен: юп(а) + -и + -серен, ункисерен: унк(ӓ) + -и + -серен* нельзя считать наречиями хотя бы потому, что у наречий отсутствует аффикс 3 лица *-и*, а здесь присутствует показатель 3 лица косвенной принадлежности.

М.Р. Федотов, приводя примеры с *-серен: сӱлсерен* «ежегодно, каждый год», *уйӓхсерен* «ежемесячно, каждый месяц», назвал их наречиями времени [176, с. 115], забывая о том, что *-серен* может присоединиться к основам слов не только с временным, но и с предметным значением: *килсерен, нӱртсерен, сынсерен*.

И.А. Андреев рекомендует исключить из числа производных наречий формы на *-серен, -ла (-ле), -чен*, считая их словоизменительными [10, с. 199].

Поскольку *-серен* не подчиняется принципу тотальности употребления, то формы существительных на *-серен* являются некатегориальными, формообразовательными.

В школьных и вузовских учебниках *-серен* долгое время причислялся к группе аффиксов, образующих наречия, но при этом формы на *-серен* не включались ни в какие семантические разряды наречий. Это говорит о том, что даже те исследователи, которые безоговорочно признавали аффикс *-серен* наречиеобразующим формантом, затруднялись причислить формы на *-серен* к какой-либо группе наречий. В учебном пособии для студентов факультета чувашской филологии эти слова с *-серен* рассмотрены в качестве форм имён существительных, не входящих в падежную систему [154, с. 307—308], таких же взглядов придерживаются и авторы школьных учебников чувашского языка, вышедших в 2010-е гг.

Форма направленности на *-алл (-елл)*

В чувашеведении долгое время существует мнение, что показателем формы направленности является аффикс *-алла (-елле)* [154, с. 304], считается, что это — направленная форма дательного-винительного падежа (*-а + -лла, -е + -лле*) [118, с. 125]. Эту мысль впервые высказал Н.И. Ашмарин: «Дат.-вин. падеж в чувашском языке принимает окончания *лла, лле* для означения направления действия» [20, с. 129]. Й. Бенцинг считал аффикс *-ала (-еле)* формантом направительного падежа [194, с. 723].

Противоположное мнение высказано И.А. Андреевым: «В действительности в основе этой формы лежит не дательного-винительный падеж, а начальная (вернее, словарная. — В.С.) форма имени: *вӑрманалла* «по направлению к лесу», *хирелле* «по направлению к полю»; элемент *-алла (-елле)* по происхождению восходит к самостоятельному слову *ал* “сторона, направление” (ср. тат. *ал* “перед, передний”, кирг. *алд* “перед, передняя часть, сторона”)» [10, с. 199].

Мы поддерживаем мнение И.А. Андреева и считаем верной морфемную членимость в виде *ял + -ал(л) + -а* «по направлению к деревне», *кил + -ел(л) + -е* «по направлению к дому».

Форма образа действия на *-ӑн (-ӗн)*

Насчёт происхождения и функции аффикса *-ӑн (-ӗн)* в примерах *ирӗн-каӑн* «по утрам и вечерам», *вӑрманӑн (курӑн)* «(виднеется) лесом» существуют три мнения: одни считают его аффиксом древнего инструментального (орудийного) падежа; вторые — аффиксом притяжательного; третьи — наре-

чиеобразующим формантом. Все эти точки зрения не соответствуют истине. Мы считаем словоформы *ирён-каşан*, *вёрманён* (*курён*) некатегориальными формами образа действия.

Некоторых исследователей сбивает с толку внешнее совпадение показателей форм притяжательного падежа и форм образа действия. Формы с аффиксом *-ён* (*-ён*, *-н*) со значением способа (*уксан пар* «дай деньгами», *тыррэн тўле* «плати хлебом»), подобия (*şаханён пәхат* «смотрит вороном») присущи не всем существительным. Формой притяжательного падежа следует считать лишь существительные с аффиксом *-ён* (*-ён*, *-н*), выражающие принадлежность одного предмета другому лицу или предмету и отвечающие на вопрос *камён?* *мёнён?* Ср.:

	категориальная форма прит. падежа:	некатегориальная форма образа действия
<i>пит</i> «лицо»	<i>питён</i> «у лица»	<i>пичён</i> «лицевой стороной»
<i>пёрчё</i> «зерно»	<i>пёрчён</i> «у зёрнышка»	<i>пёрчён</i> «по зернышку»
<i>кун</i> «день»	<i>кунён</i> «у дня»	<i>кунён-şерён</i> «днём и ночью»
<i>şёр</i> «ночь»	<i>şерён</i> «у ночи»	<i>кунён</i> «поденно»
<i>уйах</i> «месяц»	<i>уйахён</i> «у луны»	<i>уйахён</i> «помесячно»
<i>алә</i> «рука»	<i>алён</i> «у руки»	<i>алла-алён</i> «рука об руку, дружно»
<i>майшәр</i> «пара»	<i>майшәрён</i> «у пары»	<i>майшәрён</i> (или <i>майшәррән</i>) «попарно»
<i>хусах</i> «холостяк»	<i>хусахён</i> «у холостяка»	<i>хусахён</i> (или <i>хусаххён</i>) «по-холостяцки»

Существительные в форме образа действия представлены в ограниченном количестве: *тәрнанён*: *Сук şыннён укси тәрнанён кәшкәрәт* «Деньги бедняка журавлем кричат»; *şеленён*: *Şеленён чашкәрса şүрет* «Ходит и шипит, как змея»; *вутән-хёмён*: *Вёре şелен вутән-хёмён тәкәнса вёссе şүрет тет* «Говорят, что огнедышащий змей летает, рассыпаясь огнём и искрами»; *ачан*: *Турә ачан şуралчё* «Бог родился младенцем»; *кутән*: *Аптәрәнә кәвакал кутән чәмнә тет* «Растерявшаяся утка ныряет задом» (посл.); *аләкән-тёпелён*: *Аләкән-тёпелён şүрет* «Ходит (по избе) от передней до двери (взад-перёд)» и т.д.

Многие нарицательные имена существительные могут быть в форме образа действия с аффиксом *-ён* (*-ён*), но у антропо-

нимов и абстрактных существительных в большинстве случаев проявляется лишь значение притяжательного падежа: *Петёрён, Иванён, Васильевён, Сергеевён, Михалковён, юратёвён, кўренёвён* и т.д. выражают только значение принадлежности.

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Общие замечания

Исторически сложилось так, что разработка вопросов грамматики (в данном случае морфологии) чувашского языка и всех тюркских языков находилась под влиянием русской грамматической традиции, согласно которой имена прилагательные делятся на два разряда: качественные и относительные. Против такого деления прилагательных в чувашском (и в тюркских языках) выступил И.А. Андреев, который на основе тщательного анализа материала чувашского языка пришел к следующему выводу: «...чувашский язык (равно как и другие тюркские языки) не имеет категории относительных прилагательных. Вместо последних выступают здесь существительные, а также и некоторые другие разряды слов с особыми функциональными аффиксами, оформляющими их в качестве определения» [11, с. 102]. Мы поддерживаем мнение И.А. Андреева, признавая, что эта идея для тюркских языков верная.

Однако решение вопроса об относительных прилагательных в тюркских языках остаётся на прежних позициях. В труде «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: морфология» автором главы «Имя прилагательное» является Л.А. Покровская, которая, не желая «тревожить» мнение других тюркологов, пишет, что выделяются два основных разряда прилагательных по их грамматическому значению: качественные и относительные» [164, с. 150—151], хотя на тот момент были известны труды Н.К. Дмитриева и И.А. Андреева, утверждавших об отсутствии в тюркских языках грамматической категории относительных прилагательных [65, с. 81; 11, с. 102].

Имя прилагательное — часть речи, обозначающая не только постоянные признаки предмета и явления (*пысăк сурт* «большой дом», *лайкă тăрăм* «мирное состояние»), но и признак действия (*лайăх ёçлет* «хорошо работает», *пуян нурайнать* «богато живёт»), а также признак другого признака (*тёксём кăвак* «темно-синий», *тёксём хёрлĕ* «тёмно-красный»). Наличие значения

признака другого признака зависит от семантики конкретных прилагательных, обозначающих цвет: *шупка хёрлӗ* «бледно-розовый», *шупка кайвак* «бледно-синий».

С семантической точки зрения прилагательные обозначают качество, свойство, характер, т.е. признаки, непосредственно присущие предметам, явлениям и признакам признаков:

1) цвет и масть: *шурӑ* «белый», *хура* «чёрный», *ула* «пегий, пёстрый», *чайнар* «пёстрый»;

2) вес, объём, размер: *йывӑр* «тяжёлый», *кӗске* «короткий», *синсе* «тонкий»;

3) температуру: *сивӗ* «холодный», *ӑшӑ* «теплый», *вӑри* «горячий»;

4) внешние физические и телесные качества людей, животных и предметов: *хытӑ* «твёрдый», *йӑмшак* «мягкий», *самӑр* «жирный»;

5) форму и облик: *тӑрӗ* «прямой», *кукӑр* «кривой», *савра* «круглый»;

6) вкус, запах: *тутӑ* «вкусный», *йӑҫӗ* «кислый», *шывак* «водянистый», *пылак* «сладкий».

Части речи определяются не только лексико-семантическими признаками, но и морфологическими. Имена прилагательные в чувашском языке имеют следующие категориальные формы: сравнения на *-рах (-рех)* (тюрк. *-рак (-рек)*), *-тарак (-терех)*: *пысӑкрах* «больше», *пӗчӗкрех* «меньше» *кахалтарак* «ленивее»; *шӗвӗртерех* «острее»; выделения на *-и*, *-скер*: *вӑйли*, *вӑйлӑскер* «тот, кто сильный»; образа действия на *-ӑн*, *-ӗн*: *пысӑкӑн* «крупно, помногу», *пӗчӗкӗн* «понемногу, мелко».

В.И. Рассадин пишет: «По своим формальным признакам имя прилагательное в тофаларском языке, как и вообще в тюркских языках, неизменяемая часть речи, так как оно не склоняется и не согласуется с определяемым в числе и лице» [136, с. 83]. Данное высказывание о неизменяемости имён прилагательных «вообще в тюркских языках» следует считать слишком категоричным, т.к. прилагательное не имеет категории принадлежности, числа, падежа, склонения потому, что оно не имя существительное; в чувашском оно имеет, как мы уже отметили, присущие ему категориальные формы сравнения на *-рах (-рех)*, *-тарак (-терех)*, выделения на *-и*, *-скер* и образа действия. Следовательно, сказать, что имя прилагательное — неизменяемая часть речи, у нас нет оснований.

А.М. Щербак не считает возможным говорить о наличии степеней сравнения в тюркских языках, так как соответствующие формы выражают не отношения между качествами разных предметов или явлений, а качество само по себе, с точки зрения говорящего, устанавливающего его тождественность норме [190, с. 113]. На наш взгляд, аффиксы *-рах* (*-рех*) в чувашском и *-рак* (*-рек*) в других тюркских языках образуют категорию сравнения, но мы не говорим о категории степеней сравнения прилагательных, ибо превосходная степень образуется аналитически, а не синтетически.

Существует мнение, что некоторые прилагательные могут в результате конверсии субстантивироваться, в пример приводят словосочетания типа *çăмарта шурри* «белок (у яйца)». Мы не можем говорить о полной субстантивации, ибо в подобных примерах субстантиватором считают аффикс *-и*, статус которого не очерчен определённо — то ли аффикс выделения, то ли показатель 3 лица категории принадлежности. Если его принять за аффикс выделения, тогда его мы должны заменить другим «напарником» — формантом *-скер*, но этого в языке нет, мы не говорим *çăмарта шурăскер*: в этом случае полностью пропадает значение «белок» у слова *шурăскер*: ср.: *шурăскер çăмарта* (?). При этом исключение могут составить слова *çамрăк* «молодой» (в форме множественного числа *çамрăксем* «молодёжь»), *ватă* «старый» — *ватăсем* «старики», *ваттăм çитрĕ* «пришла моя старость», *ватту çитрĕ* «пришла твоя старость», *ваттисене хисеплемелле* «стариков нужно уважать».

А. Словоизменение прилагательных

Категория сравнения

Термин «категория сравнения» относительно новый как для чувашского языкознания, так и для тюркологии: он введён в научный оборот впервые нами [151, с. 101—104; 152, с. 153—157]. Однако мысль о том, что в тюркских языках должна быть грамматическая категория прилагательных под таким названием, существует со времен Н.К. Дмитриева, который писал: «Если говорить о морфологическом оформлении прилагательного, то здесь можно отметить две категории из области словоизменения: степени сравнения и интенсивную форму прилагательных (*кан-кара*)» [65, с. 79]. Категорию степеней сравнения В.И. Рас-

садин также считает особой грамматической категорией, присущей качественным прилагательным в тофаларском языке [136, с. 86—97].

Аналогичного мнения чувашевед М.Р. Федотов. Он считает, что рассмотрение грамматических категорий имени прилагательного в виде степеней сравнения для тюркских языков «является, пожалуй, обязательным условием, поскольку они (степень сравнения. — В.С.) наделены наиболее специфическими чертами имени прилагательного» [176, с. 127].

Как следует из вышеизложенного, Н.К. Дмитриев, В.И. Рассадин и М.Р. Федотов рекомендуют выделить у имён прилагательных категорию степеней сравнения. Но категория степеней сравнения прилагательных в тюркских языках, по их мнению, складывается, как в русском языке, из трёх компонентов — положительной, сравнительной и превосходной степеней. Указывая, что сравнительная степень образуется при помощи аффикса *-рак* (~ чув. *-рах*, *-рех*), к превосходной степени относили неморфологические сочетания слов: с препозитивной частицей *ин* ~ *эн* в тюркских языках и *чи*, *чӑн* в чувашском: башк. *ин якшы* ~ чув. *чӑн (чи) лайӑх* «самый хороший». Как видно из примеров, сочетание слов с препозитивными частицами — не морфологический способ образования превосходной степени, а синтаксический, или морфосинтаксический.

Н.К. Дмитриев и М.Р. Федотов в категорию степеней сравнения предлагают включить также форму интенсива. Но формы прилагательных типа *хуп-хура*, *кӑн-кӑвак*, *сип-симӗс*, *ем-еиӗл*, *тап-такӑр*, *тип-типӗ*, *тип-тикӗс* как в чувашском, так и в других тюркских языках наблюдаются в ограниченном количестве. Это противоречит положению категориальных форм, говорящей о принципе тотальности её употребления, поэтому формы интенсива следует считать лишь некатегориальной формой и отнести не к словоизменению, а к формообразованию.

Выделяя категорию сравнения имён прилагательных в чувашском языке, мы исходим из следующих моментов: все прилагательные чувашского языка принимают аффикс *-рах* (*-рех*, *-тарак*, *-терех*), образуя сравнительную категориальную форму — принцип тотальности употребления соблюдается; основную форму прилагательных можно назвать положительной формой — если придерживаться принципа противопоставленности форм.

Таким образом, имеются все условия для выделения категориальной формы под названием «категория сравнения прилагательных» в чувашском языке:

положительная форма	сравнительная категориальная форма
<i>илемлё</i> «красивый»	<i>илемлёрех</i> «краше, красивой»
<i>хитре</i> «красивый»	<i>хитререх</i> «краше, красивой»
<i>хура</i> «черный»	<i>хурарах</i> «чернее»
<i>сўллё</i> «высокий»	<i>сўллёрех</i> «выше»
<i>кёске</i> «короткий»	<i>кёскерех</i> «короче»
<i>нумай</i> «много»	<i>нумайрах</i> «побольше», «больше»
<i>илемсёр</i> «некрасивый»	<i>илемсёртерех</i> «менее красивый»
<i>начар</i> «тощий»	<i>начартаррах</i> «тоще»
<i>сахал</i> «мало»	<i>сахалтаррах</i> «меньше»
<i>ухмах</i> «тупой», «глупый»	<i>ухмахрах</i> «глупее»

Данный тип сравнения представляет собой абстрактный вид, где сравнение качества проводится не с предметами, а с помощью теоретически подразумеваемой идеальной нормы [65, с. 83]. При этом за исходную точку условно принимается некая нормативная форма, называемая положительной.

Второй тип сравнения может быть назван конкретным, так как сравнение качества связано с сопоставлением конкретных предметов, которые обладают сравниваемым качеством: *Иван Петёртен сўллё(рех)* «Иван выше Петра»; *Ку ешчёк лешёнчен пысăкрах* «Этот ящик больше другого».

Как справедливо замечает М.Р. Федотов, чувашский язык, как и тюркские языки, для сравнения качества (свойства) двух предметов, когда качество одного превышает качество другого, обходится и без аффикса *-рах (-рех)*. В этом случае название мерил ставится в аблативе: *Хёвел уйăхран сұтă* «Солнце светлее луны». Автор употребление аффикса *-рах (-рех)* в таких случаях считает избыточным, за норму принимает выражение: *лашаран сўллё* «выше лошади», а не *лашаран сўллёрех* [176, с. 125].

Категорию сравнения следует считать главной и определяющей категорией имени прилагательного как части речи. При этом следует ориентироваться на следующее положение: все имена прилагательные принимают категориальный аффикс сравнения *-рах (-рех, -таррах, -терех)*, это говорит о том, что другие части речи этот аффикс тотально не принимают. Приведём для

сравнения два словосочетания: *йывăç сурт* «деревянный дом», *сўллĕ сурт* «высокий дом», *сўллĕрех сурт* «дом, который выше», но не говорим *йывăçрах сурт*.

Теперь проверим истинность вышесказанного, добавив к первым элементам сочетаний аффикс *-рах (-рех)*. Нельзя говорить *чулрах сурт* «более каменный дом», значит, слово *чул* — не имя прилагательное, к тому же здесь проявляется значение предметности, а не качества.

Таким же образом можно проверить все словоформы с аффиксами *-лăх (-лĕх)*, *-лă (-лĕ)*, *-сăр (-сĕр)*, *-ла (-ле)*, *-ма (-ме)*, которые некоторыми лингвистами принимаются за прилагательные: *нўртлĕх йывăç* «лес на строительство дома», но нет формы *нўртлĕхрех йывăç*, значит, слово *нўртлĕх* — не прилагательное; *санăллă кĕпе* «рубашка с рукавом» — *санăллăрах (?) кĕпе*; *санăсăр кĕпе* «безрукавка» — *санăсăртаррах (?) кĕпе*; *Петĕрле калаçать* «говорит на манер Петра» — *Петĕрлерех (?) калаçать*; *сĕрме пуян* «богатей» — *сĕрмерех (?) пуян*.

Отсутствие категориальной формы сравнения (примеры даны с вопросительным знаком) говорит о том, что имеем дело с существительными, а *сĕрме* — инфинитив в соответствующей форме. Однозначно исключается из числа деривационных *-ри (-ти, -чи)*, якобы образующий имена прилагательные.

Квалифицируя аффикс *-рах (-рех)* как формант категориальной формы сравнения, можно говорить о словоизменении прилагательных. Таким образом, если до сих пор утверждалось, что в качестве определений прилагательные не изменяются, то сейчас необходимо заявить о том, что они изменяются (*пысăк ял* «большая деревня» — *пысăкрах ял* «деревня, которая побольше»; *сўллĕ тусем* «высокие горы» — *сўллĕрех тусем* «горы, которые повыше» и т.д.), но, в отличие от существительных, изменяются не по падежам, числам и лицам, а по категориальным формам, присущим прилагательным.

Аналитическая сравнительная категориальная форма превосходства качества

Отказываясь от термина «превосходная степень сравнения прилагательных», мы предлагаем заменить его термином «категориальная форма превосходства качества». Эта категориальная форма в чувашском языке образуется только аналитическим (морфосинтаксическим) путём.

Сложная аналитическая категориальная форма превосходства качества имен прилагательных образуется:

а) при помощи частиц усиления *чи*, *чӑн*: *чи пысӑк* «самый большой, величайший», *чӑн пӗчӗк* «самый маленький, мельчайший»;

б) из двух компонентов: первый — прилагательное в форме исходного падежа, второй — в исходной (основной) форме: *хитререн хитре* «красивый из красивых, красивейший», *ӑслӑран ӑслӑ* «умнее умных, умнейший»;

в) с помощью определительного местоимения *пурте* в исходном падеже формы выделения: *пуринчен те ӑслӑ* «умнее всех, умнейший»;

г) с помощью других усилительных частиц: *чӑлт шурӑ* «совершенно белый», *йӑм хура* «черный-пречерный», *тӑр ухмах* «совершенно глупый», *сӗм суккӑр* «совершенно слепой», *вӑр саврака* «совершенно круглый», *вӗр сӗнӗ* «абсолютно новый» и т.д. [85, с. 286—287].

Категория выделения

Категория выделения прилагательных образуется при помощи аффиксов *-и*, *-скер*. В отличие от существительных, у прилагательных нет аффикса выделения *-хи*, в словоформах *лайӑххи*, *лайӑхраххи* отмечается геминация инлаутного *х*. Если аффиксы *-и*, *-хи*, *-скер* при существительных выражают выделение предмета из общей среды, то *-и*, *-скер* при прилагательных указывают на выделение признака предмета.

Как мы уже отмечали, для имён прилагательных категория выделения на *-и* является категорией последовательно коррелятивной: формы данной категории образуются не только от всех лексических основ прилагательных, но и от почти всех категориальных форм (*аслӑ* «старший» — *асли* «тот, кто старше», *пысӑк* — *пысӑкки* «тот, кто (что) больше», *лайӑхрах* — *лайӑхраххи* «тот, кто (что) лучше», *начартарах* — *начартараххи* «тот, кто хуже», *тачкаскер* — *тачкаскерри* «тот, кто толще (жирнее)»).

Н.И. Ашмарин формы на *-и* назвал второй формой прилагательных, которая «означает, что данное прилагательное или обнимает все предметы, имеющие известное качество, выражаемое этим прилагательным, или же один предмет, обладающий этим качеством, в отличие от предметов, этим качеством не

обладающих», в качестве примеров привёл среди других слова *аслă* «большой», «старший» — *асли* «всякий, кто большой среди известной группы лиц; старший». «Третья самостоятельная форма прилагательного (с аффиксом *-скер*. — В.С.) выражает качество предмета, не принимая во внимание выделения этого предмета из среды других, этим качеством не обладающих; скорее, она только утверждает принадлежность предмета к какой-нибудь группе, совершенно опуская из вида другие группы, противоположные ему по качеству. *Эсĕ çак усалскерне пĕле тăра ырай тума шухăшласа тăратăн* “Ты, зная его как негодника, хочешь сделать ему добро”» [20, с. 169, 176].

Н.А. Андреев отмечает наличие в чувашском языке форм самостоятельных обособленных прилагательных на *-и (-ĕ)*, *-скер*, *-йиш (-ĕш)*, «употребляемых для выделения при указании на качество, для подчеркивания качества предмета». Такие прилагательные, по мнению автора, занимают позицию после определяемых слов и склоняются как имена существительные, «согласуясь с ними в числе и падеже» [15, с. 102].

И.П. Павлов категорию выделения включил в число грамматических, обслуживающих по несколько частей речи, поэтому категорию выделения прилагательных отдельно детально не рассматривал. Отмечая, что выделительные формы служат номинативным целям, автор говорит об опосредованном отношении этих форм к суффиксальному словообразованию: «Наименования, образованные при помощи категории выделения в чувашском языке, целиком и полностью относятся к речевой номинации», т.е. создаются в процессе речеобразования. В то же время суффиксы *-и (-хи)*, *-скер* автором названы суффиксами формообразования [123, с. 13]. Таким образом, аффиксы *-и*, *-скер*, по его мнению, служат одновременно двум целям: формообразованию (словоизменению — в понимании автора) и речевой (повторной) номинации.

М.Р. Федотов аффикс *-и* в слове *лайăххи* считает формантом принадлежности [176, с. 126], что весьма сомнительно, ибо в словосочетании *пуринчен те лайăххи* «лучше всех» или «тот, кто (что) лучше всех» этот формант не выражает идею принадлежности. Категория принадлежности присуща только именам существительным, поэтому употребляющийся при словах любой другой части речи аффикс *-и* выполняет только выделительную функцию.

По нашим наблюдениям, грамматическая категория выделения на *-и*, *-скер* обслуживает не только прилагательные, но и причастия. Как показывает материал чувашского языка, аффиксы *-и*, *-скер* могут присутствовать при прилагательном в любом случае: если слово квалифицируется как прилагательное, то оно может принимать аффиксы выделительности. При этом первая форма прилагательного (по Н.И. Ашмарину) не оформляется маркером; оставаясь в нулевой форме, она составляет оппозицию типа «выделение — невыделение»: *лайӑх* «хороший», *лайӑххи* или *лайӑхскер* «тот, кто (что) хороший».

Выступая в роли определения, прилагательные способны принимать лишь аффикс категории сравнения: *пысӑк нӑрт* «большой дом» — *пысӑкрах нӑрт* «дом, который побольше». Однако нельзя говорить *пысӑкки нӑрт* или *пысӑкскер нӑрт* — это противоречит языковой практике. Но в роли сказуемого прилагательные могут оформляться аффиксами категории сравнения, а также выделения: *Эпӗ ҫамрӑк* «Я молод»; *Эпӗ ҫамрӑкрах* «Я моложе»; *Эпӗ, ҫамрӑкскер...* «Я, кто молод...»; *Эпӗ ҫамрӑкки...* «Я, кто моложе...».

В произведениях художественной литературы и народной словесности формы выделительности используются широко: *Каччи те унӑн хӑй нек чиперскер* (Эльгер) «И жених у неё пригож, как сама»; *Анчах сӑпай Вадим Романыч* (П. Афан.) «Однако же скромн Вадим Романыч»; *Пӗчӗкскер, хитрескер...* «Маленький, удаленький...» (Из загадки о грибе).

Категория образа (способа) действия

В чувашском языкознании утвердилось мнение, что аффикс *-ӑн* (*-ӗн*, *-н*) является наречиеобразующим, присоединяющимся к прилагательным, но нельзя забывать о его примыкании к существительным, местоимениям, причастиям, числительным [71, с. 278—282].

Если учесть, что деривационные аффиксы подчиняются принципу избирательности, т.е. обладают способностью присоединяться только к определённым основам, а реляционные отличаются тотальностью употребления, словоформы, созданные по модели «имена прилагательные + *-ӑн* (*-ӗн*, *-н*)», не могут быть отнесены к наречиям, а аффикс *-ӑн* (*-ӗн*, *-н*) в словоформах типа *лайӑххӑн* — к деривационным. Справедливо будет считать его только словоизменительным, потому что он обладает спо-

собностью примыкать почти ко всем прилагательным. Несколько примеров из «Обратного словаря чувашского языка» [181], в котором *-ӓн (-ӓн, -н)* указан в качестве деривационного аффикса: *сиввӓн, ваккӓн-тӓвеккӓн, сивлеккӓн, тӓллеккӓн, йӓрӓккӓн, пӓчӓккӓн, тирпейлӓн, ирӓклӓн, именчӓклӓн, йӓрӓнчӓклӓн, хирӓнчӓклӓн, йӓркеллӓн, меллӓн, хӓрхенӓллӓн, хӓрӓллӓн, илемлӓн, кичемлӓн, тӓсӓмлӓн, тимлӓн, канлӓн, хисеплӓн, тӓплӓн, вирлӓн, тивӓслӓн, тӓреммӓн, кичеммӓн, тӓксӓммӓн, тӓттӓммӓн, мӓскӓннӓн, сирӓппӓн, типпӓн, лӓпсӓррӓн, тискеррӓн, чиперрӓн, лӓпперрӓн, илемсӓррӓн, чӓмсӓррӓн, кансӓррӓн, ирсӓррӓн, чӓррӓн, тӓррӓн, пӓчӓксӓн, сепӓссӓн, вӓрттӓн-кӓрттӓн, сивӓчӓн, ваккӓн, кӓваккӓн, пысӓккӓн, вашиаккӓн, васкавлӓн, янравлӓн, алчӓравлӓн, юлхавлӓн, сӓпайлӓн, сулмаклӓн, татӓклӓн, вӓтанчӓклӓн, шанчӓклӓн, юсавлӓн, кӓмӓллӓн, сӓмӓллӓн, хӓйхӓллӓн, асӓрханулӓн, ӓнӓсуллӓн, сахулӓн, хӓюллӓн, чӓтӓмлӓн, хастарлӓн, ытарлӓн, хаваслӓн, хӓтлӓн, хурлӓхлӓн, вӓтаммӓн, уйрӓммӓн, лӓпкӓн, сӓнсӓррӓн, васкаваррӓн, капмаррӓн, чӓпarrӓн, япшarrӓн, йывӓррӓн, паттӓррӓн, ырӓн, хаяррӓн, выссӓн, шӓпӓрттӓн* и т.д.

Ряд чувашских лингвистов отказался от мнения, что окаменелая форма орудийного (инструментального) падежа на *-ӓн (-ӓн)* образует наречия от существительных. Так, по мнению А.И. Иванова, древний инструментальный падеж давно слился с притяжательным падежом [79, с. 182].

Если В.Г. Егоров считал, что наречия на *-ӓн (-ӓн)* образуются также от числительных: *иккӓн* «вдвоём», *виссӓн* «втроём», *улттӓн* «вшестером», *вуннӓн* «вдесятером» и т.д. [71, с. 280], то И.А. Андреев, усомнившись в целесообразности включения форм числительных на *-ӓн (-ӓн)* в разряд собирательных, полагает, что *-ӓн (-ӓн)* здесь выполняет синтаксическую роль и является обыкновенной словоизменительной морфемой [10, с. 200]. И.П. Павлов, называвший формы типа «числительное + *-ӓн (-ӓн)*» собирательными числительными [118, с. 181—183], впоследствии отказался от своего мнения и, основываясь на принципе тотальности употребления *-ӓн (-ӓн)* в рамках конкретной части речи, указал, что форманты числительных «*-шар (-шер), -мӓш, -ӓн (-ӓн)* не могут быть отнесены к числу деривационных аффиксов, справедливо будет рассматривать их только в качестве реляционных» [119, с. 3—4].

Как видим, И.А. Андреев и И.П. Павлов, называя аффикс *-ӓн (-ӓн)* при числительных словоизменительным (реляционным), не рассматривали его в качестве категориальной формы. Нужно

отметить, что в конце XIX и в начале XX в. Н.И. Ашмарин формы *иккён*, *икшерён*, *вицсён*, *вицшерён*, *тйваттйн*, *тйватишарён* считал формами родительного падежа [21, I, с. 130]. Он же указал: «Род. падеж имён существительных, прилагательных, числительных и наречий также может употребляться для обозначения образа действия... *Сёленён чаишкарса сурет* “Ходит и шипит, как змея”... *Унйн вильях-чёрлехё те, тырри-пулли те ирёккён пулнй, укси те нумай пулнй* “У него и скота, и хлеба было вволю, и денег было много”... *Хяйра вуншарён (тесеткенён), сёршерён, пиншерён сутащсё, сямартана вуншарён сутащсё* “Огурцы продают десятками, сотнями и тысячами, а яйца — десятками”» [21, I, с. 133—135]. Родительный падеж для выражения значения образа действия употреблен, по мнению автора, и в оборотах *хёлён-сйвён*, *кунён-сёрён*, *ирлён-каслйн* и т.д. [21, I, с. 136]; к числу наречных выражений, образуемых родительным падежом, им отнесены *пйтйн (пйтйн-пйтйн)* «пудами», *курканйн* «ковшами», *кёлтенён* «снопами», *витренён-витренён* «ведрами» [21, I, с. 139], а словоформы типа *кашйкйн*, *улманйн* к наречным выражениям не отнесены: «Род. падеж имён также может ставиться для обозначения количества предмета (или предметов), истрачиваемого каждый раз при совершении того или другого повторяющегося действия». На той же странице чуть выше подчёркнуто: «Если род. падеж употреблен в смысле наречия, то он почти никогда не принимает прит. суффиксов. Кроме того, иногда в подобном род. падеже конечная согласная удваивается помимо общих морфологических оснований» [21, I, с. 137]. По мере изложения мнение Н.И. Ашмарины все более и более тяготеет к тому, что аффикс родительного падежа является наречиеобразующим. «Однако существует весьма обширный класс прилагательных, которые, чтобы обратиться в наречия, нуждаются в приставке аффикса род. падежа. В последнем случае аффикс род. пад. в наречиях указывает на то обстоятельство, что образ действия, свойственный тому или другому предмету, является или чем-то кажущимся... Впрочем, бывают случаи, когда причины употребления генитивной формы наречий недостаточно ясны и определённы» [21, I, с. 143—144].

Далее речь идёт снова о родительном падеже, а не о наречиях. В примерах *уксанйн нар* «платить деньгами», *тыррйн нар* «платить хлебом» *уксанйн*, *тыррйн* Н.И. Ашмарин считает формами родительного падежа. Здесь же приводит примеры, когда вместо

родительного падежа употребляется творительный: *уксана тўлерё* «заплатил деньгами», *сёнё тырпа илёр* «получите зерном нового урожая» [21, I, с. 146—147].

Таким образом, у Н.И. Ашмарина мы не находим конкретного высказывания о том, что *-ён (-ён, -н)* является деривационным аффиксом. Как в «Материалах...», так и в исследовании, посвященном синтаксису, всегда на первом месте термин «родительный падеж». Ср.: «Родительный падеж имён существительных, прилагательных и числительных также употребляется иногда в смысле наречия»: *вырёнён* «местами», *сиввён пяхать* «смотрит зло», *иккён* «вдвоём» [20, с. 228]; «Русские наречные выражения *вдвоем, троим, четвером...* если эти обороты относятся к одушевленным предметам, передаются по-чувашски род. падежом» [21, I, с. 130]. Обратите внимание: автор говорит о том, что форма родительного падежа употребляется иногда в смысле наречия, но не говорит, что аффикс *-ён (-ён)* превращается в деривационный, образующий наречия.

Защищающие точку зрения о том, что *-ён (-ён)* является наречиеобразующим аффиксом, приводят примеры из других тюркских языков, где аффикс выполняет функцию словообразовательного форманта. Но они не учитывают, что от формы древнего орудийного (инструментального) падежа в других тюркских языках образуется лишь небольшое количество наречий, обозначающих главным образом времена года: *кышын* «зимой» (ср.: чув. *хёлён-сйвён*, башк. *йэй-ен* «летом», *көз-он* «осенью»). Н.К. Дмитриев аффикс *-ын (-ен)* возводит к древнему творительному падежу [65, с. 115].

А.Н. Кононов пишет, что форма инструментального падежа с *-н, -ын, -ин, -ун, -ўн* как наречиеобразующими формантами представлена ограниченным числом примеров со значением: наречия времени (*йаз-ын* «весной») и наречия образа действия (*йадах-ын* «пешком») [94, с. 140].

В чувашском же языке, будь то числительное или прилагательное, речь не может идти об ограниченном количестве примеров, употребляемых с аффиксом *-ён (-ён, -н)*, поэтому возникает вопрос: считать ли формы, образованные при помощи формантов древнего орудийного падежа, формами притяжательного падежа прилагательных (числительных) или же допустить мысль о наличии категориальной формы образа действия у прилагательных (и числительных)?

Вторая точка зрения кажется перспективной потому, что прилагательные не склонны к изменению по числам и падежам, лишь частично субстантивируясь (в предметном значении), изменяются, как существительные. Слова *сиввён* «холодно, неприветливо», *ййвашийн* «смирно, тихо» как по форме, так и по содержанию отличаются от форм субстантивированных прилагательных в притяжательном падеже. Ср.: *Сиввён ури хуҗалнӓ* «Мороз ослаб» (букв.: У мороза нога сломана) и *сиввён ан пӓх* «не смотри холодно»; *Ййвашийн яланах ййваш пулмалла мар* «Тихоне не всегда надо быть смирным»; *ййвашийн пӓх* «смотри робко».

Как видим, у прилагательных в категориальной форме образа действия удлинняется конечный согласный звук: *ачашийн* «ласково», *уҗҗӓн* «открыто», *вӓрӓммӓн* «протяжно» и т.д. Исключение составляют прилагательные на *-лӓ* (*-лӓ*): *илемлӓ* — *илемлӓн* «красиво», *тӓплӓ* — *тӓплӓн* «основательно», где удлинения не происходит; ср. также: *җемҗе* — *җемҗен* «мягко», *хура* — *хуран* (*курӓнать*) «(виднеется) тёмным».

Категория усиления

Категория усиления имён прилагательных, как и имён существительных, образуется посредством аффикса *-ах* (*-ех*, *-х*): *Хӓш чухне хытах юхатъ* «Иногда течёт совсем сильно»; *Нумах илмерӓм...* «Не так много я взял...»; *Сан каччу аванах иккен* «Твой жених действительно хорош»; *җӓл хӓррине танах...* «вровень с краем колодца...» [А, II, с. 181—183].

Для усиления значения качества присоединить аффикс категории усиления *-ах* (*-ех*, *-х*): *хитре* «красивый» — *хитрине хитрех ёнтӓ* «красивый-то, конечно, красивый»; *вӓри* «горячий» — *вӓриех мар* «не очень горячий»; *таса* «чистый, здоровый» — *тасах пурӓнатпӓр* «живём хорошо, все живы-здоровы»; *чипер* «красивый», «благополучный» — *чиперех җитрӓмӓр* «добрались благополучно»; *чирлӓ* «больной» — *чирлех пулмалла* «кажется, действительно болен»; *тикӓс* «ровный, гладкий» — *Ун җийӓ тикӓсех пулмалла* «Поверхность кажется ровной» и т.д.

Категория времени

Имя прилагательное представляется словом, называющим признак постоянный, находящийся вне границ времени [136, с. 83], и порой остаётся незамеченным то, что положительная

форма прилагательных содержит значение настоящего времени. Если говорим: *Вӑл хӗр хитре* «Эта девушка красивая», то мы называем признак в момент речи, т.е. в настоящем времени. Если мы говорим: *Вӑл хӗр хитречӗ* «Она (была) девушка красивая», то мы называем признак предмета в прошедшем времени, те же значения выражаются в словах: *хитречӗ, пысӑкчӗ, чӗрӗчӗ*.

При сравнении глагольного настоящего времени с настоящим временем прилагательных можно сказать следующее: глагольное настоящее время тоже бывает постоянным, выражающим процесс безотносительно к моменту речи: *Сӗр хӗвел тавра саврӑнать* «Земля вращается вокруг Солнца». Таким образом, времена глаголов и имён прилагательных (также существительных) могут выражать постоянство, в равной мере и значение подразумеваемого настоящего времени.

К примеру, возьмём несколько предложений из рассказа А. Артемьева «Миршӗн»:

Илле пурчӗ. Мӑнтарӑн, ытла та хӑюсӑрчӗ «Илья был. Бедняга, очень был стеснителен». В этих предложениях прошедшее время выражено аффиксом *-чӗ*, который переводится на русский язык глаголом прошедшего времени «был». Если же убрать этот аффикс, то значение прошедшего времени исчезает и воспринимается это как настоящее время: *Илле пур* «Есть Илья»; *Мӑнтарӑн, ытла та хӑюсӑр* «Бедняга, очень стеснителен». Доказательством того, что слово *хӑюсӑрчӗ* выражает значение прошедшего времени, служит следующий далее текст, в котором глаголы также даны в формах прошедшего времени и прошедшего причастия на *-нӑ (-нӗ)*: ...*Улахра пӗр хӗр сӑмне те ларса кураймарӗ...* *Сталинградра паттӑрла вилнӗ* «На посиделках ни с кем из девчат рядом не сидел... Пал смертью храбрых в Сталинграде».

Ещё примеры из того же рассказа: *Пӑрнисем Петӗрӗн сӑнсе те вӑрӑмчӗ* «Пальцы у Петра были тонкие и длинные»; *Сыра-вӗсем сахалчӗ* «Письма (его) были редкостью».

В произведениях чувашских писателей и поэтов для выражения прошедшего времени прилагательных аффикс *-чӗ (-чӗ)* используется часто: *Ӹнерхи каç тӑне хурачӗ* (П. Эйзин) «Вчера ночью небо было тёмным»; *Хамӑр некех чухӑнчӗ: лаши-ӗни пулман* (Ю. Николаева) «Бедными были, как и мы: лошади, коровы не было»; *Пӑхма питӗ илемлӗчӗ* (Ю. Николаева) «На вид

был очень красив»; *Пирвай тёрмери пурнӑса хӑнӑхма йывӑрчӑ* (Н. Максимов) «Сперва трудно было привыкнуть к тюремной жизни»; *Кӑреш юманчӑ те — йӑваичӑ, Уни чӑвашӑ — Мӑн Иван* (П. Яккусен) «Был крепок, как дуб, но кротким был, чуваш из Убеева — Большой Иван».

Приведенные примеры говорят о том, что прилагательное в чувашском языке называет не только постоянный признак, связанный в большинстве случаев с настоящим временем, но имеет специальный формант, выражающий прошедшее время — прошедшее состояние качества предмета. Такого морфологического явления в других тюркских языках нет.

Б. Формоизменение прилагательных

Категории множественного числа и падежа

В словоизменительной морфологии прилагательные имеют неполную парадигму склонения, лишь некоторые субстантиваты типа *самрӑк*, *ватӑ* склоняются по полной схеме. Совсем иная картина наблюдается, когда склоняемой основой (формоосновой) выступает прилагательное в форме категории выделения на *-и*, *-скер*. При этом мы можем говорить о наличии категорий множественного числа и падежа имён прилагательных, поскольку как формоосновы на *-и*, так и формоосновы на *-скер* изменяются по числам и падежам без исключений (принцип тотальности): *кӑсӑн* «младший», *кӑсӑнни*, *кӑсӑнскер* «тот, кто моложе»; *вӑйлӑ* «сильный», *вӑйли*, *вӑйлӑскер* «тот, кто сильный», *вӑйлисем*, *вӑйлӑскерсем* «те, кто сильный». Образец смешанного склонения:

Осн.	<i>кӑсӑнни</i>	<i>кӑсӑннисем</i>
Прит.	<i>кӑсӑннин</i>	<i>кӑсӑннисен</i>
Дат.	<i>кӑсӑннине</i>	<i>кӑсӑннисене</i>
Мест.	<i>кӑсӑннинче</i>	<i>кӑсӑннисенче</i>
Исх.	<i>кӑсӑннинчен</i>	<i>кӑсӑннисенчен</i>
Твор.	<i>кӑсӑннипе</i>	<i>кӑсӑннисемпе</i>
Лиш.	<i>кӑсӑннисӗр</i>	<i>кӑсӑннисемсӗр</i>
Прич.	<i>кӑсӑннишӗн</i>	<i>кӑсӑннисемшӗн</i>

Примеры: *кӑсӑнни килте* «младший дома»; *кӑсӑннин кӑрӑкӑ* «шуба младшего»; *кӑсӑннине кала* «скажи младшему»; *Кӑсӑннинче ман вунӑ тенкӑ пур* «У младшего есть мои десять рублей»; *кӑсӑннинчен ыйт* «спроси у младшего»; *Кӑсӑннипе хулана кайрӑмӑр*

«С младшим мы поехали в город»; *кёсённисёрех ёслерёмёр* «работали без младшего»; *кёсённишён тәрйишатъ* «старается для младшего».

Те же формы могут быть в притяжательном склонении:

Осн.	<i>кёсённи</i>	<i>кёсённисем</i>
Прит.	<i>кёсённин</i>	<i>кёсённисен</i>
Дат.	<i>кёсённине</i>	<i>кёсённисене</i>
Мест.	<i>кёсённинче</i>	<i>кёсённисенче</i>
Исх.	<i>кёсённинчен</i>	<i>кёсённисенчен</i>
Твор.	<i>кёсённинпе</i>	<i>кёсённисенпе</i>
Лиш.	<i>кёсённинсёр</i>	<i>кёсённисенсёр</i>
Прич.	<i>кёсённинишён</i>	<i>кёсённисенишён</i>

Примеры: *Кёсённи хулара пурйанать* «Младший живет в городе»; *Кёсённин хваттер пур* «У младшего есть квартира»; *Кёсённине салтака илчёс* «Младшего взяли в солдаты»; *Унён япалисем кёсённинче пулнй* «Вещи его были у младшего»; *Кёсённинчен ыйтса пёл* «Разунай у младшего»; *Аслин сурчё кёсённинпе юнашарах* «Дом старшего рядом с домом младшего»; *Мана сяматасем илсе килме хушрёс. Кёсённинсёр пусне урах сяматй камака синче сукчё* «Мне велели принести валенки. На печи не было валенок, кроме как у младшего»; *Аслин сёлёкне улам айшёнче часах тупрамёр, кёсённинишён икё сехет улам салатмалла пулчё* «Шапку старшего мы нашли в соломе сразу же, из-за шапки младшего пришлось разгребать солому два часа».

Образцы склонения показывают, что прилагательные употребляются в предметном значении и изменяются как существительные. Если говорим *асли* «старший», то имеем в виду человека, который старше, иногда *асли* бытует в значении «начальник»; *кёсённи* чаще всего означает младшего брата или сестру. Но считать формы *асли* и *кёсённи* морфологически полноценными существительными невозможно потому, что они не могут принимать аффиксов категории принадлежности. Некоторые прилагательные с аффиксом выделения *-скер* принимают аффиксы лица: *ухмахскерём, айванскерём* «глупышка моя», *хитрескерём* «моя красотка», *пёчёкскерём* «моя малышка», демонстрируя тем самым частичную субстантивацию отдельных прилагательных.

В разговорной речи при употреблении прилагательного в роли существительного, мы наблюдаем присутствие аффикса 1 лица: *Хам ухмахама каласа парам-ха сана* «Дай-ка расскажу про свою

глупость». В словаре Н.И. Ашмарина имеется словоформа *айван-сэм* и приведён пример: *Самрэк нусэм, айвансэм, усал нусса сэнтерчэ нусэма* «Мою молодую глупую головушку одолели худые думы» [А, I, с. 27].

Аффикс *-и* в словоформе *ухмаххи* можно считать аффиксом 3 лица категории принадлежности лишь в том случае, если посредством его выражается значение принадлежности: *Пуэ ухмаххи урана канлэх намасть* «Дурная голова (букв.: дурь головы) ногам покоя не даёт».

Прилагательное, употребляясь в роли существительного, часто может принимать аффикс *-ё*: *Ача-пайчана самрэкла ирэк ан пар, унён айванё хысэён ан кай* «Не давай детям воли смолоду, не потакай их неразумию» [А, I, с. 26].

Форма уподобительности уместна не только после формоосновы категории выделения: *кёсённилле — кёсённиниле, аслилле — аслинле*, но и после основы прилагательных, употребляющихся в предметном значении: *Кёсёнлех вёсене сырэва вёрентес пулать* [А, VII, с. 309] «Грамоте надобно обучать их смолоду»; *Энё кум тэвас сэмаха петём ятам умахла* [А, III, с. 349] «Сдуру я проболтался о кумовстве»; *самрэкла вилнё* [А, XII, с. 37] «умер молодым».

Общую схему потенциальных форм изменения прилагательных на основе категории выделения можно представить таким образом: формооснова на *-и, -скер + -сем + аффиксы всех падежей + -ла (-ле, -лла, -лле) + -чен (-ччен) + -ах (-ех) + -ччё*. Например: *аслисем, аслэскерсем, аслисемех, аслэскерсемех, аслисенех, аслэскерсенех, аслэскерсемпех, аслисемпех, аслэскерсенчех, аслисенчех, аслисенччё, аслисенеччё, аслисенехчё, аслисемпеччё, аслисемсёрччё, аслисемлеччё, аслисемчченччё, аслэскерёнех, аслэскернех, аслэскершёнех, асличчё, аслисёрччё* и т.д.; редко употребляемыми формами являются *тачкаскерри* «тот, кто тучен»; *хитрескерри* «тот, кто красив» и т.д.

Формоизменение на основе категории сравнения

Общая схема изменения прилагательных в основе категории сравнения: формооснова на *-рах (-рех, -тарых, -терех) + формант образа действия -ён (-ёён) + -ах (-ех) + -чё*. Примеры: *хитререххён туйёнать* «кажется красивее»; *сахалтарыххён панё* «давали слишком мало» [21, I, с. 141], *сахалтарыххён* «более незначительными количествами» [21, I, с. 140]; *сахалтарыхчё* «было

мало»; *Аля хитререхчѣ* «Аля была красивее»; *кѣскерех* «короче» — *кѣскерехех* «на самом деле короче»; *аслѣрах* «старше» — *аслѣрахах* «на самом деле старше», *аслѣрахахчѣ* «на самом деле был старше».

Формоизменение на основе категории образа (способа) действия

Схема изменения формоосновы образа (способа) действия выглядит так: формооснова на *-ѣн (-ѣн, -н) + -тарех (-терех) + -ах (-ех) + -ѣн (-ѣн)*. Примеры: *хѣюллѣнтарах (хѣюллѣнтарарахах) калаѣ* «говори (чуть) смелее»; *хавассѣнтарах (хавассѣнтарарахах) юрла* «пой (чуть) веселее»; *лѣпкѣнтараххѣн (или лѣпкѣнраххѣн) калаѣкала* «говори спокойнее»; *пѣчѣккѣнтереххѣн* «более малыми дозами (порциями)», «в незначительном количестве»; *хѣюллѣнах* «смело», *лѣпкѣнах* «спокойно»; *Вѣсем нумайѣнчѣ* [А, IX, с. 41] «Их было много» или «Они были в большом количестве»; *Сахалѣннисем те нумайѣннисене ѣнтерехѣ* [А, XI, с. 84] «Меньшинство тоже побеждает большинство».

В. Формообразование прилагательных

Некатегориальные формы отдельных падежей и лиц

Категория падежа прилагательных проявляется только при формоизменении на базе категории выделения, когда форманты всех падежей находят возможность выражения соответствующего содержания после аффиксов *-и, -скер*. В функции определения прилагательные не принимают падежных аффиксов, в роли сказуемого принимают аффиксы лишь некоторых падежей. К примеру, прилагательное *вѣйсѣр* при включении фразы *Вѣл вѣйсѣр* «Он слабый» в состав более сложных конструкций может быть в форме падежей: исходного: *Вѣл вѣйсѣртан шѣлна ѣртса туртатъ* «От бессилия он тянет, хватаясь зубами»; причинно-целевого: *Вѣл вѣйсѣршѣн кам айѣнлѣ?* «Кто виноват в его слабости?»; дательного: *Вѣл вѣйсѣра перет* «Он притворяется слабым».

Некоторые прилагательные могут принимать формы нескольких падежей. К примеру, слово *лайѣх* «хороший» может быть в падежах: дательном (*Лайѣха курсан лайѣх нулѣн* «С хорошим общаешься — хорошим будешь»); исходном (*Лайѣхран лайѣх* «Всѣ лучше и лучше»); творительном (*Лайѣхпа нулѣнма лайѣх* «С хорошим и живѣтся хорошо»); причинно-целевом (*Лайѣхшѣн тѣрѣшмалла* «Ради хорошего надо стараться»).

По справедливому замечанию И.П. Павлова, прилагательные в большинстве случаев могут стоять в форме дательного, исходного, творительного, местного и причинно-целевого падежа [118, с. 167]. Это даёт нам право говорить лишь о некатегориальных падежных формах прилагательных, т.е. о частичном падежном формообразовании прилагательных.

Прилагательные при употреблении в предметном значении (при частичной субстантивации) изменяются почти как существительные, т.е. могут изредка принимать аффикс 3 лица (*Кёпене курăк ешĕлĕ çапĕ* [А, IV, с. 292] «К рубашке пристанет зелень травы»; *Алăрсенче ешĕл перчетке, ан пăрахсам ешĕл пĕтиччен* [Там же] «В руках у вас зелёные перчатки, не снимайте, пока не слиняет зелень» или аффикс 1 лица: *Ай, аттеçĕм, ырăçăм!* [А, III, с. 62] «Ай, благодетель мой».

Разумеется, редкие примеры не говорят о категории принадлежности прилагательных, скорее, здесь видим некатегориальные формы лица.

Некатегориальные формы уподобления на *-ла (-ле, -ла, -ле)* и предельные формы на *-чен (-ччен)*

До сих пор в чувашском языкознании не было термина «уподобительная форма» (или «форма уподобления», «форма уподобительности»). Между тем ряд прилагательных принимает аффикс уподобления *-ла (-ле)*, образуя тем самым некатегориальную форму: *пĕчĕкле* «в детском возрасте», «пока маленький» (*Тихана пĕчĕкле лайăх çитермесен, вара çитĕнсен тĕрекĕ лаша пулмасть* [А, X, с. 259]. «Если жеребёнок хорошо не кормить, пока он маленький, он не станет сильной лошастью»); *çамрăкла* «в молодые годы», «молодым» (*Çамрăклах ваййа тухман пулсан эпĕ те сана курас çук* «Если бы я в молодые годы не выходил на игрища, тебя бы не встретил»); *шурăлла* «по-белому», *хуралла* «по-чёрному» (*Пирĕн урамра пĕр пурт анчах хуралла, ыттисем пурте шурăлла* «На нашей улице только одна изба по-чёрному, остальные все по-белому»); *симĕсле* «в зелёном виде», «в неспелом состоянии» (*Тырра симĕслех выртăмăр* [А, XI, с. 147]. «Хлеб мы жали незрелым»); *сивле, сивĕле, сивĕлле* «в холодном состоянии» (*Вир пăттине сивĕле сĕтне çиме те юратаççĕ* [А, XI, с. 128] «Пшённую кашу любят есть с молоком холодной»); *сивле куç* «холодные глаза» [А, XI, с. 131]; *çаралла* «без чего-либо» (*Çаралла ан си* «Не ешь без хлеба» [А, XII, с. 59]; *айшăлла, айшала*

«в тёплом виде» (*Пашалъва айшайла симе лайах* «Приятно есть лепешку в теплом виде» [А, IV, с. 92]).

Необходимо отметить, что формообразовательные элементы, подобно словообразовательным аффиксам, способны принимать форманты вторичных категориальных форм. Например: *айш* — *айш-лла*, *айшлай-рах* (*Айшлайарахах симелле* «Нужно есть в более тёплом виде»). В последнем примере к форме уподобления на *-лла* (напомним, для прилагательных она считается некатегориальной формой) примыкают формант сравнительной формы *-рах* и аффикс усиления *-ах*.

Слова *айш* «тёплый», *сивё* «холодный» в предметном значении (частично субстантивируясь) могут стоять в предельной форме (в форме предельности): *сивёччен* «до холодов», *айшччен* «до тёплых дней».

Разделительная форма на *-шар (-шер)*

Категориальный показатель разделительности числительных *-шар (-шер)* может употребляться с некоторыми прилагательными: *нумайшар* «помногу» (*Вёсене сав лайах сёр ята нумайшар тесеттин лекет* [А, IX, с. 42] «Им достанется той хорошей земли по нескольку десятин на человека»); *сахалшар* «помалу», «понемногу» (*Вёсене час-часах ситерес пулать, анчах нит сахалшар ситерес пулать* [А, IX, с. 84] «Их надо кормить почаще, но кормить надо понемногу»); *пёчкшер* «помаленьку» (*Мёнле лайах пёчкшер черккен хёрлэ эрех ёссе ларма* «Как хорошо пить красное вино из маленьких чарок»); *чылайшар* «помногу» (*Тыррине те чылайшар илчёс* «Урожай тоже получили помногу»).

Словоформы *нумайшар*, *сахалшар*, *чылайшар* (иногда *пёчкшер*, *пысакшар*) могут употребляться в значении счётных слов, т.е. слова *нумай*, *сахал*, *чылай* по семантике близки к числительным, поэтому принимают аффикс разделительности числительных.

К слову с аффиксом разделительной формы *-шар (-шер)* может присоединиться аффикс категории образа действия *-йн (-ён)*: *нумайшар-йн*, *чылайшар-йн* «помногу». Таким образом, агглютинирование наблюдается не только на основе производных слов и на основе словоизменительных аффиксов, но и на базе формообразования.

Форма обладания на *-лӑ* (*-лӗ, -лӑ, -лӗ*)

Аффикс обладания *-лӑ* (*-лӗ, -лӑ, -лӗ*) может присутствовать при всех прилагательных, обозначающих оттенки цветов. Примеры: *хуралӑ, хуралӗ, хуралӑ-шурӑлӑ, хуралӑ-кӑвакӑ* (*хуралӑ-кӑвакӑ чул* [А, XVI, с. 203] «иссиня-чёрный камень»); *шурӑлӑ* (*шурӑлӑ-кӑвакӑ* «бело-синий», *шурӑлӑ-чӑнарӑ* «чёрные крапины по белому»; *шурӑлӑ-хуралӑ* «пестрый (бело-чёрный)» [А, XVII, с. 237]); *хӗрлӗлӗ* (*хӗрлӗлӗ-шурӑлӑ* «имеющий красное и белое» [А, XVII, с. 50]).

Форма усиления качества (интенсив)

Интенсив прилагательных в чувашском языке образуется при помощи частичной редупликации основы: *хӗрлӗ-хӗрлӗ* > *хӗп-хӗрлӗ* «очень красный», *симӗс-симӗс* > *сип-симӗс* «очень зелёный», *кӑвак-кӑвак* > *кӑн-кӑвак* «очень голубой», *такӑр-такӑр* > *тап-такӑр* «очень ровный». В таком случае от основы отделяется первый слог и к нему присоединяются согласные *н, п*. Получившийся новый закрытый слог присоединяется к основе прилагательного наподобие префикса: *хуп-хура* «чёрный-пречёрный», *сар-сарӑ* «жёлтый-прежёлтый», *ҫап-ҫутӑ* «светлый-пресветлый». Отклонение наблюдаем в следующих словах: *шӑп-шурӑ* (диал. *шуп-шурӑ*) «белый-пребелый», где имеет место *у ~ а*; *ҫап-ҫарамас ~ ҫапна-ҫарамас* «совсем голый», где в усеченной части наблюдаем наращение слога *-а* с геминацией *п*; *ем-ешӗл* «зелёный-презелёный», где вместо ожидаемых *н* или *п* стоит *м*.

В диалектах наблюдаются следующие формы: *таппа-тан* и *тӑпӑ-тан* вместо литературного *тӑп-тан*; *йӑп-яка* вместо *яп-яка*.

В разговорной речи интенсив образуется и от русских прилагательных: *сӗп-свеҫи, хоп-хороши* и т.д.

В большинстве случаев наблюдается усиление качества прилагательных со значением цвета для выражения высокой степени концентрации цветового качества в предмете. Эту форму прилагательных Н.И. Ашмарин и И.П. Павлов квалифицируют как превосходную степень — одну из степеней сравнения прилагательных [20, с. 163; 118, с. 155]. Как справедливо заметил Н.А. Андреев, данная «форма усиления качества совершенно не выражает сравнения путём сопоставления или выделения, а выражает субъективную оценку» [15, с. 99]. С этой точки зрения

формы типа *сан-сарӑ* «прежёлтый», *сӗп-сӗнӗ* «новейший», *сӑп-сӑмӑл* «прелёгкий» и другие вернее будет именовать интенсивом или формой усиления прилагательных. Ф.Г. Исаков считает, что «в тюркских языках прилагательные данного типа выражают, в зависимости от того, от какого прилагательного они образованы, различные степени полноты качества и в большинстве случаев (особенно те из них, которые обозначают цвета) — высшую норму полноты его, но отнюдь не превышение этого его предела» [88, с. 166]. Назвать данную форму прилагательного одной из форм превосходной степени, как это делают авторы многих тюркских грамматик, едва ли будет правильно. Таким образом, эту форму интенсива можно характеризовать как форму полноты качества, чему она и соответствует в абсолютном большинстве случаев почти во всех тюркских языках.

Интенсив прилагательных может выражаться и полной дубликацией прилагательных: *Тёрлӗ-тёрлӗ чечексен ырӑ шӑрши сарӑлать* (К. Ив.) «Ароматом нежным, сладким вешний воздух напоен»; *тёрлӗ-тёрлӗ* букв.: «разные-разные»; *Шурӑ-шурӑ сӑмарта шуратрӑмӑр сирёмӗр* «Белое-белое яйцо, почистив, поели».

Что касается форм *шурӑ-шурӑ* и *шан-шурӑ* «пребелый» и др., обычно считают их старым (морфологическим) типом превосходной степени. Если разбираться всерьёз, то в чувашском (как и в других тюркских языках) нет и не было превосходной степени морфологического толка. В тюркских языках за формы превосходной степени прилагательных принимают образованные аналитически при помощи усилительных частиц *эн ~ ин ~ эн*, характерных для большинства тюркских языков, за исключением чувашского и якутского, в которых вместо *эн* употребляются частицы *чи, чӑн* (чув.) и *саамой* (якут.).

Аналитические формы *эн биче ~ чи пӗчӗк* «самый маленький» не являются объектом исследования в морфологии, ибо морфология призвана изучать слова со стороны их внутренней структуры (морфемного состава), а отнюдь не словосочетания или комбинации слов.

С этой точки зрения сочетания типа *пит аван* «очень хороший», *имсӗр пысӑк* «чрезвычайно большой», *сӗм суккӑр* «совершенно слепой», *чӑлт шурӑ* «совершенно белый» и др. яв-

ляются, скорее всего, объектом изучения морфосинтаксиса, контуры которого уже давно намечены. Проблемы морфосинтаксиса чувашского языка освещены в монографии А.М. Ивановой [85].

Интенсив в чувашском языке (и в других тюркских языках) не может считаться категориальной формой, ибо значение усиления качества реализуется выборочно, а не у всех прилагательных. Эта избирательность вынуждает считать интенсив не категориальной формой.

ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

Общие замечания

Традиционное определение имени числительного как части речи, выражающей только количественный признак предмета, нуждается в пересмотре. Вслед за индоевропеистами и тюркологами чувашеведы писали, что имя числительное обозначает название отвлечённого числа (*иккĕ* «два»), количество предметов (*икĕ кĕнеке* «две книги») или же называет порядок предметов (*иккĕмĕш сурт* «второй дом»). С таким же успехом можем сказать, что числительные выражают значение раздельности предметов: *вуншар тенкĕ илтĕмĕр* «получили по десять рублей». Но количеством, порядком и раздельностью предметов значение числительных не ограничивается, числительные чувашского языка выражают и количество действий и процессов, если под понятием «процесс» подразумевать смену состояний, смену последовательных действий при достижении (или недостижении) какого-либо результата. Впервые в чувашском языкознании эту особенность заметил И.П. Павлов: «*Пĕрре (нĕр)* сĕмахĕн тĕп пĕлтерĕшĕ — япалан е ёсĕн шутне палĕртасси» [118, с. 177] «Основное значение числительного *пĕрре (нĕр)* — обозначение количества предметов и действий (процессов)». К сожалению, И.П. Павлов отметил только числительное *пĕрре (нĕр)*, хотя мог сказать то же и о других числительных.

Л.П. Сергеев заметил эту особенность числительных чувашского языка («Хисеп ячĕ тесе хисепе кĕтартакан, япаласен шутласа кайнĕ чухнехи йĕркине, ёс миçе хут пулнине пĕлтерекен пуплев пайне каласçĕ») [154, с. 323] «Имя числительное — это часть речи, обозначающая количество, порядок при счёте

предметов, а также то, сколько раз происходит действие»), но не приводит примеров, показывающих количество процессов (действий).

Из тюркологов, насколько мы знаем, лишь В.И. Рассадин указывает на эту особенность числительных: «Имя числительное — часть речи, обозначающая названия отвлеченных чисел, количественного признака предметов и процессов» [136, с. 111]. Также он пишет: «Выступая в качестве обстоятельства при глаголе, количественные числительные могут употребляться (в качестве показателя процесса. — В.С.), не принимая никакого дополнительного грамматического показателя... *Аң бірәә шураан* “Зверь прыгнул один раз”» [136, с. 116]. На чувашском языке это можно передать разными вариантами перевода: *Тискер каййак пёрре сикрӗ; Пёрре сикрӗ тискер каййак; Пёррех сикрӗ тискер каййак; Пёр хут сикрӗ тискер каййак.*

В чувашеведении (шире — в тюркологии) имена числительные традиционно классифицируют по лексическим рядам, следуя примеру грамматик индоевропейских языков. За последние 20 лет был высказан ряд критических замечаний по этому поводу. Своё несогласие первым выразил И.А. Андреев, усомнившись в целесообразности включения форм числительных на *-ӓн (-ён)* (*иккӓн, виççӓн, вунӓн*), *-шӓ* (*иккӓшӓ, виççӓшӓ*) в разряд собирательных. По И.А. Андрееву, *-ӓн (-ён)* выступает здесь как обычная словоизменятельная морфема. Аффиксы числительных *-мӓш (-мёш)* и *-шар (-шер)* он считает синтаксическими по назначению, т.е. словоизменятельными [10, с. 200]. Тем не менее составители чувашско-русских словарей по традиции относят их к деривационным, и словоформы с этими аффиксами вводятся в реестр словарных статей.

Критическое замечание И.А. Андреева было воспринято И.П. Павловым, который пересмотрел прежнюю точку зрения и стал утверждать, что релятивные аффиксы не служат основанием для включения слов в те или иные лексические группы. Исходя из этого положения форманты *-шар (-шер)*, *-мӓш*, *-ӓн (-ён)* охарактеризованы И.П. Павловым в качестве реляционных и исключены из числа деривационных [119, с. 3—4], а парадигму форм некоторых числительных чувашского языка он привел в следующем виде:

Название форм числительных	Числительные			
	<i>пёр(ре)</i>	<i>иккё</i>	<i>виççё</i>	<i>тăваттă</i>
Атрибутивные	<i>пёр</i>	<i>иккё, ик</i>	<i>виççё, виç</i>	<i>тăваттă, тăват</i>
Субстантивные	<i>пёрре</i>	<i>иккё</i>	<i>виççё</i>	<i>тăваттă</i>
Порядковые	<i>пёрре-мёш</i>	<i>иккё-мёш</i>	<i>виççё-мёш</i>	<i>тăваттă-мёш</i>
Разделительные	<i>пёр-ер</i>	<i>ик-шер</i>	<i>виç-шер</i>	<i>тăват-шар</i>
Собирательные	<i>пёчче-н</i>	<i>иккё-н</i>	<i>виççё-н</i>	<i>тăваттă-н</i>
Разделительно-собирательные	<i>пёр-ер-ён</i>	<i>ик-шер-ён</i>	<i>виç-шер-ён</i>	<i>тăват-шар-ён</i>
Личные				
1 л.	<i>пёр-с-ём-ёр</i>	<i>ик-с-ём-ёр</i>	<i>виç-с-ём-ёр</i>	<i>тăват-с-ём-ёр</i>
2 л.	<i>пёр-с-ёр</i>	<i>ик-с-ёр</i>	<i>виç-с-ёр</i>	<i>тăват-с-ёр</i>
3 л.	<i>пёр-и, пёр-ёш-ё*</i>	<i>иккё-ш-ё</i>	<i>виççё-ш-ё</i>	<i>тăваттă-ш-ё</i>

* Добавлено нами. — В.С.

Называя аффиксы *-шар (-шер)*, *-мёш*, *-ён (-ён)* реляционными, автор указывает на тотальность их употребления, но не говорит о них как о носителях категориальных форм.

Между тем Н.К. Дмитриев писал: «С морфологической стороны числительное в башкирском языке, как и во всех тюркских, характеризуется некоторыми специальными категориями (разряда наша. — В.С.), имеющими свои формальные показатели: 1) категория, выражающая порядковое соотношение предметов... 2) категория, выражающая разделительность... 3) категория, выражающая собирательность или классификацию предметов по группам...» [65, с. 88].

За пределами тюркских языков наличие у числительных категориальных форм отмечено в чукотском. П.Я. Скорик, описывая числительные, так и пишет: «Чукотское числительное характеризуется грамматической категорией лица и присущими только ему категориями разделительности и порядковости» [157, с. 387].

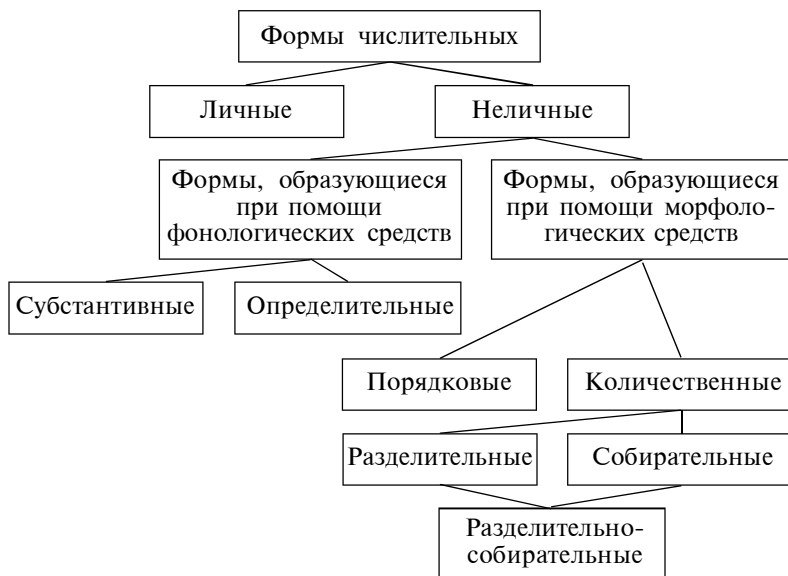
На наш взгляд, есть все основания считать формы на *-мёш*, *-ён (-ён)* и *-шар (-шер)* в чувашском языке категориальными формами.

Классификация форм числительных

Классификацию форм имён числительных мы представляем в следующем виде:

Словоизменительные категориальные формы	Формоизменительные категориальные и некатегориальные формы	Формообразовательные некатегориальные формы	Формы слов, обозначающих числа 1—10 и 50
Порядковости на <i>-мѣш</i> (субстантивных и атрибутивного пѣр) Разделительности на <i>-шар</i> (<i>-шер</i>) (только атрибутивных, в разговорной речи — и субстантивных) Образа действия или собирательности на <i>-ѣн</i> (<i>-ѣн</i>) (только субстантивных) Падежей (только субстантивных) Приблизительного множественного числа (только субстантивных) Прошедшего времени на <i>-чѣ</i> (<i>-ччѣ</i>) (только субстантивных) Усиления на <i>-ах</i> (<i>-ех</i>) (только субстантивных)	Падежей Числа Прошедшего времени на <i>-чѣ</i> (<i>-ччѣ</i>) Усиления на <i>-ах</i> (<i>-ех</i>)	Собирательности на <i>-ев</i> Порядковости на <i>-ѣм</i> (<i>-ѣм</i>), <i>-м</i> + <i>-ине</i> Направительности на <i>-алл</i> (<i>-елл</i>) + аффикс дательного падежа Личные формы типа <i>иксѣмѣр</i>, <i>иксѣр</i>, <i>иксѣшѣ</i> Падежей Предельности на <i>-чен</i> (<i>-ччен</i>) Выделения на <i>-и</i>	Субстантивные Атрибутивные

Эта классификация отличается от классификации форм числительных, предложенной И.П. Павловым, который составил схему, группируя числительные по дихотомическому принципу, без учёта категориальных и некатегориальных форм числительных:

Личные формы числительных (которые подчиняются принципу избирательности), по его мнению, образуют категорию лица и сближают числительные с другими частями речи, а неличные формы составляют специфику числительных и отличают их от других имен. Но, считая, что падежные формы не составляют главную особенность числительных, автор упускает из виду изменение по падежам категориальной формы порядковости [119, с. 13—15].

Таким образом, числительные — это именная часть речи, выражающая существующую в современном чувашском языке счётную систему в словоизменятельных категориальных формах и ряде некатегориальных форм.

Количественные числительные

Так называемые количественные числительные являются основой для образования категориальных форм разделительности, порядковости и образа действия, поэтому их можно назвать

категорией количественности числительных. Эти формы числительных являются основными, мы именуем их по традиции количественными.

В отличие от числительных других тюркских языков, в чувашском языке в пределах первого десятка имеются три типа форм количественных числительных: а) краткая: *пёр, ик, виç, тават, улт, сич, вун*; б) полукраткая: *икё, виçё, таватă, пилёк, ултă, сичё, сакăр, тăхăр, вунă*; в) полная: *пёрре, иккё, виççё, таваттă, пиллёк, улттă, сиччё, саккăр, тăххăр, вуннă*. Учитывая употребление в речи и в языке, Л.С. Левитская (а вслед за ней И.П. Павлов) количественные числительные разделяет на две группы: 1) атрибутивные формы: *пёр; икё, ик; виçё, виç; таватă, тават; пилёк; ултă, улт; сичё, сич; сакăр; тăхăр; вунă, вун*; 2) субстантивные: *пёрре, иккё, виççё, таваттă, пиллёк, улттă, сиччё, саккăр, тăххăр, вуннă*. Здесь же указано, что субстантивная форма отмечена и у числительного *ал, алă* «пятьдесят» — в виде *аллă* [99, с. 45].

Поскольку в большинстве тюркских языков атрибутивная и субстантивная формы количественных числительных не различаются, возникло предположение, что полные, т.е. субстантивные, формы могли возникнуть под влиянием марийского языка, где также различаются полные и краткие формы количественных числительных: *кок, коктет* «два»; *кум, кумет* «три» и т.д., как полагает Б.А. Серебренников [202, с. 135]. Л.С. Левитская же считает, что обосновывать существование чувашских атрибутивных и субстантивных форм влиянием марийского языка преждевременно [99, с. 47].

Современная чувашская счётная система, как и счётная система многих других языков, основана на десятичной нумерации, числа от 1 до 9 обозначаются отдельными символами: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, используется ещё знак 0 для обозначения нуля. При помощи этих десяти знаков изображается по принципу позиционного значения любое число: каждый знак может изменять своё значение в зависимости от позиции. К примеру, четырёхзначное число 2222 состоит из одних двоек, но каждая из них имеет своё собственное значение в зависимости от места: первая — две тысячи; вторая — двести, третья — двадцать, четвертая — два.

Чувашская счётная система представлена в следующем виде: 1) единицы, 2) десятки, 3) сотни, 4) тысячи, 5) миллионы, 6) миллиарды, 7) триллионы и т.д. Начиная с четвертого пун-

кта все последующие классы каждый в 1000 раз больше предыдущего. Числительные первого класса (класс единиц) по структуре представляют собой простые однокорневые слова. Второй класс числительных — десятки: *вуннӑ* «десять», *çирём* «двадцать», *вӑтӑр* «тридцать», *хёрёх* «сорок», *алӑ* «пятьдесят», *утмӑл* «шестьдесят», *çитмӑл* «семьдесят» — в основном тоже однокорневые слова (исключение — *сакӑр вуннӑ* «восемьдесят», *тӑхӑр вуннӑ* «девятисто»). Числительные *утмӑл* (< *улт* + *мӑл*), *çитмӑл* (*çит* ~ *çич* + *мӑл*) условно можно отнести к производным, образованным аффиксом *-мӑл* (*-мӑл*). Но И.П. Павлов предлагает считать их в современном чувашском языке непродуцированными [119, с. 5]; ср.: тат., башк. *алтмыш* «шестьдесят», но хак., тоф. *алтон* (< *алты* + *он*). Третий класс — сотни: *çёр* «сто», *ик çёр*, *виç çёр*, *тӑват çёр*, *пилӑк çёр*, *улт çёр* и т.д.

В чувашском языке отсутствуют сложные числительные, как считают некоторые исследователи. То, что предлагалось раньше чувашской орфографией писать слитно (оформлявшиеся слитно синтаксические конструкции по типу русских числительных от 11 до 13, числительные 80 и 90, а также от 200 до 900), ничем не оправдано. Таким образом, числительные в чувашском языке бывают простые и составные (т.е. композитные) — в основном тоже однокорневые слова.

С математической точки зрения мы имеем бесконечное множество натуральных чисел, но количество слов для их выражения ограничено: *пёр(ре)*, *иккӗ...* *тӑххӑр* «один, два... девять», *вуннӑ* «десять», *çирём* «двадцать», *вӑтӑр* «тридцать», *хёрёх* «сорок», *алӑ* «пятьдесят», *утмӑл* «шестьдесят», *çитмӑл* «семьдесят», *çёр* «сто», *пин* «тысяча», *миллион*, *миллиард* и т.д. — всего 25 широкоупотребительных числительных, если включить в этот ряд слова *квадрильон*, *квинтильон*, *секстильон*, *септильон*, то получится 29.

Далее хотелось бы подробнее остановиться на числительном *пёр* (*пёрре*) «один», которое обладает разнообразным комплексом форм. Примеры взяты из словаря Н.И. Ашмарина [А, X, с. 215—236]: *пёрерӗш* (*Яла пёрерӗшне халӑха чӗнме яраççӗ* «Кого-нибудь отправляют в деревню, чтобы созвать народ») — разделительно-личная форма; *пёррехинче*, *пёринче* «однажды» — выделительно-местнопадежная форма; *пёр-ик* «один-два», *пёр-ик-виç* «около трёх» — форма приблизительного счёта; *пёр-пӗри*, *пӗри-пӗр* «кто-нибудь», *пӗри-пӗри* «некоторые» — неопределённо-

выделительная форма на *-и*; *пёрёскер*, *пёрскер* «кто-то, какой-то» — выделительная форма на *-скер*; *пёрелёх* «на один раз» — форма достаточности; *пёрешкел* «одинаковый» — форма уподобительности (*пёрешкелтерех* — уподобительно-сравнительная форма); *пёрреллё* «гуз» (в картах) — форма обладания (в форме обладания могут быть и другие числительные: *иккёллё*, *виççёллё*, *сиччёллё* и т.д.); *пёррём-пёррём* (а также *иккём-иккём*) — неизвестное выражение в названии игры; *пёрттен-пёрттен*, *иктен-иктен* — неизвестные слова в «заумной песне».

Особый интерес вызывают словоформы *пёрешкел* «одинаковый», *пёрешкеллисем* «одинаковые», *пёрешкелтисем* «пристяжные лошади». В «Словаре чувашского языка» Н.И. Ашмарина даны две омонимичные формы: *пёрешкел* «пристяжка» и *пёрешкел* «одинаковый» [А, X, с. 230]. В.Г. Егоров и М.Р. Федотов дали этимологию только одной словоформы *пёрешке* ~ *пёрешкел* «пристяжка» < рус. пряжка, пристяжка [75, с. 156; 178, I, с. 422], а вторая словоформа *пёрешкел* «одинаковый» осталась вне поля зрения. На самом деле в словоформе *пёрешкел* «одинаковый» корень слова (основа) — числительное *пёр(е)* «один» + аффикс уподобления, к которому примкнул *-шкел*, отсюда *пёрешкеллисем* «одинаковые», *пёрешкелтереххисем* «подобные» — вот такие метаморфозы.

Исследователи неоднократно указывали на многозначность и многофункциональность числительного *пёр* (*пёрре*) «один» в чувашском языке: оно выступает для выражения значения неопределенности в качестве неопределённого артикля: *пёр сын* «некий человек»; выражает неопределённый отрезок времени: *пёрре* «однажды»; в выражении *килнё пёр* «коли пришел», по мнению лингвистов, *пёр* является частицей; в выражении *пёр кёрет те*, *пёр тухать* «то выходит, то заходит», *пёр... пёр* считается союзом [118, с. 177—178]. В последнем примере, на наш взгляд, *пёр* выступает в функции числительного. Ср.: *Çёр кёрсе çёр тухрай пул паян* «Наверное, сто раз заходил ты сегодня и сто раз выходил», здесь *çёр* — числительное со значением неопределенного количества. А в примере: *Сўс хўреллё хурса йытă / Пёр кёрет те, пёр тухать* (К. Ив.) «Пёс стальной с хвостом пудельным / То нырнёт, то вверх взлетит» (пер. П. Хузангая) числительное *пёр* при повторе *пёр... пёр* определили как союз [12, с. 135; 13, с. 258; 72, с. 328; 118, с. 178]. А как быть в случаях *иккё кёчё*, *иккё тухрё* «два

раза зашел, два раза вышел»; *виççĕ кĕчĕ, виççĕ тухрĕ* «три раза зашел, три раза вышел»? Возьмём другой пример: *Урам енчи хапхаран / Çын кĕрет те çын тухать* (К. Ив.) «То в калитку, то в ворота / Целый день валит народ» (пер. П. Хузангая). Если исходить из вывода по первому примеру *пĕр... пĕр*, то *çын... çын* тоже следует превратить в союз, при морфологическом разборе части композиты *пĕрре... теңре* следует анализировать раздельно: *пĕрре* — числительное, количество при счёте, полная форма; *теңре* — местоимение определённое (определятельное) (*тепĕр*).

А. Словоизменение числительных

Категория падежа

В чувашском языкознании существует двоякое мнение по вопросу о категории падежа числительных. Одни считают, что отвлечённые количественные числительные, употребляемые самостоятельно (или субстантивные числительные), склоняются как имена существительные [16, с. 111; 154, с. 327—329]. По мнению И.П. Павлова, личные формы числительных имеют полную падежную парадигму, а многие неличные формы имеют возможность обладать падежными аффиксами только в случаях опускания иррелевантного ядерного существительного. Но не все существительные могут быть иррелевантными, поэтому числительные не в состоянии употребиться во всех падежах. И.П. Павлов считает недоразумением утверждение авторов школьных учебников о полном склонении «количественных числительных» [119, с. 15].

В действительности же не склоняются только атрибутивные формы числительных, а субстантивные формы имеют полную падежную парадигму. Иначе и быть не может, ибо числительные в субстантивной форме могут употребляться самостоятельно, независимо от других слов, в этом отношении они приближаются к существительным (поэтому мы их называем субстантивными формами). По справедливому замечанию Н.К. Дмитриева, этот тип числительных выражает «идею числа, осознаваемую как предмет, иначе — опредмеченное число» [65, с. 89].

Образцы склонения субстантивных форм некоторых числительных:

Осн.	<i>иккё</i>	<i>вицсё</i>	<i>саккяр</i>
Прит.	<i>иккё-н</i>	<i>вицсё-н</i>	<i>саккяр-ән</i>
Дат.	<i>икк-е</i>	<i>вицс-е</i>	<i>саккяр-а</i>
Мест.	<i>иккё-ре</i>	<i>вицсё-ре</i>	<i>саккяр-та</i>
Исх.	<i>иккё-рен</i>	<i>вицсё-рен</i>	<i>саккяр-тан</i>
Твор.	<i>иккё-пе</i>	<i>вицсё-пе</i>	<i>саккяр-па</i>
Лиш.	<i>иккё-сёр</i>	<i>вицсё-сёр</i>	<i>саккяр-сър</i>
Прич.	<i>иккё-шён</i>	<i>вицсё-шён</i>	<i>саккяр-шян</i>

Мы не могли бы говорить о полной падежной парадигме субстантивных числительных, если бы эти формы не употреблялись в речи: *Унён ывълсем вицсё* «У него сыновей трое»; *Вицсён («вицсё» паллән) аялти сур ункине сырса ситереймен* «Нижнее полукольцо у “тройки” не дописано»; *Ача вицсе кайрё ман* «Моему ребёнку уже третий год»; *Вицсёре пуху пулать* «В три часа будет собрание»; *Вицсёрен пёри те киле таврәнман* «Из трёх ни один не вернулся домой»; *Вицсёпех сутрәм* «Продал за три (рубля)»; *Вицсёсёр килейместён* «До трёх (часов) не могу прийти»; *Вицсёшён мён кулянмалли пур?* «Зачем горевать из-за “тройки”?».

Естественно, формы притяжательного падежа *иккён, вицсён, таваттән, пиллёкён, улттән*, отвечающие на вопрос *мёнён?*, следует отличать от категориальных форм образа действия *иккён* «двоём», *вицсён* «втроём», *таваттән* «вчетвером» и т.д. В категориальных формах образа действия, отвечающих на вопрос *мицен?* «в каком количестве?», налицо значение собирательной множественности (поэтому их раньше относили к разряду собирательных числительных), а в форме притяжательного падежа идея собирательного множества не содержится.

Категория приблизительного множественного числа

Числительные как единицы части речи, выражающей в современном чувашском языке количественную счётную систему, редко принимают аффикс множественного числа *-сем*. Атрибутивные формы числительных лишены такой возможности, субстантивные же числительные, когда они выступают как опредмеченное число, проявляют склонность к присоединению аффикса *-сем*. Когда мы говорим *Иккёсем сырса тултарнй* «Понаписал цифры “два”», мы имеем в виду «двойку», осознаваемую как предмет или опредмеченное число.

В речи носителей чувашского языка формы *пёрресем*, *виççесем*, *тйваттйсем* и др. указывают также на приблизительность часового времени. В таком значении выступают числительные от одного до двенадцати, не более: *Пёрресем тёлнелле кил* «Приходи приблизительно к часу»; *Иккёсем çитнĕ пулмалла* «Наверное, уже два часа»; *Вуннйсемпе пуханатпĕр* «Собираемся примерно к десяти часам»; *Виççесем çитмен пулмалла-ха* «Видимо, нет еще трёх часов»; *Вун пёрсенче çутй сўнтересçĕ* «Часов в одиннадцать выключают свет».

Аффикс *-сем*, употребляясь с количественными числительными, указывает и на приблизительный возраст людей, такое значение имеют числительные от одного до ста и чуть более, т.е. формальное выражение числительных аффиксом *-сем* зависит от того, сколько лет может прожить человек: *Хваттер хуçи карчăкĕ Анна Ивановна — утмăлсенчен иртнĕ тулли кĕлеткеллĕ хĕрарăм* (Арт.) «Хозяйка квартиры Анна Ивановна — склонная к полноте женщина лет шестидесяти»; *Çулĕне, пирĕн евĕрлех, вăтăр пиллĕксене çывхарса пырать ёнтĕ* (В. Игн.) «Возрастом, как и мы, приближается сейчас к тридцати пяти».

По поводу мнения некоторых лингвистов о нелогичности употребления числительных с аффиксом множественности при существительных в форме единственного числа. О. Есперсен пишет: «Я, скорее, назвал бы его примером разумной экономии, поскольку в данном случае всякое выражение множественности у существительного было бы излишним» [76, с. 241]. Казалось бы, нет необходимости в формальном выражении приблизительного возраста людей словосочетанием: числительное + существительное во множественном числе. В таком случае нет и не может быть твёрдого правила. На самом же деле мы можем употреблять аффикс *-сем* и с опредмеченными числительными, и с существительным *çул* «год», следующим за числительным. Ср.: *Парамоныч — аллăсенчен иртнĕ вăтам пўллĕ сын* (Арт.) «Парамоныч — человек среднего роста, лет пятидесяти»; то же предложение без ущерба для содержания можно переделать, включив в его состав слово *çул* «год»: *Парамоныч — аллă (или алă) çулсенчен иртнĕ вăтам пўллĕ сын*. Аффикс множественного числа примыкает здесь не к числительному *аллă* «пятьдесят», а употребляется с существительным *çул* в соответствующем падеже.

Аффикс *-сем* с числительными употребляется также тогда, когда есть надобность указывать на приблизительную сумму

денег (*Икё пинсем пулмалла ун кассара* «В кассе у него (денег) около двух тысяч») или на приблизительную цену товара (*Пилёк пинсем таран тйрать пулмалла вйл (кёрёк)* «Она (шуба) стоит, кажется, около пяти тысяч (рублей)»).

Таким образом, аффикс *-сем* с числительными выражает конкретную или приблизительную идею грамматического множественного числа в том случае, когда числительные выступают в субстантивной форме: *Виççёсемне анчах вёренет* «Учится только на тройки»; *Пиллёксемне вёренме чылай тйрайшмалла çав* «Чтобы учиться на пятёрки, надо очень стараться». В таких примерах числительные *иккё* «двойка», *виççё* «тройка», *тйваттй* «четвёрка», *пиллёк* «пятёрка» (оценки) выступают на правах счётных существительных (или нумеративов) и поэтому способны принимать аффикс множественного числа *-сем*. В остальных случаях выражается значение приблизительности времени, возраста, суммы денег или цены. Масштабность употребления аффикса *-сем* с числительными именно в значении приближенности вынуждает нас признать наличие категории числовой приближенности у субстантивных числительных, иными словами — категории приближенного множественного числа. При этом субстантивным числительным чувашского языка не свойственна категория единственного числа. В этом случае не поможет и ведение нулевого морфа, ибо числительные сами выражают абстрактное количество — множество, кроме числительного *пёрре* «один», ведь единица — наименьшее из натуральных чисел.

Категория порядковости

Категория порядковости числительных образуется с помощью аффикса *-мёш*, прибавляемого к субстантивной форме количественных числительных; только числительное *пёрре* «один» способно принимать аффикс *-мёш* в двух формах — субстантивной и атрибутивной: *пёрмёш* и *пёрремёш* «первый» (ср.: *иккёмёш* «второй», *виççёмёш* «третий», *тйваттймёш* «четвёртый», *вуннймёш* «десятый»).

Атрибутивная форма *пёр* способна принимать аффикс *-мёш* во второй позиции композитных числительных: *вун пёрмёш* «одинадцатый», *çёр пёрмёш* «сто первый» (но *çёр те пёрремёш* «сто первый», *пин те пёрремёш* «тысяча первый»).

К числительному *пин* «тысяча» аффикс *-мёш* присоединяется двояко: *пинмёш* и *пин-ё-мёш* «тысячный».

Категориальная форма порядковости числительных выражает не только порядок предметов при счёте или их место в ряду других предметов, но и порядок совершения действия тем или иным лицом: *виççёмёш вырăн* «третье место»; *виççёмёш килтём* «я пришёл в третий раз» или «пришёл третьим».

В отличие от индоевропейских языков, в которых порядковые числительные или считаются особым разрядом числительных, или исключаются из системы числительных и рассматриваются как порядковые либо количественные прилагательные, выражающие признак, считающийся лексическим значением [46, с. 180—184], в чувашском языке категория порядковости числительных выражается не лексически, а грамматически — посредством специального аффикса, прибавляемого к основе числительных. Ср.:

	рус.	чув.
	<i>один — первый</i>	<i>пёрре — пёрремёш (пёрмёш)</i>
	<i>два — второй</i>	<i>иккё — иккёмёш</i>
	<i>три — третий</i>	<i>виççё — виççёмёш</i>

У составных (композитивных) числительных аффикс категориальной формы *-мёш* принимается конечным компонентом, все остальные компоненты составных числительных сохраняют исходную форму, *вăтăр пиллёмёш* «тридцать пятый», *пин те тăхăр çĕр сакăр вун саккăрмёш çул* «тысяча девятьсот восемьдесят восьмой год».

Числительные в категориальной форме порядковости имеют атрибутивное и обстоятельственное значения: *иккёмёш класс* «второй класс»; *иккёмёш çитрём* «пришёл вторым», «пришёл второй раз».

Формы порядковости числительных могут употребляться самостоятельно, при этом они могут принимать аффикс выделительности *-ё*, который указывает на выделение предмета из общего ряда: *Урамра виçё ача: пёрремёше шыв йăтать, иккёмёше йывăç шăварать, виççёмёше пăкса тăрать* «На улице трое ребят: первый носит воду, второй поливает дерево, третий стоит и смотрит».

Н.А. Андреев считает, что формы порядковости (по определению автора — порядковые числительные) употреблялись как определения при именах самостоятельно, без последующего имени, но с прибавлением аффикса выделения в форме *-ё*, а впоследствии эти формы перестали различаться [16, с. 115].

По мнению Н.И. Ашмарина, аффикс *-мёш* образован от древней формы порядковых числительных на *-ăм (-ём)* прибавлением

аффикса 3 лица (точнее, аффикса выделения. — В.С.) + *-йше* (*-ёше*), *-йи* (*-ёи*) [20, с. 181—182].

Отдать предпочтение какому-либо из утверждений затруднительно. Более подробно о происхождении аффикса *-мёш* ~ *-мёше* писали Т.М. Матвеев [105, с. 12—13] и М.Р. Федотов [176, с. 97—102].

Категория разделительности

Категория разделительности числительных чувашского языка образуется от атрибутивной (краткой) формы количественных числительных путём прибавления аффикса *-шар* (*-шер*): *икшер* «по два», *вуншар* «по десяти». К числительному *пёр* «один» в большинстве случаев прибавляется аффикс *-ер*: *пёр-ер* «по одному», но иногда употребляется *-шер*: *пёр-шер*; в составных числительных со словом *пёр* + аффикс *-шер*: *вун пёршер* «по одиннадцати», *хёрёх пёршер* «по сорока одному», *сёр пёршер* «по ста одному» и т.д. В разговорной речи можно наблюдать употребленные формы разделительности, образованной от субстантивной формы: *улттайшар* «по шести», *саккёршар* «по восьми».

В составных числительных, содержащих названия сотен, тысяч и т.д. или называющих их, аффикс *-шар* (*-шер*) прибавляется к названиям единиц: *икшер сёр* «по двести», *вицшер пин* «по три тысячи», *пилёкшер миллион* «по пять миллионов». Не исключается возможность прибавления его к названиям сотен и тысяч: *ик сёршер*, *вицё пиншер* и т.д.

Категориальная форма разделительности числительных представляет собой грамматическое выражение идеи распределения предметов по однородным группам поровну, разделительная форма числительных употребляется в функции количественного определителя существительного: *пёрер улма* «по одному яблоку», *икшер тенкё* «по два рубля». Часто вместо выражений *пёрер тенкё*, *пёрер кило*, *пёрер улма*, *пёрер сұхрём* может употребляться разделительная (некатегориальная) форма существительных с аффиксом *-шар* (*-шер*): *тенкёшер* «по рублю», *килошар* «по килограмму», *улмашар* «по яблоку», *сұхрёмшар* «по километру».

Помимо значения разбивки предметов по однородным группам, аффикс *-шар* (*-шер*) в числительных (в особенности в формах *вуншар*, *сёршер*, *пиншер*) выражает идею неопределённой множественности: *Пиншер сұтйна сұталать тёр хуламёр* «Тысячами огней светится наша столица».

Идею выражения значения множественности мы связываем с тем, что формант *-шар (-шер)* этимологически восходит к показателю множественного числа *-лар (-лер)* тюркских языков, или, в крайнем случае, в составе чувашского аффикса *-шар (-шер)* можно обнаружить два тюркских форманта множественности: *-ш* и *-ар (-ер)*, что неоднократно подчеркивалось лингвистами [176, с. 120].

Категория образа действия или собирательности?

В грамматиках чувашского языка (шире — тюркских языков) подчёркивается наличие разряда собирательных числительных, выражающих значение коллективной множественности. В чувашском языке к разряду собирательных числительных в большинстве случаев относили формы на *-ӓн (-ӓн, -н)*. На наш взгляд, аффикс *-ӓн (-ӓн, -н)* является показателем категориальной формы. Как назвать эту категориальную форму — вопрос остаётся открытым. Было бы проще назвать её категорией собирательности числительных, ибо все формы начиная с двух выражают значение концентрации предметов, чаще всего лиц: *иккӓн* «вдвоём», *виççӓн* «втроём», *вунӓн* «вдесятером» и т.д. Однако и от числительного *пӗр* образуются формы *пӗрӓн* или *пӗрӓн-пӗрӓн* «по одному», *пӗррӓн-пӗррӓн* [А, X, с. 235], выражающие идею раздробления целого или (коллективного) множества по единицам: *Ушкӓн-ушкӓн яш ача сирӗм икке ситсесӓн пӗррӓн-пӗррӓн саланать* [А, X, с. 235]. «Группы молодых парней по достижении двадцати двух лет расходятся по одному». По замечанию Н.И. Ашмарина, числительные в таком случае употребляются для обозначения образа действия [21, I, с. 133, 135]. Действительно, в категориальной форме числительных типа *иккӓн, виççӓн, тӓваттӓн, пиллӗкӓн, улттӓн, вунӓн* выражено не только значение собирательной множественности, но и значение образа действия. *Эпир кунта сиччӓн ӗслетпӗр* «Мы здесь работаем всемером» [21, I, с. 130]. В предложении *Эпир кунта сиччӓн* «Нас здесь семеро» идея собирательности превалирует над значением образа действия, ибо действие здесь не выражено.

Часто в число собирательных числительных включают форму *пӗччен* (< *пӗрре-чен*, предположив соответствие *pp ~ чч*) «один, одинокий, единственный». Однако слово *пӗччен* не выражает идею собирательности, здесь налицо значение образа единичности, стоящего вне идеи собирательности.

Учитывая эти обстоятельства и по аналогии с прилагательными с аффиксом *-ӕн (-ён, -н)*, формирующим категорию образа действия, числительные с аффиксом *-ӕн (-ён, -н)* можно назвать категориальной формой образа действия числительных.

И.А. Андреев считал аффикс *-ӕн (-ён, -н)* не деривационным (наречиеобразующим), а словоизменительным и был прав, поскольку этот аффикс присоединяется ко всем числительным, т.е. ему присущ принцип тотальности. К тому же он, считая значение этого аффикса реляционным, выступил против отнесения числительных типа *иккён, вицсён* к разряду собирательных [10, с. 200].

Категория времени

Категория прошедшего времени числительных образуется при помощи аффикса *-чӕ (-ччӕ)*: *Ачасем вӕсен вуннӕччӕ* «Детей у них было десять». Это предложение можно перефразировать: *Вӕсен ачасем вуннӕ пулнӕ*, где значение прошедшего времени передано формой причастия прошедшего времени *пулнӕ*. Если мы говорим *Ачасем вӕсен вуннӕ* «У них детей десять», то целое предложение понятийно воспринимаем в настоящем времени. Ещё пример: *Энӕ ун чухне вун тӕваттӕраччӕ* (Агак.) «Мне тогда было четырнадцать». Если же мы говорим: *Энӕ вун тӕваттӕра* «Мне четырнадцать», то время логически воспринимается как настоящее.

По поводу аффикса *-чӕ (-ччӕ)* Н.И. Ашмарин писал, что это «недостаточный глагол, представляющий остаток от формы прошедшего времени тюркского глагола *i-teq* (быть) — *idi* (он был) и присоединяющийся к глаголам для образования форм преднастоящего, предпрошедшего времени и сослагательного наклонения, а также к другим частям речи для выражения прошедшего состояния: *килетчӕ, килнӕччӕ, килсеччӕ, килсеттӕмччӕ, килӕччӕ, килекенччӕ, килмеллеччӕ, ачаччӕ, лайӕхчӕ, вуннӕнччӕ, эпӕччӕ, сукчӕ, марччӕ* [А, XV, с. 277]. Н.И. Ашмарин в ряду примеров словоформ прошедшего времени упоминает и числительное *вуннӕнччӕ*, выражающее «прошедшее состояние».

Фактически нет таких числительных и форм числительных, которые не употреблялись бы с аффиксом *-чӕ (-чӕ)* для выражения «прошедшего состояния», т.е. все категориальные и не категориальные формы способны принимать аффикс *-чӕ (-ччӕ)*: *вуннӕмӕшчӕ* «был десятым»; *вуннӕмӕшӕнчеччӕ, вуннӕмӕшӕсӕрччӕ* и т.д.; *иксӕмӕрччӕ, иксӕрччӕ, иккӕшӕччӕ; иккӕмӕшӕсемччӕ, иккӕреччӕ* и т.д.

Категория усиления

Категория усиления образуется при помощи аффикса *-ax (-ex)*: *иккё* «два» — *Иккё иккех* «Двойка есть двойка»; *иккён* «вдвоём» — *Иккёнех килтёмёр* «Мы пришли только вдвоём»; *иккёшех* «(они) только вдвоём», *иксёрех* «(вы) только вдвоём»; *Иккён иккёнех* — *лашине парсан та, сунине намарёмёр* «Двое всё ж двое: хотя лошадь отдали, сани отстояли».

Аффикс *-ax (-ex)* может присоединяться ко всем категориальным и некатегориальным формам числительных для выражения усиления высказывания.

Б. Формоизменение числительных

Категория падежа и склонения

После выявления специфических категориальных форм числительных мы должны также выяснить, могут ли они иметь полную падежную парадигму по типам склонения, как существительные. Обратимся сначала к категории порядковости числительных. Числительные в категориальной форме порядковости могут иметь атрибутивное и субстантивное значения. В первом случае, сочетаясь с определяемым существительным, числительное не склоняется, склоняемым является лишь существительное:

Осн.	<i>пёрремёш вырэн</i> «первое место»	<i>иккёмёш кил</i> «второй дом»
Прит.	<i>пёрремёш вырэнэн</i>	<i>иккёмёш килён</i>
Дат.	<i>пёрремёш вырэна</i>	<i>иккёмёш киле</i>
Мест.	<i>пёрремёш вырэнта</i>	<i>иккёмёш килте</i>

и т.д.

В тех случаях, когда числительное имеет субстантивное значение и употребляется самостоятельно, такая форма имеет полную падежную парадигму:

Осн.	<i>пёрремёш(ё)</i>	<i>иккёмёш(ё)</i>
Прит.	<i>пёрремёшён</i>	<i>иккёмёшён</i>
Дат.	<i>пёрремёшине</i>	<i>иккёмёшине</i>
Мест.	<i>пёрремёшёнче</i>	<i>иккёмёшёнче</i>
Исх.	<i>пёрремёшёнчен</i>	<i>иккёмёшёнчен</i>
Твор.	<i>пёрремёшпе</i>	<i>иккёмёшпе</i>
Лиш.	<i>пёрремёшсёр</i>	<i>иккёмёшсёр</i>
Прич.	<i>пёрремёшишён</i>	<i>иккёмёшишён</i>

Данный тип склонения можно назвать смешанным. Эти формы числительных с субстантивным значением могут указывать как на человека, так и на предмет. В тех случаях, когда они указывают на человека (на группу людей), то склоняются по притяжательному типу:

	ед. ч.	мн. ч.
Осн.	<i>виççёмёшĕ</i>	<i>виççёмёшсем</i>
Прит.	<i>виççёмёшĕн</i>	<i>виççёмёшсен</i>
Дат.	<i>виççёмёшне</i>	<i>виççёмёшсене</i>
Мест.	<i>виççёмёшĕнче</i>	<i>виççёмёшсенче</i>
Исх.	<i>виççёмёшĕнчен</i>	<i>виççёмёшсенчен</i>
Твор.	<i>виççёмёшĕнпе</i>	<i>виççёмёшсенпе</i>
Лиш.	<i>виççёмёшĕнсĕр</i>	<i>виççёмёшсенсĕр</i>
Прич.	<i>виççёмёшĕншĕн</i>	<i>виççёмёшсеншĕн</i>

Такой тип склонения малоупотребителен, но теоретически и практически возможен. Примеры: *Виççёмёшсем паян экскурсие кайрĕç* «Третьеклассники (третьекурсники) сегодня отправились на экскурсию»; *Виççёмёшсен паян тăватă урок* «У третьеклассников сегодня четыре урока»; *Виççёмёшсене хут пухма янă* «Третьеклассников отправили на сбор макулатуры»; *Вăл киле виççёмёшсенче таврăнать пулас* «Видимо, он домой вернется в третьих числах»; *Виççёмёш(ĕ)сенчен иртсе кайрăмăр* «Мы обошли третьеклассников»; *Виççёмёш(ĕ)сенне тăваттăмёш(ĕ)сен участокĕсем юнашарах* «Участки у третьеклассников и четвероклассников рядом»; *Виççёмёшĕсенсĕр пуçне нихăш класс та таса марчĕ* «Ни один класс не был чистым, как у третьеклассников»; *Пĕрремёште иккёмёшсен йĕрке çирĕпчĕ, виççёмёш(ĕ)сеншĕн чылай тăрăшма лекрĕ* «У первоклассников и второклассников была строгая дисциплина, с третьеклассниками пришлось изрядно потрудиться».

Слова *пĕрремёшĕнчен* «во-первых», *иккёмёшĕнчен* «во-вторых», *виççёмёшĕнчен* «в-третьих» в форме исходного падежа иногда выступают в качестве вводных, но от этого не перестают быть числительными.

Категориальная форма разделительности на *-шар (-шер)* не имеет полной падежной парадигмы: форма местного падежа *икшерте* в литературном языке вовсе не употребительна.

Категориальная форма образа действия (или собирательности) способна принимать аффиксы лишь дательного и исходного падежей: *Виççёне çитрёмĕр* «Нас стало трое»; *иккĕнтен пĕри* «один из нас двоих»; *çичĕнтен тахăшĕ* «кто-то из нас семе-

рых». В таких случаях речь может идти не о категории падежа или категории склонения, а только о некатегориальных формах падежей, т.е. формообразовании.

Категория числа

Числительные в субстантивном значении в форме категории порядковости принимают аффикс множественного числа *-сем* и склоняются так же, как и существительные: *пиллёмёшсем*, *улттёмёшсен*, *вуннёмёшсене*.

В зависимости от контекста такие формы могут иметь разное значение: *вуннёмёшсем тёлнелле кил* «приходи к десятым числам»; *вуннёмёшсем* «десятиклассники»; *виçсёмёшсем* «третьекурсники»; *Вёсем ял хёрринчен вуннёмёшсем* «Их дом десятый с окраины деревни».

В. Формообразование числительных

Личные формы

Личные формы числительных нельзя считать категориальными формами по двум причинам: во-первых, при образовании таких форм употребительны лишь аффиксы 1 и 2 лица множественного числа *-(с)ём-ёр*, *-(с)ёр*, *-(с)ёр* и 3 лица *-(ш)ё*; во-вторых, слова, означающие числа начиная с восьми, в форме 1 и 2 лица используются редко, т.е. налицо принцип избирательного употребления личных форм. В силу этого нельзя согласиться с мнением, что «личные формы числительных образуют категорию лица» [119, с. 13]. Форма 3 лица (вернее, форма выделительности) отличается тотальностью употребления и вполне может быть названа субкатегориальной или квазикатегориальной формой.

Личные формы числительных выражают совокупность лиц в известном количестве:

1 л. мн. ч.	<i>пёрсёмёр</i> «мы одни»	<i>иксёмёр</i> «мы вдвоём»
2 л. мн. ч.	<i>пёрсёр</i> «вы одни»	<i>иксёр</i> «вы вдвоём»
3 л.	<i>пёри</i> или <i>пёрё</i> , <i>пёрёш</i> «один из них»	<i>иккёш</i> «они вдвоём»

В словаре Н.И. Ашмарина словоформа *пёрсёр* дана в значении «без единого» [А, X, с. 225]; М.Р. Федотов приводит следующий пример: *Пёрсёр кйна пытёр* «Пусть придёт лишь один из вас» [176, с. 104].

Аффикс личных форм 3 лица (или выделительности) числительных *-(ш)ё* по структуре и семантике аналогичен общетюркскому *-се (-си)*: *иккёшё ~ икиси*, но личных форм 1 и 2 лица множественного числа в тюркских языках нет, поэтому при рассмотрении происхождения этих аффиксов языковеды по-разному определяют их морфемную членимость. Ср.: у И.П. Павлова: *ик-с-ём-ёр, ик-с-ёр; виç-с-ём-ёр, виç-с-ёр; тават-с-әм-ёр, тават-с-ә-р* [119, с. 12]; у М.Р. Федотова: *ик-сё-мёр, ик-сё-р* [176, с. 104].

Аффиксы лица в таких случаях некоторыми принимаются за аффиксы категории принадлежности. В силу того, что эти формы не выражают значения принадлежности, считать их таковыми нельзя. Что касается аффикса 3 лица *-ё* в слове *пёрё*, он в современном чувашском языке неупотребителен, вместо него во всех случаях выступает алломорф *-и (пёр-и)*, у которого на первый план выступает значение выделительности. Н.И. Ашмариным зафиксирована также форма *пёрёш*: *çёр пёрёшине* [А, X, с. 219].

Если личные формы 1 и 2 лица множественного числа обозначают известную группу только лиц, указывая и на лицо самого говорящего (*иксёмёр, виçсёмёр*) и на лицо, к которому обращена речь (*иксёр, виçсёр*), то форма 3 лица может указывать и на лицо, и на определенный предмет: *Виçсёшё килчёç* «Трое их них вернулись»; *Кăранташсем виçсёшё çухалнă* «Три карандаша потерялись».

Сейчас эти формы употребительны только со словами, обозначающими числа от 1 до 7, хотя в словаре Н.И. Ашмарина зафиксированы и следующие малоупотребительные формы:

вăтăрсăмăр «тридцать из нас: мы, тридцать (человек)»; *Вăтăрсăмăр та чăваш* «Мы, все тридцать (человек), чуваш»; *вăтăрсăр, вăтăрăр* «вы, тридцать (человек); тридцать из вас»; *Вăтăрсăр та пёр пуртрех выртса пурăнăр* «Вы, все тридцать, живите в одной избе»; *вăтăрăш, вăтăрăшĕ* «тридцать из них»; *Вăтăрăш те юман* «Все тридцать (деревьев) — дубы» [А, V, с. 336];

çирĕмсĕмĕр «мы, двадцать (человек)»; *Эпир çирĕмсĕмĕр те кунта* «Мы, все двадцать (человек), здесь» [А, XII, с. 171];

вунсăмăр, вонсăмăр «мы, десятеро»; *Вунсăмăр унта кайăпăр* «Мы, десятеро, пойдём туда»; *вунсăр, вонсăр* «вы, десятеро; десять (человек)». *Вунсăр кунта кётсе ларăр* «Вы, десять (человек), ждите здесь» [А, V, с. 265];

вун пёрёмёр (у Н.И. Ашмарина — слитно), *вун пёрсёмёр* «мы, одиннадцать (человек); одиннадцать из нас», *вун пёрёр*, *вун пёрсёр* «вы, одиннадцать (человек)» [А, V, с. 268].

Форма 3 лица проявляет весьма широкую активность, образуется почти от всех числительных: *пёрёш* «первый» [А, X, с. 219]; *иккёш* «двое их них», «они двое», «вдвоём»; *саккёрш* «восьмеро из них», «они, восьмеро», «ввосьмером»; *вуннаш* «десятеро из них», «они вдесятером»; *сирёмш* «двадцать из них»; *сирём тэххёрш* «из них двадцать девять»; *вйтёрш* «тридцать из них»; *вйтёр улттэш* «тридцать шесть из них»; *сёрёш* «сто из них», но *сёр вуннаш* «сто десять из них»; *пинёш* «тысяча из них», при этом не говорят *миллионш*, *миллиардш* и т.д.

Отличительной особенностью личных форм числительных является наличие полной падежной парадигмы, образующей как бы формообразовательное формоизменение:

Осн.	<i>иксёмёр</i>	<i>иксёр</i>	<i>иккёш(ё)</i>
Прит.	<i>иксёмёрён</i>	<i>иксёрён</i>	<i>иккёшён</i>
Дат.	<i>иксёмёре</i>	<i>иксёре</i>	<i>иккёшне</i>
Мест.	<i>иксёмёрте</i>	<i>иксёрте</i>	<i>иккёшёнче</i>
Исх.	<i>иксёмёртен</i>	<i>иксёртен</i>	<i>иккёшёнчен</i>
Твор.	<i>иксёмёрпе</i>	<i>иксёрпе</i>	<i>иккёшёпе</i>
Лиш.	<i>иксёмёрсёр</i>	<i>иксёрсёр</i>	<i>иккёшесёр</i>
Прич.	<i>иксёмёршён</i>	<i>иксёршён</i>	<i>иккёшешён</i>

Личные формы числительных могут изменяться по всем типам склонения как имена с аффиксами принадлежности.

Осн.	<i>иккёш(ё)</i>	<i>виссёш(ё)</i>	<i>таваттайш(ё)</i>
Прит.	<i>иккёшён</i>	<i>виссёшён</i>	<i>таваттайшён</i>
Дат.	<i>иккёшне</i>	<i>виссёшне</i>	<i>таваттайшне</i>
Мест.	<i>иккёшёнче</i>	<i>виссёшёнче</i>	<i>таваттайшёнче</i>
Исх.	<i>иккёшёнчен</i>	<i>виссёшёнчен</i>	<i>таваттайшёнчен</i>
Твор.	<i>иккёшён(н)пе</i>	<i>виссёшён(н)пе</i>	<i>таваттайшён(н)пе</i>
Лиш.	<i>иккёшён(н)сёр</i>	<i>виссёшён(н)сёр</i>	<i>таваттайшён(н)сёр</i>
Прич.	<i>иккёшён(н)шён</i>	<i>виссёшён(н)шён</i>	<i>таваттайшён(н)шён</i>

Примеры: *Вёсем виссёш ёнашар* «Они втроём рядом»; *Виссёшён кёнекисем сук* «У троих нет книг»; *Виссёшне урама чён* «Троих вызови на улицу»; *Виссёшёнче вишшер тенкё* «У троих по три рубля»; *Виссёшёнчен ыйтёрмёр* «У троих спросили»; *Пиллёркёшён япалисене парса ятёрмёр*, *ытти виссёшённе мён тумалла*

«У пятерых вещи передали, но что делать с вещами других троих»; *Виççейшенсёр пуçне урăх ёне таврашĕ сукчĕ уйра...* «Кроме как у троих, в поле больше не было коров»; *Хамър вутта эпир иртнĕ эрнерех турттарса килтĕмĕр, вĕсен виççейшеншĕн паян каллех вăрманă каймалла* «Свои дрова мы привезли уже на прошлой неделе, но ради дров (остальных) трёх (человек) нужно ехать в лес сегодня». Эти формы употребляются в основном в разговорной речи.

Форма собирательности на *-ев*

Эта форма сохранилась только в детском фольклоре и не характерна для современного чувашского языка: *Пёрре — пĕрев, иккĕ — икев, виççĕ — виçев, тăваттă — тăваткал, пиллĕк — пилеш, улттă — улма, сиччĕ — силме, саккър — салма* и т.д. *Пĕрев, икев, виçев* квалифицируются как архаические формы; ср. тат.: *бирев, икев, учев*. М.Р. Федотов указывает, что *пĕрев*, образованное от *пĕр* «один», *тепĕрев* — от *тепĕр*, могут употребляться как субстантивированные числительные со значением «кто-то, некий, некто, иной, какой-то один человек»: *Пĕрев пурне те сĕме юратъ тесе шанать; тепĕрев пахча сĕмĕсĕ сĕет* «Иной верит, что можно есть все, кто-то ест овощи» [176, с. 103]. На самом деле здесь *тепĕр* и *тепĕрев* не числительные, а местоимения. Пример взят М.Р. Федотовым из словаря Н.И. Ашмарина [А, X, с. 229]. Н.И. Ашмарин приводит также форму *пĕрел* с пометкой «сл. неизв. значения», указав, что это слово встречается в детской считалке, основанной на аллитерации: *Пĕр пĕрел, ик икел, виç виçел, тăват тăван, пилĕк пилеш, ултă улма, сичĕ силме, сакър салма, тăхър тăлма, вун тăваçми* [А, X, с. 229]. Таким образом, архаической формой числительных являются не только *пĕрев, икев, виçев*, но и *пĕрел, икел, виçел*, образованные посредством аффикса *-ел* (ср. алт.: *икиле* «вдвоём»).

Форма порядковости на *-ăм (-ĕм)*

Аффикс этой древней формы сохранился в современном языке в словах *виçĕм, тăватăм, пилĕкĕм*: *виçĕм кун* «третьего дня», *тăватăм сул* «в четвертом годе». Этот же аффикс встречается в следующих формах числительных: *виçмине* «послезавтра», т.е. «на третий день», *тăватмине* «на четвёртый день», *пилĕкмине, ултмине, сичмине*, которые необоснованно относят к наречиям [118, с. 304; 154, с. 253].

Нетрудно заметить, что выражения *вицём кун*, *вицём сул*, *таватам кун*, *таватам сул* означают счёт дней и лет в прошлом, а формы *вицмине*, *таватмине* — счёт будущих дней. На наш взгляд, нет оснований видеть в формах *вицём* и *вицмине* наречные образования. Мы имеем дело с некатегориальными формами порядковости числительных, они прежде всего означают счёт и порядок дней и лет в прошлом и будущем.

Форма направленности на -алл (-елл) + аффикс дательного падежа

Как и у существительных, у числительных это некатегориальная форма образуется посредством аффикса *-алл (-елл)* и аффикса дательного падежа, а не с помощью форманта *-алла (-елле)*, как полагают некоторые авторы [118, с. 125—126; 154, с. 304]. Ср.: *Хёрёхелле (хёрёхсенелле) ситнё сын* «человек лет сорока». *Ситмёлелле (ситмёлсенелле) сыхарать* «приближается к годам семидесяти»;

Улт уйахран эп ураланн тет.

Тя́ххара́лла — чёлхе кáларнá тет (П. Хузангай)

«Ходить я начал шестимесячным.

Язык обрёл я с девяти».

А предложение *Вёсене хирёс утмáл сулалла ситнё карчáк тухрё* (Садай) «Навстречу им вышла старушка лет шестидесяти» можно переформить, исключив направленительную форму существительного *сулалла* и прибавив *-алл-а* к числительному: *утмáл-алл-а: Вёсене хирёс утмáлалла (утмáлсенелле) ситнё карчáк тухрё*. При этом значение предложения не изменяется.

Формы предельности на -чен (-ччен) и выделения на -и

Некатегориальная форма предельности на *-чен (-ччен)* употребляется при указании предела времени от одного до двенадцати (часов): *пёрреччен* «до часу», *иккёччен* «до двух (часов)», *вуннáччен* «до десяти (часов)», *вун пёрччен* «до одиннадцати (часов)»; *вун иккёччен* «до двенадцати (часов)»; то же самое после аффикса порядковости *-мёш*: *пёрремёшчен* «до первого (числа месяца)», *вáтáрмёшчен* «до тридцатого (числа)»; при определении предела возраста людей: *ситмёлччен пурáннá* «жил до семи-десяти (лет)».

Форма выделения на *-и* образуется от слова *пёр* (*пёр-и* «один из них»), а также по формулам: числительное от одного до ста +

алломорф аффикса местного падежа *-т, -р, -ч* (*ситмёлти ватӑ* «старец семидесяти лет», *хёрёхри яш сын* «сорокалетний молодой человек»), числительное + аффикс множественного числа + аффикс местного падежа + аффикс выделения (*ситмёлсенчи ватӑ* «старик (или старуха) лет семидесяти»).

О нумеративах, или именах счёта (счётных именах)

Единицы счётной системы — это числа, которые выражаются счётными словами — числительными. Но не все слова, имеющие числовую семантику, могут быть рассмотрены как числительные. Школьные грамматики (и не только) к числительным относят слова *сурӑ* «половина», *чёрёк* «четверть», *тесетке* «десяток», *майшӑр* «пара» и т.д. Эти так называемые слова-нумеративы не представляют собой последовательной счётной системы, т.е. они не включаются в десятичную нумерацию, наряду с числовым значением имеют значение предметности, поэтому к числительным не относятся [102, с. 44].

Однозначного определения термина «нумератив» в языкознании нет. Ср.: «Нумеративы — счётные и количественные слова и словосочетания (числительные, счётные существительные, количественно-именные словосочетания)» [165, с. 357]; «Нумеративы — слова, сопровождающие количественные и реже другие числительные при конкретном счёте. Морфологически они не связаны с числительными как особым подразделом имён и примыкают к существительным» [190, с. 158]; «Нумеративами называются слова, поясняющие существительные при конкретном счёте... Формула функционирования нумеративов такова: количественное числительное — нумератив — существительное» [164, с. 200]. Но эта формула не уникальна, хотя Н.З. Гаджиева и Б.А. Серебренников считают: «Как ни многообразно лексическое наполнение формулы “числительное + нумеративное слово + существительное”, модель её образования одинакова во всех тюркских языках... Что касается конкретных нумеративов, то в современных тюркских языках они отличаются довольно большим разнообразием» [49, с. 32–33].

Нумеративы как отдельная группа в чувашском языке до сих пор не исследованы (мы остановились на нескольких моментах, назвав их *сум ячӑсем* «счётные имена» [152, с. 58]), хотя мысль о нумеративах витает в умах исследователей давно. Н.И. Ашмарин о счётных словах упоминает вскользь: «суще-

А.И. Смирницкий указывает, что слова *десяток*, *пяток*, *сотня* и т.п. ничем не отличаются от любого другого существительного. Слово *десяток* имеет категорию числа (*десяток* — *десятки*), категорию падежа (*десяток* — *десятку* — *десятка* и т.д.), может сочетаться с прилагательными (*многие десятки*), употребляться с предлогами (*с десятком*, *о десятке*, *к десятку*), сочетаться с существительными без предлога (*десяток яблок*) и при этом ведет себя несомненно как существительное... Всё это, на его взгляд, свидетельствует о субстантивном характере слова *десяток*, т.е. значение числа в нём опредмечивается: *десяток* обозначает «не простое число, а определённый предмет, выступающий в качестве своего рода меры» и является существительным [159, с. 161—162].

В чувашском языке нумеративы можно считать существительными, но существительными «ущербными», недостаточными, с морфологической точки зрения они не соответствуют всем параметрам субстантивов, обозначающих предмет и выражающих это значение в категориях числа, падежа и лица (принадлежности).

Не все нумеративы чувашского языка принимают словоизменительные аффиксы имён существительных. Например, некоторые из слов *теҫетке* «десяток», *ҫурӑ* «половина», *чӑрӑк* «четверть», *усмухха* «восьмушка», *хӑрах* «один из пары» принимают аффикс множественного числа *-сем*: *теҫеткесем* «десятки», *иккӗ ҫурӑсем* «примерно два с половиной (часа)», *вӑренӗ ҫулӗн чӑрӑкӗсем* «четверти учебного года», но нет словоформы *усмуххасем*. Перечисленные счётные слова имеют неполную парадигму склонения, редко принимают аффиксы принадлежности (кроме аффикса 3 лица): нет в языке форм *теҫеткем*, *теҫеткеҫӗ*, *теҫетки*, *теҫеткемӗр*, *теҫеткӗр*, хотя искусственно создавать эти формы можно.

Нумеративы по отдельности или в композитных образованиях могут быть в форме образа действия: *кӑрепенккен* (*кӑрепенккен-кӑрепенккенӗн*) «фунтами», *пӑтӑн* (*пӑтӑн-пӑтӑн*) «пудами»; примеры Н.И. Ашмарина: *Улмана пӑтӑн та сутаҫҫӗ*, *кӑрепенккенӗн те сутаҫҫӗ* «Яблоки продают и пудами, и фунтами»; *Пурҫӑна мӑскалӑн турттараҫҫӗ* «Шёлк взвешивают золотниками» [21, I, с. 139—140]. Эти формы и формы типа *курканӑн* «ковшами», *кӗлтенӗн* «снопами», *витренӗн* «ведрами» и др. Н.И. Ашмарин назвал «наречными выражениями, образуемыми родительным падежом».

Далее возьмём для примера нумеративы — определённые числительные (обозначения школьных оценок): *пёрре* «единица»; *иккё* «двойка»; *вицсё* «тройка»; *таватта* «четвёрка»; *пиллэк* «пятёрка». Эти числительные склоняются, также склоняются их формы с аффиксом множественного числа *-сем*. Но они не принимают аффиксов принадлежности: не имеют форм 1 лица: *пёррем*, *иккём*, *вицсём*, *таваттам*, *пиллэкём* «моя единица, двойка, тройка, четвёрка, пятёрка»; *пёрремёр*, *иккёмёр*, *вицсёмёр*, *таваттамёр*, *пиллэкёмёр* «наша единица, двойка, тройка, четвёрка, пятёрка».

«Ущербность» проявляется и у слова *йёкёр* (от числительного *ик* «два») «двойной, парный», «близнец», которое не соответствует морфологическим параметрам ни имени существительного (нет форм множественного числа, падежей, принадлежности), ни прилагательного (нет форм категории сравнения), ни числительного (нет форм порядковости, разделительности), но может выступать как нумеративное определение: *йёкёр сасá* «парный звук», *йёкёр сáмах* «парное слово», *йёкёр ывáс* «пригоршня».

Слово *майшёр* «пара» в чувашском языке выступает как нумеративное определение неодушевлённых существительных (*майшёр е пёр майшёр сáмат* (*пушмак*, *атá*) «пара валенок (ботинок, сапог)», одушевлённых предметов в значении «пара, чета (супружеская), супруги», «партнёр». Во втором значении морфологически более субстантивно: может быть во множественном числе — *майшёрсем* «супруги», имеет полную парадигму склонения, но не имеет полной парадигмы категории принадлежности — не может быть формы *майшёрáмёр* «наша супруга» или «наш муж», «наша жена». *Майшёр* в значении «пара» имеет формы образа действия, как существительные и числительные: *майшёррэн* «попарно, парами», «по два, по двое», в композитных образованиях: *майшёрэн-майшёрэн*, *майшёррэн-майшёррэн* «попарно»: ср.: *майшёр-шар-эн* «попарно».

Некоторым нумеративам, как и числительным, присущ показатель разделительности *-шар (-шер)*: *тесеткешер* «по десятку», *суришар* «по половине», *чёрёкшер* «по четвертинке», *усмухашар* «по восьмушке», *килошар*, *тоннайшар*, *пайшар* «по пуду», *ывáсшар* «по горсточке», *чёттёмшер* «по щепотке». Как и числительные с аффиксом *-шар (-шер)*, формы нумеративов с этим аффиксом могут принимать формант *-эн (-ён)*: *тесеткешерён*, *суришарэн*, *чёрёкшерён*, *килошарэн*, *тоннайшарэн*, *пайшарэн*, *пáтáвк-*

кашаран «по пудовке» (уст. мера в один пуд), *чётёмшерён* «по шепотке», *михёшерён* «по мешку», *харахшаран* «поодиночке».

Остановимся подробнее на одном из счётных слов — *сур(а)* «половина», «полтора». По Н.И. Ашмарину, «существительное *сур* “половина” обыкновенно предшествует определяемому им имени, но иногда может ставиться и после него, в виде приложения, причем принимает суффикс 3 лица... *Вёсем сёрен-те пухнй сёмартисене суррине хайсем иккёшех сисе ярассё* Половину яиц, собранных во время обряда *сёрен*, они съедают вдвоём» [21, I, с. 17—18]. Слово *сур* может занимать две разные позиции: до определяемого имени (...*сур патшалэхне те айна пачё тет* «...и отдал ему половину своего царства») и после определяемого имени, но уже с другим значением: *Пйт сур* *пыл кутёмёр* «Привезли полтора пуда мёда».

Обратим внимание на словоформу *суррине* (*Сёмартисене суррине хайсем иккёшех сисе ярассё*), здесь роль аффикса *-и* (*сурри*) очерчена нечётко, его можно принять и за аффикс 3 лица, и за показатель выделительности. Но, как бы то ни было, эта форма склоняется.

- Осн. *сурри*: *Сурри тула, сурри сёлё* «Наполовину пшеница, наполовину овёс»
Прит. *суррин суррине* «четверть; половинку половины»
Дат. *суррине пачё* «отдал половину»
Мест. *март сурринче* «в середине марта»
Исх. *сурринчен пайларё* «разделил пополам»
Твор. *суррине*: *Ку суррине мён тумалла?* «Что делать с этой половинкой?»
Лиш. *суррисёр*: *Тепёр суррисёр ку мёгле япала пуллине пёлеймён* «Без другой половины определить трудно, что это за предмет»
Прич. *сурришён*: *Сурришён уксан илмерё* «За половину деньгами не взял»

То же можно сказать о словоформе *хараххи* «один из пары»: *Кус хараххи курмасть* «Один глаз не видит», ср.: *йёкёреш хараххине* «одному из близнецов». Интересно отметить, что слово *харах* может принимать аффиксы принадлежности: *ман хараххэм* «подобно мне», «наподобие меня», «мой супруг, моя супруга»; *сан харахху* «наподобие тебя», «твой супруг, твоя супруга»; *ун хараххи* «наподобие его (её)», «его супруга, её супруг».

В целом же предварительно можно выделить:

1) нумеративы — опредмеченные числительные (т.е. субстантивы), сюда относятся числительные, обозначающие школьные оценки (*пёрре* «единица», *иккё* «двойка», *пиллёк* «пятёрка»);

2) нумеративы — количественные «ущербные» существительные (*пйт* «пуд») и нумеративы со значением неопределённого количества живых существ (*кёту́* «стадо», *ушкян* «группа, стая»);

3) нумеративы со значением меры (*аршйн* «аршин»);

4) нумеративы, равные по значению субстантивам, с семантикой меры объёма (*витре* «ведро», *пёр витре сырла* «одно ведро ягод»; *михё* «мешок», *пёр михё сёр улми* «один мешок картошки»);

5) нумеративы — «ущербные» существительные, обозначающие меры времени (*таллак* «сутки»);

6) нумеративы — прилагательные (*нумай* «много», *сахал* «мало»);

7) нумеративы — наречия (*ёнер* «вчера»).

Этим перечнем не исчерпывается список нумеративов в чувашском языке, состав их чрезвычайно разнообразен.

МЕСТОИМЕНИЕ

Общие замечания

Однозначного определения термина «местоимение» нет. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» дано такое: «Местоимение — лексико-семантический класс знаменательных слов, в значение которых входит либо отсылка к данному речевому акту (к его участникам, речевой ситуации или к самому высказыванию), либо указание на тип речевой соотнесённости слова с внеязыковой действительностью (его денотативный статус)». Далее С.А. Крылов и Е.В. Падучева делают акцент на следующем: «...к местоимениям принято относить только *имена* — существительные, прилагательные, числительные. Местоимения входят в более широкий лексико-семантический класс *местоименных слов*, которые иногда в расширительном смысле все называются местоимениями». Логико-семантические разряды местоимений авторами объединяются в три крупные группировки: дейктические, анафорические и кванторные [100, с. 294].

Одним из дискуссионных вопросов, связанных с местоимениями, является правомерность выделения их в отдельную часть речи [50, с. 150; 108, с. 42, 131]. По мнению В.И. Рассадина,

«местоимения (термин условен) представляют собой группу особых заместительных слов с дейктической функцией... В тофаларском языке местоимения замещают все основные части речи: существительное, прилагательное, числительное, наречие и глагол» [136, с. 254]. В чувашском языкознании в одно время указывали на то, что местоимения замещают именные части речи (существительные, прилагательные, числительные), и на этой основе появился термин *ят ылмашё* (букв.: замещающий имена). В английском языке *pronoun* понимается в его буквальном смысле, в этимологическом значении — «то, что стоит вместо существительного», в русском «местоимение» — «вместо имени».

Вопрос, поднятый А.И. Смирницким [159, с. 176], а затем В.Г. Гаком [50, с. 150], И.Г. Милославским [108, с. 42] и другими языковедами, в том, следует ли выделять местоимения в качестве особой части речи или распределять их по тем частям речи, с которыми они имеют общие черты. В таком случае, может, порядковые числительные (*пёрремёш* «первый», *иккёмёш* «второй» и т.д.) и формы уподобления местоимений на *-шкал* (*-шкел*) (*мана-шкал* «подобно мне», *пире-шкел* «подобно нам») в чувашском языке считать прилагательными, как это предлагает М.Р. Федотов [177, с. 25]. Стоит ли обосновывать нелогичность такого понимания местоимений? Местоимения выделяются на фоне других частей речи именно специфическим характером своего значения: с их помощью ничто не называется, а лишь указывается на тот или иной предмет, лицо или признак, определяемые ситуацией. Самостоятельный словарный характер местоимений налицо и представляется несомненным.

Местоимения в чувашском языке отличаются от других частей речи и по ряду формальных грамматических признаков; например, могут быть в форме уподобления на *-шкал* (*-шкел*): *манашкал*, *санашкал*, *унашкал*, *мёнешкел*, *кунашкал*, *лешнешкел*; у существительных зафиксирована лишь одна словарная форма уподобления: *амйшнешкел* (А, I, с. 202) «подобно матери», хотя с логической точки зрения возможны *ашишёнешкел*, *пиччёнешкел*, *апйшнешкел*, а также *этемешкел* (*упайте*) «подобный человеку, т.е. человекообразный (об обезьяне)» (пример Н.А. Андреева [15, с. 92]).

Итак, выделение местоимений в особую часть речи основано на их конкретных грамматических особенностях: склонении личных и указательных местоимений, образовании формы множественного числа личных и лично-возвратных местоимений

и т.д. Но при этом специфические особенности местоимений несистематичны и нерегулярны.

Не ставим целью рассматривать местоимения как логико-семантические разряды: дейктические, анафорические и кванторные. Нас интересуют прежде всего вопросы словоизменения, формоизменения и формообразования слов данной части речи.

Можно рассматривать местоимения, с одной стороны, как субстантивные, адъективные, количественные разряды, а с другой стороны, можно говорить о местоимениях-существительных, местоимениях-прилагательных, местоимениях-числительных. Однако мы не намерены делать упор на это, к тому же не будем говорить о местоимениях-наречиях, ибо последние не относятся к именным частям речи.

Местоимения будут рассмотрены нами как особые группы слов (т.е. как часть речи) с уникально-специфическими лексико-семантическими и грамматическими (морфологическими) признаками. Местоимение как часть речи нами понимается более широко, чем имена существительные, прилагательные, числительные как части речи. Называя местоимения в чувашском языке частью речи, мы учитываем, что выделение местоимений в морфологическом плане происходит в иной плоскости, чем выделение существительных, прилагательных и числительных. При рассмотрении склонения личных местоимений *эп(ё)* «я», *эс(ё)* «ты», *вӑл(ӑ)* «он» мы отмечаем наличие особых склоняемых основ: *ман, сан, ун(ӑн)*, чего не наблюдаем у других именных частей речи. Личные местоимения 1 и 2 лица во множественном числе *эпир* «мы», *эсир* «вы» при склонении теряют анлаутный э в косвенных падежах, у других именных частей речи такое явление не наблюдается.

Семантические особенности отдельных разрядов местоимений связаны с грамматическими особенностями, и наоборот. Например, личные, вопросительные, указательные, квалифицировавшиеся до сих пор как отрицательные (*никам, нимён*) и неопределённые (*такам, темён, тахӑш*) местоимения, принимая аффикс *-шкал (-шкел)*, образуют форму уподобления, а другие разряды местоимений лишены этой формы.

Таким образом, выделение местоимений в отдельную часть речи в семантическом плане материализуется в их конкретных грамматических особенностях, указывающих на их особое место в языке. Несистематичность и менее строгая, чем у других именных частей речи, регулярность грамматических особенностей раз-

личных разрядов местоимений тоже является отличительной чертой этой части речи. Например, определённые местоимения *пур* «весь, всё, всякий» и *пурте* «все» имеют личные формы: *пурсăмър* «все мы», *пурсър* «все вы», *пурĕ* «все вместе», *пурĕш(ĕ)* «все»; *пурсăмър та* «все мы», *пурсър та* «все вы», *пурĕш(ĕ) те* «все они», в которых частица *те* отделяется; но местоимение того же разряда *кашни* «каждый» лишено возможности принимать аффиксы личных форм.

Мы согласны с лингвистами, считающими местоимение особой частью речи, и возражаем тем, кто полагает, что местоимения не составляют единой части речи и распределяются по тем частям речи, функции которых выполняют.

Поскольку местоимение — слово, указывающее на лицо, предмет, признак или число, не называя их, то как словесный знак, оно не имеет предметно-логического содержания. Этим оно противопоставляется всем лексически однозначным словам языка.

Местоимения чувашского языка исследователи делят по их значению на следующие разряды: личные, лично-возвратные, указательные, вопросительные, отрицательные, неопределённые, определённые (или определительные). Подобная классификация принята не только в чувашском языкознании, но и во всей тюркологии. В.И. Рассадин же предлагает различать местоимения субстантивные (замещающие, указывающие на существительные), адъективные (замещающие, указывающие на прилагательные), нумеральные (замещающие, указывающие на числительные), вербальные (замещающие, указывающие на глагол), адвербиальные (замещающие, указывающие на наречие) [136, с. 254].

В своей работе мы будем придерживаться традиционного деления местоимений на личные, лично-возвратные, указательные, вопросительные, а насчёт отрицательных и неопределённых местоимений скажем особо.

А. Словоизменение и формоизменение личных местоимений

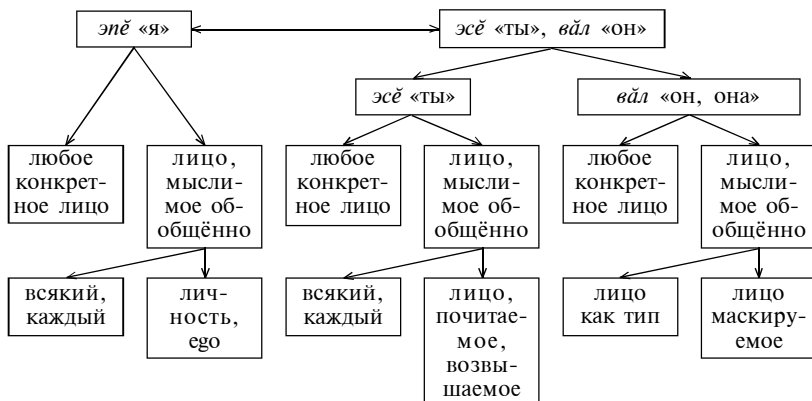
Единичность и множественность лиц

В современном чувашском языке личными местоимениями являются *эпĕ* «я», *эсĕ* «ты», *вăл* «он, она, оно», *эпир* «мы», *эсир* «вы», *вĕсем* «они», представляющие собой замкнутую системную организацию.

Рассмотрим особенности этой системы, опираясь на работу Н.Ю. Шведовой [184]. Признаками системной организации лич-

ных местоимений она называет наличие семантического инварианта, близкий для всех этих слов ход сужения и конкретизации значений, чётко выраженные связи между значениями разных слов, характерные выходы на другие участки системы имён, общие тенденции в сочетаемости с другими словами, общее отношение к образованию гнезда.

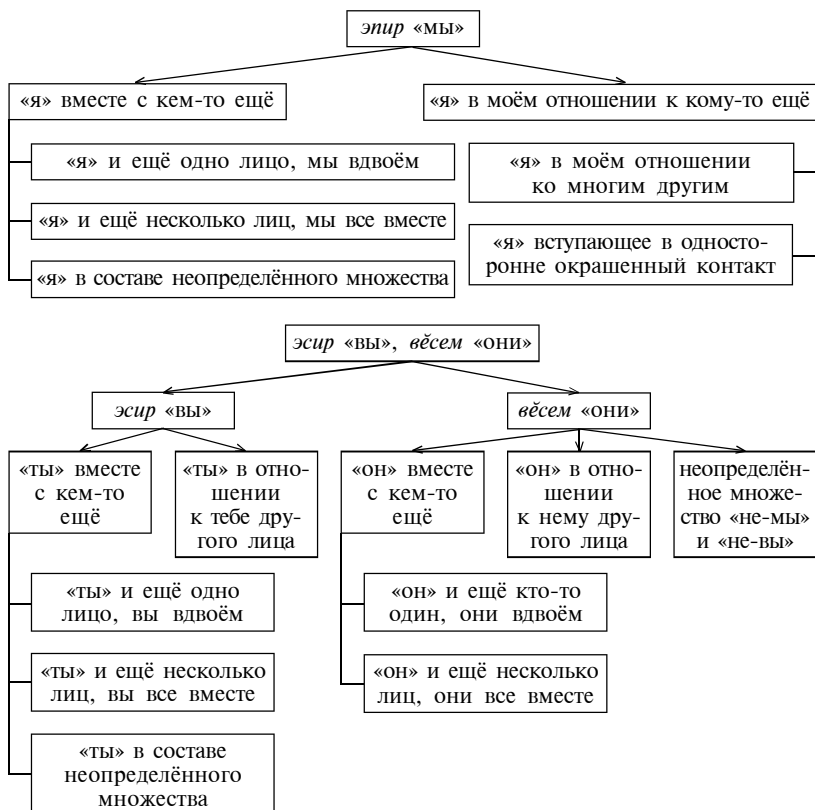
Пройдя через оппозицию «лицо или не лицо» *въл* «он, она, оно», *вёсем* «они» — «только лицо» (*эпё* «я», *эсё* «ты», *эпир* «мы», *эсир* «вы»), эти слова организуются в оппозицию «единичное лицо — неединичное лицо». Здесь первично противопоставлены значения: «лицо указуемое равно лицу указующему (*эпё*) или сочленено с лицом указующим (*эпир*)» — «лицо указуемое не равно лицу указующему (*эсё, въл, эсир, вёсем*)»; в последнем случае сема указующего лица не устраняется полностью: «ты» — «не я, а собеседник»; «он» — «не я и не ты, а кто-то третий». Далее сужение значений предстает в следующем виде:

Сопоставление семантического строения слов *эпё, эсё, въл* показывает, что во всех этих словах присутствуют элементы значения и конкретности, и обобщённости. Значение обобщённости предстаёт, во-первых, как обобщение на основе семы «любой, каждый» (*Эпё нуриншён те явалл* «Я отвечаю за всё — если не я, то кто же?); *Пулацсё те сынсем: сана кўрентерет пулин те — въллах силлетет* «Бывают же люди: он тебя оскорбит, и он ещё и обижен»); во-вторых, как обобщение, отлившееся в отдельное лексическое значение (*Эсё Турй та, патша та* «Ты и Бог, и царь»); *Въл тайшман, усал е еркён* («Он враг, бес или любовник»).

Во всех указанных случаях, по мнению Н.Ю. Шведовой, на ступени обобщения «вступает в силу возможность обозначить формой единственности некое неопределённое множество; тем самым в слове ослабляется его указательное значение» [184, с. 159].

В системе значений слов *эпир* «мы», *эсир* «вы», *вёсем* «они» (см. следующую схему) обращает на себя внимание значение указуемых лиц, включенных в неопределённое множество. У слов *эпир* и *эсир* при этом сохраняется сема «я и кто-то еще», «ты и кто-то еще» (*Эпир (эсир) миллионан* «Нас (вас) миллионы»). Ситуация с местоимением *вёсем* несколько иная: в случаях типа *Вёсем хулара пёр шухайсёр пурáнассё* (т.е. *Хуларисем пёр шухайсёр пурáнассё*) «Они в городе [городские жители] не знают хлопот» сема «он» отсутствует; *вёсем* «они» здесь означает множество, состоящее из «не-мы» и «не-вы».

В сфере значений между всеми личными местоимениями существуют тесные связи, что выявляется в пересечении функций выражения единственности — множественности и в пересечении функций выражения лица указующего и лица указуемого.

Систему личных местоимений чувашского языка можно представить в следующем виде:

1 л. <i>эӗ, эн</i>	} единичность лица	<i>эӗр, энӗр</i>	} множественность лиц
2 л. <i>эсӗ, эс</i>		<i>эсӗр, эсир</i>	
3 л. <i>ӳл</i> (единичность лица и предмета)		<i>ӳсем</i> (множественность лиц и предметов)	

Показателем множественного числа 1 и 2 лица является формант *-р*: *эӗ-р*; *эсӗ-р*; 3 лица — *-сем*: *ӳл* — *ӳл-сем* > *ӳ-сем*. Местоимения *энӗр, эсир* выражают множество не предметов, а лиц. Когда в речи используется слово *энӗр* «мы», то имеется в виду, что в числе лиц находится говорящий, а местоимение *эсир* «вы» выражает некое множество лиц, в числе которых находится тот, к кому обращаются с речью. Местоимение *ӳсем* выражает не только лица, но и предметы, которые неким образом сгруппированы. Личные местоимения заключают в своем семантическом строении и значение единичности, и значение множественности. Значение единичности у *эӗ* «я», *эсӗ* «ты», *ӳл* «он» — первичное, у *энӗр* «мы», *эсир* «вы», *ӳсем* «они» — вторичное; значение множественности у *энӗр, эсир, ӳсем* — первичное, у *эӗ, эсӗ, ӳл* — вторичное. Такое переключивание значений делает весь этот круг слов тесно спаянной лексической организацией, члены которой готовы в соответствующих условиях осуществить перераспределение своих функций [184, с. 160—161]

На месте аффикса множественного числа *-р* в других тюркских языках представлен формант *-з*: *биз* «мы», *сиз* «вы». Местоимения *биз, сиз* в других тюркских языках выступают без протезы *э-*, а это значит, что корнем в них является *би* и *си*, которые генетически тождественны личным местоимениям 1 и 2 лица монгольских и тунгусо-маньчжурских языков: *би* «я», *си* «ты».

Таким образом, в чувашских личных местоимениях 1 лица *эӗ, энӗр* корнем являются *н, нӗ, ни*; 2 лица — *с, сӗ, си*. Некоторые исследователи не склонны видеть в современном языке аналогичные корни, они считают их архаичными, на наш взгляд, их вводит в заблуждение протеза *э-*. Если считать протезу *э-* элементом корня, то мы имеем в качестве корневых морфем *эн, эӗ; эс, эсӗ*, а аффиксы *-р* (в местоимениях *эӗр, эсӗр*) и *-сем*

(в местоимении *вёсем*) являются показателями множественности или аффиксами множественного числа личных местоимений. Этим личные местоимения отличаются от существительных, в которых формантом множественного числа выступает только аффикс *-сем*.

Категория времени

Все личные местоимения способны принимать аффикс *-чѣ* (*-ччѣ*), выражая при этом значение прошедшего состояния лица: *Саймах калаканни эпѣччѣ* «Выступающим был я»; *Протокол сыраканѣ эсѣччѣ* «Протокол писал ты»; *Пире хирѣс калаканни вѣлччѣ* «Он выступал против нас» или «Выступающим против нас был он»; *Итлекенсем эпирччѣ* «Мы были слушателями»; *Бйту параканѣсем эсирччѣ* «Вопросы задавали вы»; *Хѣтѣртекенсем вёсемччѣ* «Они были подстрекателями».

Формы *эпѣччѣ*, *эсѣччѣ*, *вѣлччѣ* относятся к словоизменению, а *эпирччѣ*, *эсирччѣ*, *вёсемччѣ* — к формоизменению.

Категория усиления

Формы усиления местоимений *эпѣ*, *эсѣ*, *вѣл* — *эпех*, *эсех*, *вѣлах* — относятся к словоизменению, а формы *эпирех*, *эсирех*, *вёсемех* — к формоизменению.

Говорящий может подчеркнуто выделить местоимение в форме усиления с целью придания эмотивного значения: *Эсех ише касрѣн-и вара сав шыв урлѣ?* «Неужели ты переплыл ту реку?»; *Тем тесен те, вѣлах вѣрланѣ* «Что ни говорите, украл именно он»; *Вёсемех-ши вара* «Неужели это они?»; *Эпирех те каяс ай сул синче* «На нашем-то пути».

Удвоенными формами личных местоимений с аффиксом усиления во втором компоненте подчеркнуто выделяется лицо либо группа лиц среди других: *Эпѣ эпех* «Я — это я»; *Эсѣ эсех* «Ты — это ты»; *Вѣл вѣлах* «Он — это он»; *Эсир эсирех* «Вы — это вы»; *Вёсем вёсемех* «Они — это они».

Категории падежа и склонения

Склонение личных местоимений относится полностью к сфере формоизменения. Личные местоимения *эпѣ*, *эсѣ*, *вѣл* употребляются только в основном падеже. Формоосновами, или склоняемыми основами, для других падежей являются соответственно *ман*, *сан*, *ун*. Эти слова являются формами притяжательного па-

дежа, в них в качестве показателя генетива выделяется аффикс *-н*. Но проблема конечного *-н* в личных местоимениях исследователями решается по-разному. Ближе всех к истине М.Р. Федотов, который считает, что в языках алтайской семьи праформой личного местоимения 1 лица была не *мин*, а слог с начальным *б* + гласный переднего ряда. В ходе изменения и развития языка начальное *б* перешло в *м*, а к образовавшемуся корню прибавился аффикс генетива *-н*, сохранившийся также в остальных падежах. Об этом говорит номинатив чувашских личных местоимений *э-нӗ* (< *би*) и его генетивная форма *ма-н*, *эсӗ* и его генетивная форма *са-н* [176, с. 57].

При таком объяснении отпадает необходимость говорить о супплетивизме (об образовании форм падежей от разных основ), как это практикуется в грамматиках индоевропейских языков: рус. *я — меня, мне*; нем. *Ich — mein*, англ. *I — my*. Чувашские формы *ман*, *сан*, *ун* семантически соответствуют русским притяжательным местоимениям *мой* (*моя, моё*), *твой* (*твоя, твоё*), *свой* (*своя, своё*). Следует различать краткую (более древнюю) форму притяжательного падежа личных местоимений в виде *ман*, *сан*, *ун* и более позднюю форму в виде *манӑн*, *санӑн*, *унӑн*, в которых имеет место нанизывание двух вариантов генетивного аффикса в виде *-н + -ӑн*. Выделение краткой и полной форм генетива существенно, они различаются при склонении.

Таким образом, формоосновами при склонении личных местоимении *эӗ*, *эсӗ*, *ӵӑл* являются генетивные формы *ман*, *сан*, *ун*:

Осн.	<i>эӗ</i>	<i>эсӗ</i>	<i>ӵӑл</i> (диал. у)
Прит.	<i>ма-н</i>	<i>са-н</i>	<i>у-н</i>
Дат.	<i>ма-н-а</i>	<i>са-н-а</i>	<i>ӵ-н-а</i>
Мест.	<i>ма-н-ра</i>	<i>са-н-ра</i>	<i>у-н-та</i>
Исх.	<i>ма-н-ран</i>	<i>са-н-ран</i>	<i>у-н-тан</i>
Твор.	<i>ма-н-па</i>	<i>са-н-па</i>	<i>у-н-па</i>
Лиш.	<i>ма-н-сӑр</i>	<i>са-н-сӑр</i>	<i>у-н-сӑр</i>
Прич.	<i>ма-н-шӑн</i>	<i>са-н-шӑн</i>	<i>у-н-шӑн</i>

Этот тип склонения мы назвали притяжательным: все аффиксы косвенных падежей примыкают только к форме генетива.

Личные местоимения во множественном числе склоняются неодинаково; здесь усматриваются элементы смешанного и притяжательного типов склонений. Образцы смешанного склонения:

Осн.	<i>эпир</i>	<i>эсир</i>	<i>вёсем</i>
Прит.	<i>пир-ён</i>	<i>сир-ён</i>	<i>вёсен</i>
Дат.	<i>пир-е</i>	<i>сир-е</i>	<i>вёсен-е</i>
Мест.	<i>пир-те</i>	<i>сир-те</i>	<i>вёсен-че</i>
Исх.	<i>пир-тен</i>	<i>сир-тен</i>	<i>вёсен-чен</i>
Твор.	<i>пир-пе</i>	<i>сир-пе</i>	<i>вёсем-пе</i>
Лиш.	<i>пир-ён-сёр</i>	<i>сир-ён-сёр</i>	<i>вёсем-сёр</i>
Прич.	<i>пир-ён-шён</i>	<i>сир-ён-шён</i>	<i>вёсем-шён</i>

При смешанном типе склонения формоосновами являются, с одной стороны, форма множественного числа на *-р* и *-сем*: *пи-р-е, си-р-е, пи-р-те, си-р-те, вё-сем-пе, вё-сем-сёр, вё-сем-шён*, с другой стороны, форма генетива на *-ён* (*пи-р-ён-сёр, пи-р-ён-шён*) и *-се + -н* (*вё-се-н-чен, вё-се-н-че*).

Образцы притяжательного склонения местоимений *эпир, эсир, вёсем*, в которых начиная с дательного падежа основой склонения становится форма притяжательного падежа:

Осн.	<i>эпир</i>	<i>эсир</i>	<i>вёсем</i>
Прит.	<i>пирён</i>	<i>сирён</i>	<i>вёсен</i>
Дат.	<i>пирённ-е</i>	<i>сирённ-е</i>	<i>вёсенн-е</i>
Мест.	<i>пирён-те</i>	<i>сирён-те</i>	<i>вёсен-че</i>
Исх.	<i>пирён-тен</i>	<i>сирён-тен</i>	<i>вёсен-чен</i>
Твор.	<i>пирён-пе</i>	<i>сирён-пе</i>	<i>вёсен-пе</i>
Лиш.	<i>пирён-сёр</i>	<i>сирён-сёр</i>	<i>вёсен-сёр</i>
Прич.	<i>пирён-шён</i>	<i>сирён-шён</i>	<i>вёсен-шён</i>

Теперь сравним склонение полной и краткой форм генетива личного местоимения 1 лица*:

Осн.	<i>эпё</i>	<i>эпё</i>	<i>эпё</i>
Прит.	<i>ман</i>	<i>манён</i>	<i>ман'</i> (или <i>манё</i> [20, с. 191])
Дат.	<i>ман-а</i>	<i>манённ-е</i>	<i>манн'-е</i>
Мест.	<i>ман-ра</i>	<i>манён-че</i>	<i>ман'-че</i>
Исх.	<i>ман-ран</i>	<i>манён-чен</i>	<i>ман'-чен</i>
Твор.	<i>ман-па</i>	<i>манён-пе</i>	<i>ман'-пе</i>
Лиш.	<i>ман-сёр</i>	<i>манён-сёр</i>	<i>ман'-сёр</i>
Прич.	<i>ман-шён</i>	<i>манён-шён</i>	<i>ман'-шён</i>

Существует мнение, что склонение полной формы генетива — не что иное, как склонение субстантивных форм притяжательных местоимений с аффиксом *-и* (*-ё*): *манённи ~ манни* «то, что принадлежит мне»; *санённи ~ санни* «то, что принадлежит тебе» [17,

* Апостроф (') в слове *ман* означает смягчение *н*.

с. 147]. Но склонение полных форм личных местоимений отличается от склонения тех же форм с аффиксом выделительности *-и*. К тому же существуют склонение полной формы генетива и склонение той же формы с аффиксом выделительности:

по Н.И. Ашмарину [20, с. 191]:

Осн.	<i>эӗ</i>	<i>манӗнни</i>	<i>манӗӗ</i>
Прит.	<i>манӗн</i>	<i>манӗннин</i>	<i>манӗн</i>
Дат.	<i>манӗнне</i>	<i>манӗннинне</i>	<i>манӗнне</i>
Мест.	<i>манӗнче</i>	<i>манӗннинче</i>	<i>манӗнче</i>
Исх.	<i>манӗнчен</i>	<i>манӗннинчен</i>	<i>манӗнчен</i>
Твор.	<i>манӗнпе</i>	<i>манӗннинпе</i>	<i>манӗӗпе</i>
Лиш.	<i>манӗнсӗр</i>	<i>манӗннисӗр</i>	<i>манӗнсӗр</i>
Прич.	<i>манӗншӗн</i>	<i>манӗнниншӗн</i>	<i>манӗншӗн</i>

Категория выделения

Форма притяжательного падежа личных местоимений служит формоосновой для ряда категориальных форм. Например, формы *манӗнни* «мой», «то, что принадлежит мне»; *санӗнни* «твой», «то, что принадлежит тебе»; *унӗнни* «его (её)», «то, что принадлежит ему (ей)»; *пирӗнни* «наш», «то, что принадлежит нам»; *сирӗнни* «ваш», «то, что принадлежит вам»; *вӗсенни* «их», «то, что принадлежит им» — не что иное, как формоизменяемые выделительные категориальные формы личных местоимений. Категориальной считаем эту форму потому, что для неё характерен принцип тотальности, т.е. аффикс *-и* присоединяется ко всем личным местоимениям в форме притяжательного падежа. В чувашском языке известны также формы *манри* «находящийся у меня», *санри* «находящийся у тебя», *унри* «находящийся у него (у неё)», *пирӗнти* «находящийся у нас», *сирӗнти* «находящийся у вас», *вӗсенчи* «находящийся у них», т.е. аффикс выделения присоединяется при этом к форме местного падежа; ср. в разговорной речи: *Манри манрах та-ха* или *Манти мантах та-ха* «При мне-то при мне»; ср.: *Арчари арчарах та-ха* «В сундуке-то в сундуке».

Категория уподобления на *-шкал (-шкел)*

Существует двоякое мнение по поводу аффикса формы уподобления местоимений. Одни исследователи (Н.И. Ашмарин, И.П. Павлов) считают формантом уподобительной формы аффикс *-ашкал (-ешкел)*, а основой — форму притяжательного

падежа: *ман-ашкал* «подобный мне», *пирён-ешкел* «подобный нам», *сирён-ешкел* «подобный вам», *вёсен-ешкел* «подобный им» [20, с. 210; 118, с. 191—192]. Другие же (М.Р. Федотов, Н.А. Андреев) не только отрицают формообразовательную роль, но и сам формант представляют в виде *-шкал (-шкел)*, считая его деривационным (прилагательнообразующим) [15, с. 91—92; 177, с. 25]. Первоначально *-шкал (-шкел)* фигурировал в чувашском языке в виде послелого *вйшкал, вышкал: сана вышкал* «похож на тебя» [А, V, с. 220, 343], затем первый слог *вй ~ вы* отпал, и часть *-шкал (-шкел)* осталась на правах аффикса. Исходя из этого вернее будет сказать, что аффикс *-шкал (-шкел)* присоединяется к форме дательного падежа: *ман-а-шкал, сан-а-шкал, ун-а-шкал, пирн-е-шкел, сирн-е-шкел, вёсен-е-шкел*, но нельзя отрицать наличие формы притяжательного падежа в составах словоформ перед аффиксом дательного падежа *-а (-е)*.

Формы на *-шкал (-шкел)* очень близки к прилагательным.

Как и прилагательные, местоименные формы на *-шкал (-шкел)* принимают категориальный аффикс сравнения *-тарак (-терех)*: *манашкалтарах, санашкалтарах, унашкалтарах, пирнешкелтерех, сирнешкелтерех, вёсенешкелтерех*; могут быть в формах выделения на *-и, -скер*: *манашкалли — манашкалскер, санашкалли — санашкалскер, унашкалли — унашкалскер*.

Но, в отличие от прилагательных, они стоят вне категории образа действия, т.е. нет словоформ типа *манашкаллйн, санашкаллйн* и т.д. Если ещё учесть и то, что местоимения редко служат деривационной базой, формы *манашкал, санашкал* и др. целесообразнее считать уподобительными категориальными формами личных местоимений.

Б. Словоизменение и формоизменение лично-возвратных местоимений

Лично-возвратные местоимения по-другому именуются возвратными. Элемент «лично», по мнению некоторых чувашеведов, даёт право говорить о полном совпадении значений личных и возвратных местоимений, и они проводят аналогию: *хам — энё; ху, хав — эсё; хйй — вёл*. На первый взгляд это кажется правдой. Если личные местоимения сопоставить с возвратными: *энё* «я» — *хам* «я сам»; *эсё* «ты» — *ху, хав* «ты сам»; *вёл* «он (она)» — *хйй* «он сам», «она сама», то на первый взгляд присутствует явное «равновесие значений». Но языковая дей-

ствительность глубже поверхностных сравнений и сопоставлений. Значение «собственный», которого нет у местоимения *эпё* «я», передаётся падежной формой *ман*, *манӑн*. Смысл выражения *Хамшиӑн хам тӑрӑшатӑп* «Сам за себя стараюсь» невозможно передать с помощью личного местоимения *эпё* «я» или его падежных форм. То же следует сказать о выражении *Хам кӑсӑпа хам куртӑм* «Я видел сам своими глазами»: невозможно заменить местоимение *хам* личным местоимением *эпё* или генетивной формой *ман(ӑн)*. Хотя у возвратного местоимения *ху*, *хӑв* «ты сам» и проявляется значение «твой, свой» (*Ху чӑлхӑне калац* «Говори на своём языке»), это *ху* заменить личным местоимением *эсё* или генетивной формой *сан* «твой» невозможно. Не наблюдается общих тенденций к сочетаемости с другими словами также у возвратного местоимения *хӑй* и личного местоимения *вӑл*: *хӑйне майлӑ* «самобытный, своеобразный, оригинальный», нельзя выразить смысл этой фразы сочетанием *вӑл майлӑ*. То же следует сказать о выражениях *хӑйне хӑй мухтани* «самовосхваление», *хӑйне хӑй сыхлани* «самосохранение».

Таким образом, с точки зрения внешней валентности (сочетаемости с другими словами) личные местоимения *эпё* «я», *эсё* «ты», *вӑл* «он, она» и лично-возвратные местоимения *хам* «я сам», *ху*, *хӑв* «ты сам», *хӑй* «он сам», «она сама» не всегда совпадают, а это даёт повод говорить об отсутствии абсолютного совпадения значений этих местоимений. Ср. также: *хам тӑллӑн* «я сам (самостоятельно)», *ху тӑллӑн* «ты сам (самостоятельно)», *хӑй тӑллӑн* «он(а) сам(а) (самостоятельно)»; *хамӑр тӑллӑн* «мы сами (самостоятельно)», *хӑвӑр тӑллӑн* «вы сами (самостоятельно)», но невозможно сказать: *эпё (эсё)*, *вӑл*, *эпир (эсир)* *тӑллӑн*.

Единичность и множественность лиц

В современном чувашском языке имеются следующие лично-возвратные местоимения: *хам* «я сам», *ху*, *хӑв* «ты сам», *хӑй* «он сам»; для указания на множественность лиц: *хам-ӑр* «мы сами», *хӑв-ӑр* (диал.: *ху-сам-ӑр*, *хӑв-а-сам*) «вы сами», *хӑйсем* «они сами», являющиеся объектами формоизменяемой морфологии.

Аффиксом множественности для форм 1 и 2 лица выступает *-ӑр*, а 3 лица *-сем*. В местоимении *ху-сам-ӑр* представлены два вида аффикса множественного числа: *-сам* (сингармоничный вариант аффикса *-сем*) и *-ӑр*.

Категория времени

Прошедшее состояние лиц передаётся аффиксом *-чӗ (-чӗӗ)*. Поскольку аффикс *-чӗ (-чӗӗ)* может следовать почти за всеми падежными аффиксами, формы времени лично-возвратных местоимений могут быть объектами как словоизменения, так и формоизменения: *хамчӗ* «я сам (был)», *хӑвчӗ* «ты сам (был)», *хӑйчӗ* «он сам (был)», *хамӑрчӗ* «мы сами (были)», *хӑвӑрчӗ* «вы сами (были)», *хӑйсемчӗ* «они сами (были)»; *Кӗнеки хамӑнчӗ* «Книга была моя»; *Ачам хампачӗ* «Ребёнок мой был со мной»; *Укса хамрачӗ* «Деньги были при мне».

Категории падежа и склонения

В чувашском языкознании представлены очень скудные сведения о склонении лично-возвратных местоимений. По мнению Н.А. Андреева, «формы 1 и 2 лица... склоняются как имена существительные без аффикса принадлежности, а форма 3 лица — как имена с аффиксом принадлежности 3 лица» [17, с. 128]. И.П. Павлов, считая склонение этих местоимений очень простым, даже не приводит парадигму склонения [118, с. 187—189]. Между тем склонение лично-возвратных местоимений имеет свои особенности. Местоимения 1 лица *хам*, *хамӑр* склоняются по основному типу, но им не чуждо и притяжательное склонение.

Традиционно склонение лично-возвратных местоимений представляется в следующем виде:

Осн.	<i>хам</i>	<i>хӑв (ху)</i>	<i>хӑй</i>
Прит.	<i>хамӑн</i>	<i>хӑвӑн</i>	<i>хӑйӗн</i>
Дат.	<i>хама</i>	<i>хӑвна</i>	<i>хӑйне</i>
Мест.	<i>хамра</i>	<i>хӑвӑнта (хунта)</i>	<i>хӑйӗнче</i>
Исх.	<i>хамран</i>	<i>хӑвӑнтан (хунтан)</i>	<i>хӑйӗнчен</i>
Твор.	<i>хампа</i>	<i>хӑвӑнна (хупна)</i>	<i>хӑйпе</i>
Лиш.	<i>хамсӑр</i>	<i>хӑвӑнсӑр (хусӑр)</i>	<i>хӑйсӗр</i>
Прич.	<i>хамшиӑн</i>	<i>хӑвӑншиӑн (хушиӑн)</i>	<i>хӑйшиӗн</i>
Осн.	<i>хамӑр</i>	<i>хӑвӑр</i>	<i>хӑйсем</i>
Прит.	<i>хамӑрӑн</i>	<i>хӑвӑрӑн</i>	<i>хӑйсен</i>
Дат.	<i>хамӑра</i>	<i>хӑвӑра</i>	<i>хӑйсене</i>
Мест.	<i>хамӑрта</i>	<i>хӑвӑрта</i>	<i>хӑйсенче</i>
Исх.	<i>хамӑртан</i>	<i>хӑвӑртан</i>	<i>хӑйсенчен</i>
Твор.	<i>хамӑрпа</i>	<i>хӑвӑрпа</i>	<i>хӑйсемпе</i>
Лиш.	<i>хамӑрсӑр</i>	<i>хӑвӑрсӑр</i>	<i>хӑйсемсӗр</i>
Прич.	<i>хамӑршиӑн</i>	<i>хӑвӑршиӑн</i>	<i>хӑйсемшиӗн</i>

Местоимения 2 и 3 лица *хӑв* (*ху*) и *хӑй* склоняются по смешанному типу: падежные аффиксы присоединяются то к форме основного падежа, то к форме притяжательного падежа на *-ӑн* (*-ён*). То же нужно сказать о местоимении 3 лица *хӑйсем*. А местоимение 2 лица *хӑвӑр* относится к основному типу склонения. Однако все они могут склоняться и по притяжательному типу.

Считаем, что есть необходимость сравнить склонение фонетических вариантов местоимения 2 лица *ху* и *хӑв*, представив их в следующем виде:

Осн.	<i>ху</i>	<i>хӑв</i>	
Прит.	<i>хун</i>	<i>хӑвӑн</i>	
Дат.	<i>хуна</i>	<i>хӑвна</i>	
Мест.	<i>хунта</i>	<i>хӑвӑнта</i>	
Исх.	<i>хунтан</i>	<i>хӑвӑнтан</i>	
Твор.	<i>хупа</i>	<i>хӑвӑнна</i>	ср.: <i>хӑвна</i>
Лиш.	<i>хусӑр</i>	<i>хӑвӑнсӑр</i>	<i>хӑвсӑр</i>
Прич.	<i>хушӑн</i>	<i>хӑвӑншӑн</i>	<i>хӑвшӑн</i>

В учебной практике постоянно напоминают обучающимся «о правильности и неправильности» форм *хупа* — *хӑвӑнна*, *хусӑр* — *хӑвӑнсӑр*, *хушӑн* — *хӑвӑншӑн* [122, с. 57], это сохранилось и в учебниках нового поколения. Но вряд ли уместно при этом говорить о нарушении литературной нормы, если обе эти формы широко бытуют в речи чувашей.

Формоизменяемый характер категории склонения лично-возвратных местоимений хорошо проявляется при сопоставлении типов склонения:

	Основное склонение		Притяжательное склонение	
Осн.	<i>хам</i>	<i>хамӑр</i>	<i>хам</i>	<i>хамӑр</i>
Прит.	<i>хамӑн</i>	<i>хамӑрӑн</i>	<i>хамӑн</i>	<i>хамӑрӑн</i>
Дат.	<i>хама</i>	<i>хамӑра</i>	<i>хамӑнне</i>	<i>хамӑрӑнне</i>
Мест.	<i>хамра</i>	<i>хамӑрта</i>	<i>хамӑнче</i>	<i>хамӑрӑнче</i>
Исх.	<i>хамран</i>	<i>хамӑртан</i>	<i>хамӑнчен</i>	<i>хамӑрӑнчен</i>
Твор.	<i>хампа</i>	<i>хамӑрпа</i>	<i>хамӑнпе</i>	<i>хамӑрӑнпе</i>
Лиш.	<i>хамсӑр</i>	<i>хамӑрсӑр</i>	<i>хамӑнсӑр</i>	<i>хамӑрӑнсӑр</i>
Прич.	<i>хамшӑн</i>	<i>хамӑршӑн</i>	<i>хамӑншӑн</i>	<i>хамӑрӑншӑн</i>

Притяжательное склонение лично-возвратных местоимений не было представлено до сих пор потому, что отождествлялось со склонением субстантивных форм лично-притяжательных местоимений на *-и*: *хамӑнни* «то, что принадлежит мне

самому (самой)», *хайвӑнни* «то, что принадлежит тебе самому (самой)», *хайёӑнни* «то, что принадлежит ему самому (ей самой)» [17, с. 147—149].

	Смешанное склонение		Притяжательное склонение	
Осн.	<i>хай</i>	<i>хайсем</i>	<i>хай</i>	<i>хайсем</i>
Прит.	<i>хайёӑн</i>	<i>хайсен</i>	<i>хайёӑн</i>	<i>хайсен</i>
Дат.	<i>хайне</i>	<i>хайсене</i>	<i>хайёӑнне</i>	<i>хайсенне</i>
Мест.	<i>хайёӑнче</i>	<i>хайсенче</i>	<i>хайёӑнче</i>	<i>хайсенче</i>
Исх.	<i>хайёӑнчен</i>	<i>хайсенчен</i>	<i>хайёӑнчен</i>	<i>хайсенчен</i>
Твор.	<i>хайне</i>	<i>хайсемпе</i>	<i>хайёӑнпе</i>	<i>хайсенпе</i>
Лиш.	<i>хайсёр</i>	<i>хайсемсёр</i>	<i>хайёӑнсёр</i>	<i>хайсенсёр</i>
Прич.	<i>хайиёӑн</i>	<i>хайсемиёӑн</i>	<i>хайёӑниёӑн</i>	<i>хайсениёӑн</i>

Примеры: *Хайсене хайсем паттӑрла тыткаласӑӑ* «Ведут себя как герои»; *Хайсен кун-сулне хёрхенмен* «Не жалели своей жизни»; *Пирён кёнекесене илесӑӑ вёсем, хайсенне илсен вӑрсаӑӑ* «Сами берут наши книги, если берём их — ругаются»; *Хайсенчен ирттермесӑӑ* «Не дают обогнать себя»; *Пирён кёресесене вараласа пётёрнё, хайсенне пёртте усӑ курмасӑӑ* «Наши лопаты они испачкали, своими вовсе не пользуются»; *Хайсенсёр пусне кёршиёсен лашине те кълсе кайнӑ* «Кроме своей лошади, запрягли и соседскую»; *Пирён ачасене шеллемесӑӑ, хайсениёӑн чунне пама хатёр* «Наших детей не жалеют, за своих готовы жизнь отдать».

Категория выделительности

Формоизменяемая категориальная форма выделительности (выделения) строится на основе притяжательного падежа лично-возвратных местоимений, т.е. относится к формоизменению:

единичность обладателя и предмета

- 1 л. *хам-ӑнн-и* «то, что принадлежит мне самому (самой)»
- 2 л. *хайвӑнни* «то, что принадлежит тебе самому (самой)»
- 3 л. *хайёӑнни* «то, что принадлежит ему самому (ей самой)»;

множественность обладателей и единичность предмета

- 1 л. *хамӑрӑнни* «то, что принадлежит нам самим», «наш, свой»
- 2 л. *хайвӑрӑнни* «то, что принадлежит вам самим», «ваш, свой»
- 3 л. *хайсенни* «то, что принадлежит им самим», «их, свой»

Лично-возвратные местоимения в форме выделения изменяются по падежам и числам:

Осн.	<i>хамӑрайни</i> «наш, свой»	<i>хамӑрайнисем</i> «наши, свои»
Прит.	<i>хамӑрайнин</i>	<i>хамӑрайнисен</i>
Дат.	<i>хамӑрайнине</i>	<i>хамӑрайнисене</i>
Мест.	<i>хамӑрайнинче</i>	<i>хамӑрайнисенче</i>
и т.д.		

Категория уподобления на *-шкал (-шкел)*

Эта форма образуется посредством присоединения аффикса *-шкал (-шкел)* к форме дательного падежа: *хамашкал* «подобный мне», *хӑвнашкал* «подобный тебе», *хӑйнешкел* «подобный ему (ей)»; формы *хамӑрашкал*, *хӑвӑрашкал*, *хӑйсенешкел* употребляются в основном в разговорной речи.

На основе уподобительной формы лично-возвратных местоимений образуются:

1) уподобительно-выделительная форма (*хамашкалли — хамашкалскер* «тот, кто похож на меня»; *хӑвнашкалли — хӑвнашкалскер* «тот, кто походит на тебя»; *хӑйнешкелли — хӑйнешкелскер* «тот, кто похож на него (на неё)»). Эти формы имеют полную парадигму склонения;

2) уподобительно-сравнительная форма (*хамашкалтарак* «чуть похожий на меня самого (саму)», *хӑвнашкалтарак* «чуть похожий на тебя самого (саму)», *хӑйнешкелтерек* «чуть похожий на него самого (на неё саму)»);

3) уподобительно-сравнительно-выделительная форма (*хамашкалтаракхи, хӑвнашкалтаракхи, хӑйнешкелтерекхи*). Эта форма может принять аффикс множественного числа *-сем*: *хамашкалтаракхисем, хӑвнашкалтаракхисем, хӑйнешкелтерекхисем*.

Эти формы и их формы множественного числа в свою очередь имеют полную парадигму склонения.

В. Словоизменение и формоизменение указательных местоимений

В чувашском языке имеются следующие указательные местоимения: *сак, сакӑ* «тот»; *сав, савӑ* «тот»; *леш, лешӗ* «тот»; *ку* «этот».

В их число включают также слова *хай* «этот» и его выделительные формы *хайхи, хайхискер* [17, с. 129, 132; 118, с. 185]. На наш взгляд, слово *хай* не может быть указательным местоимением, потому что оно не принимает категориальные формы,

присущие местоимениям, и должно быть причислено к указательным частицам.

Слова *апла, с̣апла, капла* [17, с. 129, 133] также не могут быть в числе указательных местоимений, их целесообразнее считать наречиями.

Категория множественного числа

Формы множественного числа указательных местоимений являются объектом словоизменения. Аффикс *-сем* (*ку — кусем, с̣ав — с̣авсем, с̣ак — с̣аксем, леш — лешсем*) принимают все указательные местоимения при употреблении их в субстантивной функции, когда в их семантике появляется больше значения предметности. Употребляясь в атрибутивной функции, они аффикс множественного числа не принимают (ср.: *ку сын* «этот человек», *леш кёнеке* «та книга», *с̣ав ача* «этот ребёнок», *с̣ак кёпер* «этот мост»).

Категории прошедшего времени и усиления

Указательные местоимения с аффиксом *-чѣ (-ччѣ)* выражают прошедшее состояние, т.е. они имеют категорию прошедшего времени: *с̣авӓ — с̣авӓччѣ, леш — лешчѣ*. Не чужда им также категория усиления: *с̣ак — с̣аках, с̣ав — с̣авах, леш — лешех*. Так как эти форманты присоединяются ко всем указательным местоимениям, формы, образованные ими, относятся к сфере словоизменения.

Категории падежа и склонения

При склонении указательных местоимений, выражающих единичность лица или предмета, формоосновой косвенных падежей является притяжательный падеж, значит, их склонение относится к притяжательному типу:

Осн.	<i>ку</i>	<i>с̣ак</i>	<i>с̣ав</i>
Прит.	<i>ку-н</i>	<i>с̣ак-ӓн</i>	<i>с̣ав-ӓн</i>
Дат.	<i>ку-н-а (кӓ-н-а)</i>	<i>с̣ак-н-а</i>	<i>с̣ав-н-а</i>
Мест.	<i>ку-н-та</i>	<i>с̣ак-ӓн-та</i>	<i>с̣ав-ӓн-та</i>
Исх.	<i>ку-н-тан</i>	<i>с̣ак-ӓн-тан</i>	<i>с̣ав-ӓн-тан</i>
Твор.	<i>ку-н-па</i>	<i>с̣ак-ӓн-па</i>	<i>с̣ав-ӓн-па</i>
Лиш.	<i>ку-н-сӓр</i>	<i>с̣ак-ӓн-сӓр</i>	<i>с̣ав-ӓн-сӓр</i>
Прич.	<i>ку-н-шӓн</i>	<i>с̣ак-ӓн-шӓн</i>	<i>с̣ав-ӓн-шӓн</i>

Долгое время исследователи не могли объяснить суть «вставляемых» между основой слова и падежными аффиксами «отрезков» *-ӕн (-ӕн, -н)*, считали их «ничего не значащими отрезками», но склоняемыми основами все же считали *кун, ҫакӕн, ҫавӕн, лешӕн* [122, с. 58].

При этом появление *-ӕн (-ӕн, -н)* при склонении указательных местоимений не связано с выделительной формой на *-и*.

Существуют два подтипа притяжательного склонения указательных местоимений:

Осн.	<i>ҫак</i>	<i>леш</i>	<i>ҫакӕ</i>	<i>лешӕ</i>
Прит.	<i>ҫак-ӕн</i>	<i>леш-ӕн</i>	<i>ҫакӕ-н</i>	<i>лешӕ-н</i>
Дат.	<i>ҫак-н-а</i>	<i>леш-н-е</i>	<i>ҫакӕ-нн-е</i>	<i>лешӕ-нн-е</i>
Мест.	<i>ҫак-ӕн-та</i>	<i>леш-ӕн-че</i>	<i>ҫакӕ-н-че</i>	<i>лешӕ-н-че</i>
Исх.	<i>ҫак-ӕн-тан</i>	<i>леш-ӕн-чен</i>	<i>ҫакӕ-н-чен</i>	<i>лешӕ-н-чен</i>
Твор.	<i>ҫак-ӕн-па</i>	<i>леш-ӕн-пе</i>	<i>ҫакӕ-н-пе</i>	<i>лешӕ-н-пе</i>
Лиш.	<i>ҫак-ӕн-сӕр</i>	<i>леш-ӕн-сӕр</i>	<i>ҫакӕ-н-сӕр</i>	<i>лешӕ-н-сӕр</i>
Прич.	<i>ҫак-ӕн-шӕн</i>	<i>леш-ӕн-шӕн</i>	<i>ҫакӕ-н-шӕн</i>	<i>лешӕ-н-шӕн</i>

Некоторые падежные формы отличаются друг от друга не только алломорфами, но и выражаемыми ими значениями. Ср.: *Лешне ан тивӕр* «Другого не трогайте»; *Лешӕнне ан тивӕр* «Не трогайте вещи того, т.е. принадлежащие тому»; *ҫакӕнна вӕҫ-летпӕр* «На этом и закончим»; *Хамӕр япаласене рюкзакӕ чикрӕмӕр, ҫакӕнне мӕн тумалине пӕлместпӕр* «Свои вещи мы уложили в рюкзак, а что делать с вещами этого (человека), не знаем».

В форме множественного числа эти местоимения изменяются не только по смешанному, но и по притяжательному типу склонения:

Осн.	<i>ҫаксем</i>	<i>лешсем</i>	<i>ҫаксем</i>	<i>лешсем</i>
Прит.	<i>ҫаксен</i>	<i>лешсен</i>	<i>ҫаксен</i>	<i>лешсен</i>
Дат.	<i>ҫаксене</i>	<i>лешсене</i>	<i>ҫаксенне</i>	<i>лешсенне</i>
Мест.	<i>ҫаксенче</i>	<i>лешсенче</i>	<i>ҫаксенче</i>	<i>лешсенче</i>
Исх.	<i>ҫаксенчен</i>	<i>лешсенчен</i>	<i>ҫаксенчен</i>	<i>лешсенчен</i>
Твор.	<i>ҫаксемпе</i>	<i>лешсемпе</i>	<i>ҫаксенпе</i>	<i>лешсенпе</i>
Лиш.	<i>ҫаксемсӕр</i>	<i>лешсемсӕр</i>	<i>ҫаксенсӕр</i>	<i>лешсенсӕр</i>
Прич.	<i>ҫаксемшӕн</i>	<i>лешсемшӕн</i>	<i>ҫаксеншӕн</i>	<i>лешсеншӕн</i>

Формы *ҫаксене* и *ҫаксенне* также отличаются выражаемыми значениями. Когда говорим *ҫаксене*, имеем в виду тех, о ком говорим, *ҫаксенне* — вещи, которые им принадлежат. Форма *ҫаксене* говорит о том, что действие направлено на сам объект, а форма *ҫаксенне* — на предмет объекта.

Категория уподобления на *-шкал (-шкел)*

Форма уподобления на *-шкал (-шкел)* образуется от всех указательных местоимений при употреблении в атрибутивной функции (*кунашкал* «подобный этому», *савнашкал* «подобный тому», *сакнашкал* «подобный этому»). В свою очередь она может быть основой для образования:

1) уподобительно-выделительной формы: *кунашкалли*, *кунашкалскер*, *сакнашкалли*, *сакнашкалскер*, которые изменяются по числам и падежам:

Осн.	<i>кунашкалли</i>	<i>савнашкаллисем</i>
Прит.	<i>кунашкаллин</i>	<i>савнашкаллисен</i>
Дат.	<i>кунашкаллине</i>	<i>савнашкаллисене</i>
Мест.	<i>кунашкаллинче</i>	<i>савнашкаллисенче</i>
Исх.	<i>кунашкаллинчен</i>	<i>савнашкаллисенчен</i>
Твор.	<i>кунашкаллипе</i>	<i>савнашкаллисемпе</i>
Лиш.	<i>кунашкаллисёр</i>	<i>савнашкаллисемсёр</i>
Прич.	<i>кунашкаллишён</i>	<i>савнашкаллисемшён</i>

2) уподобительно-сравнительной формы: *кунашкалтарах*, *сакнашкалтарах*, *савнашкалтарах*, *леинешкелтерех*;

3) уподобительно-сравнительно-выделительной формы: *кунашкалтараххи*, *сакнашкалтараххи*, которые изменяются по падежам, склоняются также их формы с аффиксом множественного числа *-сем*.

Г. Словоизменение, формоизменение и формообразование вопросительных местоимений

Вопросительными местоимениями в чувашском языке являются *кам* «кто», *мён* «что», *хйш(ё)* «который», *мице* «сколько».

Мёнке является уподобительной формой вопросительного местоимения *мён*.

Слово *епле* не может считаться местоимением, его морфологические особенности отличаются от свойств других вопросительных местоимений. *Епле*, как и слова *апла*, *капла*, *сапла* со связанными корнями, относится к наречиям.

Словосочетание *мён чухлё* (или *мён чул*) нельзя считать одним словом, поэтому оно выпадает из числа морфологических слов, значит, из числа местоимений тоже.

Категория множественного числа

Все вопросительные местоимения употребляются во множественном числе: *камсем, мёнсем, хйиёсем*.

Местоимение *мице*, принимая аффикс *-сем*, выражает значение временной неопределённости, приблизительности: *Мице-сем тёллелле килмелле?* «Ко скольким (часам) нужно подойти?»

Категории падежа и склонения

Местоимение *кам* склоняется по двум типам, а для местоимения *мён* характерно лишь основное склонение:

Осн.	<i>кам</i>	<i>кам</i>	<i>мён</i>
Прит.	<i>камён</i>	<i>камён</i>	<i>мёнён</i>
Дат.	<i>кама</i>	<i>камённе</i>	<i>мёне</i>
Мест.	<i>камра</i>	<i>камёнче</i>	<i>мёнте</i>
Исх.	<i>камран</i>	<i>камёнчен</i>	<i>мёнтен</i>
Твор.	<i>кампа</i>	<i>камёнпе</i>	<i>мёнпе</i>
Лиш.	<i>камсёр</i>	<i>камёнсёр</i>	<i>мёнсёр</i>
Прич.	<i>камшён</i>	<i>камёншён</i>	<i>мёншён</i>

Примеры: *Камён кёнеки ку?* «Чья эта книга?»; *Камённе сумкине ййтса пулшмалла?* «Чью сумку помочь нести?»; *Камённе шалу чакармалла?* [А, VI, с. 48] «Чьё жалованье понизить?»; *Ман тетрадьсем сан сумкара, кёнекесем камёнче вара?* «Тетради мои в твоей сумке, а книги в чьей?»; *Сан аттусем камёнчен пысак?* «Твои сапоги просторней чьих?»; *Камёнпе усё курмаллине хамах пёлетён* «Сам знаю, чьим пользоваться»; *Леш камёнсёр, калаймарём-ха, Максём Мишинсёр пуэне, ачасем пурте киле таврэннэ* «Все дети вернулись домой, кроме как, не вспомню сразу, у Максимова Михаила»; *Камёншён хытэ сунтёр-ха эсир ун чухне?* «Ради чьего (добра) вы так тогда старались?»

Местоимение *хйиё* склоняется только по притяжательному типу, а местоимению *мице* присуще основное склонение:

Осн.	<i>хйиё(ё)</i>	<i>мице</i>
Прит.	<i>хйиё-ён</i>	<i>мицен</i>
Дат.	<i>хйиё-н-е</i>	<i>мицене</i>
Мест.	<i>хйиё-ён-че</i>	<i>мицере</i>
Исх.	<i>хйиё-ён-чен</i>	<i>мицерен</i>
Твор.	<i>хйиё-ён-пе</i>	<i>мицене</i>
Лиш.	<i>хйиё-ён-сёр</i>	<i>мицесёр</i>
Прич.	<i>хйиё-ён-шён</i>	<i>мицешён</i>

Таким образом, при склонении вопросительных местоимений переплетаются вопросы слово- и формоизменения.

Формоизменяемые и формообразовательные формы

Местоимение *мён* может иметь категориальную форму уподобления *мёнешкел* «какой», «чему подобный», «что за» (*Мёнешкел паха!* «До чего хорош!»). По этому образцу можем сказать *камашкал* (*Камашкал пулнй въл?* «На кого он похож?»). Но в чувашском языке нет формы *мищешкел*.

Некатегориальная выделительная форма местоимения *мён* — *мёскер-мёнскер* — имеет значение «что» (или «кто») с более конкретным выражением (*Мёскер тыващсё-ши вёсем унта?* [А, VIII, с. 348] «Что они делают там?»). Эта форма, в свою очередь, может иметь некоторые падежные формы, т.е. неполную парадигму склонения: *мёскерпе* «чем» — творительный падеж; *мёскершён* «за что» — причинный падеж, а также достаточную форму: *мёскерлэх* «для чего», «на что» (*Ку мунчана мёскерлэх хатёрлесе хунй?* «Для чего затоплена эта баня?»). Уподобительная форма *мёскерле* «каким образом» принимает вторично аффикс выделения *-скер*: *мёскерлескер* «какой», «что за»: *Мёскерлескер* (выражается недовольство говорящего лица) *ку тата сёр сёмёрттерсе килет!* [А, VIII, с. 348] «Кого ещё несёт!»

Мён также может иметь личную форму: *мёнём* (*Михетере мён ситмен. Мёнём сук-ши суртймра* «В чём нужда у Михедера. / Чего только нет в избе»); *мёнў* (*Санйн унта мёнў пур, мёнў пур?* — *Манйн унта чёппём пур, чёппём пур* «Что там у тебя есть, что есть? — У меня там птенчик есть, птенчик есть»); *мёнё* (*Ёсё мёнё темех сук-ха* «Работы так таковой нет»). Н.И. Ашмарин пишет, что местоимение *мён* с формантом лица прибавляется к существительным для обобщения «в значении русского “со всем и с...” для того, чтобы показать, что известное действие или состояние распространяется на предмет со всеми его принадлежностями», при этом аффиксы лица (у автора — притяжательные суффиксы) сохраняют «правильную постановку, сообразно лицу, к которому они относятся — *Въл мана сыран хёрринчен лашам мёнёпех тёртсе ячё* “Он столкнул меня с берега со всем и с лошадей...”»; *Манйн уксана тахйшё енчёкё мёнёпех илсе кайнй* “Кто-то унёс мои деньги со всем и с кошельком”» [21, I, с. 367—369];

Местоимение *мице* (диал. *миңсе, минче*) этимологически восходит к форме местоимения *мён*: по В.Г. Егорову, *мин-*, *нен-*, *нин-*, *кан-*, *хан-* представляют в тюркских языках древнюю основу местоимения в значении «что», а аффиксы *-сё*, *-че*, *-ча*, *-ше* восходят к персидскому *чанд* «сколько»: *мён* + *чанд* > *мёнче* > *миңсе* > *мице* «сколько» [75, с. 134]. Встречается некатегориальная разделительная форма на *-шар* (*-шер*) местоимения *мице*: *Мицешер улма лекрё сире?* «По сколько яблок вам досталось?»

Вопросительное местоимение *хйш* также имело раньше личные формы: *хйшаймър* «кто из нас», *хйшър* «кто из вас», *хйше* «кто из них». Формы *хйшаймър*, *хйшър* в современном чувашском малоупотребительны, форма 3 лица *хйше* некоторыми лингвистами не воспринимается за форму 3 лица, многие считают ее полной формой, а краткой считается *хйш*.

По данным словаря Н.И. Ашмарина, *мице* может иметь форму 3 лица *мицёш* (*Эсё мицёшине илтён?* «Сколько из них ты взял?»), форму предельности *мицичен* ~ *мисеччен* (*Эх, суркунне, мицичен аса килен виличен* «Ах, весна, сколько раз вспомню до конца дней моих»), форму исходного падежа с аффиксом притяжательного падежа в парном слове *мисентен-мисен*, *минчен* (*Микулай мисентен-мисен хытй чуна пусларё* «Николай начал бегать все сильнее и сильнее»), форму уподобления на *-ла* (*-ле*): *минчелле* (*Ачасем, минчелле выляс?* «Ребята, сколько раз будем играть?») или *минченле* «сколько, в каком количестве» [А, VIII, с. 247]. При склонении местоимения *мице* форма дательного падежа может быть представлена в двух вариантах: *мицене* (*Мицене ситрён вара эсё?* «Сколько же сейчас тебе лет?») и *миценне* (— *Мицен пулнй вара вёсем?* — *Миценне эпё калама пултараймастйп* «— Сколько же было человек? — Сколько их было, я сказать не могу»).

Д. Определённые (определятельные) местоимения

Из единиц, традиционно относящихся к определённым местоимениям [17, с. 143—145; 118, с. 186—187; 154, с. 349—350], в качестве таковых мы рассматриваем только *кашни* «каждый», *пурте* «все», «всякий», *пур* «весь, все».

Включение в число местоимений сочетаний слов *кирек кам*, *кирек мён*, *кирек хйше*, *кирек те мице*, *кирек мён чухлё*, *кирек мёнле* следует также считать недоразумением, ибо здесь фигурирует

не одно слово, а два или три: *кирек* — частица, *кам*, *мён* — местоимения, *те* — частица.

То же нужно сказать о сочетаниях слов *кам та пулин* (*пулсан*), *мён те пулин* (*пулсан*), *епле те пулин* (*пулсан*), *мице те пулин* (*пулсан*), в которых В.Г. Егоров слова *пулин*, *пулсан* считает неопределёнными частицами, и, по его мнению, «присоединяясь к относительным местоимениям и наречиям, они образуют неопределённые местоимения и наречия» [73, с. 336]. Он считает, что частица *пулин*, *пулсан* в сочетании с частицей *та* (*те*) употребляется также в значении уступительных союзов. Следовательно, по утверждению В.Г. Егорова получается, что в составе неопределённых местоимений *кам та пулин* (*пулсан*), *мён те пулин* (*пулсан*) частицы *пулин* (*пулсан*) и *та* (*те*) играют словообразовательную роль. Если согласиться с таким мнением, сочетание отдельных слов придётся считать средством словообразования. К тому же объектом морфологии не являются ни сочетания слов, ни их комбинации. А слова *пётём*, *мёнтур* «весь», *харпёр* (*харпёр*) «каждый», *тепёр* «другой», *вещ* «все» следует отнести к наречиям: они не имеют формы множественного числа, не склоняются, не имеют категориальной формы уподобления на *-шкал* (*-шкел*).

Хотя местоимения *пур*, *пурте*, *кашини* по числам не изменяются, числовое значение в них выражается лексически, т.е. в семантике каждого из них содержится намёк на множество.

Местоимение *пур* склоняется по притяжательному типу, однако здесь имеется одна особенность: в притяжательном и в других падежах, кроме дательного, вместо аффикса *-ён* мы имеем *-ин*; то же наблюдается и при склонении слово *пурте*:

Осн.	<i>пур</i>	<i>пурте</i>
Прит.	<i>пурин</i>	<i>пурин те</i>
Дат.	<i>пурне</i>	<i>пурне те</i>
Мест.	<i>пуринче</i>	<i>пуринче те</i>
Исх.	<i>пуринчен</i>	<i>пуринчен те</i>
Твор.	<i>пуринпе</i>	<i>пуринпе те</i>
Лиш.	<i>пуринсёр</i>	<i>пуринсёр те</i>
Прич.	<i>пуриниён</i>	<i>пуриниён те</i>

Особенностью правописания местоимения *пурте* во всех косвенных падежах является то, что частица *те* пишется отдельно от склоняемой основы после падежных аффиксов (как и следует частице).

То же происходит, когда *пурте* принимает аффиксы лица *пурсăмăр та* «все мы», *пурсăр та* «все вы», *пурĕ те* «все», «все-навсего».

Местоимение *пур* может быть в некатегориальной форме лица: *пурсăмăр* «все мы», *пурсăр* «все вы», *пурĕ*, *пурĕшĕ* «все». Форма 3 лица *пурĕ* имеет вариант *пурĕш*: *Кусем пурĕш те пĕр çулхи* [А, IX, с. 312] «Все они одногодки».

Местоимение *кашни* «каждый» имеет полную падежную парадигму.

Е. Об отрицательных и неопределённых местоимениях

Считается, что в чувашском языке давно установлено наличие отрицательных местоимений [17, с. 138]. Но в тюркологии этот вопрос является спорным. А.М. Щербак пишет: «Собственно тюркских отрицательных местоимений по существу нет» [190, с. 137]. Ещё почти семьдесят лет тому назад Н.К. Дмитриев отметил: «Во многих (тюркских. — В.С.) языках категория отрицательных местоимений или развита сравнительно слабо, или не развита, так сказать, за ненадобностью» [65, с. 108]. И по мнению Л.С. Левитской, «чувашские отрицательные местоимения — категория относительно новая» [99, с. 36].

Отрицательные местоимения чувашского языка, по мнению большинства чувашеведов, образуются от вопросительных местоимений *кам*, *мĕн*, *хăш* с помощью приставки-частицы (вернее, префикса. — В.С.) *ни-*: *никам* «никто», *нимĕн* «ничто», *нихăш* «некоторый» [17, с. 138; 118, с. 186; 154, с. 347], но нет формы *нимиçе* (ср. *темиçе* «несколько»).

Эти местоимения, по сравнению с вопросительными, редко принимают аффикс *-сем*; *никам*, *нимĕн* имеют полную парадигму склонения, а *нихăш* — неполную при основном склонении и полную — при притяжательном.

Включение в число отрицательных местоимений словоформы *нимĕнле* не выходит за рамки общих правил, в таком случае все словоформы следует считать самостоятельными отрицательными местоимениями: *нимĕнле*, *нимĕнре*, *нимĕнрен*, *нимĕншĕн*, *нимĕнсĕр*, а также *нимескер*, *нимсĕр*, *нимĕскерле*, *нимле*, *нимĕнсĕрех*.

На наш взгляд, отрицательные местоимения можно рассматривать не как отдельный разряд местоимений, а как отрицательную форму вопросительных местоимений, квалифицируя

приставку *ни-* в качестве формообразовательного префикса, хотя до сих пор считали её словообразовательным элементом.

Неопределённые местоимения, по мнению исследователей, образуются от вопросительных местоимений при помощи приставки-частицы *та-* (*те-*): *такам* «кто-то», *темён* «что-то», *тахайш* «некто», *темице* «несколько», сюда же относят слово *хайш-пёр* «некоторые», образованное сложением числительного *пёр* «один» и вопросительного местоимения *хайш* «который». Включение в число неопределённых местоимений словосочетаний типа *кам та пулин (пулсан)*, *мён те пулин (пулсан)*, *мёскер те пулин (пулсан)*, *епле те пулин (пулсан)*, *мице те пулин (пулсан)* [17, с. 140] следует считать недоразумением.

Местоимения *такам*, *тахайш* имеют категорию множественного числа: *такамсем*, *тахайшем*, однако форма *темёнсем* употребляется лишь в разговорной речи: *Темёнсем каласа тултарчĕ* «Наговорил много ненужного». А *хайш-пёр* принимает аффикс множественного числа лишь в выделительной форме на *-и*: *хайш-пёрисем* «некоторые». При этом числительное *пёр* в слове *хайш-пёр* выражает значение неопределённости, ср.: *хайĕ-пĕри* «кое-кто».

По поводу неопределённых местоимений у нас сложилось такое же мнение, что и об отрицательных: они являются не особой группой, а лишь неопределёнными формами вопросительных местоимений, а *та-* (*те-*) — это формообразовательный префикс.

ИМЕННЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ КАТЕГОРИАЛЬНЫХ И НЕКАТЕГОРИАЛЬНЫХ ФОРМ

К именным частям речи мы относим имена существительные, прилагательные, числительные и местоимения. Местоимения представляют собой группу особых заместительных слов с действительской функцией и образуют группу, параллельную именным частям речи, хотя не всегда способны замещать существительные, прилагательные и числительные, тем не менее они включаются в число именных частей речи.

Именные части речи в семантическом плане противопоставлены друг другу с наибольшей степенью явности. Имена существительные обладают значением предметности, имена прилагательные выражают значение качества, а числительные — значение количества предметов.

В основе классификации частей речи лежит не только семантический, но и грамматический признак, т.е. слова подразделяются на части речи в зависимости от их общих грамматических значений. Общие грамматические значения складываются на основе имеющихся в том или ином языке категориальных и некатегориальных форм. Частные грамматические категориальные и некатегориальные формы сопутствуют определенным частям речи, являясь их опознавательными знаками.

В чувашском языкознании по образцу русских грамматических учений до сих пор говорили только о словоизменении, забывая при этом об отношении чувашского языка к агглютинативным языкам, русского — к флективным. Агглютинативность чувашского языка выдвигает перед исследователем задачу усовершенствования методики исследования, позволяющей осветить морфологическую систему чувашского языка. Поэтому наряду со словоизменением в чувашском языке мы отмечаем наличие формоизменения и формообразования, а на их основе выдвигаем категориальные и некатегориальные формы для разграничения морфологических явлений.

Если до сих пор имя существительное в чувашском языке характеризовалось наличием категориальных форм числа, падежа и принадлежности, то сейчас отмечаем, что ему присущи ещё категории склонения, времени и усиления. Известно, что даже в близкородственных тюркских языках последние две категориальные формы отсутствуют. В типологическом плане категория времени отмечена у существительного ненецкого языка [171, с. 378].

Исследование вопросов формоизменения (словоформоизменения) дало повод говорить о трёх типах склонения в чувашском языке, что в свою очередь позволяет в чувашском языке выделить не только категорию падежа, но и категорию склонения.

Морфологические категории имени существительного в большинстве случаев трактуются как системы противопоставленных друг другу рядов морфологических форм с однородным содержанием. Не отрицая значимости грамматических оппозиций, мы имеем в виду, что содержательная структура грамматических категорий включает не только оппозиции, но и неоппозитивные различия. К примерам неоппозитивного типа имён существительных можно отнести категорию усиления, где

«неусиление» явно не выражено, категории времени и множественного числа. У прилагательных неоппозитивными типами являются категория сравнения, категория выделения (выделительности) на *-и*, *-скер*, категория образа действия.

К неоппозитивным типам категориальных форм имён числительных относятся категория порядковости, категория разделительности, категория образа действия.

У местоимений неоппозитивным типом является категория уподобления.

Всё это говорит о том, что в словоизменительной и формоизменительной системе, значит, в морфологии чувашского языка термин «привативное противопоставление» (или «привативная оппозиция»), заимствованный из фонологии или фонетики, в некоторых случаях неуместен.

Признание многообразия структурных типов грамматических категорий, включающих как оппозитивные, так и неоппозитивные отношения, способствует более глубокому и детальному изучению грамматической системы языка.

Если категориальная форма распространяется на всё множество элементов той части речи, которой она свойственна, то необходимо говорить о тотальности, универсальности явления, т.е. категориальным формам присущ принцип тотальности употребления. Некатегориальные формы характеризуются принципом избирательности употребления.

Термин «тотальный» означает «всеобщий, всеобъемлющий», но принцип тотальности в морфологии (в частности, при определении категориальных форм) не всегда означает всеобщий охват всех слов той или иной части речи. Здесь всегда могут быть исключения из общего правила. Вернее этот принцип можно назвать принципом большинства. Зная всё это заранее, используем термин «принцип тотальности» в качестве рабочего термина.

Считаем, что адекватный анализ категориальных и некатегориальных форм невозможен без специализированного обследования количественной стороны. Выявление частотности той или иной формы не должно оставаться на уровне констатации фактов. Применение количественного анализа должно привести исследователя к качественным выводам, т.е. при помощи количественных методов можно выявить определённые закономерности лингвистического порядка. На особенностях применения количественного анализа остановимся далее.

Признание оппозитивных и неопозитивных отношений грамматических категорий заставляет задуматься о принципе бинарности категорий, в которых один член оппозиции является немаркированным. Это явление наводит исследователей на мысль, что в агглютинативных языках морфологическая категория носит иногда неопозитивный характер и под грамматической категорией следует понимать отдельные формы с автономной семантикой, подчиняющиеся принципу тотальности употребления.

В современном языкознании морфологические классы слов (части речи) определяются по одному или нескольким признакам.

В соответствии с полидифференциальным принципом части речи определяются по совокупности трёх критериев: лексико-семантического, формального (морфологического), функционального (синтаксического).

Не умаляя роли лексико-семантического критерия, мы считаем, что основное внимание должно уделяться формальному (морфологическому) критерию: при распределении слов по частям речи необходимо учитывать наличие словоизменительных категориальных форм, а затем принимать во внимание некатегориальные формальные различия. Категориально-формальный (морфологический) критерий распределения слов по частям речи предполагает выделение таких аффиксов, которые распространяются на всё множество или большинство слов части речи и являются различительными признаками для формального выделения слов определённой группы.

В морфологии чувашского языка наглядно выделяются словоизменение, формоизменение и формообразование, наряду с ними следует различать структурные единицы — категориальные и некатегориальные формы, которые необходимы для производства словоформ при порождении высказывания. Всё это и является основополагающим моментом при описании морфологического строя чувашского языка.

К примеру, имена прилагательные в тюркских языках (в т.ч. в чувашском) до сих пор определялись лишь с точки зрения лексико-семантического критерия (например, имя прилагательное — такая часть речи, которая обозначает признак предмета); а свойством, отличающим прилагательное от существительного, считалось отсутствие у него словоизменительных категорий числа и падежа. Даже проскальзывает мнение, что «в алтайских языках трудно или вообще нельзя делить слова на имена

существительные и прилагательные по их формальным признакам» [176, с. 123].

Между тем имя прилагательное во всех тюркских языках отличается от имени существительного наличием главного опознавательного знака — категории сравнения, а у имени существительного категории сравнения нет, имеется лишь некатегориальная форма сравнения. Прилагательным присуща категория образа действия, а у существительных до категориального уровня она не развита.

Неправы те, кто считает, что имена прилагательные не изменяются ни по падежам, ни по числам. Имена прилагательные изменяются по числам и падежам, но на уровне не словоизменения, а формоизменения: категориальная форма выделения прилагательных на *-и*, *-скер* изменяется по числам и падежам.

Имена существительные изменяются по падежам не только при словоизменении, но и при формоизменении: принимают формант множественного числа *-сем* и склоняются.

Имена числительные отличаются от имён существительных и прилагательных не только тем, что они обозначают количество предметов, но и тем, что имеют разделительную, порядковую категориальные формы и категориальную форму образа действия. Категории множественного числа и падежа характерны для субстантивных имён числительных при словоизменении.

Итак, все именные части речи характеризуются разным набором основных грамматических категорий: категорией принадлежности — существительные; категорией сравнения — прилагательные; категориями порядковости и разделительности — числительные; категорией уподобления на *-шкал* (*-шкел*) — местоимения.

Кроме того, имеются грамматические категории времени, усиления, которые, как показывает материал чувашского языка, характерны не только для имён, но и для почти всех знаменательных частей речи, а также послелогов и некоторых подражательных слов.

Таким образом, грамматический строй чувашского языка представляет собой упорядоченную систему грамматических категориальных и некатегориальных форм, поэтому при морфологической классификации слов (по частям речи) необходимо разграничивать слова не только по лексико-семантическим и

деривационным, но и по морфологическим признакам. Морфологический признак является тем маяком, который более или менее точно указывает, к какой группе слов следует причислить ту или иную лексему.

Далее остановимся на способе количественного анализа для определения употребительности той или иной формы.

В развитой теории грамматических категорий качественный и количественный анализ необходим для чёткого ограничения категориальных форм от некатегориальных. Категориальные формы, как мы уже не раз отмечали, основаны на принципе тотальности употребления (с приблизительной оценкой «больше половины»), а некатегориальные основаны на принципе избирательности употребления (с приблизительной оценкой «меньше половины»); такая методика количественного анализа может быть названа симптоматической. Если речь идет о морфологических категориях, присущих тем или иным частям речи, то шкала «больше» означает больше половины (50 % и более) слов той части речи, в пределах которой рассматривается категориальная форма, шкала «меньше» сигнализирует о меньшей интенсивности употребления формы (иначе говоря, её интенсивность не достигает 50 % слов исследуемой части речи). Наряду с методикой количественного анализа с использованием приблизительных оценок «больше», «меньше», получила распространение статистическая методика, основанная на теории вероятности, т.е. при подсчётах должны учитываться размеры колебаний в каждом случае, средние числа и обработка полученных результатов согласно теории вероятности. Наряду с симптоматической методикой, этот вид анализа может быть назван лингвистическим или процентным.

При исследовании качественно-количественной характеристики категориальных и некатегориальных форм можно предложить два пути эксперимента. Первый — указание на употребительность («больше» или «меньше») умозрительно, исходя из практических знаний языка. Второй — выявление приблизительных оценок «больше» или «меньше» визуально: на основе «звезды» с определённым набором слов для каждого «крыла звезды». Например, надо определить, категориальной или некатегориальной является форма на *-шар (-шер)* существительных. Для выяснения вопроса необходимо нарисовать «звезду» с набором 25 слов разного ранга. Путём простого присоединения

к основам слов аффикса *-шар (-шер)* сопоставить результат по двум рубрикам:

1) так говорят: *улмашар* «каждому по (одному) яблоку», *кӳранташшар* «каждому по карандашу», *сехетшер* «по часу», *килограммшар* «по (одному) килограмму»;

2) так не говорят: *сушар*, *шившар*, *шухӳшшар*, *кӳмӳшшар*, *багашшар*, *гаражшар*, *Петяшар*, *Мускавшар*.

В результате получится, что аффикс *-шар (-шер)* присоединяется лишь к четырём основам из 25 приведённых. Если считать 25 слов за 100 %, то 4 слова составят 21 %. Значит, аффиксу *-шар (-шер)* в области существительных присущ принцип избирательности, т.е. словоформы с аффиксом *-шар (-шер)* могут быть отнесены лишь к некатегориальной форме разделительности существительных. Аффикс *-шар (-шер)* при существительных нельзя считать деривационным потому, что он выступает в синтаксической функции, служит для связи слов: *улмашар илтёмёр* «мы взяли по яблоку», *сехетшер ёслерёмёр* «мы работали по (одному) часу».

Естественно, количество слов в каждой рубрике можно взять не пять, а десять, двадцать, пятьдесят, сто и т.д., но от этого результативность аффикса *-шар (-шер)* не увеличится, он может потенциально присоединиться лишь к нарицательным именам, поддающимся распределению по одному, т.е. в основном к словам, относящимся к исчисляемым именам существительным.

Раздел 5

ГЛАГОЛ

Общие замечания

Под глаголом как аксиома понимается: 1) часть речи, обозначающая действие или состояние и выражающая эти значения в грамматических категориях времени, лица, числа, наклонения, аспекта, т.е. категориальное значение глагола как части речи составляет обозначение действия в его процессуальности; 2) «часть речи, которая выражает понятие о действии, движении, состоянии, процессе, явлении, которые происходили, происходят или будут происходить в объективной действительности» [136, с. 131] и передаёт эти значения в грамматических категориях лица, числа, аспекта, времени и наклонения.

В число грамматических категорий глагола многие тюркологи включают и категорию залога. Однако спорной остаётся её интерпретация с точки зрения категориального статуса и места в грамматической системе языка. Как известно, залоговые аффиксы могут изменять лексическое содержание глагольной основы, трансформируя её первоначальное значение и создавая новую лексическую единицу. Одних исследователей всё это заставляет признать залоговые показатели в качестве словообразовательных элементов или формантов лексического основообразования [58, с. 11—13]. Другие же считают категорию залога непоследовательно коррелятивной морфологической категорией [40, с. 77—85], ибо залог не подчиняется принципу тотальности употребления, т.е. не могут быть образованы все формы залога от всех глаголов, на образование всех форм залога накладываются лексические ограничения. Следовательно, категория залога не отвечает критериям грамматических категорий словоизменительного типа.

Следующей из наиболее дискуссионных проблем в тюркологии является определение грамматической сущности причастных, деепричастных и инфинитивных форм. В чувашском языке имеются явные признаки недостаточной дифференцированности личных и неличных форм глагола. Да и сами неличные формы

глагола в морфологическом отношении резко отличаются друг от друга. Если, следуя утверждениям Э.В. Севортыяна и А.М. Щербака, причастие назовём «глагольным именем» [146, с. 9], а деепричастия — «формами неполной вербальности» [191, с. 122], то инфинитив не относится ни к тому, ни к другому.

Исходя из принципа тотальности употребления аффиксов причастий, деепричастий и инфинитива их следовало бы принять за категориальные формы; значит, в чувашском языке мы имеем категории и субкатегории причастий и деепричастий, считающиеся многочленными, а также одночленную категорию инфинитива.

Вопрос о спрягаемых (личных) и неспрягаемых (неличных) формах глагола до конца не решён; последние не признаны грамматическими категориями глагола. В своё время И.П. Павлов писал, что «деепричастие в чувашском языке находит широкое употребление в образовании других грамматических категорий... в кругу этих грамматических категорий деепричастие является в известной степени *узловой категорией*» (курсив наш. — В.С.) [116, с. 240].

Не до конца решён вопрос и о так называемых неспрягаемых (неличных) формах причастий настоящего времени на *-акан (-екен, -кан, -кен)* (типа *вулаканӑм, вулакану, вулаканӗ, вулаканӑмӑр, вулаканӑр*), будущего времени на *-ас (-ес)* (*вулассӑм, вулассу (килсен вула), вуласси, вулассӑмӑр, вулассӑр*), которые с присоединением аффиксов лица становятся спрягаемыми. Принимая идею об образовании давнопрошедшего категорического времени от деепричастия на *-са (-се)* и глагольных аффиксов *-тт-ӑм, -тт-ӑн, -чӗ, -тт-ӑм-ӑр, -тт-ӑр, -чч-ӗ-ç*, чувашские языковеды умудряются «заглушить» живое действие деепричастия на *-са (-се)* путём насильственного объединения в виде *-самт (-сетт)*, тем самым исключая это деепричастие из сферы личных спрягаемых форм [70, с. 197; 118, с. 247—249].

Инфинитив (супин, по Н.И. Ашмарину) в чувашском языкознании нередко признаётся неизменяемой глагольной формой, что не соответствует действительности: инфинитив подвержен частичному формоизменению и формообразованию.

Как многочленные рассматриваются категории наклонения и времени глаголов чувашского языка, включающие в свою структуру не только оппозиции, но и неоппозитивные различия. Принято считать, что изъявительное наклонение является

немаркированным членом и реализуется в спрягаемых формах времени, а аффиксы временных форм одновременно являются показателями изъявительного наклонения. Между тем положительный аспект, как немаркированный член оппозиции, реализуется, по мнению исследователей, самой основой глагола. Основой же глагола считается форма 2 лица единственного числа повелительного наклонения. Исследователи, таким образом, сами того не замечая, попадают в противоречие. Член оппозиции, выделяемый по наличию признака, называется «маркированным», «сильным», «положительным»; а член оппозиции, выделяемый по отсутствию признака — «немаркированным». Если считать, что изъявительное наклонение маркируется формами времени, то немаркированным считать его нельзя. К тому же спрягаемые формы времени в чувашском языке реализуются лишь в сочетании с аффиксами лица, следовательно, аффиксы временных форм несамостоятельны. В случае же признания положительного аспекта оппозиция будет базироваться на морфологическом дифференциальном признаке, не совмещающем одно понятие с другим: положительный аспект и форма 2 лица единственного числа повелительного наклонения — получается, что аспект противопоставлен наклонению.

По мнению ряда исследователей, форма будущего времени глаголов чувашского языка не имеет показателя времени. В таком случае форму будущего времени в кругу временных форм чувашского языка следовало бы считать немаркированной. Но этого никто не утверждает, а все заявляют, что чувашская форма будущего времени образуется путём присоединения к основе глагола личных аффиксов. Таким образом, настоящее и прошедшее время глагола маркировано аффиксами, показывающими временное различие, а будущее время — аффиксами лица, т.е. оппозиция строится на разноуровневых критериях.

Приведённые примеры подтверждают, что категориальные формы до сих пор истолковываются произвольно, при определении грамматических категорий не учитываются основополагающие критерии.

Следуя русской грамматической традиции, тюркологи сами усложняют вопрос о категориальных формах глагола. Например, в башкирском языке в число грамматических категорий глагола включена категория переходности — непереходности,

и тут же следует возражение сказанному: «однако значение переходности/непереходности выделяется так или иначе лишь на лексико-семантической основе... по существу своему сводится к уточнению содержания глагольной основы на лексико-семантическом уровне», по роли, которую играет в функционировании глагола, «она относится к сфере синтаксиса» [55, с. 239], т.е. по особенностям управления глаголы делятся на переходные и непереходные.

В чувашском языкознании вопрос о переходных и непереходных глаголах поднят в трудах В.Г. Егорова [70, с. 152—153] и И.П. Павлова [118, с. 215—217]. В.Г. Егоров утверждает: «...по семантико-грамматическому признаку, по способу управления объектом... глаголы в чувашском языке делятся на две категории — на переходные и непереходные», но «деление глаголов на переходные и непереходные в морфологическом плане не имеет большого значения в чувашском языке, оно не служит целям образования особых грамматических форм». Действительно, деление глаголов на переходные и непереходные никоим образом не касается вопросов словоизменения, формоизменения и формообразования.

Все перечисленные замечания важны для решения проблемы слово- и формообразования глаголов.

А. Словоизменение, словообразование и вопросы формообразования глаголов

Есть ли залоговые формы в чувашском языке?

В тюркологии сложилось мнение, что «залог в тюркских языках ни в его современном состоянии, ни тем более в историческом его прошлом невозможно сколько-нибудь последовательно отграничить от словообразования и квалифицировать как чисто грамматическую категорию глагола» [164, с. 275—276].

Обычно деривационный аффикс, как бы ни был продуктивным, образует новое слово не от любой словарной единицы, входящей в ту или иную часть речи, а лишь от части таких единиц (в нашем понимании это принцип избирательности употребления. — В.С.). А реляционный — формы слов, как правило, от всех или большинства слов, принадлежащих одной части речи [120, с. 5].

В тюркологии утвердилось мнение, что залоговые глаголы образуются не от любой глагольной основы. Это обстоятельство служит основанием для толкования залога с разных точек зрения:

а) залог не может рассматриваться «в качестве чистой грамматической формы», т.е. как словоизменительная категория [145, с. 530]. Исследователи, придерживающиеся этой точки зрения, кладут в основу положение общего языкознания о том, что словоизменительная категория должна быть тотальной — категориальные формы должны образовываться от любых или большинства основ независимо от их лексического значения;

б) категория залога относится к словоизменительным категориям, но она является непоследовательно коррелятивной, «так как все формы залога не могут быть образованы от всех глаголов; на образование возвратного, страдательного и взаимного залогов накладываются значительные лексические ограничения» [111, с. 4]. Непоследовательно коррелятивный характер категории залога объясняется лексико-грамматической природой категории залога: залоговые глаголы выражают отношение реальных семантических категорий — субъекта производителя действия и объекта действия к самому действию [33, с. 22];

в) формы взаимного, понудительного, страдательного и возвратного залогов объединяются в категорию залога на основе однородности, родственности их категориальных значений: взаимный залог означает, что действие совершается более чем одним предметом-производителем; содержанием значения понудительного залога является образ действия, связанный с каким-либо предметом, каузируемым к его совершению [60, с. 11]. Таким образом, в основе выделения категории залога — чисто семантическая сторона вопроса, и это обстоятельство позволяет утверждать, что категория залога является словоизменительной;

г) отмечается двойственная функциональная сущность залоговых формантов: «аффиксы вторичных глагольных основ изменяют объективную характеристику исходной основы, сообщая возникающей новой основе способность сочетаться с иными дополнениями (словообразование); эти же аффиксы обозначают характеристику субъекта исходной основы (словоизменение)» [84, с. 7];

д) «в результате словообразования глаголов от глаголов возникают категории залога. Залогом называется такая глагольная

категория, которая устанавливает отношение между субъектом и объектом действия [65, с. 179];

е) «морфологическая по своей технике категория залога в тюркских языках входит в сферу основообразования (промежуточный тип между категориями словообразования и словоизменения). Её категориальное значение формируется на двух уровнях: грамматическом как модификация субстанциальных и/или реляционных свойств субъекта исходного глагола и лексическом — во взаимодействии с лексической валентностью глагола (включая его объектные роли) и реализуется в единстве семантической и синтаксической структур лексемы-предиката» [58, с. 14].

В чувашском языкознании по отношению к залоговым аффиксам существуют два мнения: в школьных учебниках залоговые аффиксы называются деривационными или глаголообразующими; в вузовских — в основном реляционными (за исключением учебника для студентов филологических факультетов, изданного в 2012 г. [154, с. 250—252]).

Чувашская лексикографическая практика относит залоговые формы к словообразовательным, и они выносятся в реестр словарных слов.

Между тем чувашские залоговые формы, по мнению чувашеведов, — разнородные категории. Формы взаимного и возвратного залога образуются не от любого глагола, возможность их образования мотивирована семантикой производящего глагола.

Это даёт право говорить о словообразовательной роли аффиксов *-ӓн (-ӓн)*, *-ӓл (-ӓл)*; *-ӓҫ (-ӓҫ)*, *-ӓш (-ӓш)*, прибавляющихся к производной или непроизводной глагольной основе, но сохраняющих определённую генетическую связь с залоговыми значениями, это видно из семантики дериватом. Некоторые исследователи пишут о лексикализации залоговых форм — первоначальной двойкой природе таких форм. Как все деривационные аффиксы, эти форманты приносят новое значение; ср.: *сав* «любить» — *савӓн* «радоваться», *хурла* «хулить» — *хурлан* «горевать», *кала* «сказать» — *калаҫ* «разговаривать», *пул* «быть» — *пулӓш* «помогать» и т.д.

Нужно обратить внимание, что аффиксы *-ӓн (-ӓн)* и *-ӓл (-ӓл)* не являются алломорфами, это автономные деривационные аффиксы даже в тех случаях, когда они присоединяются не только к именным и звукоподражательным основам, но и

к глагольным. Например: *пур* «есть» — *пурӑн* «жить»; *самӑр* «жирный» — *самӑрӑл* «жиреть»; *нар* «давать» — *нарӑн* «сдаваться, покориться»; *яр* «пускать» — *ярӑн* «кататься»; *сут* «зажечь» — *сутӑл* «светать»; *вӑр* «дуть» — *вӑрӑл* «заболеть повторно» и т.д. То же самое надо говорить в отношении аффиксов *-ӑш* (*-ӑш*), *-ӑҫ* (*-ӑҫ*, *-ҫ*).

Особый интерес представляет в чувашском языке так называемый понудительный залог, аффиксы которого характеризуются тотальностью употребления, тем самым его можно принять за словоизменительную категорию. Для образования значения понудительности существует ряд морфем: *-тар* (*-тер*), *-ттар* (*-ттер*); *-ар* (*-ер*); *-ат* (*-ет*), *-т*. Эти аффиксы невозможно считать вариантами или алломорфами одного аффикса, они — автономные морфемы.

На наш взгляд, аффиксы *-ар* (*-ер*), *-ат* (*-ет*), *-т* следует отнести к сфере глагольного словообразования, что особенно ярко проявляется тогда, когда аффикс присоединяется к именным основам (в таких случаях о залоговых формах не может быть и речи): *пуҫ* «голова» — *пуҫ-ар* «начинать», *пуҫ-тар* «собирать»; *яка* «гладкий» — *яка-т* «гладить»; *вӑҫ* «конец» — *вӑҫ-ер* и *вӑҫ-ер-т* «упускать»; и, как исключение, аффикс *-ат* присоединяется к слову *сух* «нет» — *сух-ат* «потерять». В случае присоединения к именным частям речи эти аффиксы характеризуются как словообразовательные (о чём в исследованиях указывалось неоднократно).

Аффикс *-ат* (*-ет*) как самостоятельная единица до сих пор была вне поля зрения исследователей, но факт их наличия в чувашском языке, на наш взгляд, неоспорим: *сывӑр* «спать» — *сывӑр-ат* «заставить спать»; *тӑр* «стоять» — *тӑр-ат* «заставить стоять»; *хӑр* «калиться» — *хӑр-ет* «вгонять в краску», «заставить краснеть», но *хӑр-т* «калить», в переносном значении «пороть».

Особого внимания требуют аффиксы *-тар* (*-тер*) и *-ттар* (*-ттер*), которые, как отметил В.Г. Егоров, образуют «понудительные глаголы почти от всех глаголов» (автор использует именно словосочетание «понудительные глаголы», имея в виду глагольные формы на *-тар* (*-тер*) с понудительным значением) [70, с. 173]. Выражение «почти от всех глаголов» говорит о принципе тотальности употребления аффиксов *-тар* (*-тер*), *-ттар* (*-ттер*) и, следовательно, о словоизменительном характере их функции. Поскольку мы отсекали названия «взаимный

залог» и «возвратный залог», то вправе отказаться от термина «понудительный залог», вместо него мы предлагаем термин «категория понудительности» и говорим о слово- и формоизменительной категории понудительности.

Н.И. Ашмарин также старается избегать термина «понудительный залог» и говорит о понудительных глаголах, выражающих «всякое способствование совершению действия» [20, с. 302*], при этом отмечает, что *-тар (-тер)* «присоединяется к большой части глаголов, кончающихся на согласный звук и на гласные “и”, “у”, “ў”, причём исключаются глаголы производные, которые кончаются на “р”» [89, с. 305]. Прав Н.И. Ашмарин в том отношении, что аффикс *-тар (-тер)* присоединяется к большей части глаголов, а возвратные и взаимные глаголы охватывают лишь незначительную часть глагольной лексики [20, с. 292—296], но, говоря об исключении глаголов производных с конечным «р», автор не вполне прав; ср.: *шăварттар* «заставить поливать», *пĕçерттер* (от *пĕç*) «заставить варить», *вĕлерттер* (от *вил*) «заставить убить», *вĕçерттер* «высвободить», *пĕтерттер* «заставить кончать, завершить», «губить» и некоторые другие. Все эти примеры относятся к словоизменению (см. также приложение 1 данной книги).

Понудительные форманты могут быть расположенными в одной словоформе в виде цепочки (агглютинация или нагнетание одинаковых форм): *пĕç (пĕç)* «вариться» — *пĕç-ер-т-тер-тер* «заставить варить, готовить»; *вĕç-ер-т-тер-тер* «заставить высвободить, отцеплять, спускать, расстегивать» и т.д. (Что касается аффиксов со значениями взаимности и возвратности, то здесь такого нанизывания морфем не наблюдается.) В представленных примерах *пĕç (пĕç)* — глагольная основа, *вĕç* — именная; форманты *-ер, -т* считаем деривационными, ибо они образуют качественно новую лексическую единицу: *пĕç* «вариться» — *пĕç-ер* «варить», *пĕçер-т* «сжечь, жечься», перен. «поколотить»; *вĕç* «конец», *вĕç-ер* или *вĕç-ер-т* «упускать, высвободить». Двухязычные чувашско-русские словари при этом фиксируют лишь формы *пĕçерттер* с пометкой «понуд.» от

* Просим обратить внимание на то, что в книге Н.И. Ашмарина «Материалы для исследования чувашского языка» (Казань, 1898) нарушена нумерация страниц: вместо номеров 255—286 напечатано 289—320 (эти номера ещё раз проставлены затем на своём месте). Мы указываем номер, напечатанный в книге. — *Прим. ред.*

пёсерт, вёсерттер — от *вёсер* или *вёсерт*, а словоформы *пёсерттертер, вёсерттертер* вовсе не упоминаются.

Эти примеры подтверждают, что аффиксы понудительного залога, участвующие в создании цепочек, можно отнести как к словообразовательным, так и к словоизменительным аффиксам: у них в таких случаях проявляется своеобразная полифункциональность. Аффиксы, которые ближе к основе слова, несомненно, носят деривационный характер, а в ауслатных формантах ярко выражено значение грамматической понудительности. Например, в словах *кёрлеттер* (от *кёрле* «шуметь, греметь, грохотать»), хотя словари дают помету «понуд.» от *кёрле*, часто не улавливаем значения понудительности. Ср.: *Уйра тракторсем кёрлеттереҫҕё* «В поле грохочут трактора» [ЧРС, с. 171]. То же в слове *вулаттар*: *Асанне въл сырйава мана та вулаттарчё* «Бабушка дала прочитать это письмо и мне» [ЧРС, с. 84].

На первый взгляд, в словах *вулаттар* «заставить читать», *нуслаттар* «заставить начать», *ёслеттер* «заставить работать» представлен вариант аффикса *-тар (-тер)* в виде *-ттар (-ттер)*, поскольку в современном языке нет форм *нусла-т, ёсле-т*. С исторической же точки зрения в форманте *-ттар (-ттер)* прослеживаются два аффикса понудительного залога: *-т + -тар (-тер)*. В.Г. Егоров, приводя примеры типа *тёр-ат* «поставить» — *тёрат-тар* «заставить поставить», *кёр-т* «впустить» — *кёрт-тер* «заставить впустить», пишет об омертвлении аффикса *-т (нёл-тер-т-тер* «заставить известить», *тул-тар-т-тар* «заставить наполнить»), в связи с чем будто бы появился аффикс *-ттар (-ттер)* [70, с. 176]. В современном языке мы принимаем аффикс *-ттар (-ттер)*, за исключением ряда случаев, как единый.

В словарях аффикс *-тар (-тер)* после аффиксов *-ар (-ер)*, *-т* (считающихся деривационными) дан с пометой «понуд.» (т.е. понудительный залог). Например, когда к основе (корню) слова *хён* «отделяться, отклеиваться, отставать» присоединяются по очереди аффиксы со значением понудительности, мы имеем дериватемы *хёнпар* «подниматься», *хёнпарт* «поднимать, ставить», которые представлены в словаре [ЧРС, с. 546], и словоформу *хёнпарттартар* (её в словаре нет).

Действительно, лишь аффикс *-тар* в словоформе *хёнпарттар* выражает значение понудительности, у аффикса *-ар* здесь слабо выражено значение понуждения, в словоформе *хёнпарт* тоже чув-

ствуется значение понудительности, но значения словоформ *хӕнар* и *хӕнарт* не совпадают, это указывает на деривацию значений:

<i>хӕнар</i>	<i>хӕнарт</i>
1) подниматься	1) поднимать
2) лезть, взбираться, залезать	2) вскидывать, поднимать
3) всходить, подниматься	3) складывать, ставить
4) плыть вверх по течению	4) повышать, поднимать
5) расти (вверх)	5) улучшать
6) увеличиваться	6) возвышать
7) перен.: улучшаться	7) натирать (мозоль)
8) вздуться	8) мат.: возводить
9) опухать	9) в роли вспомогательного глагола
10) в роли вспомогательного глагола	

Нужно обратить внимание еще на одну особенность употребления аффиксов так называемого понудительного залога: аффикс *-тар (-тер)* употребляется во многих случаях за аффиксами со значениями взаимности и возвратности, которые в действительности являются деривационными: *ҫап* «бить» — *ҫапӑн* «ударяться», «париться» — *ҫапӑнтар* «ударять, бить друг о друга»; *уҫ* «отворять, открывать» — *уҫӑл* «отворяться, открываться» — *уҫӑлтар* «освежать, очищать»; *кала* «сказать» — *калаҫ* «разговаривать» — *калаҫтар* «заставить разговаривать»; *кил* «приходить» — *килӗш* «согласиться», «договариваться» — *килӗштер* «соглашаться», «облюбовать» и т.д.

Аффиксы понудительности и возвратности иногда следуют за аффиксом учаательности *-кала (-келе)*: *ҫап* — *ҫапкала* — *ҫапкалан* — *ҫапкалантар* — *ҫапкалантарттар*, *ҫапӑнкалантарттар*; *вӗт* — *вӗткеле* — *вӗткелен* — *вӗткелентер* — *вӗткелентерттер*). В таких примерах словообразовательная роль аффикса возвратности налицо: *ҫап* «бить, ударить» — *ҫапкалан* «биться, метаться», а аффикс *-ттар* в слове *ҫапкалантарттар* не имеет деривационного значения и выступает в качестве грамматической формы.

Таким образом показатели со значением возвратности *-ӑн (-ӗн)*, *-ан (-ен)*, *-ӑл (-ӗл)* и взаимности *-ӑш (-ӗш)*, *-ӑҫ (-ӗҫ)*, подобно словообразовательным аффиксам, образуют формы по принципу избирательности. К тому же эти аффиксы частично совпадают с аффиксами, употребляющимися при образовании

глаголов от именных основ: *ас* «память» — *асӑн* «вспоминать», *хут* «слой» — *хутӑш* «перемешиваться», *пуç* «голова» — *пуçӑн* «положить начало»; *ӳсӗр* «пьяный» — *ӳсӗрӗл* «опьянеть»; *çутӑ* «светлый» — *çутӑл* «светать, рассветать», *çутал* «светлеть», «белеть». Значит, и аффиксы так называемого возвратного и взаимного залога (присоединяющиеся к глаголам) нужно признать деривационными, образующими глаголы от глагольных основ.

Аффиксы так называемого понудительного залога, образующие формы от именных основ и являющиеся носителями лексикализовавшихся глагольных образований, также следует причислить к деривационным. А в тех случаях, когда они явно выражают значение понудительности, необходимо признавать категориальной формой понудительности.

Итак, явление, рассматривавшееся до сих пор как залогообразование в чувашском языке, — не альтернативный тип отношений членов категории, а в основном деривационный, выявляющий отношения производности так называемых возвратного и взаимного образований, эти формы не образуют словоизменительной парадигмы, т.е. не составляют совокупности форм словоизменения одного и того же глагола. Ср.: *вула* «читать» — *вулаттар* (форма каузатива) «заставлять читать»; но словоформы взаимного залога в виде *вулаш* или *вулаш* в языке нет; форма *вулан* в значении возвратного залога почти неупотребительна; под влиянием русской конструкции иногда говорят: *Кёнеке лайӑх вуланать* «Книга читается хорошо»; *хӑвӑрт вуланать* «быстро читается», но это не является нормой чувашского языка.

В парадигме одна форма выделяется в качестве исходной. До сих пор в качестве исходной формы принимали форму так называемого основного (действительного) залога, представляющую собой лексическую основу глагола. Считалось, что при залогообразовании она выступает как начальная материальная база. Но если учесть, что глагольная основа в чувашском языке представляет форму 2 лица единственного числа повелительного наклонения, то необходимо признать, что она не может вступать в парадигматические отношения с залоговыми показателями, ибо она лишена залогового значения. Разноуровневые единицы в одну парадигму не входят. Это означает, что с функционально-семантической точки зрения основа глагола не может считаться основным залогом.

Материал чувашского языка и предложенное нами толкование приводят к следующим выводам.

Возвратного и взаимного залога как морфологических словоизменительных категорий в чувашском языке нет. Аффиксы со значением возвратности и взаимности, образующие формы по принципу избирательности, не могут считаться словоизменительными аффиксами, их следует причислить к деривационным.

Аффиксы каузации (каузативные аффиксы), характеризующиеся признаком универсальности, на самом деле являются многофункциональными. Так, лексикализовавшиеся формы типа *вёрен* — *вёрент*, *лар* — *ларт*, *си* — *ситер*, *ўс* — *ўстер*, *пут* — *путар* залоговыми формами считать не следует, они принадлежат к сфере словообразования. В тех случаях, когда аффиксы *-тар* (*-тер*), *-ар* (*-ер*), *-т* не выполняют глаголообразующую роль, а выражают значение каузации (понуждения), их следует признавать каузативными (понудительными) формами; например, при наанизывании омонимичных аффиксов *-тар* (*-тер*): *пут* «тонуть» — *пут-ар* «потопить» (*-ар* — словообразующий аффикс); *пут-ар-ттар* «заставить потопить» (форма каузатива). Таких примеров много: *ўк* «падать» — *ўк-ер* «сваливать», «рисовать» — *ўк-ер-ттер* «заставить сфотографироваться»; *идт* «продырявиться» — *идт-ар* «дырявить» — *идт-ар-ттар* «заставить продырявить»; *пич* «варить» — *пёç-ер* «печь, варить» — *пёç-ер-ттер*, *пёç-ер-ттер-ттер* — «заставить варить». Формоизменительный характер аффикса глагола понудительности *-ттар* (*-ттер*) ясно проявляется во второй позиции типа: *-тер-ттер*: *пёлтерттер* «заставить известить», *ситерттер* «заставить накормить», *тултарттар* «заставить наполнить».

Категория многократности (учащательности) или категория многократного вида?

В чувашском языке есть особая категориальная форма, выражающая характер протекания действия по его длительности и кратности, на *-кала* (*-келе*), названная учащательной или многократной формой: *кулкала* «посмеиваться, смеяться время от времени», *вулакала* «почитывать», *килкеле* «приходить несколько раз» и др.

Аффикс *-кала* (*-келе*) был объектом внимания Н.И. Ашмарина. По его мнению, он «показывает учащённость, неоднократность, разносторонность действия» (*турткала* «потягивать»,

ёслекеле «работать время от времени»). Эти формы Н.И. Ашмарин никак не именовал, но указал, что аффикс, образующий их, соответствует татарскому аффиксу *кала* (-кәлә, -гала, -гәлә) (*баргаламак* «похаживать», *саккаламак* «поколачивать») [20, с. 292].

В.Г. Егоров образования на *-кала* (-келе) называл учащательной или многократной формой (*verba frequentativa*) глаголов [70, с. 182]. И.П. Павлов формы на *-кала* (-келе) именовал «темиҫе хут форми», т.е. многократной формой [118, с. 230–231]. Л.П. Сергеев, учитывая тотальность употребления глаголов на *-кала* (-келе), напоминает (вслед за В.И. Сергеевым) о наличии категории учащательности («тӓтӓшлӓх категорийӓ») в чувашском языке [154, с. 355].

Формант *-кала* (-келе) прибавляется как к производным, так и к непроизводным основам глаголов (*кулкала* «посмеиваться», *чирлекеле* «похварывать», *сӓвӓнкала* «умываться слегка», *ёслекеле* «работать время от времени»), образуя категориальные формы.

Словоформы на *-кала* (-келе) относятся как к словоизменению (*кайкала*, *ёслекеле*), так и к формоизменению, особенно часты после категориальной формы понудительности на *-тар* (-тер): *вулаттаркала* «заставлять читать время от времени».

При изменении внутренней валентности или последовательности аффиксальных морфем *-ӓн* (деривационный аффикс) и *-кала* (-келе) часто наблюдается изменение их значений: *сӓпӓнкала* «ударяться слегка», «париться слегка», *сӓпкалан* «ударяться», «шляться, шататься», «метаться»; *тапкалан* «дрыгать, пинаться», *тапӓнкала* «нападать изредка»; *хыпкалан* «заботиться, хлопотать (за кого-либо)», «торопиться, спешить», *хыпӓнкала* «посуетсяя, похлопотать, возиться», *хыпкалан* «заботиться», «торопиться», «спешить».

До сих пор формы на *-кала* (-келе) категориальными не считались, их причисляли к некатегориальным. Но форма на *-кала* (-келе) является универсальной, т.е. характеризуется максимальной тотальностью распространения, её можно считать категориальной формой.

В некоторых тюркских языках формы типа на *-кала* (-келе) называются многократным видом; ср.: тув. *номчугула* «многokратно (во многих местах) читать», «почитывать»; *бижигиле* «многokратно (во многих местах) писать», «пописывать» и т.д.,

где *номчу* «читать» и *бижи* «писать» рассматривают как однократный вид [89, с. 409].

В якутском языке отмечено наличие множественно-многократного вида, который выражает «последовательное чередование действия или ряда действий во времени»: *хаамп* «шагать» — *хаамыталаа* «ходить многократно», «ходить взад и вперед»; *эрдэ турдум* «я встал рано» — *эрдэ туруталаатым* «я вставал рано (подряд несколько раз)» [57, с. 276]. При этом авторы грамматики якутского языка считают, что «при выявлении своих значений те или иные видовые формы противопоставляются своим основам, нейтральным в видовом отношении» [57, с. 275—276]. В чувашском языкознании со времён дискуссии по грамматике чувашского языка (1953—1954 гг.) обсуждение вопроса категории вида не отмечалось. В коллективной итоговой статье по материалам дискуссии было заявлено: «Таким образом, в чувашском языке видовая категория не образуется ни при помощи вспомогательных глаголов, ни при помощи форм времени» [175, с. 21]. Тогда же Н.К. Дмитриев указал, что «видовые значения (в чувашском языке. — В.С.) имеют несколько форм выражения, но в силу чрезвычайной индивидуальности их употребления и несистематичности категории вида в чувашском языке надо считать недоработанной» [175, с. 29].

В тюркологии нет единого мнения по вопросу категории вида. В большинстве тюркских языков эти формы не обладают универсальностью. Отсутствие универсальности и видовой оппозиции послужило причиной полного отрицания некоторыми лингвистами вида в тюркских языках как грамматической категории. Существует мнение, высказанное В.И. Рассадным: «Если в каком-либо конкретном тюркском языке развились видовые формы, полностью грамматикализовавшиеся и получившие универсальность в их применении, то их следует включать в грамматическую категорию вида. Если же такие формы используются ограниченно, то их следует оставлять в разряде форм акционсарта или, другими словами, форм, выражающих характер протекания действия» [136, с. 147—148].

Форма на *-кала (-келе)* в чувашском языке получила максимальную тотальность распространения: нет такой глагольной основы, к которой не присоединился бы аффикс *-кала (-келе)*, следовательно, он характеризуется универсальностью, поэтому эту форму следует считать грамматической категорией многократности.

Интенсивная некатегориальная форма глаголов на *-ала (-еле)*

По данным лингвистов, в чувашском языке имеется так называемая интенсивная форма («вэйлату формы») глаголов, которая образуется посредством аффикса *-ала (-еле)*, но до сих пор статус этого форманта не определён: относится он к словообразованию или к формообразованию. По Н.И. Ашмарину, *-ла (-ле)*, *-ала* служат «для образования немногих глаголов, выражающих, по-видимому, напряжённость и разнообразность действия (*verba intensive*)... ху “гнать”, *хывала* “гонять”... (тат. *кыу-мак, кыуаламак*)» [20, с. 292]. В.Г. Егоров в разделе «Интенсивная форма глаголов» пишет: «Интенсивные глаголы образуются прибавлением к коренным глаголам аффикса *-ала (-еле)*. Интенсивную форму принимают в чувашском языке не более одного десятка глаголов» [70, с. 183]. С одной стороны, он говорит о грамматической форме глаголов, а с другой — об интенсивных глаголах (о словообразовании). И.П. Павлов считает эти формы грамматическими [118, с. 230].

М.И. Скворцов в приложении «Словообразовательные аффиксы чувашского языка» к «Чувашско-русскому словарю» (1982, 1985) *-ала (-еле)* представил как непродуктивный аффикс глагольного словообразования, но тут же, как и В.Г. Егоров, назвал его образующим «интенсивные формы глаголов со значением напряжённости, разнообразия действия» [ЧРС, с. 661].

Итак, исследователи больше говорят (хотя и с долей сомнения) о словообразовательном характере аффикса *-ала (-еле)*. В лексикографической практике слова типа *чавала* «рыть», *вётеле* «окалить», *сапала* «рассыпать», *хывала* «гнать» вынесены в реестр словарных статей, следовательно, лексикографы считают аффикс *-ала (-еле)* деривационным. Мы же хотим отметить, что формы на *-ала (-еле)* образуются по принципу избирательности (их число не более 15), их следует отнести к формообразованию и назвать глагольной формой усиления (интенсива). Признавая это, мы говорим о формообразовательной роли данного форманта, т.е. об интенсивной некатегориальной форме глагола.

Глагольные многочленные категории и их субкатегории

Многочленными категориальными формами чувашского языка считаются наклонение, время, аспект. Субкатегориями категории наклонения являются повелительное, уступительное, желательное наклонения. Так называемое изъявительное наклонение не имеет своих особых показателей и выражается, как утверждается, временными формами глаголов, что, на наш взгляд, не соответствует действительности. Вопросы возникают и по поводу так называемых сослагательного и долженствовательного наклонений. Субкатегории времени (по В.Г. Егорову): настоящее-будущее, будущее возможности, будущее сложное, прошедшее категорическое (определённое), прошедшее неопределённое, давнопрошедшее определённое, давнопрошедшее неопределённое, прошедшее несовершенное или многократное [70, с. 187—202]. К субкатегориям аспекта относят традиционно утвердительный аспект, отрицательный аспект, аспект возможности и аспект невозможности.

Категория и субкатегории наклонения

Категорию и субкатегории наклонения можно описать с точки зрения словоизменения и формоизменения.

Категория наклонения, согласно определению академика В.В. Виноградова, «отражает точку зрения говорящего на характер связи действия с действующим лицом или предметом... выражает оценку реальности связи между действием и его субъектом с точки зрения говорящего лица или волю говорящего к осуществлению или отрицанию этой связи. Таким образом, категория наклонения — это грамматическая категория в системе глагола, определяющая модальность действия, т.е. обозначающая отношение действия к действительности, устанавливаемое говорящим лицом» [46, с 457].

Категория наклонения очень ёмкая и неоднородная, что вызывает повышенный интерес к ней и является причиной существования разных подходов к её изучению. Даже количество наклонений, приводимое в грамматиках тюркских языков, колеблется от 4 до 12. В чувашском языкознании одни исследователи указывают на наличие четырех видов, а другие — пяти.

Большинство тюркологов признаёт наличие у изъявительного наклонения временных форм, которые и выражают значение

этого наклонения. Между тем существование самой категории изъявительного наклонения, выраженной временными формами глагола, вызывает сомнение. В.И. Рассадин предлагает не считать изъявительное наклонение особой категорией, поскольку оно не имеет специального показателя [136, с. 200]. На наш взгляд, мнение автора вполне обоснованно.

Единогласия нет и в следующем вопросе. Одни тюркологи (Н.К. Дмитриев, А.А. Юлдашев, Л.А. Покровская и др.) наклонение рассматривают как словоизменительную категорию, Н.А. Баскаков считает его словообразовательной. Согласно нашей концепции, повелительное наклонение относится к словоизменительной морфологии, а уступительное — к формоизменительной.

Повелительное наклонение

«Повелительное наклонение, выражая волю говорящего, побуждающую собеседника стать производителем, субъектом какого-нибудь действия, принадлежит к эмоционально-волевому фактору языка и характеризуется особой интонацией. Эта интонация сама по себе может превратить любой глагол в выражение приказания. В системе повелительного наклонения эта интонация является органической принадлежностью глагольных форм. Вне этой интонации повелительного наклонения не существует» [46, с. 464].

Формами повелительного наклонения глагола можно выразить различные оттенки изъявления воли говорящего к совершению действия: приказ-повеление, призыв, просьбу, пожелание, совет, разрешение, предупреждение и др. неотъемлемым признаком этого наклонения, как справедливо отмечают исследователи, является интонация, посредством которой можно передать и самый грозный приказ, и самую кроткую просьбу.

Повелительное наклонение зиждется на словоизменении и отчасти на формоизменении. Парадигма спряжения глаголов повелительного наклонения такова:

Единичность повеления или повеление
единичному субъекту:

1 л. *сыр-ам, ил-ем, вула-ам* «давай напишу, возьму, прочитаю», «напишу-ка, возьму-ка, прочту-ка»;

2 л. а) *сыр, ил, вула* «пиши, возьми, читай»;

б) *сыр-сам, ил-сем, вула-сам* «пожалуйста, напиши, возьми, почитай» — форма вежливости;

в) *сыр-ччĕ, ил-ччĕ, вула-ччĕ* — пожелание, просьба совершить действие в более вежливой форме;

3 л. *сыр-тăр, ил-тĕр, вулатăр* «пусть пишет, берет (или возьмёт), читает».

Множественность повеления или повеление
нескольким лицам:

1 л.: *сыр-ар, ил-ер, вула-ар* «давайте напишем, возьмём, прочтём»;

2 л. а) *сыр-ăр, ил-ĕр, вул-ăр* «пишите, берите, читайте»;

б) *сыр-ăр-сам, ил-ĕр-сем, вул-ăр-сам* «пожалуйста, пишите, берите, читайте»;

3 л. а) *сыр-ччăр, ил-ччĕр, вула-ччăр* «пусть пишут, берут, читают»;

б) *сыр-ччăр-ччĕ, ил-ччĕр-ччĕ, вула-ччăр-ччĕ* «желательно, чтобы они писали, брали, читали».

Аффиксы *-сам (-сем), -ччĕ* являются показателями вежливости, благовоспитанности, учтивости; формы, образованные ими, заменяют русское «пожалуйста». Формы вежливости на *-сам (-сем)* и *-ччĕ* во 2 лице при единичности повеления чувашские языковеды не включают в парадигму спряжения, отмечая: «Для усиления просьбы, для выражения настойчивости... прибавляется частица (? — В.С.) *-сам (-сем)*» [70, с. 204].

Этимология аффиксов императива (повелительного наклонения) в чувашском языке до конца не выяснена. Как видно из парадигмы спряжения, форма повелительного наклонения не имеет специальных аффиксов наклонения, личные окончания этой формы отличаются от личных окончаний других наклонений. По мнению исследователей чувашского языка, 1 лицо единственного и множественного числа повелительного наклонения представляет остаток исчезнувшего желательного наклонения. Н.И. Ашмарин писал: «...первое лицо повелительного наклонения в чувашском языке соответствует 1-му лицу желательного наклонения в турецком языке: *савам* «давай я полюблю» ~ турец. *севейим, савар* «давайте полюбим», турец. *севейиз*» [20, с. 309].

М.Р. Федотов отмечает: «Отнесение чувашских глаголов типа *пул-а-м* к повелительному наклонению... не совсем оправдано... чув. *сыр-а-м*, узб. *ёз-ай(ин)*, тат. *яз-ый-м* выражают желание писать в плане будущего (“давай (я) напишу”), “напишу-ка (я)”, но не

приказ (повеление) к совершению действия. Таким образом, сфера повелительного наклонения (императива) в чувашском языке ограничивается вторым и третьим лицами» [177, с. 118].

На наш взгляд, форма 1 лица единичности повеления (*сырам, килем, ларам, пайхам, утам, уттарам* и т.д.) выражает действие, направленное на самого себя, желание самому совершить действие: это и призыв, и приказ. Поэтому приведённые выше формы вполне резонно считать формами повелительного наклонения 1 лица. А формами 1 лица при множественности повеления (*сырар, илер*) и 2 лица (*сырайр, ларайр*) выражается призыв к определённом коллективному действию.

Утверждают, что 2 лицо единичности повеления в тюркских языках выражается основой глагола. Не возражая сказанному, мы считаем необходимым учесть наличие ряда сопутствующих аффиксов, которые усложняют структуру 2 лица императива и служат для передачи экспрессивных оттенков побуждения, повеления, просьбы, приказа и т.д. Аффикс *-сам (-сем)*, кроме выражения вежливости, используется и для усиления просьбы, выражения настойчивости, присоединяясь к форме 2 лица единичности и множественности повеления: *илсем* «возьми, пожалуйста», *илсемёр* «возьмите, пожалуйста», ср.: азерб. *алсана*, тат. *алсана* «возьми-ка», «взял бы ты».

Для смягчения просьбы, выражения усиленной просьбы к форме 2 (а также и 3) лица прибавляется аффикс *-чё (-ччё)*, что соответствует аффиксу *-чи ~ -чу́* других тюркских языков: *кил-ччё* ~ др.-тюрк. *кэл-чу́* «приди же»; *илччё* ~ узб. *алчи* «возьми-ка».

В чувашском языке имеем усложнённую форму 2 лица единичности повеления, образованную посредством аффиксов *-сам (-сем) + -ччё*: *кала-сам-ччё* «скажи, сделай милость»: *Парсамччё ку кёнекене мана ыранччен* «Пожалуйста, одолжи мне эту книгу до завтра»;

*Ярсамччё, май килсен, эс
Мана ху адресна (П. Хузангай)
«Пожалуйста, пришли мне,
Если возможно, свой адрес».*

Аналогичная форма на *-син + -чи* имеется в некоторых других тюркских языках, но для выражения просьбы к 3 лицу: карач.-балк. *кел-син-чи* «пусть-ка придет» (ср. чув. *кил-сем-ччё* «пожалуйста, приезжай или приходи»).

Форма 3 лица единичности повеления образуется посредством аффикса *-тӑр (-тӑр)*: *куртӑр, килтӑр*, а множественного числа — посредством *-чӑр (-чӑр)*: *килчӑр* «пусть придут». К этим формам может присоединиться аффикс *-чӑ* для настойчивого выражения желания говорящего: *килтӑр* «пусть придёт» — *килтӑрчӑ* «очень желательно, чтоб он пришёл»; *килчӑр* «пусть придут» — *килчӑрчӑ* «очень желательно, чтоб они пришли».

Таким образом, повелительное наклонение одновременно относится и к словоизменительной, и к формоизменительной морфологии. Форма 1 лица *сыр-а-м* «напишу-ка», *кил-е-м* «приду-ка» выражает желание совершить действие в плане будущего, поэтому аффикс *-а (-е)* предпочтительней считать аффиксом настояще-будущего времени, а не аффиксом деепричастия, как полагал В.Г. Егоров [70, с. 203].

Если допустить, что форма 1 лица единственного числа повелительного наклонения представляет собой остаток исчезнувшего желательного наклонения, как полагают чувашеведы, то мы должны решить вопрос, поставленный А.М. Шербаком: «Из чего и как образовалась форма желательного наклонения?» По его мнению, «прототипом её было осложнённое модальными оттенками субстантивно-адъективное имя действия на *-а* (типа *јаза, бара*), развитие которого характеризовалось, с одной стороны, усилением модальности, с другой — вытеснением модальности временным значением. Абсолютизация временных значений выразилась в использовании имени действия на *-а* в качестве основы настоящего и настояще-будущего времени» [191, с. 54].

Уступительное наклонение

Уступительное наклонение в чувашском языке целиком и полностью относится к формоизменительной морфологии. Формоосновой уступительного наклонения является форма с показателем будущего времени *-ӑ (-ӑ)* и аффиксом лица, к которой примыкает аффикс наклонения *-ин* (в 1 и 3 лице). Парадигма спряжения глаголов *кур* «видеть», «смотреть» и *кӑр* «входить»:

1 л.	<i>кур-ӑ-п-ин</i>	<i>кур-ӑ-п-ӑр-ин</i>	<i>кӑр-ӑ-п-ин</i>	<i>кӑр-ӑ-п-ӑр-ин</i>
2 л.	<i>кур-ӑ-сӑн</i>	<i>кур-ӑ-сӑр-ин</i>	<i>кӑр-ӑ-сӑн</i>	<i>кӑр-ӑ-сӑр-ин</i>
3 л.	<i>кур-(v)-ин</i>	<i>кур-ӑ-с-ин</i>	<i>кӑр-v-ин</i>	<i>кӑр-ӑ-с-ин</i>

Мнение Н.И. Ашмарина о тождественности аффиксов чувашского языка 2 лица *-сӑн* и *-сӑр* турецким предикативным

аффиксам *-сын, -сыз* разделяет М.Р. Федотов. К сказанному Н.И. Ашмаринным он добавляет следующее: «*-сӑн* (ед. ч.) и *-сӑр* (мн. ч.) совпадают, например, с татарским *-сын* (ед. ч.) и *-сыз* (мн. ч.) будущего времени изъявительного наклонения: тат. *бар-ыр + сын > барысын* “ты пойдёшь”, однако в чувашском, что вполне естественно предположить, произошёл сдвиг в концессиональном направлении, и поэтому *кай-ӑ-сӑн* обозначает теперь: “ну что ж, если ты пойдёшь; пусть ты пойдёшь”» [177, с. 119].

Существует мнение, что путём прибавления аффикса *-ччӗ* к форме уступительного наклонения образуется желательное, или уступительно-желательное, наклонение (*калӑпинччӗ* «сказал бы я», *курӑпинччӗ* «видел бы я»; *калӑсӑнччӗ* «сказал бы ты», *кӗрӗсӗнччӗ* «зашел бы ты»; *калинччӗ* «сказал бы он», *килинччӗ* «пришел бы он»). Но, по справедливому замечанию Л.С. Левитской, «эти формы, кроме 3 лица, почти не употребительны: *Эх, атте килинччӗ!* «Ах, пришёл бы отец!» [99, с. 84].

Желательное наклонение (оптатив) на *-ай (-ей, -й)*

Форма желательного наклонения образуется прибавлением к основе глагола аффикса *-ай (-ей, -й)* (выбор аффикса зависит от характера согласных и гласных глагольной основы), затем последовательно — аффиксов времени и лица. Парадигма спряжения формы глагола желательного наклонения при единичном субъекте:

настоящее время

1 л. *лар-ай-а-тӑ-п* ~ *лараятӑп* «я в состоянии сидеть»

2 л. *лар-ай-а-тӑ-н* ~ *лараятӑн* «ты в состоянии сидеть»

3 л. *лар-ай-а-ть* ~ *лараять* «он (она) в состоянии сидеть»

прошедшее время

1 л. *кӗр-ей-р-ӗ-м* «я смог (смогла) зайти»

2 л. *кӗр-ей-р-ӗ-н* «ты смог (смогла) зайти»

3 л. *кӗр-ей-р-ӗ-в* «он смог (она смогла) зайти»

будущее время

1 л. *вула-й-ӑ-п* «я смогу прочесть»

2 л. *вула-й-ӑ-н* «ты сможешь прочесть»

3 л. *вула-й-в-ӗ* «он (она) сможет прочесть»

Оптатив выражает модальное значение возможности осуществляемого действия.

Аффикс оптатива *-ай (-ей, -й)* в современном чувашском языке является связанным: формы *ларай, кӗрей, ситей, вулай* сей-

час не употребляются, значение возможности завершения действия выражается лишь в сочетании с аффиксом времени и лица. В прошлом самостоятельность аффикса *-ай (-ей)* была очевидной. В своё время оптатив был назван Н.И. Ашмариным повелительным наклонением, употребляющимся «для большей выразительности»: *Шыв айне чăмай* «Нырни в воду»; *Çавăрса çанай эсĕ йна* «Ты схвати и повали его с размаху»; *Çавăрса кўртей эсĕ йна* «Заверни ты его»; *Хăлха чиккинчен тăхăнтарай эсĕ йна* «Дай ты ему в ухо» [25, с. 54].

В чувашском языкознании нет единого мнения в толковании формы на *-ай (-ей, -й)*. Н.И. Ашмарин, как мы указали, назвал её формой повелительного наклонения, В.Г. Егоров — формой возможности и невозможности [70, с. 183—186], М.Р. Федотов — желательным наклонением [177, с. 117—119], И.П. Павлов — аспектом возможности [118, с. 134]. На наш взгляд, формы на *-ай (-ей, -й)* предпочтительнее считать оптативом или желательным наклонением. Выделив оптатив в качестве наклонения, мы снимаем проблему категории аспекта полностью, ибо положительный аспект не имеет специального показателя (значит, этого аспекта просто нет в языке), а отрицательный аспект рассматривается нами как категория отрицания, аспект невозможности — как отрицательная форма оптатива.

Есть ли в чувашском языке сослагательное и долженствовательное наклонения?

В чувашском языке отмечают наличие сослагательного наклонения («ѐмѣт наклоненийѐ») [70, с. 205—208; 118, с. 256—257; 154, с. 371—373], при этом считается, что *-ттă (-ттĕ)* здесь не что иное, как аффикс прошедшего очевидного времени, или *-ттăм (-ттĕм)*, *-чĕ* представляют личные окончания прошедшего времени древнего глагола *имек*: *кал-ă-ттăм* (основа *кала-*) «я сказал бы» (сейчас или потом, в будущем) [70, с. 205].

Но формы типа *вуйăттăм* «читал бы», *илĕттĕм* «купил бы» не имеют специальных показателей наклонения, поэтому их следует считать формами второго будущего времени, назвав «будущее время условия» или «будущее условное время»:

1 л. <i>кур-ă-ттă-м</i>	ср. <i>кур-ă-п</i>
2 л. <i>кур-ă-ттă-н</i>	<i>кур-ă-н</i>
3 л. <i>кур-(ĕ)-чĕ-ĕ</i>	<i>кур-ν-ĕ</i> (или <i>кур-ĕ-ν</i>)

Семантика будущего времени условия такова, что в нем нет намека на прошлое, поэтому элемент *-ттӑ* (*-ттӗ*) предпочтительней связать с глаголом *тӑр* (~ *тӑран*) (входящим также в состав показателя настоящего времени): *сыр-ӑ-ттӑ-м* означает: а) «я писал бы сейчас» (но нет бумаги, ручки и т.п., т.е. условий для совершения действия); б) «я писал бы потом, в будущем» (но нет времени, желания и т.д., т.е. опять-таки нет условия).

М.Р. Федотов в число наклонений включает долженствовательное наклонение на *-малла* (*-мелле*), *-малли* (*-мелли*) (которое рассматривается, как правило, в качестве причастия долженствования или «долженствовательного наклонения» причастий) [70, с. 227—229; 118, с. 278—279]. По мнению автора, долженствовательное наклонение есть во всех тюркских языках, «но выражаемые им понятия долженствования, необходимости, надобности в разных языках реализуются различно»: в турецком и азербайджанском языках к аффиксу *-малы* (*-мели*) прибавляются аффиксы лица и числа; в туркменском и гагаузском языках долженствовательная форма не принимает личных окончаний, их заменяют личные местоимения — так же спрягается долженствовательная форма чувашского глагола [177, с. 120—121]:

туркменский язык		чувашский язык
<i>мен</i>	} <i>яз-малы</i>	<i>ман(ӑн)</i>
<i>сен</i>		<i>сан(ӑн)</i>
<i>ол</i>		<i>ун(ӑн)</i>
<i>биз</i>		<i>пирӗн</i>
<i>сиз</i>		<i>сирӗн</i>
<i>олар</i>		<i>вӗсен</i>
		} <i>сыр-малла</i>

А.М. Щербак чувашскую форму долженствовательного наклонения на *-малла* (*-мелле*) включает в число «форм других косвенных наклонений» [191, с. 66—67].

Наклонение как одна из категорий глагола выражает отношение действия к действительности, которое устанавливается говорящим. Это основное требование наклонения долженствовательной формой на *-малла* (*-мелле*) не выполняется. Она не имеет синтетической формы спряжения, что уже свидетельствует о том, что эта форма стоит вне категории наклонения. К тому же в чувашском языке очень много примеров, когда выражаемое аффиксом *-малла* (*-мелле*) действие не устанавливается

говорящим: *каламалла с̣амах* «слово, которое нужно сказать», *ситмелле с̣ёр* «место, куда следует дойти, доехать». По указанным причинам показатель *-малла (-мелле)* вряд ли может считаться аффиксом наклонения.

Категория времени

Категория времени показывает локализацию во времени того действия, которое обозначено основой глагола. Она отражает реальное с точки зрения говорящего лица действие, относящееся к настоящему, прошедшему или будущему. Обычно временные формы стараются связать с изъявительным наклонением, считая, что это наклонение выражается временными формами глагола, но не имеет специального показателя. Но временные формы и сами не самостоятельны, своё значение выражают лишь в связи с аффиксами лица. Отсутствие специального показателя указывает на то, что изъявительного наклонения вообще нет, оно приписывается (или навязывается) языку имплицитно. Следовательно, изъявительное наклонение называть особым наклонением нет никакой надобности, это необозначенная (немаркированная) понятийная форма, имеющая отвлечённое обобщённое значение.

С точки зрения материального выражения категория времени в чувашском языке является не самостоятельной категорией, её существование неразрывно связано с категорией лица, аффиксы которой взаимосвязаны с аффиксами временных форм. Если мы формоизменение именных частей речи изучали, отталиваясь от основы слова и аффиксов формосновы, то категорию времени приходится описывать исходя из категории лица, ибо она является показателем реальности временных форм. Например, формы *п̣ахр, п̣ахат, п̣ахатт, п̣ахсатт* без показателей лица в чувашском языке не употребляются и ничего не выражают. Значит, в чувашском языке временные формы являются двусторонне связанными: с одной стороны, связаны с основой слова, с другой, привязаны к аффиксам лица. Но из этого не следует, что здесь нет морфемной членимости. Благодаря основе глагола с определённым лексическим значением и аффиксам лица, выражающим действие субъекта, выделение значений временных форм не представляет трудности: *п̣ах-р-а̣м* (или *п̣ах-р̣а̣-м*) «я смотрел»; *п̣ах-ат-а̣н* (или *п̣ах-а-т̣а̣-н*); *п̣ах-а-н* «я смотрю» и т.д.

В чувашском языке есть и «свободные» временные формы: например, так называемое прошедшее неочевидное время (или причастие прошедшего времени) на *-нӑ* (*-нӗ*), которое спрягается аналитически, а не синтетически:

<i>ӗӗ курнӑ</i> «я видел»	<i>ӗпир курнӑ</i> «мы видели»
<i>ӗсӗ курнӑ</i> «ты видел»	<i>ӗсир курнӑ</i> «вы видели»
<i>ӗӗл курнӑ</i> «он видел»	<i>ӗӗсем курнӑ</i> «они видели».

Настоящее время

В чувашском языке существуют два структурных типа настоящего времени — полный и усечённый:

		единичность субъекта	
	полный	усечённый	
1 л.	<i>вупатӑп</i> — <i>вупат</i>	«читаю»	<i>пӗлетӗп</i> — <i>пӗлет</i> «знаю»
2 л.	<i>вупатӑн</i> — <i>вупан</i>	«читаешь»	<i>пӗлетӗн</i> — <i>пӗлен</i> «знаешь»
3 л.	<i>вупат(ӗ)</i> — <i>вупать</i>	«читает»	<i>пӗлет(ӗ)</i> — <i>пӗлет</i> «знает»

		множественность субъектов	
1 л.	<i>вупатпӑр</i> — <i>вупатпӑр</i>	«читаем»	<i>пӗлетпӑр</i> — <i>пӗлетпӑр</i> «знаем»
2 л.	<i>вупаттӑр</i> — <i>вупатӑр</i>	«читаете»	<i>пӗлеттӑр</i> — <i>пӗлетӑр</i> «знаете»
3 л.	<i>вупаҫҫӗ</i> — <i>вупаҫ</i>	«читают»	<i>пӗлеҫҫӗ</i> — <i>пӗлеҫ</i> «знают»

Первая (полная) форма считается общепринятой (литературной), а вторая (усечённая или неполная) — разговорной, хотя в поэзии обе эти формы употребляются одинаково широко:

— *Хур савнӑ ӗҫшӗн ӗмӗре, —*
Теп эп хама, сана пӑхассӑн (П. Хузангай)
 «— Отдай свою жизнь за дело любимое, —
 Твержу я себе, когда смотрю на тебя».

Тӗпне пӑхан: тата ҫук-и? (П. Хузангай)
 «Глянешь на дно: нет ли ещё?»

Здесь *теп* равнозначно по значению полной форме *тетӗп* «говорю себе», *пӑхан* — форме *пӑхатӑн* «глядишь».

По единодушному мнению чувашеведов, основой настоящего времени является деепричастие на *-а* (*-е*), к которому присоединяется аффикс *-т* (исторически восходящий к глаголу *тӑр* «стоять, находиться», а может быть, к причастию настоящего времени *тӑран*, равнозначному древнетюркскому причастию будущего времени *турур*), затем — аффиксы лица:

сыратӑн < *сыра* + *тӑр(ан)* + *эӗ*, букв.: «пища стоящий (находящийся) я», т.е. «пишущий я» [70, с. 188]. Эта форма совпадает с аналогичной формой настоящего времени многих тюркских языков, образующейся по структурной модели: деепричастие на *-a (-e)* + вспомогательный глагол *тур-* + аффикс лица.

В форме, названной усечённой (неполной, краткой или разговорной), в 1 и 2 лице единичности действия аффиксы лица присоединяются как бы непосредственно к деепричастной форме на *-a*, подобно форме настоящего времени в татарском и башкирском языках, где глаголы *ал* «брать, взять», *кил* «приходить, приезжать» имеют следующую парадигму спряжения в настоящем времени:

1 л. <i>ал-а-м(ын)</i>	<i>ал-а-быс</i>	<i>кил-ә-м</i>	<i>кил-ә-без</i>
2 л. <i>ал-а-сан</i>	<i>ал-а-сыз</i>	<i>кил-ә-сең</i>	<i>кил-ә-сyz</i>
3 л. <i>ал-а</i>	<i>ал-а-лар</i>	<i>кил-ә</i>	<i>кил-ә-лер</i>

Полагая, что *-a (-e)* является аффиксом деепричастия, а *-т* — показателем настоящего времени, исследователи впадают в необъяснимое противоречие: спрягаемой основой будто бы является деепричастие. Однако, опять же по единодушному мнению тех же исследователей, деепричастия не склоняются и не спрягаются.

Ближе к истине, на наш взгляд, Б.А. Серебренников и Н.З. Гаджиева. По их мнению, *-a (-e)* является показателем настоящего времени, который существовал уже в тюркском языке, и первоначально формы с этим аффиксом обозначали многократное или длительное время [49, с. 85].

Таким образом, в чувашском языке имеются два структурных типа настоящего времени: основа глагола + *-a (e)* (аффикс настоящего времени) + аффиксы лица; основа глагола + *-a (-e)* + *-т* (дополнительный показатель настоящего времени) + аффиксы лица.

В отрицательной форме показатель настоящего времени *-a (-e)* выпадает, поэтому роль форманта настоящего времени полностью переносится на аффикс *-т*: *ил-мес-т-ӗн* (или *ил-мес-тӗ-н*) «не беру», *кай-мас-т-ӑн* (или *кай-мас-тӑ-н*) «не иду».

Далее несколько слов о морфемной членимости форм настоящего времени. Здесь мнения исследователей расходятся.

И.П. Павлов приводит парадигму спряжения глаголов *сыр* «писать», *ӗсле* «работать» в следующем виде:

единичное число

1 л. <i>сыр-ат-аһ</i> «пишу»	<i>ёсле-т-ён</i> «работаю»
2 л. <i>сыр-ат-аһн</i> «пишешь»	<i>ёсле-т-ённ</i> «работаешь»
3 л. <i>сыр-атъ-в</i> «пишет»	<i>ёсле-т-в</i> «работает»

множественное число

1 л. <i>сыр-ат-н-аһр</i> «пишем»	<i>ёслет-н-ёр</i> «работаем»
2 л. <i>сыр-ат-в-аһр</i> «пишете»	<i>ёсле-т-в-ёр</i> «работаете»
3 л. <i>сыр-аҫ-в-ҫё</i> «пишут»	<i>ёсле-ҫ-в-ҫё</i> «работают»

Автор указывает, что показателем настоящего времени является аффикс *-ат (-ет)*, алломорф *-т* при этом не упоминается [118, с. 236—237].

М.Р. Федотов парадигму глагола *сыр* «писать» представляет так:

1 л. <i>сыра-т-аһ</i> «пишу»	<i>сыра-т-наһр</i> «пишем»
2 л. <i>сыра-таһ-н</i> «пишешь»	<i>сыра-таһ-р</i> «пишете»
3 л. <i>сыра-ть</i> (<i>< сыра-тё</i>) «пишет»	<i>сыра-ҫҫё</i> (<i>< сыра-т-чё</i> , <i>< сыра-ччё</i>) «пишут»

Показателем настоящего времени является, с точки зрения автора, аффикс *-таһ (-тё, -т)*, стянувшийся в один согласный звук, восходящий к вспомогательному глаголу *таһр-* (др.-тюрк. *tur*). Структурная модель образования формы настоящего времени в чувашском языке, по мнению М.Р. Федотова, совпадает с моделью большинства тюркских языков, эту модель он представил в следующем виде: деепричастие на *-а* + вспомогательный глагол *таһр* ~ *-таһ* (в разной степени сохранности) + аффикс лица [177, с. 82].

Заслуживает внимания в приведённых парадигмах спряжения показатель настоящего времени. М.Р. Федотов, приняв *-а* за показатель деепричастия и соединяя её с основой слова в виде *сыра-*, допускает традиционную ошибку, но в его теории есть рациональное зерно — обоснование происхождения форманта *т-*: вспомогательный глагол *таһр-* > *таһ-* (*тё-*) > *т-*.

Итак, в краткой форме типа *сыран* «пишу», *пёлен* «знаешь» показателем настоящего времени являются все же *-а (-е)* и аффикс лица. Формант *-а (-е)* восходит к древнему аффиксу *-а*, означавшему многократное или длительное действие. В полной же форме (*сыратаһн, пёлетён*) представлены два аффикса настоящего времени, если считать *таһран* (*< таһ (-тё) ~ -т*) причастием настоящего времени. Графически общая схема выглядит так: *сыр-а(-таһ)-н, пёл-е(-тё)-н*.

Структурную модель полной формы настоящего времени можно назвать моделью настоящего времени на *-a* (*-e*) с наращениемми *-тӑ* (*-тӗ*, *-т*).

Краткая форма настоящего времени в чувашском языке представляет собой смешанный тип спряжения: наращение *-т* (*-тӑ*, *-тӗ*) то появляется, то исчезает: *сыр-а-н*, *сыр-а-н*, *сыр-а-ть*, *сыр-а-тп-ӑр*, *сыр-а-т-ӑр*, *сыр-а-çç-ӗ*.

При спряжении полной формы в 3 лице множественности действия наращение *-т* исчезает (*сыр-а-çç-ӗ*), аффикс множественного числа *-ç* геминируется. При спряжении глагольных основ на гласные *-а*, *-е* (*кала-тӑ-н* «говорю», *çӳре-тӗ-н* «двигаюсь», «хожу») исчезает показатель настоящего времени, роль форманта настоящего времени полностью переносится на наращение *-тӑ* (*-тӗ*).

Что касается аффиксов лица, то обращают на себя внимание 1 и 2 лицо единственности действия, показателями которых выступают форманты *-н* и *-н* как в краткой, так и в полной формах:

1 л. <i>кӗр-е-тӗ-н</i>	<i>кӗр-е-н</i> «вхожу»
2 л. <i>кӗр-е-тӗ-н</i>	<i>кӗр-е-н</i> «входишь»
3 л. <i>кӗр-е-т-ӗ</i>	<i>кӗр-е-т</i> «входит»

Наблюдается выпадение показателя 3 лица *-ӗ*: *кӗретӗ* > *кӗрет*; *ларатӗ* > *ларать*.

Будущее время

Долгое время господствовало мнение о том, что форма будущего времени в чувашском языке не имеет временного показателя и образуется путём присоединения к основе глагола личных аффиксов [70, с. 190].

М.Р. Федотов утверждает, что существует определённая схема образования форм будущего времени «с единой парадигмой для всех трёх лиц, т.е. чувашское будущее время на *-ӑ* (*-ӗ*) восходит к *-ӑр* (*-ӗр*), что говорит об общетюркском характере его образования» [177, с. 92]. Мы поддерживаем это мнение и морфемное членение форм будущего времени представляем в следующем виде:

единичность субъекта

1 л. <i>кур-ӑ-н</i> «увиджу»	<i>нӗл-ӗ-н</i> «узнаю»
2 л. <i>кур-ӑ-н</i> «увидишь»	<i>нӗл-ӗ-н</i> «узнаешь»
3 л. <i>кур-ӗ</i> «увидит»	<i>нӗл-ӗ</i> «узнает»

множественность субъектов

1 л. <i>кур-ă-н-ăр</i> «увидим»	<i>нёл-ё-н-ёр</i> «узнаем»
2 л. <i>кур-ă-в-р</i> «увидите»	<i>нёл-ё-в-р</i> «узнаете»
3 л. <i>кур-в-ё-ç</i> (или <i>кур-ё-в-ç</i>) «увидят»	<i>нёл-в-ё-ç-ё</i> (или <i>нёл-ё-в-ç</i>) «узнают»

Основы, оканчивающиеся на гласные *а, е*, подвергаются процессу наложения морфов и редуцируются; ср. спряжение глаголов *вула* «читать», *çуре* «ходить», *тър* «стоять», *кил* «прийти»:

<i>вул-ă-н</i>	<i>çур-ё-н</i>	<i>тър-ă-н</i>	<i>кил-ё-н</i>
<i>вул-ă-н</i>	<i>çур-ё-н</i>	<i>тър-ă-н</i>	<i>кил-ё-н</i>
<i>вул-в-ё</i>	<i>çур-в-ё</i>	<i>тър-в-ё</i>	<i>кил-в-ё</i>

Как и в формах настоящего времени, в формах будущего времени показателями лица являются *-н, -н, -ё* (в форме 3 лица стечение двух гласных *-ă + -ё* или *-ё + -ё* приводит к наложению морфов, в результате один из этих формальных показателей выпадает), формант отрицания *-м* вставляется между основой глагола и показателем временной формы:

<i>кур-м-ă-н</i>	<i>нёл-м-ё-н</i>	<i>тър-м-ă-н</i>	<i>кил-м-ё-н</i>
<i>кур-м-ă-н</i>	<i>нёл-м-ё-н</i>	<i>тър-м-ă-н</i>	<i>кил-м-ё-н</i>
<i>кур-м-в-ё</i>	<i>нёл-м-в-ё</i>	<i>тър-м-в-ё</i>	<i>кил-м-в-ё</i>
(или <i>кур-м-ё-в</i>)	(или <i>нёл-м-ё-в</i>)	(<i>тър- < тър-</i>)	

Аффикс будущего времени *-ă (-ё)* представлен в формах уступительного и так называемого сослагательного наклонения, тем самым можем говорить о временных значениях этих форм: *кал-ă-н-ин, кил-ё-н-ин; кал-ă-тт-ăм* «(я) сказал бы», *кил-ё-тт-ём* «(я) пришёл бы».

Прошедшее время

Н.И. Ашмарин внёс большой вклад в решение проблемы определения закономерностей употребления форм прошедшего времени чувашского языка. Они описаны им во 2-й части «Опыта исследования чувашского синтаксиса» под следующими названиями: прошедшее время действия (*килтём* «(я) пришёл», *килтён* «(ты) пришёл», *килчё* «(он) пришёл»); предварительное действия (*килсеччёç* «(они) приходили раньше»); прошедшее многократное или несовершенное действия (*çуреттён* «(ты) ходил было»); прошедшее состояния (*вуланă* «(он) прочитал»); предварительное состояния 1-е (*вуланăччё* «(он) прочитал

раньше»); предварительное состояния 2-е (*сырнӑ пулнӑ* «(он) написал было»); прошедшее многократное состояния 1-е (*кайнӑ пулнӑ* «(он) шёл» — *was going*, тат. *бара булган*); прошедшее многократное состояния 2-е (*кайнӑ пулатчӑ* «(он) бывал куда-то вышедшим», «бывал в отлучке»); настоящее-прошедшее (*Энӑ сан пата ымамассерен эсӑ таҫта тухса кайнӑ пулатӑн* «Я прихожу к тебе, а ты каждый раз бываешь в отлучке») [21, II, с. 185—236].

Впоследствии номенклатура форм прошедшего времени чувашского языка рассматривалась разными авторами по-разному. Н.К. Дмитриев и С.П. Горский представили такие формы прошедшего времени: прошедшее определённое (очевидное) время (в сноске уточнено, что в грамматиках тюркских языков употребляется другой термин — «прошедшее категорическое»), прошедшее неопределённое (неочевидное) время, прошедшее многократное время, давнопрошедшее определённое (очевидное) время и давнопрошедшее неопределённое (неочевидное) время [68, с. 885—887].

В научной грамматике чувашского языка, вышедшей в 1957 г., В.Г. Егоров даёт следующую номенклатуру названий форм прошедшего времени: прошедшее категорическое (*сыртӑм* «написал»); прошедшее неопределённое (*энӑ вуланӑ* «я читал», букв.: читавший я); давнопрошедшее категорическое (*сырсаттӑн* «(ты) написал было»); давнопрошедшее неопределённое время (*энӑ сырнӑччӑ* «я писал»); прошедшее несовершенное или прошедшее многократное время (*савӑнаттӑм* «(я) было радовался») [70, с. 192—202]. Заметьте: В.Г. Егоров глагольную форму на *-нӑ* (*-нӗ*) называет то прошедшим неопределённым временем [70, с. 195—197], то причастием прошедшего времени [70, с. 221—223].

И.П. Павлов приводит следующие формы прошедшего времени: прошедшее однократное время (*сыртӑм* «(я) писал»); прошедшее многократное время (*сыраттӑм* «(я) бывало, писал»); прошедшее предварительное время (*сырсаттӑм* «(я) написал было») [118, с. 241—249].

Признавая, что «в сферу прошедшего времени чувашского глагола входят простые и сложные формы» [177, с. 95], М.Р. Федотов к простым формам относит прошедшее очевидное на *-тӑ* (*-тӗ*), *-рӑ* (*-рӗ*) (*куртӑм* «(я) видел», *вуларӑм* «(я) читал»), прошедшее неочевидное на *-нӑ* (*-нӗ*) (по его мне-

нию, в чувашском языке эта форма представляет собой причастие прошедшего времени на *-нă (-нĕ)* в положительной форме и на *-н* в отрицательной форме: *кайнă* «ушедший», «ушёл»; *килнĕ* «пришедший», «пришёл»; *кай-ма-н* «не ушедший», «не ушёл»; *кил-ме-н* «не пришедший», «не пришёл» [177, с. 102—106]) и прошедшее неочевидное на *-са (-се)* (но отмечено, что форма на *-са (-се)* не принята в качестве литературной нормы, ибо характерна лишь для говоров верховых чувашей). М.Р. Федотов считает, что эффект «спряжения» деепричастия на *-са* достигается постановкой перед деепричастием соответствующих личных местоимений: *эпĕ (эсĕ, вăл) сьрса* «я (ты, он) писал», *эпир (эсир, вĕсем) сьрса* «мы (вы, они) писали» [177, с. 106]. В качестве сложных М.Р. Федотов рассматривает формы, в которых, кроме значения прошедшего времени, имеются «дополнительные значения, остающиеся в сфере прошедшего времени» [177, с. 109], в том числе плюсквамперфект (у Н.И. Ашмарина «предварительное состояния 1-е»), состоящий из причастия прошедшего времени на *-нă (-нĕ)* и «рефлекса вспомогательного глагола “быть” *-чĕ (-ччĕ)*, но без аффиксов лица»: *эпĕ сьрнăччĕ* «я писал тогда (раньше)» [177, с. 113].

Обзор научной литературы приводит к выводу: в чувашском языке имеются два типа спряжения глаголов в прошедшем времени — аналитический и синтетический.

К **аналитическому типу спряжения** относятся: 1) прошедшее неопределённое (неочевидное) время на *-нă (-нĕ)*, которое характеризуется отсутствием синтетического выражения лица и числа, а эффект спряжения достигается постановкой (притом обязательной) в препозиции личных местоимений: *эпĕ (эсĕ, вăл) сьрнă* «я (ты, он) писал»; *эпир (эсир, вĕсем) сьрнă* «мы (вы, они) писали»; 2) прошедшее неопределённое время на *-са (-се)*, характерное в первую очередь для верхового диалекта чувашского языка: *эпĕ (эсĕ, вăл) сьрса* «я (ты, он) писал»; *эпир (эсир, вĕсем) сьрса* «мы (вы, они) писали»; 3) плюсквамперфект, образующийся по модели: *-нă (-нĕ) + -ччĕ* «я (ты, он) писал (раньше)»; *эпир (эсир, вĕсем) сьрнăччĕ* «мы (вы, они) писали (раньше)».

Аналогичный тип полного аналитического спряжения замечен ещё в двух языках тюркской семьи: сарыг-югурском и саларском. «Причина разрушения общетюркской временной

парадигмы в сарыг-югурском языке (и в саларском. — В.С.) непосредственно связана с исчезновением различий в лице и числе форм принадлежности и сказуемости, форманты которых участвуют в сложении времен», — пишет Э.Р. Тенишев [170, с. 25].

Аналитическое спряжение причастия прошедшего времени представлено также в тувинском языке. «Особенность данной формы в тувинском языке (в отличие от других) состоит в том, что она спрягается аналитически, а не синтетически: к спрягаемой причастной форме на *-кан* присоединяются личные показатели — омонимы личных местоимений (*мен, сен, бис, силер*), причем последние сохраняют фонетический облик отдельного слова и не сливаются с причастной основой на *-кан*»: *мен алган мен* «я взял», *сен алган сен* «ты взял», *ол алган* «он взял», *бис алган бис* «мы взяли», *силер алган силер* «вы взяли», *олар алган (нар)* «они взяли» [89, с. 369—370]; ср. чув.: *эпĕ илнĕчĕ, эсĕ илнĕчĕ, вăл илнĕчĕ, эпир илнĕчĕ, эсир илнĕчĕ, вĕсем илнĕчĕ*.

Нельзя не отметить, что форма 3 лица тувинского языка *ол алган* имеет соответствующие параллели в шорском (*ол алган*), хакасском (*ол алган*), алтайском (*ол алган*), киргизском (*ал алган*) «он взял»; но формы 1 и 2 лица единственного и множественного числа строятся в тувинском иначе, нежели в других тюркских языках; ср.: шор. *мен алгам*, хак. *мин алгам*, алт. *мен алганым* (~*алгам*), кирг. *мен алган-мын* «я взял», т.е. спрягаются синтетически.

В чувашском языкознании прошедшее время на *-нă* (*-нĕ*) иногда именуют прошедшим неочевидным временем. Термин «неочевидное» не всегда соответствует названию, поскольку сталкиваемся со множеством примеров, когда форма на *-нă* (*-нĕ*) выражает вполне очевидные для говорящего действия, имевшие место в прошлом: *Эпĕ колхозра 25 çул ёсленĕ* «В колхозе я проработал 25 лет» (человек за столько лет не мог не заметить себя работающим). Если употребить термин «прошедшее неочевидное время», то получается, будто он всегда означает действие, очевидцем которого говорящий фактически не был. Поэтому эту временную форму следовало бы именовать «прошедшее неопределённое время на *-нă* (*-нĕ*)». Б.А. Серебренников предлагал другой термин — «прошедшее второе» — и рекомендовал внести его в грамматику чуваш-

ского языка [155, с. 185], но его термин остался невостремованным.

К синтетическому типу спряжения относятся: 1) прошедшее категорическое (или прошедшее очевидное, прошедшее однократное) время, т.е. перфект; 2) прошедшее многократное время.

Морфемное членение словоформ перфекта целесообразно показать в следующем виде:

единичность субъекта

1 л.	<i>кур-тă-м</i> «(я) видел(а)»	<i>вула-рă-м</i> «(я) читал(а)»
2 л.	<i>кур-тă-н</i> «(ты) видел(а)»	<i>вула-рă-н</i> «(ты) читал(а)»
3 л.	<i>кур-ч(ν)-ĕ</i> «(он, она) видел(а)»	<i>вула-р(ν)-ĕ</i> «(он, она) читал(а)»

множественность субъектов

1 л.	<i>кур-тă-м-ăр</i> «(мы) видели»	<i>вула-рă-м-ăр</i> «(мы) читали»
2 л.	<i>кур-тă-ν-р</i> «(вы) видели»	<i>вула-рă-ν-р</i> «(вы) читали»
3 л.	<i>кур-ч(ν)-ĕ-ç</i> «(они) видели»	<i>вула-р(ν)-ĕ-ç</i> «(они) читали»

Что касается трёхвариантности аффикса прошедшего однократного времени, то причины здесь чисто фонетические: если основа глагола оканчивается на *л, н, р*, то аффикс прошедшего времени имеет форму *-тă (-тĕ)*, а в 3 лице звук *т* сильно палатализуется и переходит в *ч*: *кан-т-ăм* «(я) отдыхал», *кан-ч(ν)-ĕ* «(он) отдыхал», причём под влиянием показателя 3 лица *ă* переходит в *ĕ* и исчезает совсем. Алломорф *-рă (-рĕ, -р)* присоединяется к основам с гласными и согласными (за исключением указанных выше *л, н, р*): *ĕçле-рĕ-м* «(я) работал»; *вула-рă-м* «(я) читал»; *хуп-рă-м* «(я) закрыл»; *хуш-рă-м* «(я) приказал»; *кĕт-рĕ-м* «(я) ждал» и т.д.

Таким образом, прошедшее однократное время в чувашском языке образуется при помощи аффикса *-тă (-тĕ, -рă, -рĕ, -ч)*. В форме прошедшего однократного времени, как и в формах настоящего и будущего времени, показатели времени являются связанными, т.е. несамостоятельными, их значение проясняется лишь в связи с аффиксами лица: формы *вула-рă, вула-р, сĕн-тĕ, кур-тă* в языке ничего не значат, только при наличии аффиксов лица выявляется значение времени аффиксов *-рă, -р, -тă, -тĕ* — *вуларăм, вуларăн, вуларĕ; сĕнтĕм, сĕнтĕн, сĕнчĕ; куртăм, куртăн, курчĕ*.

Образование формы прошедшего многократного времени объясняется по-разному. Исходя из вариантов толкования

А.И. Иванов представил варианты морфемного членения 1 лица единственности действия прошедшего многократного времени: 1) *сыра-ттӓм*, 2) *сырат-т-ӓм*, 3) *сыр-а-т-тӓм*, 4) *сыр-а-т-т-ӓм*, 5) *сыр-а-тт-ӓм*, 6) *сыр-атт-ӓм*, 7) *сыр-ат-т-ӓм*, 8) *сыр-ат-тӓм*, 9) *сырат-тӓм* [80, с. 170].

В.Г. Егоров считает, что эта временная форма образуется по схеме: деепричастие на *-а (-е)* + аффикс *-т* (восходящий к глаголу *тӓр* «стоять» или причастию *тӓран*) + личные окончания (восходящие к личным местоимениям) [70, с. 200]. Выходит, спрягаемой основой для прошедшего многократного времени является деепричастие на *-а (-е)*. Если так, то деепричастия на *-а (-е)* следует считать спрягаемыми формами.

И.П. Павлов утверждает, что к основе глагола здесь присоединяются аффиксы многократного времени *-атт (-атч)*, *-етт (-етч)* + аффиксы лица. Но, по мнению автора, с этимологической точки зрения имеется формант настоящего времени *-ат (-ет)* + показатель прошедшего однократного времени недостаточного глагола *-т (-ч)* (*кур-ат-т-ӓм*, *кур-ат-т-ӓн*, *кур-ат-ч-ӓ*), которые вместе образуют в современном языке комплексный аффикс прошедшего многократного времени [118, с. 245–246].

У А.И. Иванова имеется следующее объяснение: «В турецком и некоторых тюркских языках разбираемое время также образуется от спрягаемой основы настоящего времени, да и в тех языках, где нормы указанного времени образуют деепричастия на *-а (-е)*, это деепричастие в них является основой настоящего времени»; далее он заявляет, что «прошедшее несовершенное (многократное. — В.С.) время образуется от основы настоящего времени: *сырат-тӓм* или с выделением аффиксов *сыр-а-т-тӓм*» [80, с. 170]. Но недоразумение вызывает в трактовке А.И. Иванова аффикс *-тӓм (-тӓм)*, не являющийся ни аффиксом времени, ни аффиксом лица, на что справедливо указал И.П. Павлов [118, с. 246].

Итак, прошедшее многократное время образуется по схеме: основа глагола + *-ат (-ет, -т)* + аффикс перфекта *-тӓ (-тӓ, -ч)* + аффикс лица (причём формант *-ат (-ет, -т)* представляет собой соединение аффикса настоящего времени *-а (-е)* и причисляемого также к настоящему времени форманта *-т*, произошедшего от глагола *тӓр* или причастиа *тӓран*).

единичность субъекта

- 1 л. *сыр-ат-тӑ-м* «(я) бывало, писал»
ёсле-т-тӑ-м «(я) бывало, работал»
- 2 л. *сыр-ат-тӑ-н* «(ты) бывало, писал»
ёсле-т-тӑ-н «(ты) бывало, работал»
- 3 л. *сыр-ат-ч-ӗ* «(он, она) бывало, писал(а)»
ёсле-т-ч-ӗ «(он) бывало, работал»

множественность субъектов

- 1 л. *сыр-ат-тӑ-м-ӑр* «(мы) бывало, писали»
ёсле-т-тӑ-м-ӑр «(мы) бывало, работали»
- 2 л. *сыр-ат-тӑ-ν-р* «(вы) бывало, писали»
ёсле-т-тӑ-ν-р «(вы) бывало, работали»
- 3 л. *сыр-ат-ч-ӗ-ç* «(они) бывало, писали»
ёсле-т-ч-ӗ-ç «(они) бывало, работали»

Новая система временных форм глагола И.П. Павлова

Глагольное время, или категория времени, — грамматический (морфологический) признак глагола, в котором соотносятся обозначаемое действие и время: когда об этом говорят, т.е. в момент речи, — это настоящее время; если действие происходило раньше момента речи или предшествует ему — это формы прошедшего времени глагола; действие ожидается позже момента речи — форма будущего времени глагола.

На первый взгляд, всё просто. Первое своё научное (а также учебное) пособие И.П. Павлов строил именно по этой схеме: настоящее время, будущее время и три вида прошедшего времени: прошедшее (одноразовое, однократное), прошедшее неопределённое, давнопрошедшее категорическое [118, с. 236—249]. Почти в таком же плане изложена эта тема в исследовании В.Г. Егорова [70, с. 187—202].

В 1987 г., с появлением статьи И.П. Павлова «По поводу категории времени в современном чувашском языке» [125], начинается новый этап в изучении темпоральных отношений глагольных форм — отношений между граммемами и единицами языка, основанных на различного рода показателях времени.

И.П. Павлов упор делает на причастиях и деепричастиях, отмечая, что исследователи «главное внимание обращают на

личные формы глагола и под эту категорию подводят лишь предикативные формы», а определить место причастий и деепричастий в системе глагольных форм и объяснить, в образовании каких грамматических категорий они участвуют, языковеды так и не смогли [125, с. 5]. Он выделил следующие группы функциональных временных форм: предикативные временные формы, выражающие функции сказуемого; атрибутивные временные формы, выражающие функции определения; обстоятельственные временные формы, выражающие функцию обстоятельства.

Автор рекомендует различать абсолютное время (время действия, которое определяется по отношению к моменту речи) и относительное (когда время действия определяется не по отношению к моменту речи, а в отношении времени другого действия). И.П. Павлов поддерживает мнение, согласно которому значение наклонения и значения времени неотделимы друг от друга и формы повелительного, уступительного и так называемого сослагательного наклонения чувашского языка в своих основных значениях должны быть отнесены к различным видам будущего времени: будущее неопределённое: *вулӑп* «буду читать»; будущее повелительное: *вулам* «(дай) прочту»; будущее сослагательное: *вулӑттӑм* «(я) прочитал бы»; будущее уступительное: *вулӑпин* «пусть даже прочту».

Парадигму функциональных временных форм глагола И.П. Павлов показал в виде таблицы (см. с. 305) [125, с. 17].

В данной таблице сомнения вызывают составные форманты типа *-малӑх (-мелӑх)* (на самом деле *-ма (-ме)* — аффикс инфинитива и *-лӑх (-лӑх)* — формант достаточности и предназначения); *-нӑранпа (-нӑренпе)* — *-нӑ-ран-па (-нӑ-рен-пе)*, *-массерен (-мессерен)* — *-ма + -ссерен (-ме-ссерен)* и др., а ведь и В.Г. Егоров, и И.П. Павлов признавали членимость этих композитных аффиксов.

В вопросах о категории времени в современном чувашском языке, поднятых И.П. Павловым, много неразрешённого, особенно вызывают спор формы деепричастий. Соображения в пользу интерпретации категории времени деепричастных форм, в пользу признания категории времени причастий «вплетённой» в некую синкретичную категорию «вида — времени» витают в умах давно. А.В. Бондарко писал, что образование форм

Временные формы глагола

Функциональные формы Последовательность (порядок) действий	Формы абсолютного времени		Формы относительного времени	
	Предикативные формы	Непредикативные формы		
		Атрибутивные формы	Обстоятельственные формы	
Одновременность	-ат (-ет): <i>сырат-ăп</i>	-акан (-екен): <i>сыр-акан</i> -анси (-енси): <i>сыр-анси</i> -и: <i>сыр-и</i> -ан (-ен): <i>сыр-ан</i> -иш: <i>сыр-иш</i>	-са (-се): <i>сырса</i> -а (-е): <i>сыр-а</i> -нăсем (-нĕсем): <i>сыр-нăсем</i> -уçăн (-ўçĕн): <i>сыр-уçăн</i>	
Предшествование	-р (-т, -ч): <i>сырт-ăм</i> -атт (-етт): <i>сыратт-ăм</i> -сатт (-сетт): <i>сыр-сатт-ăм</i>	-нă (-нĕ): <i>сыр-нă</i>	-сан (-сен) // -сасăн (-сесĕн): <i>сыр-сан</i> // <i>сыр-сасăн</i> -нăранпа (-нĕренпе): <i>сырнăранпа</i>	
Следование	-ă (-ĕ): <i>сыр-ă(-ă)п</i> -ăтт (-ĕтт): <i>сыр-ăтт-ăм</i> , -ин: <i>сыр-ăп-ин</i> -а(-е): <i>сыр-а(-ă)м</i>	-ас (-ес): <i>сыр-ас</i> -малла (-мелле): <i>сыр-малла</i> -малăх (-мелĕх): <i>сыр-малăх</i>	-массерен (-мессерен): <i>сыр-массерен</i> -иччен: <i>сыр-иччен</i>	

инфинитива и деепричастий «не создаёт особых грамматических категорий» [43, с. 17]. Некоторые исследователи в причастиях и деепричастиях видят самостоятельные части речи [182, с. 204, 214]. Иногда деепричастие характеризуется морфологической категорией вида, но не времени: «деепричастие как форма глагола не обладает морфологически выраженным временным значением» [140, с. 672]. Также отмечается, что вопрос о временных значениях деепричастий не является до конца выясненным [108, с. 234—235].

Всё сказанное касается деепричастий в русском языке, а И.П. Павлов пишет о деепричастиях в чувашском языке. Исследователи, все как один, пишут о наличии значения времени у причастий. И.П. Павлов солидарен с Л.В. Щербой, рассмотревшим деепричастия в одном ряду с личными формами

глагола, ибо те и другие одинаково обозначают время действия [188, с. 45].

Возникает вопрос: «Если причастия и деепричастия не являются самостоятельными частями речи, не считаются ли они самостоятельными категориальными формами глагола?» На этот вопрос ответа нет. Ясно одно: «Категория времени... очень своеобразна, она значительна по объёму и многообразна по составу» [125, с. 25].

Категория отрицания

Если все временные формы и формы наклонений в сочетании с показателями лица, рассмотренные нами, считались положительным утверждением, то под отрицанием посредством аффикса *-мас* (*-мес*, *-ма*, *-ме*, *-м*) понимается нами отрицательное утверждение. Утверждение бывает положительным и отрицательным: отрицая что-либо, мы также утверждаем, но утверждаем отрицательно. Например:

положительное утверждение	отрицательное утверждение
<i>сыратӑп</i> «пищу»	<i>сырмастӑп</i> «не пишу»
<i>сыртӑм</i> «(я) писал»	<i>сырмарӑм</i> «(я) не писал»
<i>сырӑп</i> «напишу»	<i>сырмӑп</i> «не напишу»
<i>сыраттӑм</i> «я, бывало, писал»	<i>сырмастӑм</i> «я, бывало, не писал»
<i>сырӑпин</i> «пусть буду писать»	<i>сырмӑпин</i> «пусть не буду писать»
<i>сырӑттӑм</i> «(я) написал бы»	<i>сырмӑттӑм</i> «(я) не писал бы»
<i>сыраятӑп</i> «(я) в состоянии писать»	<i>сыраймастӑп</i> «(я) не в состоянии писать»
<i>эӗ сырӑ</i> «я писал»	<i>эӗ сырман</i> «я не написал» и т.д.

Выдвигая утверждение о «двуликот» отрицании, мы ориентируемся на высказывание А.С. Азаманова: «...и утверждение, и отрицание имеют то общее, что и в том, и в другом случае мысль является решением познавательной задачи, полаганием существования или несуществования чего-либо в действительности, то утверждение и отрицание чего-либо о предмете признаются видами одной и той же формы мысли, называемой суждением» [12, с. 147].

Таким образом, положительное и отрицательное утверждения рассматриваются нами как важнейшие признаки суждения. Однако же грамматическое (морфологическое) отрицание, основанное на логическом отрицании, далеко не равнозначно

последнему. Это говорит о том, что нельзя исследовать грамматическое отрицание только при помощи логического отрицания, ибо в логике положительному суждению всегда соответствует отрицательное. Морфологическое отрицание в чувашском языке не выступает само по себе, а вступает в сложные взаимоотношения с другими грамматическими категориями, переплетается с модальностью, предикативностью, оно связано наклонениями, временными и личными формами. Аффикс *-мас* (*-мес, -ма, -ме, -м*), как показатель отрицательного утверждения, является всегда связанным, т.е. вне рамок спрягаемых парадигм он практически немислим. Нельзя образовать отрицательную форму от глагольной основы только посредством аффикса, т.е. не говорим: *эё вуламас, энё вулама, въл вулам*. Только односторонняя связь: основа глагола + *-мас* (*-мес, -ма, -ме, -м*) — не образует морфологическую категорию отрицательного утверждения, при этом неотъемлемыми компонентами должны быть показатели временных, личных форм и форм наклонений:

энё вуламастӑн «я не читаю»; *вула-мас-т-ӑн*

энё вуламарӑм «я не читал»; *вула-ма-р-ӑм*

въл вуламё «он не будет читать»; *вула-м-ё*

эпир вулаймастӑр «мы не в состоянии читать»; *вула-й-мас-т-п-ӑр*

эсир вулаймастӑр «вы не в состоянии читать»; *вула-й-мас-т-ӑр*.

Нельзя представить отрицание в языке в качестве одного из членов морфологической оппозиции — в виде «утверждение — отрицание». При такой постановке вопроса можно говорить лишь об отрицании на логическом уровне (положительное утверждение — отрицательное утверждение) или на синтаксическом уровне (*сыр* «пиши» — *ан сыр* «не пиши», *вула* «читай» — *ан вула* «не читай» и т.д.).

В чувашском языке морфологической формы отрицания в чистом виде (как, например, в башкирском языке: *бар* «иди» — *барма* «не ходи») нет.

Аффикс *-мас* (*-мес, -ма, -ме, -м*), следующий непосредственно за лексической основой глагола, отрицательно характеризует содержание не столько данной основы, сколько всей словоформы. Он представляет отрицательный эквивалент не самой глагольной лексемы, а соответствующей грамматической формы,

которая от неё образована: *вулатӑн* «читаю» — *вуламастӑн* «не читаю»; *вуларӑм* «(я) читал» — *вуламарӑм* «(я) не читал»; *вулап* «прочту», «буду читать», *вуламӑп* «не прочту», «не буду читать».

Отрицательная форма глагола настоящего времени образуется посредством алломорфа *-мас (-мес)*: *ларатӑн* «сижусь» — *лармастӑн* «не сижу»; *ларатӑн* «сидишь» — *лармастӑн* «не сидишь»; *ларать* «(он) сидит» — *лармасть* «(он) не сидит»; *ларатпӑр* «сидим» — *лармастпӑр* «не сидим»; *ларатӑр* «сидите» — *лармастӑр* «не сидите»; *ларасӑӑ* «(они) сидят» — *лармасӑӑ* «(они) не сидят». Он же образует отрицательную форму желательного наклонения: *лараймастӑн* «я не в состоянии сидеть».

Алломорф *-ма (-ме)* образует отрицательную форму глагола в прошедшем однократном времени: *сыртӑм* «(я) писал» — *сырмаӑм* «(я) не писал»; *сыртӑн* «(ты) писал» — *сырмаӑн* «(ты) не писал»; *сырчӑ* «(он) писал» — *сырмаӑ* «(он) не писал»; *сыртӑмӑр* «(мы) писали» — *сырмаӑмӑр* «(мы) не писали»; *сыртӑр* «(вы) писали» — *сырмаӑр* «(вы) не писали»; *сырчӑс* «(они) писали» — *сырмаӑс* «(они) не писали».

Категориальные формы причастий прошедшего и будущего времени образуют отрицательную форму также посредством алломорфа *-ма (-ме)*: *вуланӑ-вуламан кӑнеке* «непрочитанная книга»; *пулас-пулмас сын* «негодный человек».

Алломорф *-м-* образует отрицательную форму будущего времени (*курӑп* «увидю» — *курмӑп* «не увижу»), уступительного наклонения (*курӑпин* «пусть увижу» — *курмӑпин* «пусть не увижу»), формы так называемого сослагательного наклонения (*вуламӑттӑм* «(я) не читал бы»).

Отрицательная форма повелительного наклонения не связана с аффиксальным выражением, отрицание выражается при помощи частиц *ан* и *мар*. Это значит, что данные формы не связаны с синтетическим словоизменением, имеет место синтетико-аналитический или (морфосинтаксический) способ отрицания: *вулам мар, ан вула, ан вулатӑр, вулар мар, ан вулаӑр, ан вулачӑр*.

Итак, отрицание в чувашском языке как морфологическая категория представляет собой выражение с помощью аффикса *-мас (-мес, -ма, -ме, -м)* негативных связей между понятиями «положительное утверждение» и «отрицательное утверждение».

Б. Формоизменение и формообразование неличных форм глагола

Система вербоидов чувашского языка

Глагол в чувашском языке представлен двумя рядами образований: форм полной вербальности и форм неполной вербальности — так называемых вербоидов (букв.: подобные глаголу), совмещающих свойства глагола и других частей речи. В формоизменении глаголов полной вербальности, наряду с аффиксами наклонений, немаловажное значение имеют (по мнению некоторых чувашеведов) аффиксы лица и числа, в то время как для глагольных форм неполной вербальности аффиксы наклонений, лица и числа никакой роли не играют.

Неличными формами глагола (*verbum infinitum*, или вербоиды) в тюркологии (и в чувашском языкознании) принято называть формы деепричастий и причастий, а также форму инфинитива. В этом ряду имя действия на -у (-ү) как лингвистический феномен обычно не упоминается.

Деепричастие рассматривается как особая форма глагола, но при этом умалчивается, какая это форма: категориальная или некатегориальная. До появления книги «Морфологические категориальные и некатегориальные формы в современном чувашском языке» [152] слово «некатегориальный» в чувашском языкознании вообще не употреблялось. Считалось, что в тюркских языках всякая словоизменительная форма является универсальной в пределах той или иной части речи. Под словом «универсальность» понимался принцип тотальности употребления данной формы. Но категориальные формы в межчастеречном обиходе могут перейти («превратиться») в некатегориальные формы. Например, категория компаративности прилагательных является тотальной, универсальной, т.е. категориальной, но у существительных этой категории нет, формы типа *ачарах* «ребёнок ещё», *тырăсем курăкрах* «хлеба незрелые» и остальные 10—15 единиц, подчиняясь принципу избирательности, представляют собой некатегориальную форму сравнения имён существительных.

Признание аффиксов деепричастий, причастий и инфинитива словоизменительными и то, что большинство из них подчиняется принципу тотальности употребления, дают право

заявить, что в чувашском языке явно прослеживается наличие многочисленных субкатегориальных форм деепричастий, причастий и одночленной категории инфинитива.

Ю.Д. Джанмавов, выступая против высказываний тюркологов вроде «деепричастие — неизменяемая форма глагола», утверждает: «Определения подобного типа не совсем верно отражают природу деепричастий тюркских языков и создают до некоторой степени искаженное представление о них... Деепричастия в тюркских языках не представляют собой совершенно неизменяемую глагольную форму» [64, с. 5]. Сказанное Ю.Д. Джанмавовым напрямую относится к материалу чувашского языка.

Вслед за корифеем чувашского языкознания Н.И. Ашмаринным, отмечавшим: «Настояще-будущее время чувашского глагола образуется от деепричастия слитного на “а, е” и характеристики “т” (усечённое, тюркское *тур, тыр*)» [20, с. 303], практически все чувашские языковеды писали о спрягаемых формах глагола, образованных от деепричастных форм на *-a (-e)*: и Ф.Т. Тимофеев [172, с. 67], и В.Г. Егоров [70, с. 188], и И.П. Павлов [118, с. 237].

Если верить утверждению В.Г. Егорова о том, что «в чувашском языке в положительной форме основной настоящего времени является деепричастие на *-a (-e)* (имевшее первоначально значение причастия), к которому присоединяется аффикс *-m*, восходящий к глаголу *тӑр* “стоять, находиться”» [70, с. 188], получается, что деепричастие на *-a (-e)* является основой настоящего времени, но в современном понимании такое невозможно, ведь основа слова «за вычетом из него словоизменительных морфем (окончаний)» выражает «его вещественное лексическое значение» [100, с. 353]. К мнению В.Г. Егорова присоединяется И.П. Павлов, признающий слитный аффикс *-am (-em)*, который выражает значение настоящего времени [118, с. 237]. Но как быть с усечённой формой настоящего времени типа *сыр-а-н* «(я) пишу», *сыр-а-н* «(ты) пишешь», *кӑр-е-н* «(я) вхожу», *кӑр-е-н* «(ты)ходишь»? Что представляет собой в этих примерах *-a (-e)* — аффикс деепричастия или усечённую форму от *-am (-em)*? Их И.П. Павлов считает «незаконнорожденными», характерными для беглой разговорной речи, порицая писателей, поэтов и языковедов за неуместное использование таких усечённых форм.

Почти все чувашеведы поддерживают идею о том, что деепричастие на *-a (-e)* первично было причастием, но не уточняют каким.

Некоторые языковеды уверены в том, что отглагольные образования на *-a (-e)* выступают одновременно и как прилагательные, и как существительные. По мнению И.П. Павлова, кроме деепричастий на *-a (-e)*, употребляющихся в основном в удвоенном виде: *лара-лара*, *киле-киле*, «есть прилагательные... образованные от глагола при помощи аффикса *-a (-e)*», к которым автор относит следующие примеры: *юха* «текучий» от глагола *юх* «течь», употребляется в сочетании *юха сáмса* (букв.: текучий нос) «сопляк» (в словаре Н.И. Ашмарина дано выражение *юха тáр* «течь постоянно», которое напоминает образование настоящего времени: *сыр-а + тáр(-ан) + энё* «пишущий я»); *йёре* «плакучий, плакса», *йёре хáва* «плакучая ива»; *кара* в сочетании *кара сáвар* «разиня, ротозей»; *сáвра* «круглый», *сáвра сил* «вихрь»; *сáвра сул* «окольная дорога», *сáвра курка* «круговой ковш при угощении», *сáвра чёлё* «ломоть, отрезанный от края каравая»; *тавра* «круговой, обходной», *тавра сул* «обходная дорога» и т.д. [116, с. 252—253].

На наш взгляд, приведённые отглагольные образования на *-a (-e)* невозможно считать прилагательными, потому что они не принимают категориальный аффикс сравнения *-рах (-рех)*: нет в чувашском языке формы *юхарах сáмса*, *йёререх хáва*, *сáвра-рах сил* (ср.: *сúллёрех сурт* «дом повыше», *кахалтарах сын* «человек, который ленивее»). К этому ряду примыкают: *сыса кут* «засранец», *шáра кут* «мочащийся под себя», «зассыха». Этим отглагольным образованиям на *-a (-e)* чужды также категория выделения на *-и*, *-скер* и категория образа действия на *-áн (-ён)*, и это говорит о том, что подобные образования близки к именам действия.

Итак, мы утверждаем, что основа настоящего времени восходит к производным на *-a (-e)*, которые сейчас, как и раньше, выступают как отглагольные имена. Посредством непродуктивного словообразовательного аффикса *-a (-e)* образуются: 1) имена существительные, которые склоняются, принимают аффикс множественного числа *-сем* и способны быть в формах категориальной принадлежности: *вáлта* «удочка», от глагола *вáлт* «выведывать обманом», «обмануть»; *вите* «сарай» от глагола *вит* «крыть»; *пáра* «бурав», *сыра* «резец», *тáха* «крючок»,

«пряжка», *турта* «оглобля», *ыра* «паз» и некоторые другие; 2) немногочисленные имена действия, отличающиеся от подлинных имён существительных тем, что не могут быть в форме множественности и стоят вне категории принадлежности, но способны частично изменяться по падежам: *йёре* «плакса», *макӑра* «плакса», *юха (сӑмса)* «сопляк», *йыниша* «пискун», «нытик» и некоторые другие.

Ещё один момент. В 1957 г. В.Г. Егоров писал: «Давнопрошедшее категорическое время образуется от деепричастия на *-са (-се)* и глагольных аффиксов *-ттӑм*, *-ттӑн*, *-ччӑ*, *-ттӑмӑр*, *-ттӑр*, *-ччӑс*, представляющих собою личные формы прошедшего категорического времени древнетюркского недостаточного глагола *и-мек* «быть» и соответствующих формам: *идем*, *иденг*, *иде* и т.д.» При всём желании квалифицировать деепричастную форму на *-са (-се)* в качестве спрягаемой формы глагола, В.Г. Егоров не выступил против общепринятого в языкознании положения, что деепричастие — вербоид (неспрягаемая форма глагола), поэтому формант *-са (-се)* назвал «приметой деепричастия *-са (-се)*». Но при описании отрицательной формы отметил, что «между основой глагола и приметой деепричастия *-са (-се)* вставляется аффикс *-ма (-ме)*», наглядно показал последовательность и членимость аффиксальных морфем в следующем виде: *сыр-ма-са-ттӑм*, *ил-ме-се-тт-ӑм* [70, с. 197]. Из чувашских языковедов В.Г. Егоров единственный, кто указал на членимость «единого» аффикса в виде *-са* и *-ттӑм*, *-ттӑн*, *-ттӑмӑр*, *-ттӑр* [70, с. 1], хотя финальную часть следовало бы тоже разложить: *-тт-ӑм*, *-тт-ӑн*, *-тт-ӑм-ӑр*, *-тт-ӑр*. Впоследствии морфологи соединили два разноплановых аффикса в виде *-самт (-сетт)* и тем самым отстояли идею, что форма на *-са (-се)* всё же неспрягаемая форма (вербоид) [118, с. 248; 154, с. 367].

И.П. Павлов отметил: «Все деепричастия — и первичного, и вторичного образования — не изменяются ни по лицам, ни по числам», но в сноске указал: «В некоторых тюркских языках, например в якутском, азербайджанском, с деепричастиями могут употребляться и аффиксы лица». Тут же автор утверждает, что деепричастия на *-са (-се)*, *-а (-е)* «имеют свойство изменяться по степеням сравнения» и указывает: «В аспектах возможности и невозможности могут стоять лишь деепричас-

тия на *-са (-се)* и *-сан (-сен)*» [116, с. 241]. Выходит, в более широком понимании спряжение — это изменение глагольного слова (в формоизменении) не только по лицам, числам, наклонениям и временам, но и по аспектам и по степеням сравнения.

На отрицание признания деепричастных форм на *-а (-е)* и *-са (-се)* в качестве основ спрягаемых форм действительное влияние оказало высказывание Н.А. Баскакова: «Неучёт фактов исторического развития грамматических форм, процессов их совершенствования и в связи с этим закономерностей редукции и выпадения конструктивных элементов в отдельных формах влечёт за собой неправильные выводы, например о том, что основой для спряжения глагола в тюркских языках может служить деепричастная форма». Но в том же абзаце, чуть выше, Н.А. Баскаков пишет: «...показатели лица присоединяются непосредственно к препозитивной *деепричастной форме* (курсив наш. — В.С.)... каз. *ал-а-мын*, к.-калп. *ал-а-ман*, тат. *ал-а-м* и пр. “я возьму”... Исторически же данные формы образовались из причастия сложного глагола *ал-а тур-ур*» [29, с. 280]. Н.А. Баскаков отрицает, что основой для спряжения глагола в тюркских языках может служить деепричастная форма, в то же время утверждает, что показатели лица присоединяются к препозитивной деепричастной форме.

В чувашском языкознании деепричастия на *-а (-е)* и *-са (-се)* рассматриваются в ряду вербоидов, показатель настоящего времени представляется в виде *-ат (-ет)*, а форма давно-прошедшего категорического времени — в виде *-сатт (-сетт)*, *-сачч (-сечч)*. В 50—60-е гг. XX в. вопросы членимости слов и словоформ не были разработаны, не рассматривались и вопросы значимости вычленяемых из состава слова или словоформы элементов.

Основываясь на принципе универсальности (тотальности) образования форм, первичные деепричастия на *-а (-е)* (*ута-ута* «шагая (долго)»), *-са (-се)*, *-сан (-сен)* (*кур-са*, *кур-сан* «видя, увидев», *кил-се* (*кил-сен*) «придя, приходя») и т.д. следует считать категориальными формами.

Вопрос о деепричастных формах вторичного образования в чувашском языкознании окончательно не решен. Здесь преобладают субъективные трактовки чувашеведов. Одна из крайнос-

тей — признание деепричастий на *-нӑранна (-нӗренне)*: *курнӑранна* «с тех пор как видел», «после того как видел», *килнӗренне* «с тех пор как пришёл». Тем не менее В.Г. Егоров и И.П. Павлов, говоря о членимости «триединого аффикса», правы в том, что деепричастия на *-нӑранна (-нӗренне)* образовались путём прибавления к причастию прошедшего времени на *-нӑ (-нӗ)* двух падежных аффиксов: сначала аффикса исходного падежа *-ран (-рен)*, затем аффикса творительного падежа *-на (-не)*. Аналогичных деепричастных форм в других тюркских языках нет [70, с. 265]. В трудах Н.И. Ашмарина, Ф.Т. Тимофеева, Л.П. Сергеева и В.И. Сергеева деепричастия на *-нӑранна (-нӗренне)* не упоминаются. Выходит, эта идея исходит от В.Г. Егорова и поддержана И.П. Павловым. На самом деле аффикс *-нӑ (-нӗ)* — живой, а не мёртвый формант причастия прошедшего времени, И.П. Павлов, описывая прошедшее причастие на *-нӑ (-нӗ)*, приводит примеры *пунӑран, ӗвӗнӑран, парӑнманран*, считает аффикс исходного падежа живым, но в деепричастных словоформах *таврӑнӑранна, пусланӑранна* формант исходного падежа считает «мёртвым» («хӑй пӗлтерӗшне сӑхатӑ») [118, с. 296], хотя в предложении *Галя ӑна киле таврӑнӑран вара пирвайхи хут хулӗнчен тытма тӑчӗ* (в сочетании со словом *вара*) автор считает *таврӑнӑран* прошедшим причастием в исходном падеже. В одном случае *таврӑнӑранна* рассматривается как деепричастие, в котором аффикс *-нӑ* потерял своё значение, а в другом — в сочетании с послелогом *вара (таврӑнӑран вара)* — прошедшее причастие в исходном падеже. Разница в подходах к трактовке получается потому, что чувашские морфологи не знают учения чешского лингвиста М. Докулила и русского языковеда Е.А. Земской. Докулил утверждает: «Принципиальная членимость основы зависит от того, можем ли мы выделить в ней хотя бы одну составную часть, встречающуюся с тем же значением и в других реально в языке существующих словах» [196, с. 212]. Земская считает, что членимыми являются основы слов и словоформы, «хотя бы одна часть которых повторяется в каких-либо других основах (и в словоформах. — В.С.), соотносительных с данной по значению» [78, с. 3]. Мы должны задуматься и о судьбах «сложных» аффиксов *-массерен (-мессерен)*, *-малӑх (-мелӑх)*, *-анци (-енци)* и др.: неужели они слиты так крепко, что их невозможно членить?

Далее остановимся на некоторых отглагольных формах, причисляемых чувашскими языковедами к причастиям [70, с. 227—233; 116, с. 257—269; 118, с. 278—280, 282—284; 154, с. 389—391, 393—394].

Вне соотношения со временной плоскостью остается форма на *-и*, названная причастием возможности. Форма на *-и* проявляется одновременно в словоизменительном и формоизменительном аспектах: аффикс *-и* может присоединиться непосредственно к глагольной основе: *кури*, *пѣли*, *илти*, *чѣти* и т.д.; отрицательная же форма образуется посредством аффикса *-м*, вклинивающегося между основой и аффиксом *-и*: *пѣлми*, *курми*, *сѣнми*. Эта форма в современном чувашском языке употребляется в основном в композитной или парной форме и указывает на неполноценное проявление выражаемого действия или процесса: *пиџи-пиџми* «не вполне созревший, недозревший»; *юхи-юхми* «медленно текущая (вода)». В то же время в семантике аффикса *-и* нельзя не заметить значения выделительности. Ср.: *пиџнѣ-пиџмен сьрла* и *пиџи-пиџми сьрла* «не совсем зрелая ягода»; *ѳснѣ-ѳсмен хѣрсем* и *ѳси-ѳсми хѣрсем* «несовершеннолетние девушки» (досл. «выросшие-невыросшие девочки (девушки)»).

В связи с тем, что аффикс *-и* в парных выражениях (*нулли-пулли тавар* «неполноценный товар», *илти-илтми хѣлха* «плохо слышащее ухо» и т.д.) имеет значение выделительности, эти формы целесообразнее именовать формами выделения глагола, а не причастиями возможности, как было до сих пор.

С точки зрения морфемной членимости аффикс *-малѣх* (*-мелѣх*) не может считаться единым: здесь налицо категориальная форма инфинитива на *-ма* (*-ме*) + категориальная форма достаточности на *-лѣх* (*-лѣх*), поэтому формы типа *тѣранмалѣх* «достаточный на пропитание или еду», «достаточный, чтобы насытиться» не следует относить к причастиям, а изучать в качестве объекта формоизменения инфинитива и называть категорией достаточности инфинитива.

Единым нельзя считать также аффикс *-малла* (*-мелле*), в котором выделяются аффикс инфинитива *-ма* (*-ме*) и аффикс *-ла* (*-ле*): *вуламалла* «следует читать», *пѣлмелле* «следует знать» (по И.П. Павлову: *-ма* (*-ме*) аффикс инфинитива + *-лла* (*-лле*) [118, с. 278]); *-анџи* (*-енџи*), который распадается на аффикс

причастия настоящего времени *-ан (-ен) + -ци < -çă + -и*; ср.: *аранçă < ар* (чув. *ыр*) «установить» + *-ан* (аффикс причастия настоящего времени) + *-ци < -çă + -и*.

Формы типа *хусмалла (çĕçĕ)* «складной (нож)», *тĕлĕнмелле (хыпар)* «удивительная (новость)» следует считать уподобительной категорией инфинитива, хотя в большинстве случаев значение уподобления не проявляется. Принимая аффиксы *-и*, *-скер*, эти формы становятся категориальными формами выделения в формоизменяющей морфологии; ср.: *каймалли* «тот, кому предстоит идти или поехать»; *каламалли — каламалласкер* «то, что нужно сказать».

Формы типа *куранци* «притворившись видящим», *çывранци* «притворившись спящим» следует считать притворной формой причастия настоящего времени на *-ан (-ен)*. Что касается отрицательной формы типа *курманци* «притворившись невидящим», *илтменци* «притворившись неслышающим», то здесь нет определённости, ибо причастия прошедшего времени на *-нă (-нĕ)* и настоящего на *-ан (-ен)* имеют одинаковую форму отрицания: *курнă — курман — курманци*; *пăхан — пăрман — пăханци — пăрманци*.

То обстоятельство, что аффикс *-сем* употребляется в современном чувашском языке только с одной из форм глагола — причастием прошедшего времени, заставляло лингвистов считать композиту *-нă + -сем* единым аффиксом. При этом они забывали, что категориальные формы на *-нă (-нĕ)* являются фактом живого языка, поэтому *-нă-сем (-нĕ-сем)*, тем более комплекс *-нă-сем-ĕн (ут-нă-сем-ĕн)* «по мере ходьбы», нельзя считать сросшимся единым аффиксом. К тому же форманты *-сем*, *-сем-ĕн* ещё не утратили своей самостоятельной значимости: *Пирĕн ялта кунран-кун выльăхсем нумайсем нумай пула пуçларĕç* [А, XII, с. 79] (*нумай + сем* «всё больше и больше»); *Йывăçци семĕн сырли* «По дереву и плоды»; *Ытла семĕн ытла пултăр* «Пусть прибывает и прибывает (добро, имущество)»; *Атăл кукри алă кукăр, кукри семĕн вĕт хăва* [А, XII, с. 80] «У Волги пятьдесят излучин, у каждой излучины заросли ив». Эти примеры подтверждают, что элемент *-сем* произошёл от полнозначного слова *сем* или *семĕ* «строй, лад, порядок». М.Р. Федотов приводит аналоги чувашского *семĕ*, *-семĕн (сем + ĕн* оруд. п.): др.-тюрк. *săta, săta ur-* (~ *et-*) «совер-

шить радение, петь», мар. *сем* (*сьем*) «напев, мелодия; строй, лад»; удм., коми *сям* «характер, привычка, обряд, умение»; мар. *семен* (послелог) передаётся предлогами «по, подобно», наречием «сообразно»; удм. *сямен* (послелог) «по, так же как» [178, II, с. 100].

Таким образом, подлинно категориальными следует считать только те формы причастий, которые образуют парадигму временных форм: на *-акан* (*-екен*), *-кан* (*-кен*), *-ан* (*-ен*) — категориальные формы причастий настоящего времени; на *-нӓ* (*-нӓ*) — прошедшего, на *-ас* (*ес, -с*) — будущего времени.

Формоизменение и формобразование категориальных форм причастий

О парадигме временных форм причастий

Парадигматика глагола — это образование всех его форм с учётом особенностей спряжения словоизменительных и формоизменительных типов. Временные формы причастий образуются при помощи аффиксов, примыкающих непосредственно к глагольной основе, и представляют собой категориальные словоизменительные глагольные формы: *сыр-акан* «пишущий», *пӓл-екен* «знающий», *вула-кан* «читающий» — категориальные формы причастия настоящего времени; *сыр-нӓ* «написано», *пӓл-нӓ* «узвано», *вула-нӓ* «прочитано» — категориальные формы причастия прошедшего времени; *сыр-ас*, *пӓл-ес*, *вула-с* — категориальные формы причастия будущего времени.

Итак, аффиксами категориальной формы словоизменения причастий настоящего времени являются *-акан* (*-екен*) после согласных и *-кан* (*-кен*) после гласных, а также *-ан* (*-ен, -н*); причастий прошедшего времени — *-нӓ* (*-нӓ*), будущего времени — *-ас* (*-ес, -с*) или *-а + -с* (*-е + -с*).

Формоизменение причастий настоящего времени

Формооснова на *-акан* (*-екен, -кан, -кен*) принимает аффикс множественности *-сем*: *вулакансем* «читатели». Формы и единственности, и множественности субъекта (действующего лица) имеют полное склонение:

Осн.	<i>вулакан</i> «читающий», «читатель»	<i>вулакансем</i> «читающие», «читатели»
Прит.	<i>вулаканӑн</i>	<i>вулакансен</i>
Дат.	<i>вулакана</i>	<i>вулакансене</i>
Мест.	<i>вулаканта</i>	<i>вулакансенче</i>
Исх.	<i>вулакантан</i>	<i>вулакансенчен</i>
Твор.	<i>вулаканпа</i>	<i>вулакансемпе</i>
Лиш.	<i>вулакансӑр</i>	<i>вулакансемсӑр</i>
Прич.	<i>вулаканшӑн</i>	<i>вулакансемшӑн</i>

Причастия настоящего времени образуют выделительную форму причастия на *-и*, *-скер*: *вулаканни*, *вулаканскер* «тот, кто является читающим». Категориальные формы выделения имеют, в свою очередь, полное склонение как при единичности, так и при множественности субъектов.

Посредством аффикса *-чӗ* причастиями настоящего времени передаётся значение прошедшего времени: *Ирсерен ёсе каяканчӗ вӑл* «Бывало, по утрам он ходил на работу»; *Кӑссерен кёнеке вулаканчӗ е кинона сӑркенчӗ* «По вечерам он читал книги или ходил в кино». При помощи форманта *-ах (-ех)* — категория усиления: *Кашни вулаканах ун чухӗ кёнеке илсен библиотекӑра кёнеке юлмасть те* «Если каждый читающий (или читатель) возьмёт столько книг, то в библиотеке книг не останется».

Некоторые причастия настоящего времени, подобно существительным, присоединяют аффиксы принадлежности *-ӑм (-ём)*, *-у (-у)*, *-ӗ* и т.д., при этом можем говорить о частичной субстантивации некоторых причастных форм:

при единичности субъекта

1 л.	<i>вулаканӑм</i> «читатель мой»,	<i>сӑлаканӑм</i> «спаситель мой»
2 л.	<i>вулакану</i> «читатель твой»,	<i>сӑлакану</i> «спаситель твой»
3 л.	<i>вулаканӗ</i> «его (её) читатель»,	<i>сӑлаканӗ</i> «его (её) спаситель».

при множественности субъектов

1 л.	<i>вулаканӑмӑр</i> «наш читатель»,	<i>сӑлаканӑмӑр</i> «наш спаситель»
2 л.	<i>вулаканӑр</i> «ваш читатель»,	<i>сӑлаканӑр</i> «ваш спаситель»
3 л.	<i>(вӑсен) вулаканӗ</i> «их читатель»,	<i>сӑлаканӗ</i> «их спаситель».

Притяжательные формы причастия настоящего времени склоняются; имеют полную падежную парадигму (парадигму склонения) их формы с аффиксом множественности *-сем*.

Следует отметить, что аффикс прошедшего времени *-чӗ* может присоединяться к любой форме: *вулаканчӗ*, *вулакансемпечӗ*,

вулакансемсёрччĕ, вулаканниччĕ, вулаканскерччĕ, вулаканскерсемпеччĕ и т.д. То же нужно сказать о категории усиления на *-ах (-ех)*: *вулаканах, вулакансемех, вулаканĕнах, вулакансенчех, вулаканниех, вулаканскерех, вулаканскерсемех, вулаканĕмах* и т.д.

Как показывает материал чувашского языка, вербоид на *-акан (-екен, -кан, -кен)* имеет формоизменяющиеся категории множественности, падежа и принадлежности, чем он напоминает существительное. Этот вербоид также может принять форму выделительности на *-и, -скер* и форму сравнения на *-тарак (-терех)* (*пĕлекентерех сын* «человек, который знает больше», *тăрйшакантарак ача* «более старательный мальчик»), чем напоминает прилагательное.

Формоизменение и формообразование причастий прошедшего времени

Формооснова на *-нă (-нĕ)* образует формы выделения на *-и, -скер*: *Тухни (тух-н(ă) + -и) виçĕ кун* «Три дня, как выехали»; *И.Я. Яковлев каланийĕ — чĕререх* «То, что завещал И.Я. Яковлев, в сердцах наших»; *Килнĕскер итлемех лекет* «Коли пришёл, придётся выслушать». Выделительные категориальные формы имеют полную падежную парадигму. Принимая аффикс множественности *-сем (вуланисем, вуланĕскерсем)*, эти формы склоняются (изменяются почти по всем падежам).

Формооснова на *-нă (-нĕ)* способна принимать аффиксы лишь некоторых падежей: *нумай вуланĕран* (исх. п.) «оттого, что много читал»; *Вуланĕшĕн* (прич. п.) *ан ятла* «За чтение не ругай»; *Ĕç пĕтнĕпе* (твор. п.) *пĕрех* «Работа почти закончена»; *Тухнĕранна* (исх. п. + твор. п.) *виçĕ сахет иртрĕ* «Прошло три часа, как выехали». К этому причастию могут примыкать показатели прошедшего времени *-чĕ (вуланĕчĕ «читал, кĕтнĕчĕ «ждал»)* и усиления *-ах (-ех)* (*ларнă-ларнах* «раз уж сел», *кĕтнĕ-кĕтнех* «раз уж ждёте»).

Изредка формооснова на *-нă (-нĕ)* способна принимать аффиксы сравнения *-рах (-рех)* (*вĕрнĕрех сынсем* «люди, получившие кое-какое образование»), уподобления *-ла (-ле, -лла, -лле)* (*Ĕç пĕтнĕлле пăхса тăратăр* «Стойте, будто работа закончена») и *-сем*, который в современном чувашском языке присоединяется только к форме причастия прошедшего времени (*вăхăт иртнĕсем* «с течением времени»), данная форма в свою очередь может принять аффикс *-ĕн (кайнăсемĕн* «по мере того, как уходил»).

Следует также отметить, что причастия прошедшего времени в сочетании с глаголами *туйайн* «казаться», *курйин* «смотреться» и др. могут быть в категориальной форме образа действия на *-айн* (*-ён, -н*) (*килнён туйайнать* «кажется, что пришёл», *пёлнён туйайнать* «кажется, что знал (знает)»), которую по ошибке принимают за форму притяжательного падежа.

Основываясь на приведённом материале, можно утверждать, что этот вербоид занимает положение между глаголами и прилагательными. Некоторые исследователи называют его «отглагольным прилагательным», поскольку вербоиду на *-нй* (*-нё*) присуща категория выделения на *-и, -скер*, формам этой категории в свою очередь — категории множественности и падежа. Однако категория выделения прилагательных является словоизменительной категориальной формой, а вербоида на *-нй* (*-нё*) — формоизменительной. К тому же категория сравнения — специфическая грамматическая словоизменительная категория прилагательных, а вербоид на *-нй* (*-нё*) имеет формоизменительную категориальную форму сравнения.

Формоизменение и формообразование причастий будущего времени

Формооснова на *-ас* (*-ес, -с*) может принимать формы лица, отдельных падежей, усиления, уподобления и с помощью аффикса прошедшего времени — форму со значением интенсивного желания.

Причастие будущего времени принимает аффиксы лица в сочетании со словами *пур* «есть», *сук* «нет» или со вспомогательными глаголами *кил* (*килет*) и *пул* (в соответствующей форме):

единичность субъекта

- 1 л. *вулассайм* (< *вула-ас(с)-айм*) *килет* «хочу читать»
- 2 л. *вулассу* (< *вула-ас(с)-у*) *сук* «не читаешь»
- 3 л. *вуласси* (< *вула-ас(с)-и*) *пулмарё* «читать не пришлось»

множественность субъектов

- 1 л. *вулассаймр* (< *вула-ас(с)-айм-айр*) *сук* «не будем читать»
- 2 л. *вулассайр* (< *вула-ас(с)-айр*) *сук* «не будете читать»
- 3 л. *вулассисем* (< *вула-ас(с)-и-сем*) *иртсе кайрёс ёнтё* «времени (для) чтений прошли»

По мнению чувашеведов, приведённые выше формы являются категориальными формами принадлежности. Но исследователями не учитывается семантика приводимых форм, ни одна из них не выражает значения принадлежности, аффиксы *-ӓм* (*-ӓм*), *-у* (*-ӓ*), *-и*, *-ӓм-ӓр* (*-ӓм-ӓр*), *-ӓр* (*-ӓр*) следует называть лишь показателями лица, а не принадлежности. Но формы лица глаголов полной вербальности отличаются от форм лица вербоида на *-ас* (*-ес*, *-с*):

единичность субъекта

1 л. <i>вула-рӓ-м</i> <i>кур-тӓ-м</i>	<i>вула-с(с)-ӓм</i> <i>кур-ас(с)-ӓм</i>	<i>ӓсле-ттер-ес(с)-ӓм</i> <i>килет</i> «хочет-ся, чтоб он работал»
2 л. <i>вула-р-ӓн</i> <i>кур-т-ӓн</i>	<i>вул-ас(с)-у</i> <i>кур-ас(с)-у</i>	<i>ӓсле-ттер-ес(с)-ӓ</i> <i>сук пулсан</i> <i>мӓншӓн чӓнтӓн</i> «если нет работы, почему позвал»
3 л. <i>кур-ч(в)ӓ</i>	<i>кур-ас(с)-и</i>	

До сих пор указывалось, что причастие на *-ас* (*-ес*, *-с*) может употребляться с аффиксами древнего орудийного, дательного, творительного, исходного, местного и причинного падежей [118, с. 271—273]. Вербоид на *-ас* (*-ес*, *-с*) действительно способен принимать аффиксы падежей. Поскольку он имеет неполную падежную парадигму, то нельзя говорить о категории падежа этого вербоида, речь может идти только о категориальных падежных формах. Что касается формы так называемого орудийного падежа, у нас иной взгляд на такие формы. Формы причастий будущего времени с присоединительным аффиксом *-ӓн* (*-ӓн*, *-н*) являются не падежными, а формами образа действия (как и причастий прошедшего времени и прилагательных): *килессӓн туйӓнать* «кажется, что придёт».

Следует остановиться на уподобительной форме на *-ла* (*-ле*): *шӓтарасла пӓх* «смотреть пристально», *сисмесле тӓк* «толкать будто невзначай» и т.д. Исследователи аффикс *-ла* (*-ле*) при существительных считают наречиеобразующим, но признают, что в примерах *курмасла*, *шӓтарасла*, *сисмесле* причастия не теряют свойств глагола, сохраняется управление, они принимают аффикс отрицательного аспекта *-ма* (*-ме*) [118, с. 273, 299].

Категория усиления на *-ах* (*-ех*) присуща всем вербоидам, в т.ч. причастию на *-ас* (*-ес*, *-с*): *пӓлесех тесен* «если очень хочется узнать», *курасах килсен* «если очень хочется видеть».

Аффикс *-чѣ*, примыкая к причастию будущего времени, утрачивает значение прошедшего времени и создаёт форму, выражающую сильное (интенсивное) желание совершить действие, заложенное в семантике глагола: *курасчѣ* «нужно (необходимо) видеть (встретиться)», *вуласчѣ* «нужно читать». Значение интенсивного желания совершить то или иное действие в будущем выступает и в формах *курасахчѣ*, *вуласахчѣ*, *пѣлесехчѣ*, *кѣресехчѣ* и т.д.

Итак, судя по набору категориальных и некатегориальных форм, присущих вербоидам-причастиям, можно говорить о них как о глагольно-именных формах, обозначающих действие, приписываемое лицу или предмету, как о признаках, проявляющихся во времени.

Формоизменение и формообразование категориальной формы инфинитива

Формооснова на *-ма (-ме)* представляет собой категориальную форму инфинитива и может присоединять аффиксы уподобления *-ла (-ле, -ла, -ле)* (*тѣлѣнмелле, каймалла, каламалла, сисмелле*), лишительного падежа *-сър (-сѣр)* (*каймасър, килмесѣр, пѣлесѣр, курмасър*). С этимологической точки зрения можно говорить о форме причинного падежа инфинитива; ср.: *каймакшѣн* (диал.) > *каймакшѣн* (лит.) «чтобы идти», *вѣренмешкѣн* (диал.) < *вѣренмешкѣн* «чтобы учиться». Не имея полной парадигмы склонения, инфинитив стоит вне категории падежа.

Как мы уже отмечали, аффикс *-лѣх (-лѣх)* образует некатегориальную форму достаточности имён: *нуртлѣх ѡывѣс* «лес, предназначенный для строительства дома», *кѣпелѣх* «отрез на платье». Аналогичное значение придаёт этот формант и категориальной форме инфинитива: *симелѣх* «достаточный или предназначенный для еды», *сутмалѣх* «предназначенный или достаточный для продажи». Форма достаточности (с различными значениями) может образоваться и от формоосновы инфинитива и по праву считается категориальной формой.

К форме инфинитива свободно присоединяется аффикс *-ах (-ех, -х)*: *каймах лекет* «придѣтся идти (ехать)»; *илмех тивет* «придѣтся купить (взять)».

Формооснова на *-ма (-ме)* служит базой для образования категориальной формы частотности на *-серен*. Композитный аффикс

-массерен (-мессерен) считается единым деепричастным аффиксом, образованным из аффикса инфинитива (а изначально — причастия) *-ма (-ме)* и послелого-аффикса *-серен* [118, с. 295]. Считая, что значение аффикса *-ма (-ме)* утратилось, исследователи рекомендовали *-массерен (-мессерен)* принять за аффикс деепричастия, но при этом не учли то, что категориальная форма на *-ма (-ме)* является живой формой инфинитива в чувашском языке. Инфинитивом называется она потому, что является неопределённой формой глагола; эта форма, которая называет действие или процессуальное состояние без указания на время действия, количество субъектов действия, а также на то, является ли субъект действия говорящим лицом, собеседником или третьим лицом. Инфинитив не выражает значений ни времени, ни склонения, ни числа, ни лица.

Итак, в современном чувашском языке имеем только инфинитив на *-ма (-ме)*, а *-массерен (-мессерен)* — не единый аффикс. Свидетельством могут служить сундырские формы типа *каймаксерен (кай-мак-серен)* «каждый раз, как пойдет», где формант *-мак (-мек)* соответствует аффиксу инфинитива некоторых других тюркских языков.

Формоизменение и формообразование категориальных форм деепричастий

Деепричастия отличаются от инфинитива, который по праву считается вербоидом (или формой неполной вербальности). А деепричастие на *-са (-се)* имеет полную парадигму спряжения:

единичность субъекта

- 1 л. *вула-са-тт-йм(-ччĕ)* «я читал было»
- 2 л. *вула-са-тт-йн(-ччĕ)* «ты читал было»
- 3 л. *вула-са-чч-ĕ* «он читал было»

множественность субъектов

- 1 л. *вула-са-тт-йм-яр(-ччĕ)* «мы читали было»
- 2 л. *вула-са-тт-яр(-ччĕ)* «вы читали было»
- 3 л. *вула-са-чч-ĕç* «они читали было»

Если формант *-а (-е)* в аффиксе прошедшего многократного времени принять за аффикс деепричастия, то выходит, что формооснова на *-а (-е)*, как и формооснова на *-са (-се)*, обладает свойствами глаголов полной вербальности: *кур-а-тт-йм*, *кур-а-тт-йн*; ср. *кур-са-тт-йн*.

Таким образом, свойства глаголов неполной вербальности присущи лишь формоосновам на *-сан (-сен)*, *-сассан (-сессён)*.

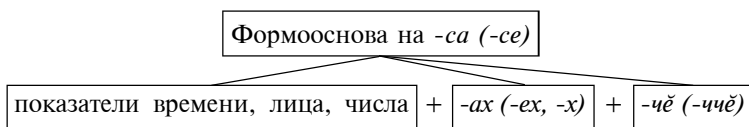
Аффикс *-ччӑ*, присоединяясь к формооснове на *-сан (-сен)*, выражает желание совершить какое-нибудь действие; иногда это действие воспринимается как действие, выполнимое (способное исполниться) в настоящем или будущем: *Сӑкӑр пулсанччӑ* «Был бы хлеб».

Аффикс категории усиления *-ах (-ех)* примыкает к деепричастию, если надо придать словоформе или целому высказыванию особую выразительность. Ср.: *сумӑр чарӑнсан* «когда кончился дождь», *сумӑр чарӑнсанах* «как только кончится (или кончился) дождь».

Мы указали, что признаками неполной вербальности обладают только деепричастия на *-сан (-сен)*, *-сассан (-сессён)*. А категориальная форма деепричастия на *-са (-се)*, хотя и представляет форму неполной вербальности, обладает способностью стать формой полной вербальности: может иметь при себе аффиксы времени, лица и числа.

Деепричастие на *-са (-се)* может иметь категориальные формы времени на *-ччӑ*, усиления на *-х*, некатегориальную форму сравнения на *-рах (-рех)*: *вуласаччӑ* «бывало, читал»; *ларсаччӑ* «бывало, сидел»; *утсах кайрӑ* «пешком же пошел»; *сисех ячӑ* «съел (всё) дочиста»; *тӑрӑшсарах ёҫле* «трудись старательней».

Систему форм деепричастий на *-са (-се)* можно представить в таком виде:

Отличительный признак деепричастий на *-са (-се)* — это комбинированная связь их временных значений с временным содержанием форм полной вербальности: *килсе кайӑн* «приду» (досл.: придя, уйду), *килсе кайрӑм* «прибыл» (досл.: придя, ушёл), *килсе каятӑн* «приду» (досл.: придя, уйду).

Деепричастия на *-сан (-сен)* обозначают действия не в определённой временной плоскости, а относительно времени других действий: предшествующих им, следующих за ними, происходящих одновременно с ними: *Сумӑр чарӑнсан киле каятӑн* «Как кончится дождь, пойду домой»; *Сумӑр чарӑнсан киле кайӑн* «Ког-

да кончится дождь, пойду домой»; *Сумър чарансан киле кайрам* «Когда кончился дождь, (я) пошёл домой». Деепричастное действие сопровождается во всех этих предложениях главное (основное) действие, поэтому в тюркологии в отношении таких деепричастий применяется термин «сопроводительное деепричастие» [136, с. 178].

Примеры формоизменительного формообразования деепричастия на *-a (-e)* проиллюстрированы И.П. Павловым: деепричастие на *-a (-e) + -рах (-рех) + -на (-не)*: *кйшит ўс-е-рех-не въл...* «он, когда чуть подрос...»; *кйшит тйран-а-рах-на* «чуть насытившись»; деепричастие на *-a (-e) + -рах(x) (-рех(x)) + -йн (-ён)*: *кул-а-рахх-йн* «слегка улыбаясь»; *Пёр урай хйми сёклен-е-рехх-ён тйрать* «Одна половица чуть приподнята». В качестве особенности употребления аффикса *-йн (-ён)* после *-a + -рахх (-e + -рехх)* И.П. Павлов отмечает, «что он употребляется только с одиночными деепричастиями, т.е. с деепричастиями, не имеющими при себе поясняющих слов» [116, с. 256—257].

Причастие и его субкатегории (настоящего, прошедшего и будущего времени) мы рассматриваем как форму глагола (считаем глагольной словоформой), а аффиксы причастий *-ан (-ен)*, *-акан (-екен)*, *-нй (-нё)*, *-ас (-ес)* — в качестве формирующих словоизменительную морфологическую категорию причастий. То же можем сказать о субкатегориях деепричастий, образуемых посредством аффиксов *-а (-е)*, *-са (-се)*, *-сан (-сен)*, которые представляют деепричастия в качестве глагольных словоформ и формируют словоизменительную морфологическую категорию деепричастий [95, с. 225—226, 233—234].

Раздел 6

ЧАСТИ РЕЧИ БЕЗ ПРИСУЩИХ ТОЛЬКО ИМ КАТЕГОРИАЛЬНЫХ И НЕКАТЕГОРИАЛЬНЫХ ФОРМ

Рассмотренные нами части речи имели основные словоизменительные и формоизменительные категориальные формы и вторичные (второстепенные) категориальные формы.

Основные категориальные формы — это морфологические категории, имеющие явное морфологическое выражение в пределах той или иной конкретной части речи.

Вторичные (обусловленные) категориальные формы — более частные, присущие нескольким частям речи, категориальные формы, приобретающие своё морфологическое содержание на фоне общих (или основных) категориальных форм.

Для имени существительного основными категориальными формами являются множественное число, падеж, личная принадлежность, а также выделительность в формоизменении, категория склонения, вторичными категориальными формами — усиление и прошедшее состояние (время), отчасти квазиуподобительность на *-ла* (*-ле*, *-лла*, *-лле*); для имён прилагательных основные — компаративность, выделительность, а также категория склонения, число, падеж в формоизменении, вторичные — усиление и прошедшее состояние (время); для имён числительных основные — порядковость, разделительность, вторичные — падеж, число, усиление, прошедшее состояние, а также категория склонения в формоизменении; для местоимений основные — число, падеж, уподобление на *-шкал* (*-шкел*), категория склонения, вторичные — усиление и прошедшее состояние; для глаголов основные — наклонение, связанное с лицом время, множественное число, инфинитив, причастие, деепричастие, многократность на *-кала* (*-келе*), а также выделительность в формоизменении причастий, вторичные — прошедшее состояние (время) на *-ччѣ*, усиление на *-ах* (*-ех*, *-х*).

По сравнению с вышеуказанными частями речи, у наречий в чувашском языке нет присущих только им основных категориальных форм. Вторичные категориальные формы усиления и времени на *-чĕ* (*-чĕчĕ*) являются универсальными, они характерны и для наречий.

НАРЕЧИЕ

Общие замечания

Термин «наречие» (как название части речи) буквально соответствует латинскому (и интернациональному) *adverbium*, «прилагольное; относящееся к глаголу» (чув. *ĕç-хĕл çумĕ*). Но это положение (о «прилагольности») не всегда сообразно с истиной: имеется множество примеров (*кĕрет укçа* «наличные деньги», *самай вăхăт (иртрĕ)* «(прошло) достаточно времени», *çарран ача* «босой ребёнок», *ĕлĕкхи вăхăтра* «в прежние времена», *уйне çăпан* «фурункул», *харам пыр* «дармоед», *харам ĕç* «бесполезный труд», *харам пыр* «дармоед»), в которых наречия относятся к существительным.

Для наречия характерно отсутствие словоизменительных грамматических категорий, но при формоизменении ряд наречий времени, принимая аффикс выделения *-хи*, склоняется; в числе таких слов: *авалхи* «древний», *халичченхи* «прежний», *виçминехи* «послезавтрашний», *ĕлĕкхи* «старинный», *ирхи* «утренний», *каçхи* «вечерний», *каçалхи* «относящийся к этому году», *кĕçĕрхи* «относящийся к этому вечеру», *малашнехи* «будущий», *паянхи* «сегодняшний», *çĕрлехи* «ночной», *тахçанхи* «давнишний», *пирвайхи* «первый», *тăватминехи* «четвёртого дня», *ыранхи* «завтрашний»; но нет таких форм, как *часхи*, *тăйтăшхи*, *кĕçхи*, *уйĕмхи*, *варахи*.

Получается как бы частичное формоизменительное падежное формообразование некоторых наречий времени. Данное морфологическое явление до сих пор чувашскими языковедами не отмечалось.

В школьных и вузовских учебниках, написанных И.П. Павловым, аффикс *-ла* (*-ле*, *-лла*, *-лле*) включен в число наречиеобразующих формантов, что не соответствует истине. В группу наречиеобразующих аффиксов не попадают также рассматривавшиеся в качестве таковых *-ăн* (*-ĕн*), *-чен* (*-ччен*), *-серен*.

Вторичные категориальные формы наречий

Категория усиления на *-ах (-ех)* свойственна для наречий образа действия (*хуллинех, аранах, ерипенех, хавъртах, сасартйках, тйруках, хытах, кёретех, сарранах*); меры и степени (*кайштах, ытлах, пайтах, вусах, питех, тупемиех, шйламиех, ййлтах, пачах, пйртаках, пушиех, самаях*); времени (*яланах, текех, сёрлех, кёсёрех, кйнтйрлах, паянах, ёнерех, пёркунах, халех, ёлёкех, авалах, кясалах, пёлтёрех, часах, тйтайшах, кёсех, пасйраха, куллинех, суллинех*); места (*инсех, лерех, унтах, савйнтах*); причины и цели (*юриех, кйлахах, таках*).

Категория прошедшего времени (состояния) на *-чё (-ччё)* присуща наречиям образа действия (*хулличчё, аранччё, ерипенччё, хавёртчё, сасартйкчё*); времени (*паянччё, ёнерччё, сёрлеччё, ёлёкчё*); меры и степени (*кайштчё, ытлаччё, пайтахчё, тупемиччё, шйламиччё, самайччё*); причины и цели (*юриччё*).

Формообразование наречий Некатегориальные формы наречий

Сравнительная форма на *-рах (-рех, -тарых, -терех)*. Некоторые наречия образа действия и места образуют некатегориальную форму компаративности: *апларах, капларах, сяпларах, хуллиррех, хавёртрах; унтарых, кунтарых, леререх, тастарах*. Аффикс сравнения *-рах (-рех, -тарых, -терех)* способен принимать менее половины наречий названных семантических групп; например, наречия *ахаль, сасартйк, йнсйртран, кузма-кусйн, кёретён, шав, тёк, тйнч, ййлт, шйлами, тупеми, сарран, уйне, чёвен* и др. не могут быть в форме сравнения (не может быть словоформ *ахальрех, сасартйкрах, ййлтрах, тупемирех, тйнчрах, чёвенрех* и т.д.).

Форма выделительности на *-хи*. Эта форма присуща некоторым наречиям времени: *яланхи, сёрлехи, паянхи, ыранхи, ёлёкхи, хальхи, пёркунхи, пасйрхи*, но невозможна выделительная форма слов *уйём, тин, сайра, вара, пёрмай, тйтайш, ёнтё, кёс, кёс-вёс, час, анчах* и др.

Форма множественного числа. Некоторые наречия времени близки по значению к именам существительным, поэтому склонны принимать аффикс *-сем*, выражая при этом не собственно множественность, а, скорее всего, приблизительное время: *кясалсем, кясалсенче* [А, VII, с. 191], *ырансем*,

ырансенче [А, III, с. 56], *ёнерсем*, *ёнерсенче* [А, IV, с. 119], но нет форм *кулленсем*, *нихсансем*, *пёрмайсем*, *пирвайсем*, *тинсем* и т.д.

Формы падежей. Некоторые наречия имеют неполную парадигму склонения:

Осн.	<i>паян</i>	<i>ыран</i>
Прит.	?	?
Дат.	<i>паяна (ситсе)</i>	<i>ырана (ан хавар)</i>
Мест.	?	?
Исх.	<i>паянтан (пусласа)</i>	<i>ырантан (малалла)</i>
Твор.	<i>паянна (ыран)</i>	<i>ыранна (вишмине)</i>
Лиш.	<i>паянсёр (кун сук-и?)</i>	<i>ырансёр (ан кай)</i>
Прич.	<i>паяншиён (туленё)</i>	<i>ыранишён (ан кулян)</i>

Форма предельности. Наречия времени, присоединив аффикс *-чен* (*-ччен*), могут выражать предел действия во времени: *сёрлеччен*, *кántа́рлаччен*, *паянччен*, *ёнерччен*, *халиччен* (*хальччен*), *ка́сáлччен*, *пéлтёрччен*. Но нет форм типа *тинччен*, *кулленччен*, *та́йтáшччен*, *ёнтёччен* и т.д.

Форма разделительности. Использующееся в значении счётного слова наречие меры и степени *пáртак* может употребляться с аффиксом разделительности *-шар*: *Кашни кунах пáртакшар юр суса та́чэ* «Ежедневно понемногу выпадал снег».

Формоизменение некоторых наречий

Категориальная форма усиления наречий на *-ах* (*-ех*) иногда принимает аффикс прошедшего времени (состояния) *-чэ* (*-ччэ*): *самаяхчэ* «(было) порядочно», *ёлёкехчэ* «(было) в старину», *пáсáрахчэ* «(было) давно», *юриехчэ* «нарочно».

Некоторые наречия времени, принимая аффикс выделения на *-хи*, склоняются, образуя при этом частичное формообразовательное формоизменение:

Осн.	<i>паянхи</i>	<i>ыранхи</i>	<i>кёсёрхи</i>
Прит.	<i>паянхин</i>	<i>ыранхин</i>	<i>кёсёрхин</i>
Дат.	<i>паянхине</i>	<i>ыранхине</i>	<i>кёсёрхине</i>
Мест.	<i>паянхинче</i>	<i>ыранхинче</i>	<i>кёсёрхинче</i>
Исх.	<i>паянхинчен</i>	<i>ыранхинчен</i>	<i>кёсёрхинчен</i>
Твор.	<i>паянхипе</i>	<i>ыранхипе</i>	<i>кёсёрхипе</i>
Лиш.	<i>паянхисёр</i>	<i>ыранхисёр</i>	<i>кёсёрхисёр</i>
Прич.	<i>паянхишён</i>	<i>ыранхишён</i>	<i>кёсёрхишён</i>

Но не все наречия времени принимают аффикс выделения *-хи*, например *тек* «часто», *тăйтăш* «часто», *анчах* «только что», *ёнтё* «теперь», *кёс* «скоро». С учётом этого, склонение таких форм наречий, как *паянхи*, *ыранхи*, назовём «квазисклонением». Квазисклонение этих наречий наблюдается и при оформлении выделительных форм аффиксом множественного числа *-сем*: *ёнерхисем*, *ёнерхисен*, *ёнерхисене*, *ёнерхисенче*, *ёнерхисенчен*, *ёнерхисемпе*, *ёнерхисемсёр*, *ёнерхисемшиён*. Встречаются также двойные формы падежей: аффикс исходного падежа + аффикс творительного падежа: *авалтанна*, *ёлёкренне*, *пашартанна*, *ёнертенне*. Для иллюстрации приведём примеры из «Словаря чувашского языка» Н.И. Ашмарина и «Чувашско-русского словаря» (*паян*: *паянтан* «с сегодняшнего дня», *паянхи* «сегодняшний», *паянлăха* «на сегодня», *паянна ыран* или *ыранна паян* «в эти дни», *ыранхишиён* (*ан хуйхăр*) «(не горюй) за завтрашний день», *ыранлă-мёнлă* «завтра или в ближайшие дни», *ырансенче* «примерно завтра или в ближайшие дни», *ырантан тепёр кунне* «послезавтра», *ыранхи* «завтрашний», *ыранхинче* «завтра»; *кёсёрех* «этой же ночью», *кёсёрхи кас* «в этот вечер», *кёсёрлехе* «на эту ночь»).

ИМЯ ДЕЙСТВИЯ

Обратимся к словарю лингвистических терминов. «Существительное отглагольное (существительное глагольное, глагольное имя, имя действия) англ. verbal noun... нем. Verbalabstraktum. Существительное, образованное от глагольной основы и обозначающее действие (состояние, процесс) как “определённое”, “субстантивированное”, т.е. представляющее его в наиболее общем и отвлеченном смысле» [19, с. 465].

Если имя действия (чув. *ёс ячĕ*) то же, что и имя существительное, то оно должно обозначать предмет и иметь грамматические категории рода, числа и падежа (в русском языке), категории числа, падежа и принадлежности (в чувашском языке). При тщательном изучении данного вопроса выясняется, что в чувашском языке образования на *-у* (*-у*) типа *сăру* «хождение», *çану* «хлестание» и др. (список таких слов представлен в приложении 2) далеки от обозначения предметности, вещественности и стоят вне категорий множественного числа, падежа и принадлежности.

В чувашском языкознании имена действия на -у (-у́) рассматривались в числе неизменяемых слов, но не как отдельная часть речи.

Первыми из чувашеведов обратили внимание на эти образования Н.А. Андреев, И.П. Павлов, затем В.И. Сергеев и Л.П. Сергеев. Авторы отмечают словообразовательную двойственность аффикса -у (-у́) в чувашском языке, указывая на отглагольные производные на -у (-у́) — подлинные (истинные) существительные (*сыру* «письмо», *вёрену́* «учение», *пуху* «собрание») и на отглагольные образования на -у (-у́) — имена действия (*кулу* «смех», *чупу* «беготня»). Часто чувашеведы эту грань не проводят, рассматривая разные явления как одно [14, с. 49].

Подлинные имена существительные морфологически полностью изменяемы: *сыру* «письмо» — *сырусем* «письма»; *сырăвăм*, *сырăву*, *сырăвĕ*, *сырăвĕр* (во всех лицах категории принадлежности) и имеют полную падежную парадигму.

Имена действия или не подвергаются словоизменению, или характеризуются частичной изменяемостью. Например, слова *суту* (*Суту йнмарĕ паян* «Сегодня продажа не удалась») и *сутă* «продажа» морфологически неравнозначны: если отдельно взятое слово *суту* неизменяемо, то *сутă*, по данным словаря Н.И. Ашмарина, бывает в следующих формах: *сутта* (дательный падеж) *кайсан*; *сĕлĕ сотти* (3 лицо категории принадлежности?); *сотăна* (творительный падеж) *кайнă* [А, XI, с. 208].

Падежные формы имён действия встречаются в строках поэмы «Нарспи» К. Иванова:

Хапха тăрри шартлатать

Саламатпа сапуна.

«И трещат, трещат ворота

Под ударами плетей».

Лаши вĕссе пыруна

Пичĕ-куçĕ нит усал.

«Искаженный быстрой скачкой,

Вид разгневанный и злой».

(Пер. П. Хузангая)

В этих примерах словоформы *сапуна*, *пыруна* — имена действия в форме творительного падежа.

В количественном отношении имена действия, судя по данным обратного словаря чувашского языка [181] и др. работ, претендуют на роль самостоятельной части речи в ряду частично изменяемых слов: общее количество имён действия — более 50 единиц (ср.: имён числительных — 26; местоимений — 30; союзов — 20; частиц — 26). По данным В.В. Андреева, к именам действия с дериватом (аффиксом) *-у (-у́)* следует отнести такие образования, как *ўсёрў* «кашляние», *сёмёрў* «разрушение», *килў* «приход», *пушату* «разгрузка», *пытару* «прятание», *тўрленў* «поправка, выздоровление», *хйтӓлу* «спасение», *пётў* «окончание» и др. [7, с. 82—83].

При рассмотрении вопросов слово- и формоизменения неличных форм глаголов мы выдвинули тезис о возможности образования при помощи непродуктивного деривационного морфа *-а (-е)* не только имён существительных (*вӓлт + -а, турт + -а*), но и имён действия (*юх + -а, макӓр + -а*).

В.Г. Егоров в число имён действия включает отглагольные (отпричастные) имена (*nomina actionis*), в определённой мере соответствующие арабскому масдару и совпадающие по грамматической форме «с причастиями в определённой (с аффиксом принадлежности 3 лица) (вернее, с аффиксом выделения на *-и*. — В.С.) форме на *-ни, -асси (-есси), -малли (-мелли)*». Далее В.Г. Егоров указывает: «По значению своему имена действия далеко отходят от причастий. Они, обозначая отвлеченное понятие действия, процесса, состояния, т.е. обозначая действие в отвлечении от действующего предмета, приближаются к именам существительным и даже совпадают с ними. Имена действия — это отглагольные (вернее, отпричастные) существительные. От обыкновенных существительных они отличаются наличием черт, общих у них с причастиями, с которыми их, однако, не нужно смешивать» [70, с. 235].

В.Г. Егоровым приводятся следующие примеры употребления «имён действий».

Ку, вулӓсран килни (причастие в самостоятельной — субстантивной — форме), *нўртрен тухсанах вӓсене ятна чӓнсе тухрӓ* «Как только тот, приехавший из волости, вышел из избы, (он) собрал всех, вызвав по имени» [70, с. 235]. В действительности *килни (вулӓсран килни)* — причастие прошедшего времени (*килнӓ*) в выделительной форме на *-и*, подвергается субстантивации частично семантически и частично грамматически (морфологиче-

ски), поскольку отдельное слово *килни* без обстоятельства места *вулӑсран* мало что значит. Бесспорно, словосочетание *вулӑсран килни* принимает аффикс множественного числа *-сем* (*вулӑсран килнисем*) и изменяется по всем падежам, но не бывает в форме категории принадлежности.

Докладчиксем районтан килни (имя действия) *пит вырӑнлӑ пулчӑ* «Приезд докладчиков из района оказался очень кстати» [72, с. 236]. Но В.Г. Егоров, на наш взгляд, путает имя действия *килни* «приезд» с причастием прошедшего времени, имеющим определённую, субстантивную форму с аффиксом принадлежности 3 лица *-и* (вернее, *-и* здесь аффикс выделения). Так, в предложении *Сырни-пӑрни пусма вӑснех килет тесӑӑ* «То, что суждено, придёт само» единицу *сырни-пӑрни* можно перевести и как «суженый» или «суженая», и как «судьбой или богом определенное». Следует подчеркнуть, что такие формы подверглись частичной субстантивации. А примером полной субстантивированной формы является слово *савни* (< *сав-нӑ-и*) «возлюбленный», «возлюбленная», «милый», «милая», «любимый», «любимая», его формы — *савнисем* (форма множественного числа), *савниӑм*, *савниӑмӑр*, *савниӑр*, *савниӑӑ*, *савниӑӑ* (формы категории принадлежности), которые имеют полную парадигму склонения.

На наш взгляд, В.Г. Егоров выделительные формы причастий к именам действия причислил неправильно [70, с. 236, 239].

МИМЕНЫ (ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНЫЕ И ЗВУКООБРАЗНЫЕ СЛОВА, ИМИТАТИВЫ)

Общие замечания

Н.И. Ашмарин опубликовал несколько работ о мимемах чувашского и других языков [22; 23; 24]. Г.Е. Корнилов посвятил этой теме докторскую диссертацию и издал монографию [97]. В.Г. Егоров высказался против теории Н.И. Ашмарина, утверждавшего, что все слова в любом языке произошли от подражательных слов. В.Г. Егоров, считая такую теорию отсталой, отмечает, что Н.И. Ашмарин хотел воскресить в языкознании давно схороненную звукоподражательную теорию происхождения языка [74, с. 360].

Высказывание Н.И. Ашмарина: «Нужно полагать, что многие слова в современных нам и в древних языках не могут

найти себе объяснения в подражании только по той причине, что мы не знаем их первоначального значения и нам неизвестно, какая сторона или какое свойство того или другого предмета вызвало в языке к жизни мимему, сделавшуюся впоследствии его постоянным названием» [24, с. 140], нашло отклик и одобрение в работе Г.Е. Корнилова, который критикует языковедов, «не признающих мысль об изобразительных истоках человеческой речи» и считает, «что они представляют собой учёных, ограниченно воспринимающих языковую действительность; их объектом обычно являются либо только литературные “стандарты”, либо диалекты одного языка, или группы родственных языков и т.д., в любом случае их не интересует историческая структура корня и история формирования корнеслова в конкретных семьях языков и человеческой речи вообще» [97, с. 39]. До Г.Е. Корнилова в поддержку теории мимологии выступил Н.К. Дмитриев в статьях «Очерк южнотюркской мимологии», «К изучению турецкой мимологии», опубликованных в немецких изданиях, а затем в монографии «Строй тюркских языков» [67, с. 59—108].

Формообразование мимем

Мимемы относятся к разряду частей речи, у которых нет присущих только им словоизменительных категориальных форм, но которым свойственны некоторые вторичные формообразовательные элементы.

Форма усиления на *-ax* (*-ex*, *-x*). Примеры: *шартах* — подражание внезапному испугу (*Майнаси саррё те, шартах сикрём* «Загрохотал гром, и я вздрогнул»), подражание неожиданному удивлению (*Ку кёнекене астан илтён? Шартах хамёр чёлхепе сырнй* [А, XVII, с. 139] «Где достал эту книгу? Как раз на нашем языке написано»; здесь *шартах* может быть и наречием).

Из произведений художественной литературы: *Долгов сймахё вёсене тйпах чарчё* (Щипцов) «Слова Долгова их враз остановили»; *Чёре лйштах каннй нек туййнчё* (Алендей) «Кажется, враз отлегло от сердца».

Сравнительная форма на *-рах* (*-рех*, *-тарых*, *-терех*). Примеры: *Вара калав кал-калрах кайнй нулеччё* (В. Митта) «Тогда и беседа пошла бы ровней»; *Вйрт-вартарах саврайналёр* «Поворачивайтесь живее» [ЧРС, с. 71]; *Вйр-вартарах уткалать* «Похоживает проворно»; *Вйшит-вайшарах хйтланкаласа суре* [А, V, с. 344]

«Будь поживей»; *Хър-хартарах калаҫма юратать* «Любит выражаться резковато».

Форма образа действия на *-аьн (-ён)*. Примеры: *Вайш-вайшан тумланса тухър* [ЧРС, с. 72] «Быстренько оденьтесь и выйдите»; *Вайшайн-вайшайн ҫил вёрет* [А, V, с. 345] — подражание дуновению ветра; ср.: *Вайштин-вайштин ҫил вёрет, ҫил арман хуҫи хёпёртет* [А, V, с. 344] «Мельник радуется лёгкому ветерку»; *хър-харраьн кайшкәраш* [ЧРС, С. 549] «покрикивать излишне грубо».

Форма выделения на *-и*. Примеры: *Путек йәлтти-ялтти сиккелет* [ЧРС, с. 121] «Ягнёнок подпрыгивает, резвясь»; *Вәлтти-валтти анчах ҫавърса пәрахрә* [А, V, с. 302] «Ловко и легко поборол»; *Пушйна шәртти-шартти тутар* [ЧРС, с. 613] «Щёлкнуть несколько раз кнудом»; *Вәртти-вартти та ёҫчен хёраьм* [ЧРС, с. 71] «Сноровистая и работающая женщина».

Форма выделения на *-скер*: *Вәл вәр-варскер* «Он проворный».

Двойная форма: аффикс сравнения *-рах (-рех, -тарах, -терех)* + аффикс выделения *-и* или *-скер*: *вайш-вайтрахскер, вайш-вайтраххи* «тот, кто проворнее»; *Вёҫкёнрехскер, йәлттәм-ялттәмрахскер, вәл Макара пёртте килёшмен* (Садай) «Хвастунишка какой-то легкомысленный, он вовсе не понравился Макару».

Некоторые подражательные слова могут субстантивироваться. Мимема *хам-хам* имеет формы: *хам-хамьн, хам-хаму, хам-хамё, хам-хамьмәр, хам-хамьр, хам-хамсем* (*Хам-хам вёрчә* «Собачка полаяла»; *Хам-хамьмәьм ман — лиска йытә* «Собачка моя — низкопородистая»). Как основа слова *хам-хам*, так и все формы притяжательности и множественного числа имеют полную парадигму склонения:

Осн.	<i>хам-хам</i>	<i>хам-хамё</i>	<i>хам-хамсем</i>
Прит.	<i>хам-хамьн</i>	<i>хам-хамён</i>	<i>хам-хамсен</i>
Дат.	<i>хам-хама</i>	<i>хам-хамне</i>	<i>хам-хамсене</i>
и т.д.			

К полностью субстантивированным относим и мимемы, обозначающие животных и птиц: *мәюк* «кошка», *нарт-нарт* «утка», *чип-чип, шип-шип* «цыпленок», *кикак* «гусь», «лебедь». *Атәл кукри аллә кукәр, кукриҫемён кәвакал, кикак* (здесь мимема. — В. С.) *текенни пёри те ҫук* [А, VI, с. 197] «У Волги пятьдесят излучин, на каждой излучине утки, ни одного гуся-лебедя».

Субстантивированными, на наш взгляд, являются только те мимемы, которые способны принимать аффикс множественного

числа *-сем*, аффиксы принадлежности *-йм (-ём)*, *-у (-у́)*, *-ё (-и)*, *-ймър (-ёмёр)*, *-ър (-ёр)* и всех падежей.

Примеры частично субстантивированных мимем, приведенные И.П. Павловым [118, с. 314]: *Чёкез юрри, хурсен кикакё* (Хуз.) «Пение ласточки, журавлиный крик» (словоформа *кикакё* представляет собой 3 лицо принадлежности и имеет значение «гусь» или «лебедь», а «гоготание», «крики»); *Эй, салтак юррин ян-янё* «Ох, звон солдатской песни» (*ян-янё* в значении «пение», «звон»); *Тәри юрри те шәрчәксен чәр-чарё* «Пение жаворонка и стрекотанье кузнечика» (*чәр-чарё* «стрекотание»).

Мимемы частичной субстантивации, по сравнению с полностью субстантивированными звукоподражательными словами, не склоняются и принимают не все аффиксы личной принадлежности.

ПОСЛЕЛОГИ И СЛУЖЕБНЫЕ ИМЕНА

Послелогоми называют обычно морфологически неизменяемые слова, что не всегда соответствует истине. Некоторые послелого подвержены частичному формообразованию: они не имеют словоизменительных форм, им присущи некоторые некатегориальные формы, выполняющие морфосинтаксическую функцию.

Определение послелого нам видится таким: послелого в большинстве своём частично изменяемая служебная часть речи (в смысле формообразования), которая употребляется в морфосинтаксическом сочетании со знаменательными словами: с существительными (*май таран* «по шею», *пилёк таран* «по поясу»), местоимениями (*ман валли* «для меня»; *ун валли* «для него (неё)»), числительным (*хёрёх урлй кашнй, алла ситмен-ха* «ему (ей) за сорок, но нет ещё пятидесяти»), наречиями (*ыран валли* «на завтра»); с частично субстантивированной формой причастий прошедшего времени (*вулани сунчен* «о чтении»), будущего времени (*пуласси пирки* «о будущем»); с причастием будущего времени (*халь-халь каяс пек* «будто вот-вот отправится»), прошедшего времени (*утнй май* «по мере ходьбы»); с причастием долженствования (*каламалла чух* «когда нужно (следует) говорить»); с инфинитивом (*вәрсма патне сит* «дойти до ругательства»); с причастием настоящего времени

(*сывра́н пек туса вырт* «притвориться спящим»; *Ё́слекен валли яланах ёс пур* «Трудолюбивому всегда есть чем заняться»).

Послелогои употребляются (по И.П. Павлову) с основным падежом (*валли, витёр, евёр, пек, пирки, синчен, тавра, таран, та́рэх, тери, урлӓ, хута*), притяжательным падежом личных и указательных местоимений (*валли, витёр, евёр, пек, пирки, синчен, тавра, та́рэх, урлӓ*), дательным падежом (*кура, май, пула, сити, хирёс, яхӓн*), исходным падежом (*пу́сне, пу́сласа*) [117, с. 299—315]. Из перечисленных И.П. Павловым послелогов [см. также: 118, с. 317—323] сомнения вызывают следующие: *тесе, кура, пула, ка́са, пу́сласа*. Считать ли их послелогоми? По нашему мнению, это явно деепричастные формы.

Послелогои выражают следующие основные виды отношений: пространственные (локальные): *витёр* «сквозь», *май* «по», *сити* «до», *таран* «до», *та́рэх* «вдоль», *урлӓ* «через», *хирёс* «против», *тавра* «вокруг, кругом»; временные (темпоральные): *хысӓӓн* «после», *хута* (*сёр хута* «среди ночи»), *хысӓӓн* «после», *ка́са* (*хёл ка́са* «в течение зимы»), *пу́сласа* «начиная с...», *таран* «до»; меры: *таран: чёрку́сси таран* «до колен»; инхоативно-финитные: *сити* «до», *тери* «до»; компаративные отношения: *пек, евёр* «наподобие»; целевые отношения: *пула* «ради», *валли* «для»; делиберативные: *синчен* «о, об»; аблативные: *пу́сне* «кроме»; причинные: *пирки* «из-за»: *кахал пирки* «из-за лени», *кура* «смотря по» [164, с. 491—492].

Как мы уже сказали, послелогои — морфологически частично изменяемые слова. Среди них особенно выделяются слова *пек, евёр* «подобно», которые, принимая аффикс выделения *-и* или *-скер* (*пекки, пекскер; евёрри, евёрскер*), склоняются (квазисклонение):

Осн.	<i>пекки</i>	<i>пекскер</i>	<i>пеккисем</i>	<i>пекскерсем</i>
Прит.	<i>пеккин</i>	<i>пекскерён</i>	<i>пеккисен</i>	<i>пекскерсен</i>
Дат.	<i>пеккине</i>	<i>пекскерне</i>	<i>пеккисене</i>	<i>пекскерсене</i>
Мест.	<i>пеккинче</i>	<i>пекскерёнче</i>	<i>пеккисенче</i>	<i>пекскерсенче</i>
Исх.	<i>пеккинчен</i>	<i>пекскерёнчен</i>	<i>пеккисенчен</i>	<i>пекскерсенчен</i>
Твор.	<i>пеккипе</i>	<i>пекскерпе</i>	<i>пеккисемпе</i>	<i>пекскерсемпе</i>
Лиш.	<i>пеккисёр</i>	<i>пекскерсёр</i>	<i>пеккисемсёр</i>	<i>пекскерсемсёр</i>
Прич.	<i>пеккишён</i>	<i>пекскершён</i>	<i>пеккисемшён</i>	<i>пекскерсемшён</i>

Иллюстрирующие примеры показывают, что в них нет субстантивации: *сывра́рам пекки туса выртать* «притворяется спя-

шим»; *ман упйшка некскер* «наподобие моего мужа»; *Ларас неккисем карап сине ларнй та каяс сёре кайнй* «Кто хотел сесть на корабль, сел и поплыл, куда хотел»; *Хйла лашана анчах пачё, ватйскере, ыран-и, паян-и вилес неккине* (ср.: *некскерне*. — В. С.) «Выделил савраску старую, которая сегодня-завтра подохнет». Эти примеры взяты из словаря Н.И. Ашмарина [А, IX, с. 153—155]. Нет надобности подтверждать примерами все падежные формы словоформ *некки*, *некскер* + *-сем*.

Послелог *нек* принимает аффиксы: образа действия *-ён* (*неккён* «подобно»), уподобления *-ле* (*некле* «схоже, похоже»), прошедшего времени *-чё* (*некчё*: *Кашкйр некчё вйл йытй* «Та собака была точно волк»), усиления *-ех* (*некех*: *аишй некех* «точно отец»). Такая широкая аффиксальная «разворотливость» послелого *нек* имеет историко-этимологическую подоплёку: чув. *нек* происходит от существительного *кап* «форма», хотя слово перешло в другую часть речи (в послелог), «привычки» имени существительного и прилагательного подспудно сохранил.

Вопреки высказываниям тюркологов о том, что послелогои относятся к морфологически неизменяемым словам, мы утверждаем, что многие послелогои чувашского языка имеют частичное формообразование, т.е. обладают некатегориальными формами, но, как ни странно, ещё и вторичными категориальными формами усиления и прошедшего времени:

валли — *валлиех*: *мана валлиех* «специально для меня»; *валличё*: *ача валличё* «было (приготовлено) для ребёнка»;

витёр — *витёрах*: *Вйрман витёрах тухма лекрё* «Пришлось пройти через лес»; *Сумйр витёрах килтёмёр* «Пришли, несмотря на дождь»; *витёрчё*: *Эпир каяс сул пахча витёрчё* «Путь, который мы должны были пройти, был через сад»; *виттёртерех*: *Сан курусем те виттёртерех* (~ *витёртерех*) «Зрение у тебя острее» [А, V, с. 259];

вара — *варах*: *ёнертен варах* «со вчерашнего дня»; *сав кунтан варах* «с того самого дня»;

евёр — *евёрах*: *кашкйр евёрах* «точь-в-точь как волк»; *евёрчё*, *евёрлечё*: *Вёсем пёр евёрлечё* «Они были похожими»;

нек — *некех*: *сан некех* «похож на тебя»; *некехчё*: *тем некехчё* «чрезвычайно важно (нужно)»;

пирки — *пиркиех*: *Пупсем пиркиех сак инкеке куратпйр* (И. Мучи) «Из-за попов терпим (букв.: видим) это несчастье»; *пиркичё*: *Эпир ёс пиркичё* «Мы по поводу работы»;

синчен — *синченех*: *Ёс синченех калашать-ха вӓл* «Он говорит о деле (о работе) же; *синченчӗ*: *Каласу сӗр тенкӗ синченчӗ* «Разговор был о ста рублях»;

тавра — *таврах*: *Ял таврах саврайма лекрӗ* «Пришлось обойти деревню»; *таврачӗ*: *Сулӗ кӳлӗ таврачӗ* «Путь лежал вокруг озера»;

таран — *таранах*: *Шывӗ унта май таранах* «Вода там по шею»; *таранчӗ*: *Клеверӗ пилӗк таранчӗ* «Клевер был по пояс»;

тӓрӓх — *тӓрӓхах*: *Селектор тӓрӓхах каласрам* «Я говорил по селектору же»; *тӓрӓчӗ*: *Сурчӗ ун урама тӓрӓчӗ* «Его дом был вдоль улицы»;

тери — *териех*: *Сав териех ан тарӓх-ха* «Не гневайся до такой степени»; *териехчӗ*, *теричӗ*: *Илемӗ тата мӗн теричӗ!* «Красота была какая!»;

урлӓ — *урлах*: *Шыв урлах касма лекрӗ* «Пришлось перейти вброд»; *урлахчӗ*: *Сулӗ уй урлахчӗ, урлӓчӗ* «Дорога была через поле»;

хута — *хутах*: *Мӗнле хӓрамарӓр-ха сӗр хутах вӓрман урлӓ касса килме?* «Как же вы не побоялись среди ночи идти через лес»; *хутачӗ*: *Су хутачӗ — пански чӓлха, хӗл хутачӗ — тӓла чӓлха* «Панские (вязаные) чулки были на лето, а чулки из сукна — на зиму»;

кура — *курах*: *Ёсне курах — тупӓшӗ* «По работе и при-быль»; *курачӗ*: *Екки те ун хӓйне курачӗ* «И нрав у него был на свой лад»;

май — *маях*: *пӗрмаях* «всё время»; *майчӗ*: *Ёслесси те вӗсен хӓйсене майчӗ* «И трудились они на свой манер»;

хирӗс — *хирӗсех*: *Вӗсене хирӗсех Иван пурӓнать* «Напротив их живёт Иван»; *хирӗсчӗ*: *Петӗр вӗсене хирӗсчӗ* «Пётр был против них»;

яхӓн — *яхӓнах*: *сехете яхӓнах* «около часа»; *яхӓнчӗ*: *Тарӓнӓшӗ метра яхӓнчӗ* «Глубина была около метра»;

юнашар — *юнашарах*: *Вӓл манпа юнашарах* «Он рядом же со мной»; *юнашарчӗ*: *Пирӗн пахчасем юнашарчӗ* «Наши огороды были рядом».

На то, что послелогои чувашского языка обладают вторичными категориальными формами: формой усиления на *-ах* (*-ех*, *-х*), формой прошедшего времени на *-чӗ* (*-чӗ*) — чувашские языковеды не обратили внимания потому, что ни один из них не поднимал формы с этими показателями до категориального статуса: аффикс *-ах* (*-ех*, *-х*) считали частицей

усиления, а *-чѣ (-ччѣ)* оставался на уровне «недостаточного глагола».

Формообразование послелогов рассматривалось, но только всё ограничивалось примерами без комментариев. Например, *ку таран-ччен* «до сих пор» [117, с. 304], при этом ничего не говорится о формообразовательном аффиксе *-чен (-ччен)* как об аффиксе предельности.

К некатегориальным формам послелогов относятся следующие:

формы выделительности на *-и, -хи, -скер*: *пекки, хирѣсси, урли, тӑрӑххи (урама тӑрӑххи), витӑрри, евӑрри, таранхи (ку таранхи), валлискер (ун валлискер)*;

форму предельности на *-ччен*: *яхӑнччен, таранччен, ситиччен*;

формы некоторых падежей (неполное склонение): *пат (ман патӑ — дательный падеж, ман патра — местный падеж, ман патран — исходный падеж)*; других падежных форм нет;

форма компаративности + усиления: *Вӑсем ӗлӗк тури чӑвашсем пекрехех тумланӑ иккен* «В старину они одевались, оказываются, наподобие верховых чувашей»;

форма усиления + прошедшего времени: *Шывӗ чӑркусци тараначчӗ* «Вода была по колено».

И.П. Павлов среди послелогов выделяет особую группу слов под названием «служебные имена» [117, с. 317—323]. По его мнению, «в форме локальных (или пространственных) падежей служебные функции могут приобретать следующие имена существительные: *ай* “низ”, *аяк* “бок”, *айи* “нутро”, *варӑ* “середина”, *ен* “сторона”, *кут* “основание”, *пат* “близость”, *пуç* “голова”, *си* “верх”, *сывӑх* “близость”, *тавраш* “окрестность”, *тӑрӑ* “верх”, *тӗл* “противоположная сторона”, *ум* “перед”, *хушӑ* “промежуток”, *хыç* “зад”, *хӗрӗ* “край» [117, с. 317].

Автор предупреждает, что эти слова не являются послелогам, они не утратили полностью своё именное значение и частично сохранили словоизменительные функции существительных: изменяются по некоторым падежам и лицам категории принадлежности.

Некоторые из приведенных слов принимают аффиксы лица принадлежности: *ман айӑмра* «подо мной», *сан айӑнта* «под тобой», *ун айӑнче* «под ним (ней)». Словоформы с аффиксами принадлежности являются неполносклоняемыми:

Осн.	<i>ман патйм</i>	<i>сан пату</i>	<i>ун пачё</i>
Прит.	?	?	?
Дат.	<i>ман патйма</i>	<i>сан патна</i>	<i>ун патне</i>
Мест.	<i>ман патймра</i>	<i>сан патанта</i>	<i>ун патёнче</i>
Исх.	<i>ман патымран</i>	<i>сан патантан</i>	<i>ун патёнчен</i>
Твор.	?	?	<i>ун пачёпе</i>
Лиш.	?	?	<i>ун пачёсёр</i>
Прич.	<i>ман патымшйн</i>	<i>сан патаншйн</i>	?

МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ СТРОЙ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА

(Вместо заключения)

Что такое строй языка? Обратимся к словарям лингвистических терминов. Язык — «одна из самобытных семиологических систем, являющаяся основным и важнейшим средством общения членов данного человеческого коллектива, для которых эта система оказывается также средством развития мышления, передачи от поколения к поколению культурно-исторических традиций и т.п.» [19, с. 530], строй языка — «способ выражения грамматических отношений между словами как синтаксическая характеристика языка» [19, с. 457], близок по значению термин «система» — «внутренне организованная совокупность элементов (единиц) языка, связанных устойчивыми инвариантными отношениями» [19, с. 412]. Строй языка выявляется в следующих параметрах: фонетический, морфологический, семантический, лексико-фразеологический и грамматический. «Грамматический строй — строение слова и предложения, присущее данному языку» [19, с. 113]. А грамматика — «раздел языкознания, изучающий такой строй, его неоднородную организацию, его категории и их отношения друг к другу» [100, с. 113]. Итак, грамматическая (морфологическая) структура — это значащее расположение элементов (единиц) высказывания. Лингвотактика (или грамматика порядков) как раздел лингвистики занимается описанием сочетаемости не только грамматических, но и фонетических, морфемных, лексико-фразеологических единиц языка. Изучение сочетаемости морфем, т.е. последовательности морфем в словоформах, нас выводит на словоизменяемые, формоизменяемые категориальные формы, а при рассмотрении формообразования мы вынуждены признать наличие некатегориальных форм. Категориальные и некатегориальные формы являются стержневым элементом морфологического строя чувашского языка. Без их учёта адекватно описать морфологический строй чувашского языка невозможно.

В своё время Л.В. Щерба написал: «...грамматика в сущности сводится к описанию существующих в языке категорий...» [188, с. 79—80], но им не затронут вопрос о некатегориальных формах.

Чувашский язык от других тюркских языков отличается наличием словоизменительной морфологической категории выделения (выделительности) на *-и*, *-скер* прилагательных и формоизменительной категориальной формы выделения существительных, прилагательных, местоимений, причастий настоящего (*сыраканни*), прошедшего (*сырни*), будущего (*сырасси*) времени. Категория выделения проявляется и в формоизменении падежных форм: *кúршённи* «то, что принадлежит соседу», *кúршёрни* «то, что находится по соседству», *кúршёнренни* «тот, кто из соседей», *кúршёсёрри* «тот, кто не имеет соседей», *кúршёшённи* «тот, кто хочет иметь соседей». Обычно мы говорим вообще о категории падежа. Однако термином «категория» (вернее, «субкатегория») называются и отдельные субкатегории падежей — категории выделения притяжательного, местного, исходного, лишительного, причинно-целевого падежей, но нет субкатегории выделения дательного и творительного падежей. Форма выделения на *-и* творительного падежа встречается редко даже в разговорной речи: *Ё́спех килсеччэ-и эсэ?* «По делу же ты пришёл?»; *Ё́спине ё́спехчэ та-ха* «По делу-то, конечно, по делу». Словоформу *ёс-п-и-н-е* можно отнести только к формообразованию.

Морфологические словоизменительные и формоизменительные категории подчиняются принципу тотальности употребления грамматических форм, т.е. морфологическая категория распространяется на всё множество (или большинство) элементов (слов) рассматриваемой части речи.

В нашей работе в качестве рабочей установки принято то, что под морфологической категорией, или категориальной формой, следует понимать как совокупность форм (например, категория принадлежности, образуемая аффиксами *-йм* (*-ём*, *-м*), *-у* (*-ў*), *-ё* (*-и*), *-йм-яр* (*-ём-ёр*, *-м-яр*, *-м-ёр*), *-яр* (*-ёр*)), так и одну отдельную форму с автономной семантикой (например, категория множественного числа на *-сем*, категория прошедшего времени на *-чэ* (*-ччэ*)), придерживающиеся принципа тотальности употребления в пределах одной части речи или ряда частей речи. Признавая категорией одну отдельную

форму с автономной семантикой, мы не ставим цели полностью отказаться от термина «оппозиция» — формального смыслового противопоставления языковых единиц (в нашем случае — морфем). Мы признаём многочленность и многочисленность категорий, но категорически против трактовки Д.А. Штелинга, который признаёт только противопоставление двух (и не более!) форм при определении категории. Д.А. Штелинг и поддерживающие его теорию грамматической категории видят в ней отражение основного закона человеческого мышления — закона единства взаимоисключающих противоположностей [185, с. 56, 63].

Признавая привативную (бинарную) оппозицию, где один из членов отличается от другого наличием или отсутствием какого-либо отличительного признака, мы предлагаем свою оппозицию — «категориальная форма — некатегориальная форма».

Некатегориальной формой следует считать как совокупность форм (например, форма лица у числительных от двух до семи: *иксёмёр* «мы вдвоём», *иксёр* «вы вдвоём», *виçсёмёр*, *виçсёр*; *таватсёмёр*, *таватсёр*; *пилёксёмёр*, *пилёксёр*; *ултсёмёр*, *ултсёр*; *сичсёмёр*, *сичсёр*), так и одну отдельную форму с автономной семантикой (например, *ачарах* «ребенок ещё»), характеризующиеся принципом избирательности употребления в пределах одной части речи (или нескольких частей речи) и служащие в большинстве случаев для формообразования. К примеру, определительное местоимение *пур* «каждый» может выступить в формах 1, 2, 3 лица: *пурсёмёр* «все мы», *пурсёр* «все вы», *пурё*, *пурйше* «все вместе».

Противопоставление «категориальная форма — некатегориальная форма» даёт возможность противопоставить термины «словоизменение», «словоформоизменение» (сокр.: формоизменение) и «формообразование». Все случаи некатегориальной формы относятся к формообразованию.

Членение на три уровня позволяет дать стройное описание морфологических форм. Например, с позиций формоизменения мы можем уверенно сказать, что прилагательным чувашского языка присущи категории падежа и множественного числа, но при выделительных формах на *-и*, *-скер*: *лаййххин*, *лаййххине*, *лаййххинче*, *лаййххинчен*, *лаййххите*, *лаййххисёр*, *лаййххишён*; *лаййххисем* (с полным склонением). Чувашские языковеды не отмечали категории падежа и множественного числа прилагательных, хотя

и приводили образцы склонения форм *асли*, *аслисем*. Также указывается: «...в роли определения прилагательные всегда предшествуют существительному, своему определяемому. Как определение прилагательные не изменяются» [15, с. 104]. Но это в корне неверно. Следует учесть, что у прилагательных основной категориальной формой является категория сравнения на *-рах* (*-рех*, *-тарах*, *-терех*): когда прилагательное принимает аффикс сравнения, оно изменяется: *пысӑк ял* «большая деревня» — *пысӑкрах ялсем* «деревни побольше»; *сӳллӗ ту* «высокая гора» — *сӳллӗрех тусем* «горы повыше». Есть ещё форма усиления качества прилагательных (интенсив) (*сан-сарӑ уйӑх* «жёлтая-прежёлтая луна»; *хуп-хура сӗр* «чернозём», «чёрная-чёрная земля»); естественно, интенсив относится к формообразованию, т.е. является некатегориальной формой, поскольку подчиняется принципу избирательности употребления: в чувашском языке интенсив образуется от названий цвета, но нет форм *лан-лайӑх*, *хуп-хитре* и т.д.

Принцип тотальности употребления форм причастий и деепричастий вынуждает нас отнести их к категориальным и многочисленным субкатегориальным формам, а инфинитив — к одноклассным словоизменительным категориальным формам.

Итак, морфотактика (морфемотактика, грамматика порядков), являясь частью морфологии — раздела языкознания, изучающего формы словоизменения и формообразования, способов выражения грамматических значений, а также морфологических категорий в виде категориальных форм, учитывая наличие некатегориальных форм — имеет большое значение для описания морфологии (словоизменения, формоизменения и формообразования) чувашского языка.

Грамматика порядков представляет словоформу как упорядоченный набор морфем. Благодаря грамматике порядков мы говорим о словоизменении, формоизменении и формообразовании с точки зрения тотальности и избирательности употребления аффиксов, о порядке морфем, т.е. о позиционных рангах. Грамматика порядков определяет морфологический строй чувашского языка, и, возможно, это положение справедливо и для всех других тюркских языков как языков агглютинирующего типа.

Категориальные формы, морфологические категории подчиняются принципу тотальности (универсальности) употребления

формальных морфологических показателей со всеми словами или большинством слов той или иной части речи (здесь хозяйничает мерило «больше половины», в идеале до 100 % совокупности единиц морфологических классов слов). Если эта мера соблюдается, неизбежно сталкиваемся с принципом избирательности употребления форм с оценкой «меньше», т.е. меньше половины слов той или иной части речи. Мера «меньше» охватывает от 0,01 % до 49,9 % вокабуляра определённой части речи. В этом случае имеем дело с некатегориальными формами слов, т.е. с формообразованием. Например, определительные местоимения *пур*, *пурте* «все» могут быть оформлены с аффиксами лица: *пурсăмăр (та)*, *пурсăр (та)*, *пурĕ*, *пурĕш (те)*, но ни одно местоимение такими личными формами местоимения не обладает, т.е. *пур*, *пурте* демонстрируют принцип избирательности личных форм.

По принципу избирательности формируются квазикатегориальные формы формообразования. Например, послелого *пек*, *евĕр* «подобно, наподобие» принимают аффиксы выделения *-и*, *-скер*: *сан пекки*, *пекскер* «наподобие тебя», многие другие послелого (*хута*, *май*, *пуĕне* и др.) в выделительной форме не выступают. Но элемент *-и* может входить в состав основы некоторых послелогов: *валли* «для», *пирки* «по причине», *тери* «до такой степени», *çити* (< *çите*) [116, с. 241, 258; 117, с. 297, 311]. Послелого *пек*, *евĕр* в форме выделения имеют полное склонение. Поскольку большинство послелогов в форме выделения на *-и*, *-скер* не выступает, перед нами квазивыделение и квазисклонение, так как нарушается принцип тотальности употребления.

«АНТИЗАЛОГОВЫЙ» МАТЕРИАЛ

**(Данные, доказывающие тезис об отсутствии
в чувашском языке категории залога)**

1. Примеры, иллюстрирующие словоизменительную валентность (сочетаемость) глагольных основ с аффиксом *-тар* (*-тер*, *-ттар*, *-ттер*) как основу категории понудительности (соблюдается принцип тотальности). Список составлен на основе «Обратного словаря чувашского языка» [181, с. 96—104, 109—113] с соблюдением правил оформления реестров словарей такого типа.

шăтар	тăрăтар
автар	карăтар
савтар	çурăтар
чавтар	касăтар
хывтар	пăсăтар
явтар	кавсăтар
кайтар	усăтар
тайтар	ватăтар
пуйтар	хăтăтар
туйтар	çутăтар
актар	шăтар
çактар	култар
чактар	пултар
тăктар	тултар
ланктар	кăмтар
тăпăлтар	чăмтар
хăшкăлтар	кумтар
тăкăлтар	антар
сарăлтар	вантар
чарăлтар	йăвантар
хăйăрăлтар	кантар
какăрăлтар	лăкантар
мăкăрăлтар	аркантар
самăрăлтар	лутăркантар

лйчйркантар	хыпалантар
хускантар	варалантар
чавалантар	саралантар
ййвалантар	сйралантар
явалантар	шйртлантар
лйймакалантар	шултралантар
савракалантар	уралантар
сатракалантар	чуралантар
чакалантар	сймсалантар
лачакалантар	уксалантар
авкалантар	аталантар
явкалантар	йсталантар
тайкалантар	ыгалантар
ййштйрккалантар	хавхалантар
лачйрккалантар	сймхалантар
манкалантар	тумхалантар
лапкалантар	сйрхалантар
сйпкалантар	калчалантар
тйпкалантар	йшалантар
паййркалантар	ййшалантар
пйркалантар	нушалантар
лапйркалантар	ййвалантар
суркалантар	ййвйлантар
шуркалантар	лйпкйлантар
тйскалантар	тйкйскйлантар
хускалантар	шашкйлантар
хыскалантар	чаплйлантар
турткалантар	хйватлйлантар
муклашкалантар	туллйлантар
амалантар	ййшлйлантар
тймалантар	хймпйлантар
тйрмалантар	ырйлантар
хйнантар	сйтйлантар
сапалантар	пыйтйлантар
тапалантар	пйчйлантар
хйпалантар	шакшйлантар
тйпалантар	хйрушйлантар
кймпалантар	авлантар
аппалантар	юлхавлантар
сйрпалантар	активлантар

шывлантар
расходлантар
какайлантар
самайлантар
нумайлантар
шуйлантар
с̣ваклантар
пылаклантар
ч̣маклантар
тармаклантар
чармаклантар
усмаклантар
чараклантар
к̣васаклантар
с̣аклантар
лаптаклантар
хаклантар
вачаклантар
й̣амшаклантар
й̣а̣пшаклантар
к̣а̣пшаклантар
л̣аклантар
мам̣аклантар
кас̣ма̣клантар
к̣а̣мр̣аклантар
к̣а̣с̣аклантар
алт̣аклантар
лапч̣аклантар
ваш̣аклантар
усаллантар
с̣аллантар
халлантар
кахаллантар
сахаллантар
п̣ашаллантар
й̣аллантар
т̣аватк̣аллантар
х̣ашк̣аллантар
с̣ам̣аллантар
т̣аллантар

ш̣аллантар
суллантар
с̣уллантар
пыллантар
с̣а̣прамлантар
л̣амлантар
ул̣амлантар
с̣ул̣амлантар
пар̣амлантар
й̣а̣р̣амлантар
х̣а̣р̣амлантар
я̣р̣амлантар
с̣амлантар
с̣умлантар
тумлантар
аванлантар
т̣аманлантар
й̣а̣ранлантар
м̣а̣ранлантар
с̣а̣ранлантар
суранлантар
тусанлантар
ы̣рханлантар
с̣а̣ханлантар
а̣нлантар
аск̣анлантар
уск̣анлантар
с̣а̣тк̣анлантар
юшк̣анлантар
м̣анлантар
т̣анлантар
кут̣анлантар
чух̣анлантар
курпунлантар
чунлантар
юнлантар
пуянлантар
каплантар
лаплантар
асаплантар

чаглантар	хаярлантар
лйглантар	хаваслантар
калйглантар	сарамаслантар
тйглантар	талпаслантар
шйглантар	араслантар
хуплантар	атаслантар
кйварлантар	ййкйслантар
тасамарлантар	тйкйслантар
тутлймарлантар	намйслантар
тымарлантар	пйслантар
парлантар	курйслантар
хастарлантар	вырйслантар
тутарлантар	шйрйслантар
начарлантар	шйвййслантар
тйвйрлантар	тйнййслантар
хйййрлантар	пйййслантар
мйкйрлантар	тухййслантар
кукйрлантар	куййслантар
самйрлантар	пуййслантар
чймйрлантар	хйватлантар
пйрлантар	тйматлантар
ййсйрлантар	сунатлантар
пйсйрлантар	апатлантар
сйсйрлантар	туратлантар
тутйсйрлантар	ансатлантар
халсйрлантар	хйглантар
хйй-пйшалсйрлантар	картлантар
кймйлсйрлантар	хйпартлантар
сйнсйрлантар	хйвйртлантар
сйнсйрлантар	шйртлантар
харсйрлантар	хуртлантар
чйрсйрлантар	утлантар
канййсйрлантар	пуглантар
чарусйрлантар	улпуглантар
сусйрлантар	туглантар
мйнтйрлантар	сунантар
сахйрлантар	чйлахлантар
мйшйрлантар	ухмахлантар
хурлантар	вйрахлантар
упшурлантар	уксахлантар

сурхаплантар	пӓлхантар
сываплантар	чӓплантар
сӓнаплантар	ылхантар
урӓплантар	хумхантар
турӓплантар	вайӓрхантар
сӓплантар	асӓрхантар
ӓшӓплантар	пӓшӓрхантар
сыплантар	шантар
майкӓчлантар	ӓнтар
пӓчлантар	авӓнтар
тӓпӓрчлантар	савӓнтар
ашлантар	сӓвӓнтар
йӓвашлантар	ывӓнтар
чӓкрашлантар	хывӓнтар
юлташлантар	явӓнтар
хурӓнташлантар	тайӓнтар
чыхлантар	туйӓнтар
ачашлантар	кӓнтар
лӓшлантар	акӓнтар
чалӓшлантар	сакӓнтар
наркӓмӓшлантар	такӓнтар
кӓпӓшлантар	тӓкӓнтар
шӓршлантар	чавкӓнтар
хӓюлантар	вайкӓнтар
туялантар	вайкӓнтар
мантар	варкӓнтар
чӓрмантар	ыткӓнтар
йӓпантар	ашкӓнтар
тӓрантар	йӓлӓнтар
шӓрантар	сӓлӓнтар
пӓтрантар	шӓлӓнтар
ӓмсантар	сулӓнтар
юсантар	сапӓнтар
вӓтантар	сӓпӓнтар
лапӓртантар	тапӓнтар
тӓрантар	хупӓнтар
тугантар	сыпӓнтар
мухтантар	хыпӓнтар
пытантар	варӓнтар
хуйхантар	карӓнтар

парантар
сарантар
пустарантар
чарантар
варантар
саварантар
таварантар
пйрантар
пусарантар
лапсарантар
сарантар
тарантар
харантар
лапчарантар
лапчарантар
саврантар
пурантар
сырантар
сырантар
хырантар
ярантар
асантар
хапсантар
усантар
пусантар
тусантар
юсантар
пусантар
шысантар
ййгантар
ывгантар
салгантар
ургантар
тургантар
сутгантар
тыгантар
пйхантар
сйхантар
тйхантар
сйрхантар

сйхантар
чйхантар
юхантар
лапчйхантар
лапчйхантар
йшйхантар
шйршйхантар
хутшйхантар
ютшйхантар
хушйхантар
ййшйхантар
сунтар
сунтар
юнтар
таянтар
кулянтар
вьлянтар
туянтар
саптар
сйптар
таптар
хйптар
суптар
чуптар
сыптар
хыптар
юптар
лартар
партар
чартар
шартар
сйртар
сйртар
хйртар
уртар
суртар
суртар
хуртар
ыртар
выртар

пыртар	лйкантир
сыртар	майкати
хыртар	шаккати
яртар	лаккати
астар	лйпкати
кастар	аркати
пастар	варкати
тастар	вйркати
хастар	лйркати
алхастар	шултйрки
йстар	суптйрки
авастар	лутйрки
пйстар	кушйрки
хйстар	васкати
кустар	лйскати
пустар	хускати
тустар	лачкати
юстар	лйчкати
кастар	лашкати
каластар	пашкати
ягластар	хашкати
вырнастар	пйшкати
сурастар	якати
явйастар	алаттар
канйастар	савалаттар
йнайастар	чавалаттар
пйрайастар	ййвалаттар
шйнайастар	хйвалаттар
сапйастар	явалаттар
сыпйастар	калаттар
тыгастар	савракалаттар
вйрртар	сатракалаттар
устар	чакалаттар
кустар	лачакалаттар
пустар	лачйркалаттар
выстар	лаптакалаттар
хыстар	сймалалаттар
шыстар	улалаттар
ваттар	тйрмалаттар
каттар	хйналаттар

тәлпалаттар
купалаттар
хыпалаттар
варалаттар
пәралаттар
лапралаттар
салаттар
сәмсалаттар
пәталаттар
улталаттар
ыталаттар
сәмхалаттар
сәрхалаттар
сухалаттар
әшалаттар
сәвәлаттар
ухәлаттар
шавлаттар
сывлаттар
монтажлаттар
айлаттар
пайлаттар
шайлаттар
вәйлаттар
суйлаттар
ваклаттар
лаклаттар
шакмаклаттар
йәлмаклаттар
паклаттар
краклаттар
саклаттар
таклаттар
лаптаклаттар
чаклаттар
шаклаттар
мәйәклаттар
кәйәклаттар
кәклаттар
ләклаттар

мәклаттар
касмаклаттар
нәклаттар
ләрәклаттар
чәрәклаттар
сәмрәклаттар
кәтәклаттар
мәтәклаттар
мәйтәклаттар
лачәклаттар
пылтчәклаттар
ланчәклаттар
лапчәклаттар
ашәклаттар
панклаттар
кранклаттар
танклаттар
чанклаттар
ләнклаттар
янклаттар
аллаттар
сәвәллаттар
йәллаттар
мәшкәллаттар
сәмәллаттар
тәллаттар
шәллаттар
кәшәллаттар
туллаттар
хуллаттар
тыллаттар
хәрәмлаттар
утәмлаттар
хәмлаттар
чәмлаттар
түмлаттар
анлаттар
таканлаттар
тусанлаттар
танлаттар

чанлаттар
шанлаттар
шаршанлаттар
ванлаттар
йанлаттар
панлаттар
таранлаттар
варанлаттар
каранлаттар
танлаттар
тукунлаттар
янлаттар
каплаттар
лаплаттар
саплаттар
таплаттар
хаплаттар
чаплаттар
шаплаттар
лаплаттар
калайлаттар
хулаттар
арлаттар
таварлаттар
карлаттар
ларлаттар
парлаттар
тарлаттар
харлаттар
чарлаттар
шарлаттар
варлаттар
майярлаттар
хайярлаттар
карлаттар
такярлаттар
ларлаттар
марлаттар
пусмарлаттар
сарлаттар

вайсарлаттар
ансарлаттар
тарлаттар
сарлаттар
шатарлаттар
мантарлаттар
харлаттар
пахарлаттар
чарлаттар
санчарлаттар
майшарлаттар
ырлаттар
юрлаттар
анаслаттар
тархаслаттар
васлаттар
йаслаттар
кар(ә)слаттар
тар(ә)слаттар
шарслаттар
ларслаттар
парслаттар
услаттар
куслаттар
пуслаттар
латлаттар
патлаттар
сапатлаттар
сатлаттар
шатлаттар
сатлаттар
талтлаттар
халтлаттар
чалтлаттар
шалтлаттар
валтлаттар
йалтлаттар
пантлаттар
чантлаттар

кәнтлаттар	качлаттар
картлаттар	хәйшкәчлаттар
тартлаттар	лачлаттар
хартлаттар	начлаттар
шартлаттар	мәйкәчлаттар
йәртлаттар	мәчлаттар
кәртлаттар	нәчлаттар
нәртлаттар	вашлаттар
мәртлаттар	кашлаттар
тәртлаттар	нашлаттар
шәртлаттар	лашлаттар
хәртлаттар	машлаттар
чәртлаттар	пашлаттар
сорлаттар	хыпашлаттар
ярлаттар	ташлаттар
ләслаттар	хашлаттар
тәрәслаттар	чашлаттар
хутлаттар	ачашлаттар
чутлаттар	вәшлаттар
шуглаттар	чәвәшлаттар
вәштлаттар	йәшлаттар
мәштлаттар	ләшлаттар
нәштлаттар	мәшлаттар
ялаттар	нәшлаттар
улаттар	пәшлаттар
вулаттар	шухәшлаттар
сүлаттар	чәшлаттар
тулаттар	шәршлаттар
ахлаттар	яшлаттар
кахлаттар	сәнаттар
лахлаттар	унаттар
сәмахлаттар	хунаттар
ухмахлаттар	сараттар
уксахлаттар	сәраттар
ушахлаттар	сәраттар
лайәхлаттар	тәраттар
сәварләхлаттар	шәраттар
сәнәхлаттар	авраттар
урәхлаттар	хәйраттар
тунсәхлаттар	анраттар

упраттар
усраттар
пәтраттар
пураттар
тураттар
хураттар
шураттар
ыраттар
шыраттар
юраттар
тасаттар
әсаттар
юсаттар
кәвәлтаттар
кәйәлтаттар
какәлтаттар
макәлтаттар
такәлтаттар
шакәлтаттар
ләкәлтаттар
мәкәлтаттар
кәкәлтаттар
шәкәлтаттар
нәйкәлтаттар
тәнкәлтаттар
чанкәлтаттар
мәнкәлтаттар
танкәлтаттар
чәнкәлтаттар
харкәлтаттар
мәркәлтаттар
хәркәлтаттар
хәшкәлтаттар
хәймәлтаттар
чапәлтаттар
шапәлтаттар
йәпәлтаттар
ләпәлтаттар
шәпәлтаттар
шампәлтаттар

чәмпәлтаттар
шәмпәлтаттар
ямпәлтаттар
сәрәлтаттар
харәлтаттар
чарәлтаттар
вәрәлтаттар
ләрәлтаттар
мәрәлтаттар
нәрәлтаттар
тәрәлтаттар
хәрәлтаттар
сәтәлтаттар
кәтәлтаттар
сәтәлтаттар
ахәлтаттар
лахәлтаттар
вәчәлтаттар
вашәлтаттар
машәлтаттар
хашәлтаттар
вәшәлтаттар
йәшәлтаттар
пәшәлтаттар
чәшәлтаттар
туптаттар
вартаттар
лачартаттар
лакәртаттар
чакәртаттар
шакәртаттар
ләкәртаттар
тәкәртаттар
чәкәртаттар
шәкәртаттар
ланкәртаттар
ханкәртаттар
чанкәртаттар
ләнкәртаттар
хәнкәртаттар

чәнкәртаттар
шәнкәртаттар
кәмәртаттар
капәртаттар
лапәртаттар
тапәртаттар
чапәртаттар
шапәртаттар
йәпәртаттар
кәпәртаттар
ләпәртаттар
тәпәртаттар
чәпәртаттар
шәпәртаттар
лампәртаттар
чампәртаттар
шампәртаттар
ләмпәртаттар
тәмпәртаттар
чәмпәртаттар
шәмпәртаттар
шупәртаттар
ламсәртаттар
кәмсәртаттар
лапсәртаттар
катәртаттар
латәртаттар
патәртаттар
җатәртаттар
шатәртаттар
кәтәртаттар
ләтәртаттар
пәтәртаттар
җәтәртаттар
шәтәртаттар
калтәртаттар
палтәртаттар
халтәртаттар
чалтәртаттар
шалтәртаттар

йәлтәртаттар
кәлтәртаттар
пәлтәртаттар
хәлтәртаттар
шәлтәртаттар
хултәртаттар
ялтәртаттар
хантәртаттар
пәнтәртаттар
хәнтәртаттар
каптәртаттар
ластәртаттар
ләстәртаттар
каштәртаттар
лаштәртаттар
чаштәртаттар
кәштәртаттар
ләштәртаттар
мәштәртаттар
чәштәртаттар
качәртаттар
лачәртаттар
кәчәртаттар
ләчәртаттар
нәчәртаттар
шәчәртаттар
ламчәртаттар
лапчәртаттар
кашәртаттар
йәшәртаттар
кәшәртаттар
ләшәртаттар
ләпәстаттар
тәхтаттар
лақәштаттар
йәқәштаттар
ләқәштаттар
тәқәштаттар
яқәштаттар
лапәштаттар

пәлхаттар
хумхаттар
асәрхаттар
әшәрхаттар
сұхаттар
хавшаттар
пушаттар
савәттар
ьвәттар
йәттар
ухәттар
лапчәттар
әшәттар
ыйттар
алттар
салттар
вәлттар
тулттар
аманттар
тәранттар
ханттар
хәварттар
шәварттар
карттар
чакарттар
кәкарттар
шәнкарттар
ларттар
кәларттар
хәпарттар
пәсарттар
пусарттар
касарттар
кусарттар
тарттар
кәтарттар
шәтарттар
автарттар
кайтарттар
актарттар

тәрәлтаттар
тултарттар
авәрттар
савәрттар
тавәрттар
сәвәрттар
сывәрттар
хәйәрттар
шәйәрттар
уйәрттар
какәрттар
чакәрттар
кәшкәрттар
паләрттар
самәрттар
әмәрттар
ләпсәрттар
касәрттар
сәтәрттар
ахәрттар
шәхәрттар
хуйхәрттар
сұхәрттар
йыхәрттар
турттар
вырттар
сырттар
юрттар
уярттар
уттар
путтар
суттар
сұттар
хуттар
тыттар
вьялттар
туттар
шуттар
сырлахтар
пәрахтар

суйахтар
йялахтар
улахтар
сүлахтар
йямыхтар
ханыхтар
юныхтар
япахтар
тарыхтар
сарыхтар
шурыхтар
асыхтар
касахтар
кусахтар
высахтар
сатыхтар
антыхтар
пантахтар
тугахтар
пачыхтар
канчыхтар
пашыхтар
кушыхтар
пухтар
тухтар
сыхтар
чыхтар
юхтар
аштар
айкашкар
аркаштар
харкаштар
сапкалаштар
тавлаштар
майлаштар
шайлаштар
паллаштар
хапаллаштар
тйванлаштар
танлаштар

чунлаштар
хунлаштар
туслаштар
хутлаштар
харкаштар
ылмаштар
кармаштар
юнаштар
капаштар
арпаштар
ахыраштар
сүхыраштар
авраштар
пйтраштар
аташтар
хуйхаштар
йаштар
талкаштар
чалкаштар
йялкаштар
ялкаштар
танкаштар
варкаштар
вйркаштар
чалаштар
улаштар
пулаштар
урмаштар
йянаштар
йынаштар
тупаштар
вараштар
тйраштар
хуташтар
куштар
хуштар
чыштар
тивгер
астивгер
пйгер

сѣтер
вигтер
ситер
лектер
сѣктер
сиктер
чиктер
кѣвелтер
кивелтер
хѣрелтер
тѣмселтер
сѹхелтер
ленчелтер
кѣвѣлтер
пѣлтер
сѣвѣрѣлтер
пѣкѣрѣлтер
лѣпсѣрѣлтер
ѹсѣрѣлтер
чѣрѣлтер
ирѣлтер
сирѣлтер
иксѣлтер
тѣмсѣлтер
сѣтѣлтер
сѹтѣлтер
чѣлтер
ишѣлтер
килтер
кѹлтер
ѣмтер
сѣвентер
тиентер
пикентер
пѣркентер
лѣпѣркентер
лѹчѣркентер
ѹркентер
чѹкентер
лѣпѣшкентер

кукалентер
упалентер
кѣвелентер
сѣвелентер
нимекелентер
чикелентер
сиккелентер
лепѣрккелентер
лѣпѣрккелентер
пѣтѣрккелентер
тинкелентер
йѣркелентер
пѣркелентер
тѣркелентер
лѣчѣркелентер
ленчешкелентер
тѣмелентер
шерепелентер
хиврелентер
сѣпрелентер
тѣтрелентер
хитрелентер
вѣселентер
кѣсѣселентер
вѣтелентер
ѣшелентер
тѣвѣлентер
лѣкѣлентер
тѣкѣлентер
иккѣлентер
хѣрѣнкѣлентер
анкѣ-минкѣлентер
сѹллѣлентер
лѣпѣлентер
сѹпѣлентер
вѣтѣлентер
пѣтѣлентер
питѣлентер
хѹтѣлентер
илентер

килентер
мумилентер
вѣрилентер
тӳргилентер
каклентер
сѣвеклентер
шѣвеклентер
тўлеклентер
чикмеклентер
кѣрмеклентер
кѣрнеклентер
пѣрпеклентер
чѣрпеклентер
тѣреклентер
кутеклентер
чечеклентер
йѣклентер
лѣклентер
кирѣклентер
йўрѣклентер
хѣсѣклентер
сѣклентер
шиклентер
куклентер
макӳллентер
кѣселлентер
кѣмѣллентер
тѣллентер
силлентер
сӳллентер
илемлентер
сѣремлентер
тўремлентер
хѣлхемлентер
сӳлѣмлентер
эрѣмлентер
сѣмлентер
сисѣмлентер
тѣксѣмлентер
тѣтѣмлентер

хѣмлентер
типшѣмлентер
ѣлккенлентер
кѣренлентер
кѣсенлентер
мѣскѣнлентер
чѣнлентер
йѣплентер
сӳрѣплентер
юплентер
тискерлентер
лўпперлентер
мекѣрлентер
кѣпѣрлентер
пѣсѣрлентер
чѣмсѣрлентер
тимсѣрлентер
сиенсѣрлентер
ирсѣрлентер
хатѣрлентер
тѣтѣрлентер
сехѣрлентер
нўрлентер
тўрлентер
эрлентер
хѣремеслентер
интереслентер
хѣреслентер
тикѣслентер
симѣслентер
ислентер
сўслентер
пѣтѣслентер
чѣркуслентер
ѣкеметлентер
черетлентер
рехетлентер
ѣтлентер
ѣметлентер
камитленетер

тертлентер
ўтлентер
хёрўлентер
тулентер
хёрхўлентер
сивёчлентер
кирпёчлентер
эрешлентер
тёшимёшлентер
иментер
ёнентер
йёпентер
тёрентер
кисрентер
чётрентер
кўрентер
кёсцентер
сўсцентер
вёчёрхентер
чўхентер
ёшентер
сёвёнтер
сивёнтер
пёкёнтер
тёкёнтер
чикёнтер
вёркёнтер
виркёнтер
сисқкёнтер
ўкёнтер
пёшкёнтер
йўшкёнтер
лўшкёнтер
тёлёнтер
кўлёнтер
чёрпёнтер
сирпёнтер
ўпёнтер
кўпёнтер
перёнтер

йёрёнтер
пёрёнтер
лёпсёрёнтер
тёрёнтер
пётёрёнтер
сётёрёнтер
хёрёнтер
сёнтер
хёсёнтер
ўсёнтер
сёнтер
ситёнтер
сёртёнтер
тёртёнтер
хёртёнтер
иртёнтер
вирхёнтер
тёршёнтер
чёнтер
сўнтер
тунтер
кўптер
ертер
пертер
вёртер
сёртер
хёртер
тиртер
хиртер
пўртер
хёстер
пистер
систер
ўстер
тустер
лесстер
валесстер
кўрнесстер
йўнесстер
суесстер

ёҗтер
вёҗтер
кёвёҗтер
тивёҗтер
семёҗтер
хирёҗтер
пётёҗтер
виҗтер
пиҗтер
җиҗтер
йўҗтер
пёветтер
шеветтер
киветтер
тиеттер
қўпкеттер
лөчөркеттер
тиркеттер
көскеттер
лөшкеттер
лўшкеттер
төрөветтер
пөветтер
йөркеттер
төркеттер
лөчөркеттер
көслеттер
тўметтер
шерепелеттер
тўпелеттер
сўрелеттер
хўтөлеттер
мумилеттер
василеттер
редакциялеттер
тирпейлеттер
шевеклеттер
леклеттер
пеклеттер
өкеттер

лөкеттер
сөкеттер
лөрөкеттер
пөчөкеттер
кәрикеттер
хиклеттер
шикеттер
сөнкеттер
тўнкеттер
пўкеттер
тўкеттер
чўкеттер
төлеттер
пилеттер
пехилеттер
илемлеттер
тўремлеттер
силөметтер
төтөметтер
төттөметтер
типшөметтер
йөвенлеттер
вөрөнеттер
кивсөнеттер
лөшеттер
лөрөшеттер
хөрөшеттер
чөрөшеттер
сирөшеттер
төшеттер
тишеттер
лөрөшеттер
қўплеттер
лўплеттер
тўплеттер
йөнерлеттер
йөрлеттер
көрлеттер
тимөрлеттер
хөсөрлеттер

кансёрлеттер
тёрлеттер
хатёрлеттер
чёнтёрлеттер
чирлеттер
тўрлеттер
хёрслеттер
вёслеттер
тикёслеттер
кёрёслеттер
тёрёслеттер
ёслеттер
вёслеттер
перекетлеттер
пичетлеттер
тикётлеттер
итлеттер
витлеттер
вёлтлеттер
мёлтлеттер
хўтлеттер
кёртлеттер
тёртлеттер
тўлеттер
лёхлеттер
сивёчлеттер
тёшлеттер
сёнеттер
хёнеттер
йёпеттер
вёреттер
хёреттер
тёпреттер
кисреттер
чётреттер
нўреттер
сўреттер
тёсеттер
сёмсеттер
чёвёллеттер

мекёллеттер
лёкёллеттер
тёнкёллеттер
тинкёллеттер
лепёллеттер
шемпёллеттер
тўпёллеттер
кёрёллеттер
тёрёллеттер
вётёллеттер
вёчёллеттер
кёшёллеттер
лёкёреттер
хўнкёреттер
лепёреттер
кёпёреттер
тёпёреттер
хёпёреттер
кёмпёреттер
лёмпёреттер
тёмпёреттер
кёмсёреттер
лёмсёреттер
лепсёреттер
лёпсёреттер
вётёреттер
вёлтёреттер
кёлтёреттер
чёлтёреттер
шёлтёреттер
хўлтёреттер
хёнтёреттер
кёптёреттер
кёштёреттер
лечёреттер
лёчёреттер
ленчёреттер
лёнчёреттер
лёпёстеттер
макәльеттер

сўхеттер
чўхеттер
шөкөлчеттер
ленчеттер
төпчеттер
өрчеттер
көттер
кимөттер
типөттер
сирпөттер
сөттер
көсөттер
виттер
вөренттер
өнттер
ерттер
тиверттер
ўкерттер
вөлерттер
вөсөрттер
пөсөрттер
катерттер
пөтөрттер
шөвөрттер
көрттер
мөкөрттер
чөкөрттер
сөмөрттер
тилмөрттер
ўсөрттер
сөрттер
төрттер
пөтөрттер
сөтөрттер
төтөрттер
хөтөрттер
питөрттер
хөрттер
чөрттер

ирттер
сўттер
сўтер
хўтер
шўтер
илөхтер
өрөхтер
пөрөхтер
писөхтер
йўсөхтер
иртөхтер
вөчөхтер
тиркештер
перкелештер
тўпелештер
илештер
меллештер
сиплештер
өрлештер
пөрлештер
мирлештер
тўрлештер
ретлештер
витлештер
кўлештер
көрмештер
көрештер
хөвөштер
төкөштер
чикөштер
вөлкөштер
төлкөштер
төркөштер
пөлөштер
килөштер
көрмөштер
көрөштер
иштер
кўштер

2. Примеры, иллюстрирующие словообразовательную валентность (сочетаемость) именных и глагольных основ с аффиксом *-а́н* (*-ён*, *-н*) (соблюдается принцип избирательности):

с именными основами:

ас-а́н «вспоминать, поминать», от *ас* «память»;

пуҫ-а́н «начинать», от основы *пуҫ* «начало»

с глагольными основами:

ава́н «гнуться», от основы *ав* «гнуть»

авса́н «веяться, просеиваться», от *авс* «веять»

айа́план «обвиняться», от *айа́пла* «винить»

ака́н «сеяться», от *ак* «сеять»

ваклан «дробиться», от *вакла* «дробить»

валесён «раздаваться, делиться», от *валес* «раздавать»

вита́н «покрываться», от *вит* «крыть»

вула́н «читаться», от *вула* «читать»

выра́н «быть сжатым», от *выр* «жать»

ёнерён «напеваться», от *ёнер* «напевать»

илён «братиться», «быть взятым», от *ил* «брат, взять»

илёртён «обольщаться», от *илёрт* «манить, обольщать»

илтён «слышаться», от *илт* «слышать»

йа́влан «валяться», от *йа́вала* «валять, катать»

йа́тáн «подниматься», от *йа́т* «поднимать»

кара́н «потягиваться», от *кар* «натягивать»

кура́н «виднеться», от *кур* «видеть»

ма́шка́ллан «терпеть издевательство», от *ма́шка́лла* «издеваться»

мухта́н «хвастаться», от *мухта* «хвалить»

пёвелен «запруживаться», от *пёвеле* «прудить»

пуҫла́н «начинаться», от *пуҫла* «начинать»

пуҫтарáн «собираться», от *пуҫтар* «собирать»

пытарáн «спрятаться», от *пытар* «спрятать»

савалан «строгаться», от *савала* «строгать»

савáн «радоваться», от *сав* «любить»

салта́н «раздеваться», от *салт* «развязать»

са́тáрáн «тереться», от *са́тáр* «тереть»

суйла́н «выбираться», от *суйла* «выбирать»

сулла́н «качаться», от *сулла* «качать»

сутáн «продаваться», от *сут* «продавать»

сыхла́н «остерегаться», от *сыхла* «оберегать»

сўрелен «борониться», от *сўреле* «боронить»
саврайн «вертеться», от *савёр* «вертеть»
сапайн «париться (в бане)», от *сап* «бить»
саяйн «мыться», от *су* «мыть»
саяйн «спастись», от *сёл* «спасти»
сёклен «подниматься», от *сёкле* «поднимать»
ситён «достигнуть совершеннолетия», от *сит* «достигать»
сулан «скашиваться», от *сул* «косить»
сырайн «подписываться», «записываться», от *сыр* «писать»
таврайн «вернуться», от *тавёр* «вернуть»
таптан «утапываться», «вытапываться», от *тапта* «топтать»
таварайн «распрягаться», от *тавар* «распрягать»
тёттёмлен «темнеть», от *тёттёмле* «темнить»
тёшён «лущиться», от *тёшэле* «лущить»
ўсён «спориться», от *ўс* «расти»
ханалан «угощаться», от *ханала* «угощать»
хёсён «жаться», от *хёс* «жать»
хупайн «закрывать», от *хуп* «закрывать»
хушайн «прибавляться», от *хуш* «прибавлять»
хыпайн «суетиться», «хотеть», от *хып* «загораться»
чарайн «остановиться», от *чар* «остановить»
шайлайн «вытираться», от *шайла* «вытирать»
штрафлан «быть оштрафованным», от *штрафла* «штрафовать»
шутлан «считаться», от *шутла* «считать»
ывтайн «бросаться», от *ывтайт* «бросать»
юсан «выздороветь», от *юса* «чинить»

3. Примеры, иллюстрирующие словообразовательную валентность (сочетаемость) именных и глагольных основ с аффиксом *-айл* (*-ёл*, *-л*) (соблюдается принцип избирательности):

с именными основами:

ватй-л «стареть»
кукайр-айл «исправляться»
майкайр-айл «выпячиваться»
самайр-айл «жиреть»
сут-айл «светать»
урй-л «трезветь»
уцай-л (*уцай-айл*, *уцай-айл*) «открываться»
чёрё-л «ожить, выздороветь».

с глагольными основами:

кав(а)с-а́л «желать»
какáр-а́л «запрокинуть (голову)»
кар-а́л «раскрываться»
кас-а́л «резаться»
кат-а́л «убывать»
ка́ва́р-а́л «ссыхаться»
па́с-а́л «портиться»
сар-а́л «расширяться»
са́та́р-а́л «тереться»
ца́р-а́л «меситься»
су́р-а́л «колоться»
та́т-а́л «разорваться»
та́с-а́л «тянуться»
уйа́р-а́л «отделяться»
хайа́р-а́л «гнутья»
хайа́р-а́л «отделяться»
шайа́р-а́л «царапаться»
ча́р-а́л «таращиться»

4. Примеры, иллюстрирующие словообразовательную валентность (сочетаемость) глагольных основ с аффиксом *-а́с* (*-е́с*, *-с*) (соблюдается принцип избирательности):

а́н-а́с «удаваться»
ва́р-с «ругаться»
кала-с «разговаривать»
кура́н-а́с «видеться»
па́ра́н-а́с «искривиться»
са́п-а́с «бороться»
су́ра-с «мириться» (ср.: *юра* «подходить», тат. *яраш* «сватать»)
та́в-а́с «спорить»
та́п-а́с «стараться»
ты́т-а́с «схватиться»
хир-е́с «ссориться»
ятла-с «ругаться»

5. Примеры, иллюстрирующие словообразовательную валентность (сочетаемость) глагольных основ с аффиксом *-а́ш* (*-е́ш*, *-ш*) (соблюдается принцип избирательности):

ва́рс-а́ш «ругаться друг с другом»
виртле-ш «дразниться»

кил-ёш «соглашаться»
кўпкеле-ш «дубасить друг друга»
сав-айш «миловаться»
сёк-ёш «бодаться»
сёр-ёш «гнить»
тёк-ёш «бодаться»
тула-ш «грызться»
турт-айш «тягаться»
тўпкеле-ш «пререкаются»
хир-ёс «ругаться»

6. Примеры, иллюстрирующие словообразовательную валентность (сочетаемость) глагольных основ с аффиксом *-аш* (*-еш*, *-ш*) (соблюдается принцип избирательности):

ахър-аш «кричать»
ёнёр-еш «скулить», «бормотать»
йёкёйте-ш «дразнить друг друга»
кайшкър-аш «кричать друг на друга»
перкеле-ш «перекидываться»
пехилле-ш «желать друг другу (добра, счастья)»
тула-ш «грызться»
сухър-аш «визжать»
хакла-ш «торговаться»
чакала-ш «рыться»

**МАТЕРИАЛ, ПОДТВЕРЖДАЮЩИЙ НАЛИЧИЕ
В ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ
ИМЕНИ ДЕЙСТВИЯ (ЁС ЯЧЁ) КАК ЧАСТИ РЕЧИ**

чупкалу	макӑру
кулу	палӑру
пулу	пӑру (от <i>пӑр</i> «крутить»)
сулу	тавӑру
шухӑшлу	хӑтӑру
вану	ахӑру
кану	шӑнӑсу
аталану	туртӑсу
авлану	мӑкӑртату
ваклану	лӑпӑртату
суллану	турту
пуӑсарлану	сырлаху
хӑтлану	иксӗлӗ
чӑрману	ирӗксӗрлӗ
йӑпану	вӗтлӗ
тапрану	именӗ
пӑтрану	йӗрӗнӗ
ӑмсану	хӗнӗ
вӑгану	вӗлерӗ
мӑкӑлгану	перӗ
чӑлхану	пӗсерӗ
ылхану	сиктерӗ
тӑвӑну	сӗнтерӗ
йӑлӑну	йӗрӗ
сӑлӑну	тӗлерӗ
тапӑну	сӗмерӗ
тупӑну	ӗсерӗ
пӑрӑну	сӗрӗ
курӑну	сисӗ
йӑтӑну	тӗсӗ
туртӑну	ерсӗ
пӑхӑну	кисретӗ
куляну	вӗтӗ
шӑнӑстару	пӗтӗ
пуҫтару	перкелешӗ
пыгару	тӗрткелешӗ
тавӑру	

ЛИТЕРАТУРА

1. *Адмони В.Г.* Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. — Л.: Наука, 1988. — 238 с.
2. *Азаманов А.С.* Логические формы и их выражение в языке // Мышление и язык. — М.: Госполитиздат, 1957. — С. 142—182.
3. *Андреев В.А.* Основной падеж в системе категории склонения в чувашском языке // Совершенствование преподавания общетюркологических дисциплин в вузе: материалы конференции. — Чебоксары, 1986. — С. 97—103.
4. *Андреев В.А.* Словообразовательные функции падежных аффиксов в чувашском языке // Учен. зап. Ленинградского гос. ун-та. Востоковедение. 12. Филологические исследования. — 1986. — Вып. 28. — С. 20—27.
5. *Андреев В.А.* Категория склонения в чувашском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1987. — 18 с.
6. *Андреев В.А.* Очерки по функциональной грамматике чувашского языка: категория склонения в чувашском языке. — Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2000. — 166 с.
7. *Андреев В.В., Абрамов А.С., Исаев Ю.Н.* Язык: внутренняя структура и функционирование. — Чебоксары, 1999. — 122 с.
8. *Андреев И.А.* Причастие в чувашском языке. — Чебоксары: Чувашгосиздат, 1961. — 262 с.
9. *Андреев И.А.* О категории дефинитивности в чувашском языке // Учен. зап. ЧНИИ. Вып. 28: Филологический сборник. — Чебоксары, 1965. — С. 76—87.
10. *Андреев И.А.* [Рецензия] // Учен. зап. / ЧНИИ. Вып. 32: Вопросы чувашской литературы и языка. — Чебоксары, 1966. — С. 193—204. — Рец. на кн.: Павлов И.П. Современный чувашский литературный язык: морфология. — Чебоксары, 1965. — 343 с. — На чув. яз.
11. *Андреев И.А.* К вопросу о выделении относительных прилагательных в тюркских языках // Учен. зап. / ЧНИИ. Вып. 32: Вопросы чувашской литературы и языка. — Чебоксары, 1966. С. 90—103.
12. *Андреев И.А.* Чăваш синтаксисĕн ыйтăвĕсем. II пайĕ. — Шупашкар, 1975. — 208 с.
13. *Андреев И.А.* Хальхи чăваш чĕлхи: синтаксис. — Шупашкар, 2005. — 334 с.
14. *Андреев Н.А.* Имя существительное // Материалы по грамматике современного чувашского языка. Ч. 1: Морфология. — Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1957. — С. 5—62.

15. *Андреев Н.А.* Имя прилагательное // Там же. — С. 62—106.
16. *Андреев Н.А.* Имя числительное // Там же. — С. 107—123.
17. *Андреев Н.А.* Местоимение // Там же. — С. 124—150.
18. *Арутюнова Н.Д.* О значимых единицах языка // Исследования по общей теории грамматики. — М., 1968. — С. 58—116.
19. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. — М.: Сов. энцикл., 1969. — 605 с.
20. *Ашмарин Н.И.* Материалы для исследования чувашского языка. — Казань, 1898. — 392 с.
21. *Ашмарин Н.И.* Опыт исследования чувашского синтаксиса — Казань, 1903. — Ч. 1. — 570 с.; Симбирск, 1923. — Ч. 2. — 176 с.
22. *Ашмарин Н.И.* Основы чувашской мимологии: о подражательных словах в чувашском языке. — Казань, 1918. — 12 с.
23. *Ашмарин Н.И.* Подражание в языках Среднего Поволжья // Известия Азербайджанского ун-та. Общественные науки. — Баку, 1925. — Вып. 1—2. — С. 143—157; Вып. 4. — С. 75—99.
24. *Ашмарин Н.И.* О морфологических категориях подражаний в чувашском языке. — Казань, 1928. — 160 с.
25. *Ашмарин Н.И.* Заметки по грамматике чувашского языка // Труды / ЧНИИ. Вып. 66: Чувашский язык. — Чебоксары, 1976. — С. 3—86.
26. *Базелл Ч.Е.* Лингвистическая типология // Принципы типологического анализа языков различного строя. — М.: Наука, 1972. — С. 15—30.
27. *Бархударов Л.С.* Очерки по морфологии современного английского языка. — М.: Высш. шк., 1975. — 156 с.
28. *Баскаков Н.А.* Каракалпакский язык. Т. 2: Фонетика и морфология. — М., 1952. — 543 с.
29. *Баскаков Н.А.* Система спряжения или изменения слов по лицам в языках тюркской группы // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. — Ч. 2: Морфология. — М.: Изд-во АН СССР, 1956. — С. 263—304.
30. *Баскаков Н.А.* Очерк грамматики ногайского языка // Ногайско-русский словарь / под ред. Н.А. Баскакова. — М., 1963. — С. 495—562.
31. *Баскаков Н.А.* Морфологическая структура слова в тюркских языках // Морфологическая структура слова в языках различных типов. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. — С. 76—83.
32. *Баскаков Н.А.* Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков. — М.: Наука, 1975. — 287 с.
33. *Баскаков Н.А.* Историко-типологическая морфология тюркских языков: структура слова и механизм агглютинации. — М.: Наука, 1979. — 274 с.
34. *Баскаков Н.А.* Части речи и их функциональные формы в тюркских языках // Вопросы языкознания. — 1985. — № 1. — С. 42—49.

35. *Баскаков Н.А.* О границах словообразования и словоизменения в тюркских языках // Советская тюркология. — 1986. — № 2. — С. 3—11.
36. *Батманов И.А.* Краткое введение в изучение киргизского языка. — Фрунзе, 1947. — 118 с.
37. *Бертагаев Т.А.* Бурятский язык // Языки народов СССР. Т. 5: Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки. — Л.: Наука, 1968. — С. 13—33.
38. *Бодуэн де Куртенэ И.А.* Некоторые общие замечания о языкеведении и языке // Журнал Министерства народного просвещения. — СПб., 1871. — № 2. — С. 3—26.
39. *Болдырев Б.В.* Категория косвенной принадлежности в тунгусо-маньчжурских языках. — М.: Наука, 1976. — 149 с.
40. *Бондарко А.В.* Теория морфологических категорий. — Л.: Наука, 1976. — 255 с.
41. *Бондарко А.В.* О структуре грамматических категорий // Вопросы языкознания. — 1981. — № 6. — С. 17—28.
42. *Бондарко А.В.* О системно-структурной организации грамматических категорий слова // Слово в грамматике и словаре. — М.: Наука, 1984. — С. 29—38.
43. *Бондарко А.В.* Функциональная грамматика. — Л.: Наука, 1984. — 208 с.
44. *Булыгина Т.В.* Проблемы теории морфологических моделей. — М.: Наука, 1977. — 286 с.
45. *Виноградов В.В.* Русский язык: грамматическое учение о слове. — М.; Л., 1947. — 785 с.
46. *Виноградов В.В.* Русский язык: грамматическое учение о слове. 2-е изд. — М.: Высш. шк., 1972. — 614 с.
47. *Виноградов В.В.* Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии // Виноградов В.В. Исследования по русской грамматике: избранные труды. — М.: Наука, 1975. — С. 166—220.
48. *Гаджиева Н.З.* Проблемы тюркской ареальной лингвистики: среднеазиатский ареал. — М.: Наука, 1975. — 304 с.
49. *Гаджиева Н.З., Серебренников Б.А.* Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: синтаксис. — М.: Наука, 1986. — 283 с.
50. *Гак В.Г.* Теоретическая грамматика французского языка: морфология. — М.: Высш. шк., 1986. — 312 с.
51. *Головин Б.Н.* К вопросу о сущности грамматической категории // Вопросы языкознания. — 1955. — № 1. — С. 117—124.
52. *Головин Б.Н., Березин Ф.М.* Общее языкознание. — М.: Просвещение, 1979. — 414 с.
53. Грамматика бурятского языка: фонетика и морфология. — М., 1962. — 340 с.

54. Грамматика карачаево-балкарского языка: фонетика, морфология, синтаксис / под общ. ред. Н.А. Баскакова. — Нальчик, 1976. — 571 с.
55. Грамматика современного башкирского литературного языка. — М.: Наука, 1981. — 495 с.
56. Грамматика современного русского литературного языка. — М.: Наука, 1970. — 768 с.
57. Грамматика современного якутского литературного языка. — М.: Наука, 1982. — 336 с.
58. *Грунина Э.А.* К теории тюркского залога // Советская тюркология. — 1987. — № 2. — С. 3—15.
59. *Гузев В.Г.* Некоторые вопросы теории тюркского словоизменения в функционально-семантическом аспекте // Советская тюркология. — 1985. — № 2. — С. 3—11.
60. *Гузев В.Г.* Значения форм страдательного и возвратного залогов // Советская тюркология. — 1986. — № 4. — С. 5—12.
61. *Гузев В.Г.* К вопросу о «категории лица» в тюркской морфологии // Тюркология. — Л.: Наука, 1986. — С. 96—101.
62. *Гузев В.Г.* Очерки по теории тюркского словоизменения: имя (на материале староанатолийско-тюркского языка). — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1987.
63. *Гузев В.Г., Насилов Д.М.* Словоизменительные категории в тюркских языках и понятие «грамматическая категория» // Советская тюркология. — 1981. — № 3. — С. 22—35.
64. *Джанмавов Ю.Д.* Деепричастия в кумыкском литературном языке. — М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1967. — 330 с.
65. *Дмитриев Н.К.* Грамматика башкирского языка. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. — 276 с.
66. *Дмитриев Н.К.* Категория принадлежности // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. 2: Морфология. — М.: Изд-во АН СССР, 1956. — С. 22—37.
67. *Дмитриев Н.К.* Строй тюркских языков. — М.: Изд-во вост. лит., 1962. — 607 с.
68. *Дмитриев Н.К., Горский С.П.* Краткий грамматический очерк чувашского языка // Русско-чувашский словарь / под ред. Н.К. Дмитриева. — М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1951. — С. 872—896.
69. *Егоров В.Г.* Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении: дис. ... д-ра филол. наук. — Чебоксары: ЧГПИ, 1949.
70. *Егоров В.Г.* Глагол // Материалы по грамматике современного чувашского языка. Ч. 1: Морфология. — Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1957. — С. 151—239.
71. *Егоров В.Г.* Наречие // Там же. — С. 273—295.
72. *Егоров В.Г.* Союз // Там же. — С. 324—330.

73. *Егоров В.Г.* Частица // Там же. — С. 331—342.
74. *Егоров В.Г.* Подражательные слова // Там же. — С. 352—360.
75. *Егоров В.Г.* Этимологический словарь чувашского языка. — Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1964. — 353 с.
76. *Есперсен О.* Философия грамматики. — М.: Изд-во иностр. лит., 1958.
77. *Жирмунский В.М.* О границах слова // Морфологическая структура слова в языках различных типов. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. — С. 6—33.
78. *Земская Е.А.* Понятия производности, оформленности и членности основ // Развитие словообразования современного русского языка. — М.: Наука, 1966. — С. 3—12.
79. *Иванов А.И.* К вопросу о падежах в чувашском языке в связи с изучением его специфики // Записки / ЧНИИ. Вып. 8. — Чебоксары, 1953. — С. 167—192.
80. *Иванов А.И.* Несколько слов об образовании форм спряжения в чувашском языке // Учен. зап. / ЧНИИ. Вып. 16. — Чебоксары, 1958. — С. 158—176.
81. *Иванов А.И.* Склонение и его роль в чувашском языке // Учен. зап. / ЧНИИ. Вып. 34: Филология. — Чебоксары, 1967. — С. 67—99.
82. *Иванов А.И.* Склонение и его роль в чувашском языке // Учен. зап. / ЧНИИ. Вып. 39: Филология. — Чебоксары, 1969. — С. 106—126.
83. *Иванов С.Н.* Родословное древо тюрок Абу-л-Гази-хана: грамматический очерк. — Ташкент: ФАИ, 1969. — 203 с.
84. *Иванов С.Н.* Курс турецкой грамматики. Ч. 2: Грамматические категории глагола. — Л.: Наука, 1977. — 88 с.
85. *Иванова А.М.* Проблемы морфосинтаксиса в чувашском языке: типолого-контрастивный аспект. — Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2011. — 307 с.
86. *Иванова И.П.* Морфемный статус нулевой морфемы // *Philologia: Исследования по языку и литературе.* — Л.: Наука, 1973. — С. 163—168.
87. *Исхаков А.И.* Морфологическая структура слова и именные части речи в современном казахском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Алма-Ата, 1964. — 21 с.
88. *Исхаков Ф.Г.* Имя прилагательное // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. 2: Морфология. — М.: Изд-во АН СССР, 1956. — С. 143—175.
89. *Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А.* Грамматика тувинского языка: фонетика, морфология. — М.: Изд-во вост. лит., 1961. — 472 с.
90. *Карцевский С.О.* Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Звезгинцев В.А. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 2. — М., 1965. — С. 85—93.

91. *Касевич В.Б.* Семантика. Синтаксис. Морфология. — М.: Наука, 1983. — 308 с.
92. *Кононов А.Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. — 569 с.
93. *Кононов А.Н.* Грамматика современного узбекского литературного языка. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. — 446 с.
94. *Кононов А.Н.* Грамматика языка тюркских рунических памятников VI—IX вв. — Л.: Наука, 1980. — 255 с.
95. *Кормушин И.В.* Система времен глагола в алтайских языках. — М.: Наука, 1984. — 85 с.
96. *Кормушин И.В., Поцелуевский Е.А., Пюрбеев Г.Ц.* IV Всесоюзная тюркологическая конференция // Советская тюркология. — 1986. — № 6. — С. 85—93.
97. *Корнилов Г.Е.* Имитативы в чувашском языке. — Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, — 1984. — 183 с.
98. Краткий очерк грамматики венгерского языка: составлен на основе грамматики проф. Йожефа Томпа // Венгерско-русский словарь. — М.: Русский язык; Будапешт: Изд-во Академии наук Венгрии, 1974. — С. 817—871.
99. *Левитская Л.С.* Историческая морфология чувашского языка. — М.: Наука, 1976. — 206 с.
100. Лингвистический энциклопедический словарь / глав. ред. В.Н. Ярцева. — М.: Сов. энцикл., 1990. — 683 с.
101. *Лосев А.Ф.* Знак. Символ. Миф: Труды по языкознанию. — М.: Изд-во Моск. ун-та. 1982. — 478 с.
102. *Лукин М.Ф.* К вопросу о лексико-грамматическом статусе числительных в современном русском языке // Вопросы языкознания. — 1987. — № 6. — С. 43—51.
103. *Лыкова Н.А.* О границах между словоизменением, формоизменением и словообразованием в русском языке // Филологические науки. — 1981. — № 3. — С. 48—54.
104. *Матвеев Т.М.* Грамматика чувашского языка: морфология (учение о формах). — Симбирск, 1919.
105. *Матвеев Т.М.* Некоторые особенности чувашских числительных // Вопросы чувашского языка, литературы и искусства: [сб. статей] / ЧНИИ. — Чебоксары, 1960. — С. 3—14.
106. *Матвеева Т.В.* Полный словарь лингвистических терминов. — Ростов н/Д: Феникс, 2010. — 563 с.
107. *Мещанинов И.И.* Понятийные категории в языке // Труды Военного института иностранных языков. — 1945. — № 1. — С. 5—15.
108. *Милославский И.Г.* Морфологические категории современного русского языка. — М.: Просвещение, 1981. — 254 с.
109. *Мусаев М.Н.* Грамматика караимского языка: фонетика и морфология: учеб. пособие. — М.: Наука, 1964.

110. *Насилов В.М.* Аффиксы включения // Советская тюркология. — 1985. — № 3. — С. 86—98.
111. *Нигматов Х.Г.* О классификации грамматических категорий в тюркских языках // Советская тюркология. — 1984. — № 4. — С. 3—9.
112. *Никитевич В.М.* Грамматические категории в современном русском языке. — М.: Учпедгиз, 1963. — 246 с.
113. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. 14-е изд. — М., 1982.
114. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. 2-е изд., испр. и доп. — М., 1994.
115. *Орузбаева Б.О.* Словообразование в киргизском языке. — Фрунзе, 1964. — 102 с.
116. *Павлов И.П.* Деепричастие // Материалы по грамматике современного чувашского языка. Ч. 1: Морфология. — Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1957. — С. 240—272.
117. *Павлов И.П.* Послелог и служебное имя // Там же. — С. 296—323.
118. *Павлов И.П.* Хальхи чăваш литература чĕлхи: морфологи. — Шупашкар, 1965. — 343 с.
119. *Павлов И.П.* О лексических группах и грамматических формах числительных в чувашском языке // Учен. зап. / ЧНИИ. — Вып. 74: Вопросы истории и грамматики чувашского языка. — Чебоксары, 1977. — С. 3—15.
120. *Павлов И.П.* К изучению продуктивных деривационных суффиксов имен прилагательных в чувашском языке // Исследования по грамматике и фразеологии чувашского языка. — Чебоксары, 1981. — С. 3—21.
121. *Павлов И.П.* О двух тенденциях развития суффиксальных морфем в чувашском языке // Вопросы фонетики, грамматики и фразеологии чувашского языка. — Чебоксары, 1983. — С. 85—108.
122. *Павлов И.П.* V—VI классенче чăваш чĕлхин морфологине вĕрентесси. — Шупашкар, 1985. — 112 с.
123. *Павлов И.П.* Категория выделения в современном чувашском языке // Исследования по фонетике, морфологии и фразеологии современного чувашского языка. — Чебоксары, 1985. — С. 3—15.
124. *Павлов И.П.* О некоторых проблемах, связанных с категорией лица в чувашском языке // Исследования по лексике и грамматике чувашского языка. — Чебоксары, 1986. С. 3—14.
125. *Павлов И.П.* По поводу категории времени в современном чувашском языке // Вопросы фонетики, грамматики и ономастики чувашского языка. — Чебоксары, 1987. — С. 5—27.
126. *Петров Н.П.* Образование прилагательных на -лă (-лĕ) и некоторые тенденции его развития // Чувашский язык, литература и фольклор. Вып. 2. — Чебоксары, 1973. — С. 364—405.

127. *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. — М., 1956. — 432 с.
128. *Покровская Л.А.* Грамматика гагаузского языка: фонетика и морфология. — М., 1964.
129. *Покровская Л.А.* Грамматика гагаузского языка: краткий очерк. — Кишинёв: Лумина, 1990.
130. *Покровская Л.А.* Формообразование и его отношение к словообразованию и словоизменению в тюркских языках // Советская тюркология. — 1990. — № 1. — С. 12—16.
131. *Поппе Н.Н.* Грамматика бурят-монгольского языка. — М.; Л., 1938. — 268 с.
132. *Поцелуевский А.П.* Руководство для изучения туркменского языка. — Ашхабад, 1929.
133. *Поцелуевский Е.А.* Сравнительная степень и аффикс *-рак* // Тюркологические исследования. — М.: Наука, 1976. — С. 181—193.
134. Программы по лингвистическим курсам. Современный чувашский язык: морфология. — Чебоксары: Изд-во Чуваш. гос. ун-та, 1981.
135. *Рамstedт Г.Й.* Введение в алтайское языкознание: морфология. — М.: Изд-во иностр. лит. 1957. — 254 с.
136. *Рассадин В.И.* Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. — М.: Наука. 1987. — 288 с.
137. *Резвин И.И., Юлдашева Г.Д.* Грамматика порядков и ее использования // Вопросы языкознания. — 1969. — № 1. — С. 42—56.
138. *Реформатский А.А.* Число и грамматика // Вопросы грамматики: к 75-летию академика И.И. Мещанинова. — М.; Л., 1960. — С. 384—401.
139. *Реформатский А.А.* Введение в языковедение. — М., 1967. — 542 с.
140. Русская грамматика: в 2 т. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / гл. ред. Н.Ю. Шведова. — М.: Наука, 1980. — 783 с.
141. Русская грамматика: в 2 т. Т. 2: Синтаксис / гл. ред. Н.Ю. Шведова. — М.: Наука, 1980. — 709 с.
142. Русский язык: энциклопедия / гл. ред. Ф.П. Филин. — М.: Сов. энцикл., 1979. — 431 с.
143. *Санжеев Г.Д.* Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. 1. — М.: Изд-во АН СССР, 1953. — 238 с.
144. *Севортян Э.В.* К соотношению грамматики и лексики в тюркских языках // Вопросы теории и истории языка в свете трудов И.В. Сталина по языкознанию. — М.: АН СССР, 1952. — С. 306—367.
145. *Севортян Э.В.* Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке: опыт сравнительного исследования. — М.: Изд-во вост. лит., 1962. — 643 с.

146. *Севортян Э.В.* О некоторых вопросах структуры предложения в тюркских языках // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. 3: Синтаксис. — М., 1969. — С. 9—15.
147. *Севортян Э.В.* Морфологическое строение слова в связи с другими его характеристиками (по данным тюркских языков) // Тюркологический сборник. — М.: Наука, 1972. — С. 132—144.
148. *Сергеев В.И.* Способы выражения множественности в чувашском языке: дис. ... канд. филол. наук. — М., 1973. — 186 с.
149. *Сергеев В.И.* Интонация как способ выражения грамматических значений в чувашском языке // Чувашский язык, литература и фольклор. Вып. 4. — Чебоксары, 1975. — С. 96—108.
150. *Сергеев В.И.* Хальхи чăваш чĕлхи: морфологи: вĕренÿ кĕнеки. — Шупашкар, 1992. — 176 с.
151. *Сергеев В.И.* Именные части речи: учеб. пособие. — Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1994. — 152 с.
152. *Сергеев В.И.* Морфологические категориальные и некатегориальные формы в современном чувашском языке. — Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2002. — 300 с.
153. *Сергеев Л.П.* Чăваш аффиксологийĕ: ятарлă курс: вĕренÿ пособиĕ. — Шупашкар, 2009. — 124 с.
154. *Сергеев Л.П., Андреева Е.А., Котлеев В.И.* Чăваш чĕлхи. — Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 2012. — 430 с.
155. *Серебренников Б.А.* О значениях прошедших времен в чувашском языке // Учен. зап. / ЧНИИ. Вып. 16. — Чебоксары, 1958. — С. 177—188.
156. *Серебренников Б.А.* О происхождении некоторых аффиксов в тюркских языках // СТ. — 1982. — № 4. — С. 3—13.
157. *Скорик П.Я.* Грамматика чукотского языка. Ч. 1: Фонетика и морфология именных частей речи. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. — 448 с.
158. Словарь иностранных языков. — СПб.: Victory, 2010. — 813 с.
159. *Смирницкий А.И.* Морфология английского языка. — М.: Изд-во лит. на иностр. языках, 1959. — 440 с.
160. Советский энциклопедический словарь. 4-е изд. / глав. ред. А.М. Прохоров. — М.: Сов. энцикл., 1988. — 1599 с.
161. Современный русский язык: в 3 ч. Ч. 2: Словообразование. Морфонология. Морфология / под ред. П.П. Шубы. — Минск, 1981. — 399 с.
162. Современный русский язык: учебник / под ред. В.А. Белошапковой. — М.: Высш. школа, 1981. — 560 с.
163. *Сосюр Ф.* Труды по языкознанию. — М.: Прогресс, 1977. — 696 с.
164. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: морфология. — М.: Наука, 1988. — 559 с.
165. *Старичёнок В.Д.* Большой лингвистический словарь. — Ростов н/Д: Феникс, 2008. — 809 с.

166. *Сыромятников Н.А.* Методика сравнительно-исторического изучения общих морфем в алтайских языках // Проблема общности алтайских языков. — Л.: Наука, 1971. — С. 51—64.
167. Татарская грамматика: в 3 т. Т. 1: Введение. Фонетика. Фонология. Просодика. Графика и орфография. Орфоэпия. Основные понятия грамматики. Морфемика. Морфонология. Словообразование. — Казань: Татар. кн. изд-во, 1995. — 583 с.
168. *Тенишев Э.Р.* Строй саларского языка. — М.: Наука, 1976. — 569 с.
169. *Тенишев Э.Р.* Строй сарыг-югурского языка. — М.: Наука, 1976. — 307 с.
170. *Тенишев Э.Р., Тодаева Б.Х.* Язык желтых уйгуров. — М.: Наука, 1966.
171. *Терещенко Я.М.* Ненецкий язык // Языки народов СССР. Т. 3: Финно-угорские и самодийские языки. — М.: Наука, 1966. — 464 с.
172. *Тимухха Х.* Чăваш чĕлхин грамматики: фонетика, морфология. — Шупашкар, 1924. — 143 с.
173. Тюркское языкознание в СССР за семьдесят лет // Советская тюркология. — 1987. — № 5. — С. 3—31.
174. *Усманов С.У.* Морфологические особенности слова в современном узбекском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Ташкент, 1964. — 151 с.
175. Ученые записки / ЧНИИ. Вып. 12. — Чебоксары, 1955. — 230 с.
176. *Федотов М.Р.* Чувашский язык в семье алтайских языков. — Ч. 2. — Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1983. — 136 с.
177. *Федотов М.Р.* Чувашский язык в семье алтайских языков. — Ч. 3. — Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1986. — 128 с.
178. *Федотов М.Р.* Этимологический словарь чувашского языка: в 2 т. — Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 1996. — Т. 1: А—Р. — 470 с.; Т. 2. — 509 с.
179. *Фортуатов Ф.Ф.* Сравнительное языковедение // Фортуатов Ф.Ф. Избранные труды. Т. 1. — М., 1956. — С. 23—197.
180. *Цинциус В.И.* Порядок и иерархия аффиксов в агглютинативных языках (по материалам языков тунгусо-маньчжурской группы) // Морфологическая типология и проблема классификации языков. — М.; Л.: Наука, 1965. — С. 141—154.
181. Чăваш чĕлхин тўнтер словарь = Обратный словарь чувашского языка / В.И. Сергеев [и др.]. — Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1985. — 160 с.
182. *Шанский Н.М., Тихонов А.Н.* Современный русский язык: в 3 ч. Ч. 2: Словообразование. Морфология. 2-е изд. — М., 1987. — 256 с.
183. *Шахматов А.А.* Синтаксис русского языка. 3-е изд. — М., 2001. — 624 с.
184. *Шведова Н.Ю.* Лексическая система и ее отражение в толковом словаре // Русистика сегодня. Язык: система и ее функционирование. — М.: Наука, 1988. — С. 152—166.

185. *Штелинг Д.А.* О неоднородности грамматических категорий // Вопросы языкознания. — 1959. — № 1. — С. 55—64.
186. *Шухардт Г.* Об активном и пассивном характере переходного глагола // Эргативная конструкция предложения / сост. Е.А. Бокарев. — М., 1950. — С. 103—106.
187. *Шерба Л.В.* Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. 1. — М., 1958. — 182 с.
188. *Шерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. — Л.: Наука, 1974. — 428 с.
189. *Шербак А.М.* О морфологической структуре слова в тюркских языках // Морфологическая структура слова в языках различных типов. — М.; Л., 1963. — С. 267—270.
190. *Шербак А.М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: имя. — Л.: Наука, 1977. — 189 с.
191. *Шербак А.М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: глагол. — Л.: Наука, 1981. — 183 с.
192. *Шербак А.М.* Последовательность морфем в словоформе как предмет специального лингвистического исследования // Вопросы языкознания. — 1983. — № 3. — С. 39—43.
193. *Benzing J.* Tschuwaschische Forschungen. Die Kasus // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. — Band 96. — Heft 3. — Leipzig, 1942. — S. 421—471.
194. *Benzing J.* Das Tschuwaschische // Philologiae Turcicae Fundamenta. Band 1. Wiesbaden, 1959. — S. 695—751.
195. *Budenz J.* Csuvas közlések és tanulmányok: 1—3 // Nyelvtudományi Közlemények. — 1862. — P. 200—268, 353—433; 1863. — P. 15—68.
196. *Dokulil M.* Tvoření slov v češtině. 1: Teorie odvozování slov. — 263 s.
197. *Haas W.* Zero in linguistic description // Studies in Linguistic Analysis. — Oxford, 1957. — P. 33—53.
198. *Pike K.L.* Language in relation to a unified theory of the structure of human behavior / 2-nd ed. — The Hague; Paris, 1967. — 762 s.
199. *Pike K.L.* Linguistic concepts: An introduction to tagmemics. — London, 1982.
200. *Radloff W.* Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie der Türksprachen. — St.-Pbg., 1906. — 35 s.
201. *Räsänen M.* Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen. — Helsinki, 1957. — 256 s.
202. *Serebrennikov B.A.* Über tschuwaschischen Themen // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. — Vol. 17. — № 2. — Budapest, 1964. — P. 129—138.
203. *Whorf B.L.* Language, Thought and Reality. — Cambridge, 1959. — 278 p.

СОКРАЩЕНИЯ

А, I—XVII — Ашмарин Н.И. Чăваш сăмахёсен кёнеки = Словарь чувашского языка. — Вып. 1—17. — Казань; Чебоксары, 1928—1950.

АН СССР — Академия наук СССР.

ЧГПИ — Чувашский государственный педагогический институт (ныне университет) им. И.Я. Яковлева.

ЧНИИ — Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Чувашской АССР (ныне ЧГИГН — Чувашский государственный институт гуманитарных наук).

ЧРС — Чувашско-русский словарь / под ред. М.И. Скворцова. — М.: Русский язык, 1982. — 712 с.

азерб. — азербайджанский язык

алт. — алтайский язык

англ. — английский язык

араб. — арабский язык

башк. — башкирский язык

греч. — греческий язык

др.-тюрк. — древнетюркский язык

к.-калп. — каракалпакский язык

каз. — казахский язык

карач.-балк. — карачаево-балкарский язык

кирг. — киргизский язык

лат. — латинский язык

мар. — марийский язык

монг. — монгольский язык

нем. — немецкий язык

рус. — русский язык

тат. — татарский язык

тоф. — тофаларский язык

тув. — тувинский язык

турец. — турецкий язык

туркм. — туркменский язык

тюрк. — тюркские языки
удм. — удмуртский язык
узб. — узбекский язык
хак. — хакасский язык
чув. — чувашский язык
шор. — шорский язык
якут. — якутский язык

УКАЗАТЕЛЬ АФФИКСОВ И СЛУЖЕБНЫХ СЛОВ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА

Указатель включает служебные слова и аффиксы чувашского языка, в том числе и некоторые словообразовательные форманты, которые рассматриваются или упоминаются в работе (за исключением встречающихся в примерах — как в составе словоформ, так и в словосочетаниях или предложениях).

Приведен общий список языковых единиц, расположенных в алфавитном порядке. Фонетически совпадающие морфы с разными грамматическими значениями (включая аффиксы-омонимы) разграничены. Алломорфы помещены в скобках за морфом, условно поставленным на первое место.

Звездочкой (*) отмечены аффиксы или композиты, представленные в том виде, как трактовались ранее; после двоеточия дан современный взгляд на эти грамматические единицы.

В комментариях использовались следующие сокращения:

- буд. — будущее (время);
- вежл. — вежливая (форма);
- возм. — возможности (форма);
- вопр. — вопросительное (местоимение);
- выд. — выделения, выделительности (форма) (выделительная форма);
- гл. — глагол;
- дат. — дательный (падеж);
- деепр. — деепричастие;
- диал. — диалектный;
- долж. — долженствование;
- дост. — достаточности (форма);
- ед. — единичность, единственное (число);
- жел. — желательное (наклонение);
- инт. — интенсив (интенсивная форма);
- инф. — инфинитив;
- исх. — исходный (падеж);

л. — лицо;
лич. — личная (форма);
лиш. — лишительный (падеж);
мест. — местный (падеж);
местоим. — местоимение;
мн. — множественность, множественное (число);
многокр. — многократность, многократное (время);
налич. — наличности (форма) (наличная форма);
напр. — направительности (форма) (направительная форма);
наст. — настоящее (время); неопр. — неопределенный;
облад. — обладания (форма); однокр. — однократное (время);
отр. — отрицание (отрицательная форма);
повел. — повелительное (наклонение);
понуд. — понудительная (форма);
поряд. — порядковость (порядковая форма);
пр. — причастие;
пред. — предельности (форма) (предельная форма);
предн. — предназначения (форма);
преф. — префикс;
прил. — прилагательное;
прин. — принадлежности (форма);
прит. — притяжательный (падеж);
притв. — притворная (форма);
прич. — причинный (падеж);
прош. — прошедшее (время);
разд. — разделительности (форма) (разделительная форма);
словообр. — словообразовательный;
соб. — собирательность (собирательная форма);
ср. — сравнительная (форма);
сущ. — существительное;
твор. — творительный (падеж);
упод. — уподобительности (форма) (уподобительная форма);
усил. — усиление (усилительная форма);
уст. — уступительное (наклонение);
устар. — устарелое;
учащ. — учащательности (форма) (учащательная форма);
частот. — частотности (форма);
числ. — числительное.

-а (-е) дат. 71, 76, 106, 138, 144, 160, 166, 170, 248
 -а (-е) деепр. 105, 293—295, 302, 305, 310—313, 323, 325
 -а (-е) наст. (наст.-буд.) 288, 293—296, 302, 305, 310
 -а (-е) словообр. (имя действия) 311, 332
 -а (-е) словообр. (сущ.) 311, 332
 -ай (-ей, -й, диал. -и) жел. 44, 108, 289, 290
 -акан (-екен, -кан, -кен, -аканн, -екенн, -канн, -кенн) пр. наст.
 39—45, 105, 270, 305, 317, 319, 325
 -ал (-ел, -алл, -елл, -лл) напр. 18, 166, 185, 212, 231
 -ала (-еле) инт. 283
 *-ала (-еле) словообр. (гл.): инт. 283
 *-алла (-елле) напр.: -ал (-ел, -алл, -елл) + -а (-е) (дат.) 176,
 185, 231
 ан частица 308
 -ан (-ен, -н) пр. наст. 39, 43—45, 305, 316, 317, 325
 -ан (-ен) словообр. (гл.) 278
 *-анџи (-енџи) пр.: -ан (-н) + -џ(ǰ) + -и (выд.) 305,
 314, 315
 -ар (-ер) разд. 222
 -ар (-ер) мн. (1 л.) повел. 59
 -ар (-ер) понуд. 280
 -ар (-ер) словообр. (гл.) 275—277, 280
 -ас (-ес, -с, -асс, -есс, -сс) пр. буд. 21, 45, 105, 270, 305, 317,
 320, 321, 325
 *-ат (-ет) наст.: -а (-е) + -т 295, 302, 305, 310, 313
 -ат (-ет) словообр. (гл.) 275, 277
 *-атт (-етт, -атч, -етч) прош.: -а (-е) + -т (наст.) + -тǎ
 (-тǎ, -ч) (прош.) 302, 305
 -ах (-ех, -х) усил. 4, 16, 18, 61, 65, 66, 105, 106, 155—157,
 165, 169, 181, 199, 203, 204, 206, 212, 225, 318, 319, 321,
 322, 324, 326, 328, 329, 334, 338, 339
 -аш (-еш, -ш) словообр. (гл.) 370
 *-ашкал (-ешкел) упод. местоим.: -а (-е) (дат.) -шкал
 (-шкел) 247
 -ǎ (-ǎ) буд. 288, 296, 297, 305
 -ǎл (-ǎл, -л) словообр. (гл.) 274, 278, 368
 -ǎм (-ǎм, -м) поряд., устар. 212, 221, 230
 -ǎм (-ǎм, -м) 1 л. прин. 45, 79, 80, 125, 127, 132, 135, 158,
 172, 227, 318, 321, 336, 343

- ӓм* (-*ӓм*, -*м*) 1 л. гл. 270, 312
- ӓн* (-*ӓн*, -*н*) образа (способа) действия 19, 60, 61, 63, 105, 185, 186, 188, 195, 196, 198, 203, 204, 206, 223, 224, 235, 311, 316, 319—321, 325, 327, 335
- ӓн* (-*ӓн*, -*н*) соб. 177, 196, 198, 210—212, 223, 235
- ӓн* (-*ӓн*, -*н*) 2 л. гл. 128, 270, 297, 312
- ӓн* (-*ӓн*, -*н*, -*ин*, -*ӓнн*, -*ӓнн*, -*нн*) прит. 10, 75, 90, 106, 138, 142—144, 146, 163, 179, 180, 185, 186, 245, 246, 251, 255, 260, 262
- ӓн* (-*ӓн*) словообр. (гл.) 274, 278, 281, 367
- *-*ӓн* (-*ӓн*) словообр. (наречие): образа (способа) действия 185, 195, 196, 198, 327
- ӓп* (-*ӓп*, -*п*) 1 л. гл. 297
- ӓр* (-*ӓр*) мн. (1 и 2 л.) прин. 56, 58, 66, 79, 80, 125, 135, 227, 321, 336, 343
- ӓр* (-*р*) мн. (1 и 2 л.) местоим. 59, 61, 75, 243, 246, 249
- ӓр* (-*ӓр*) мн. (1 и 2 л.) гл. 59, 270, 312, 321
- ӓс* (-*ӓс*, -*с*) словообр. (гл.) 274, 275, 278, 369
- *-*ӓтт* (-*ӓтт*, -*тт*) буд. 305
- ӓш* (-*ӓш*) выдел. 194, 222
- ӓш* (-*ӓш*) словообр. (гл.) 274, 275, 278, 369
- валли* послелог 50, 337, 338, 346
- вара* послелог 314, 338
- вӓр* частица 193
- вӓр* частица 193
- витӓр* послелог 337, 338
- ев* соб., устар. 212, 230
- евӓр* (*евӓрр*-) послелог 5, 50, 53, 63, 180, 181, 337, 338, 340, 346
- ел* соб., устар. 230
- ӓ* выд. 26, 27, 28, 37, 39, 41—43, 51, 172, 175, 194, 203, 221, 228, 246
- ӓ* 3 л. гл. 151, 270, 297
- ӓ* (-*и*) 3 л. прин. 26, 27, 36, 38, 39, 42, 45, 51, 53, 54, 79, 80, 126—127, 134—136, 149, 160, 168, 172—175, 179, 184, 189, 203, 227, 228, 236, 318, 321, 332, 333, 336, 343
- и* выд. 4, 8, 9, 24—34, 36—43, 45—50, 52, 53, 55—59, 62—65, 73, 90, 105, 107, 163, 164, 168—172, 176, 178—180, 188,

189, 193–195, 201, 203, 204, 212, 216, 228, 231, 236, 246–248, 251, 255, 262, 264, 266, 311, 315, 316, 318–320, 332, 333, 335, 337, 340, 343, 344, 346

*-и пр. возм.: выд. 47, 303, 305, 315

-ин 1 и 3 л. уст. 288, 305

-ине поряд. 212

*-иччен деепр.: -и + -чен (-ччен) 32, 47, 48, 305

-иш (-йш, -ёш) притв. 305

йӓм частица 193

-кала (-келе) многокр. (учащ.) 105, 278, 280–282, 326

каса послелог 337

кура послелог 337, 339

-ла (-ле, -лла, -лле, -л, -лл) упод. 18, 75, 84, 139, 140, 164, 180, 181, 184, 192, 203, 205, 206, 315, 319, 321, 322, 326, 327, 338

-лӓ (-лӓ, -ллӓ, -ллӓ, -л, -лл) облад. (налич.) 18, 30, 56, 84, 139, 149, 150, 171, 174, 175, 192, 207

-лӓ (-лӓ, -л) словообр. (прил.) 139, 148–150, 174, 175, 192, 199

-лӓх (-лӓх) дост. (предн.) 18, 75, 82–84, 173, 174, 192, 304, 315, 322

-лӓх (-лӓх) словообр. (сущ.) 21, 54, 75, 82, 83, 173

-ма (-ме, -м) отр. 44, 108, 306–308, 312, 321

-ма (-ме, -м, диал. -мак, -мек) инф. 119, 192, 304, 315, 322, 323

май послелог 337, 339, 346

*-малӓх (-мелӓх) пр.: -ма (-ме) + -лӓх (-лӓх) 304, 305, 314, 315

*-малла (-мелле, -малл, -мелл) пр. долж. или повел.: -ма (-ме) + -ла (-ле) (упод.) 46, 291, 292, 305, 315

*-ман (-мен) отр. пр. наст., прош.: -ма (-ме, -м) (отр.) + -ан (-ен) 44

мар (марр-) частица 50, 53, 63, 308

-мас (-мес) отр. 108, 306–308

*-массерен(-мессерен) деепр.: -ма (-ме) + -серен 304, 305, 314, 323

-мӓш поряд. 58, 77, 105, 177, 196, 210–212, 220–222, 231

-нӓ (-нӓ, -н) пр. прош. (и прош. неопр.) 39, 40, 44, 45, 91, 105, 200, 293, 298–300, 304, 305, 314, 316, 317, 319, 320, 325

-нӑн (-нӗн) устар., то же, что -ӑн (-ӗн) 143

*-нӑранна (-нӗренне) деепр.: -нӑ (-нӗ) + -ран (-рен) + -на (-не) 304, 305, 314

*-нӑсем (-нӗсем), -нӑсемӗн (-нӗсемӗн) деепр.: -нӑ (-нӗ) + -сем (-ӗн) 305

ни- преф. отр. 260

-на (-не, -н, -нала, -неле, -нал, -нел, -налан, -нелен, -наланн-, пеленн-) твор. 138, 139, 147, 148, 304, 314, 325

пек (пекк-) послелог 5, 50, 53, 63, 180, 181, 337, 338, 340, 346

пирки послелог 50, 337, 338, 346

пула послелог 337

пулин (пулсан) частица 261

пур (пурр-) частица 50, 53, 63

пуӑне послелог 337, 346

пуӑласа послелог 337

-р (-т, -рӑ, -рӗ, -тӑ, -тӗ, -ч) прош. 298, 301, 302, 305

-ра (-ре, -та, -те, -че, -р, -т, -ч) мест. 4, 29, 34, 58, 138, 145, 146, 180, 232

-ран (-рен, -тан, -тен, -чен, -ранн, -ренн, -танн, -тенн, -ченн) исх. 63, 138, 146, 164, 304, 314

-рах (-рех, -тарах, -терех, -рахх, -рехх, -тарахх, -терехх) ср. (компаратив) 4, 19, 20, 41, 51, 57, 60, 61, 65, 71, 72, 83, 84, 103, 105, 113, 149, 150, 174—176, 178, 179, 188—192, 203, 206, 248, 311, 319, 324, 325, 328, 334, 335, 345

*-ри (-ти, -чи): -ра (-ре, -та, -те, -че) + -и 28, 29, 34, 180, 192

-са (-се) деепр. 105, 270, 299, 305, 312, 313, 323—325

-са (-се) (диал.) прош. неопр. 299

-сам (-сем) вежл. 1 л. ед. повел. 286, 287

-сан (-сен) деепр. 105, 305, 313, 324, 325

-сассӑн (-сессӗн) деепр. 305, 324

*-сатт (-сетт) прош.: -са (-се) + -тт (прош.) 270, 305, 312, 313

-сӑн (-сӗн) 2 л. ед. уст. 288, 289

-сӑр (-сӗр, -сӑрр, -сӗрр) лиш. 138, 139, 148—150, 181, 192, 322

-сӑр (-сӗр, -сӑрр, -сӗрр) словообр. (прил.) 22, 139, 148—150, 192

-*сър* (-*сър*) 2 л. мн. уст. 288, 289
-*сем* (-*се*, -*сен*, диал. -*сам*) мн. 4, 10, 14, 16, 17, 20, 34, 37, 41, 43, 44, 49, 50, 54–62, 64, 65, 75, 79, 86, 89, 90, 100, 101, 105, 106–108, 121–126, 145, 148–150, 157, 168, 169, 174, 175, 203, 218–220, 227, 234, 235, 243, 244, 246, 249, 253, 254, 256, 257, 261, 266, 311, 317–319, 328, 330, 333, 336, 338, 343
-*сем* словообр. (сущ.) 123
-*серен* частот. 19, 85, 184, 185, 304, 322, 323, 327
сѣм частица 193, 208
-*скер* выд. 4, 9, 19, 24–26, 28, 30–33, 35, 37, 39–43, 46, 48–52, 55–57, 62–65, 73, 85, 105, 107, 163, 168–170, 176, 178, 188, 189, 193–195, 201–204, 216, 248, 258, 264, 266, 311, 316, 318–320, 335, 337, 340, 343, 344, 346
-*с* (-*сѣ*) мн. 296
-*се* словообр. устар. 259
-*сем* (-*сем-ѣн*) 316, 318, 319
-*си* притв. 316
синчен послелог 337, 339
сити послелог 50, 337, 346
сук (*сукк-*) частица 50, 53, 63
-*т* понуд. 280
-*т* (-*тѣ*, -*тѣ*) наст. 21, 293–296, 302, 310
-*т* (-*тѣ*, -*ч*, -*тт*, -*чч*) прош. 108, 151, 270, 312
-*т* словообр. (гл.) 115, 275–277
та- (*те-*) преф. неопр. 260, 261
та (*те*) частица 240, 261, 262
тавра послелог 50, 337, 339
-*тар* (-*тер*) словообр. (гл.) 115, 275, 276, 347
-*тар* (-*тер*) понуд. 275–278, 280, 347
таран послелог 337, 339
-*тѣ* (-*тѣ*, -*ч*) прош. многокр. (перфект) 302
-*тѣ* (-*тѣ*, -*рѣ*, -*рѣ*, -*р*, -*ч*) прош. однокр. 108, 298, 301
тѣр частица 193
-*тѣр* (-*тѣр*) 3 л. ед. повел. 288
тѣрѣх послелог 50, 337, 339
тери послелог 50, 337, 339, 346
-*ттар* (-*ттер*) понуд. 275, 277, 278, 280, 347
-*ттѣ* (-*ттѣ*) буд. 290, 291

-у (-ў, диал. -ӱ, -ё) 2 л. ед. прин. 45, 79, 80, 125—128, 133, 135, 146, 172, 318, 321, 336, 343
 -у (-ў) словообр. (сущ.) 119, 330, 331
 -у (-ў) словообр. (имя действия) 119, 309, 330—332
 урла̋ послелог 50, 337, 339
 * -уҗа̋н (-ўҗе̋н) деепр. 305
 хай̋ частица 32, 253
 -хи̋ выдел. 24, 25, 28—34, 37, 47—49, 52, 53, 58, 64, 65, 85, 178—180, 193, 194, 327—330, 340
 хирёҗ̋ послелог 50, 337, 339
 хута̋ послелог 337, 339, 346
 хыҗҗа̋н̋ послелог 337
 чӱлт̋ частица 193, 208
 чӱн̋ частица 190, 193, 208
 -чен̋ (-ччен̋, -чченн̋, -чченн̋) пред. 18, 32, 47, 48, 84, 147, 164, 179, 181—184, 203, 205, 212, 231, 327, 329, 340
 -чё̋ (-ччё̋) прош. 4, 16, 17, 60, 65, 105—108, 150—154, 157, 165, 167, 169, 171, 176, 200, 203, 212, 224, 244, 250, 254, 299, 318, 319, 324, 326—329, 338—340, 343
 чи̋ частица 190, 193, 208
 -ччӱр̋ (-ччёр̋) 3 л. мн. повел. 288
 -ччё̋ вежл., инт. 286—289, 322
 -шар̋ (-шер̋) разд. 19, 20, 78, 85, 105, 177, 196, 206, 210—212, 222, 223, 226, 235, 259, 267, 268, 329
 -шӱн̋ (-шён̋, -шӱнн̋, -шённ̋) прич. 138, 150, 181
 -(ш)ё̋ 3 л. прин. 132, 210, 227, 228
 -шкал̋ (-шкел̋, -шкалл̋, -шкелл̋) упод. 61, 75, 217, 238, 239, 247, 248, 253, 256, 260, 266, 326
 юнашар̋ (юнашарр̋-) послелог 50, 63, 339
 яхӱн̋ послелог 337, 339

Составлен А.П. Долговой.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Предисловие</i>	3
Раздел 1. Теории и терминология морфологической структуры языка	8
Введение в теорию агглютинации и лингвотактику	—
Морфотактика, морфемотактика. Последовательность морфем в словоформе и грамматике порядков	13
Что такое слово и словоформа, лексема и граммема?	21
Раздел 2. Особенности агглютинативного строя чувашского языка. Словоизменительные и формоизменительные категориальные формы	23
Грамматические (морфологические) категории. Сквозные и стержневые категориальные формы	—
Категориальные формы выделения на <i>-и, -скер</i> и некатегориальная форма на <i>-хи</i> как отличительная черта морфологического строя чувашского языка	24
Формоизменительная категория выделения на <i>-и, -скер</i> глагольных (категориальных причастных и деепричастных) форм	39
Формоизменение причастий на <i>-нӑ (-нӗ), -кан (-кен), -ан (-ен)</i>	—
Формоизменение причастия на <i>-ас (-ес, -с)</i>	45
Формоизменение причастия на <i>-малла (-мелле)</i>	46
О так называемом причастии возможности на <i>-и</i>	47
Формы выделения на <i>-и, -хи, -скер</i> наречий	48
Формы выделения на <i>-и, -скер</i> послелогов	50
Выделительное формообразование частиц <i>мар, сук, нур</i> посредством аффиксов <i>-и, -скер</i>	—
Выделительное формообразование подражательных слов (мимем, имитативов)	51
Сквозная стержневая категориальная форма множественного числа на <i>-сем</i>	54
Форма множественного числа существительных	—
Форма множественного числа прилагательных	56

Форма множественного числа числительных	58
Форма множественного числа местоимений	59
Форма множественного числа глаголов	60
Сквозные нестержневые категориальные формы	—
Формы на <i>-чĕ (-чĕ)</i>	—
Формы усиления на <i>-ах (-ех, -х)</i>	61
Падежные формы	62
Раздел 3. Грамматика порядков чувашского языка	67
Общие замечания	—
Категориальные и некатегориальные формы	68
Словоизменение, формоизменение и формообразование	76
Философские, логические, логико-грамматические,	
понятийные и языковые категории	85
Словоизменительные и формоизменительные	
морфологические категории	94
Двусторонняя сущность морфологических категорий	98
Явные (морфологические) и скрытые (логические)	
категории	100
Словоизменение и словоизменительная категориальная	
форма в грамматике порядков	104
Формоизменение и формоизменительная категориальная	
форма в грамматике порядков	106
Формообразование, форма слова и словоформа	
в грамматике порядков	109
Об основообразовании.	113
Раздел 4. Морфология, основанная на словоизменении,	
формоизменении и формообразовании	116
Уровни морфологии. Части речи, имеющие	
категориальные и некатегориальные формы	—
Имя существительное	120
А. Словоизменение существительных	—
Категория числа.	—
Категория принадлежности и формы косвенной	
принадлежности.	124
Категория падежа	137
Вторичные категориальные формы	150
Б. Формоизменение существительных	156
От словоизменения к формоизменению	—

О «двойном склонении» и категории склонения в чувашском языке	159
Потенциальные изменения словоформ падежей	164
Формоизменяющаяся категориальная форма выделения на <i>-и</i>	169
В. Формообразование существительных	173
Формообразование на базе словообразования	—
Формообразование на базе словоизменения	175
Г. Формы, близкие к падежным	180
Уподобительная форма на <i>-ла (-ле, -лла, -лле)</i>	—
Форма предельности на <i>-чен (-ччен)</i>	181
Форма регулярной частотности на <i>-серен</i>	184
Форма направительности на <i>-алл (-елл)</i>	185
Форма образа действия на <i>-йн (-ён)</i>	—
Имя прилагательное	187
Общие замечания	—
А. Словоизменение прилагательных	189
Категория сравнения	—
Аналитическая сравнительная категориальная форма превосходства качества	192
Категория выделения	193
Категория образа (способа) действия	195
Категория усиления	199
Категория времени	—
Б. Формоизменение прилагательных	201
Категории множественного числа и падежа	—
Формоизменение на основе категории сравнения	203
Формоизменение на основе категории образа (способа) действия	204
В. Формообразование прилагательных	—
Некатегориальные формы отдельных падежей и лиц	—
Некатегориальные формы уподобления на <i>-ла (-ле, -лла, -лле)</i> и предельные формы на <i>-чен (-ччен)</i>	205
Разделительная форма на <i>-шар (-шер)</i>	206
Форма обладания на <i>-лй (-лё, -ллй, -ллё)</i>	207
Форма усиления качества (интенсив)	—
Имя числительное	209
Общие замечания	—
Классификация форм числительных	212
Количественные числительные	213

А. Словоизменение числительных	217
Категория падежа	—
Категория приблизительного множественного числа	218
Категория порядковости	220
Категория разделительности	222
Категория образа действия или собирательности?	223
Категория времени	224
Категория усиления	225
Б. Формоизменение числительных	—
Категории падежа и склонения	—
Категория числа	227
В. Формообразование числительных	—
Личные формы	—
Форма собирательности на <i>-ев</i>	230
Форма порядковости на <i>-йм (-ём)</i>	—
Форма направительности на <i>-алл (-елл)</i> + аффикс дательного падежа	231
Формы предельности на <i>-чен (-ччен)</i> и выделения <i>-и</i>	—
О нумеративах, или именах счёта (счётных именах) .	232
Местоимение	237
Общие замечания	—
А. Словоизменение и формоизменение личных местоимений	240
Единичность и множественность лиц	—
Категория времени	244
Категория усиления	—
Категория падежа и склонения	—
Категория выделения	247
Категория уподобления на <i>-шкал (-шкел)</i>	—
Б. Словоизменение и формоизменение лично-возвратных местоимений	248
Единичность и множественность лиц	249
Категория времени	250
Категории падежа и склонения	250
Категория выделительности	252
Категория уподобления на <i>-шкал (-шкел)</i>	253
В. Словоизменение и формоизменение указательных местоимений	—
Категория множественного числа	254
Категории прошедшего времени и усиления	—

Категории падежа и склонения	254
Категория уподобления на <i>-шкал (-шкел)</i>	256
Г. Словоизменение, формоизменение и формообразование вопросительных местоимений	—
Категория множественного числа	257
Категории падежа и склонения	—
Формоизменяемые и формообразовательные формы	258
Д. Определённые (определяющие) местоимения	259
Е. Об отрицательных и неопределённых местоимениях	261
Именные части речи чувашского языка с точки зрения категориальных и некатегориальных форм	262
Раздел 5. Глагол.	269
Общие замечания	—
А. Словоизменение, словообразование и вопросы формообразования глаголов	272
Есть ли залогов в чувашском языке?	—
Категория многократности (учащающей) или категория многократного вида?	280
Интенсивная некатегориальная форма глаголов на <i>-ала (-еле)</i>	283
Глагольные многочленные категории и их субкатегории	284
Категория и субкатегории наклонения	—
Повелительное наклонение	285
Уступительное наклонение	288
Желательное наклонение (оптатив) на <i>-ай (-ей, -й)</i>	289
Есть ли в чувашском языке сослагательное и долженствовательное наклонения?	290
Категория времени	292
Настоящее время	293
Будущее время	296
Прошедшее время	298
Новая система временных форм глагола И.П. Павлова	303
Категория отрицания	306
Б. Формоизменение и формообразование неличных форм глагола	309
Система вербойдов чувашского языка	—

Формоизменение и формобразование категориальных форм причастий	317
О парадигме временных форм причастий	—
Формоизменение причастий настоящего времени	—
Формоизменение и формобразование причастий прошедшего времени	319
Формоизменение и формобразование причастий будущего времени	320
Формоизменение и формобразование категориальной формы инфинитива	322
Формоизменение и формобразование категориальных форм деепричастий	323
Раздел 6. Части речи без присущих только им категориальных и некатегориальных форм	326
Наречие	327
Общие замечания	—
Вторичные категориальные формы наречий	328
Формообразование наречий. Некатегориальные формы наречий	—
Формоизменение некоторых наречий	329
Имя действия	330
Мимемы (звукоподражательные и звукообразные слова, имитативы)	333
Общие замечания	—
Формообразование мимем	334
Послелогои и служебные имена	336
Морфологический строй чувашского языка (вместо заключения)	342
<i>Приложения</i>	347
<i>Литература</i>	372
<i>Сокращения</i>	383
<i>Указатель аффиксов и служебных слов чувашского языка (составлен А.П. Долговой)</i>	385

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Серия «Строй чувашского языка»

Научное издание

СЕРГЕЕВ Виталий Иванович

МОРФОЛОГИЯ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА

**словоизменение, формоизменение
и формообразование**

Монография

Редактор и корректор *Т.Н. Таймасова*
Вёрстка *Э.В. Кирилловой*

Подписано в печать 15.12.17. Формат 60×84¹/₁₆.
Бумага офсетная. Печать оперативная. Гарнитура Times.
Физ. печ. л. 23,25. Уч.-изд. л. 20,42. Тираж 220 экз. Заказ № 16.

Чувашский государственный институт гуманитарных наук
428014, Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1.